

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
КОМИССИЯ ПО КОМПЛЕКСНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ
РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
НАУЧНОГО СОВЕТА ПО ИЗУЧЕНИЮ И ОХРАНЕ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ РАН**

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

**Сборник статей
Выпуск четвертый**

**Москва
2015**

ББК 66.1(2) 6
Р 89

Издание подготовлено
Центром комплексных исследований российской эмиграции
Института научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия:

Ю.В. Мухачёв (главный редактор), Ю.Н. Емельянов,
А.П. Козырев, Т.Г. Петрова (ответственный секретарь),
Ю.С. Пивоваров, В.Н. Расторгуев, Е.П. Чельшев

Редакторы-составители выпуска – Ю.В. Мухачёв, Т.Г. Петрова

Русское зарубежье: История и современность: Сб. ст. / РАН.
Р 89 ИНИОН. Центр комплексных исслед. рос. эмиграции; Ред. колл.:
Мухачёв Ю.В. (гл. ред.) и др., – М., 2015. – Вып. 4: / Ред.-сост.
вып. Мухачёв Ю.В., Петрова Т.Г. – 249 с.

ISBN 978-5-248-00791-2

Сборник посвящен изучению историко-культурного наследия Российской эмиграции. В издании представлены материалы по истории идей и концепций, проблемам культуры и литературы, статьи по истории российской эмиграции, по разным странам и континентам. В значительной части работ привлечены новые источники, освещены мало разработанные вопросы истории русского зарубежья.

Для научных работников и всех, кто интересуется историей русского зарубежья.

*Издано при поддержке Российского фонда содействия
образованию и науке*

ББК 66.1(2)6

ISBN 978-5-248-00791-2

© ИНИОН РАН, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ИДЕИ, КОНЦЕПЦИИ, ПОЛИТИКА

<i>А.В. Квакин, Ю.В. Мухачёв</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В РОССИЙСКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ	5
<i>А.В. Квакин, Ю.В. Мухачёв</i>	
РУССКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ГРУППА. Russian Academic Group	29
<i>В.П. Борисов</i>	
ПРЕДСТАВИТЕЛИ НАУЧНО-ИНЖЕНЕРНЫХ ШКОЛ РОССИИ – ЭМИГРАНТЫ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ	34

ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ

<i>Е.А. Бондарева, Ю.В. Мухачёв</i>	
РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЮГОСЛАВИИ (1920–1945)	47
<i>Е.Н. Наземцева</i>	
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ СИНЬЦЗЯН в 1930–1940-е годы	80

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ

<i>Д.Д. Николаев</i>	
ДРАМАТУРГИЯ А.М. РЕННИКОВА 1920-х годов	93
<i>В.Т. Захарова</i>	
«ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА» ИВАНА БУНИНА: ОСОБЕННОСТИ ЖАНРОВОЙ ПОЭТИКИ	120
<i>О.В. Быстрова</i>	
ПРОБЛЕМЫ ЦИКЛИЗАЦИИ В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ (на материале цикла И.С. Шмелёва «Сидя на берегу»)	138
<i>Л.В. Суматохина</i>	
ПЛАСТИЧНОСТЬ ХАРАКТЕРА ГЕРОЯ В ПРОЗЕ ГАЙТО ГАЗДАНОВА ..	146
<i>Т.Н. Белова</i>	
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РОМАНА В. НАБОКОВА «ЛЮЛИТА»	157

ЛИТЕРАТУРА И ВОЙНА

<i>В.В. Сорокина</i>	
ТЕМА ВОЙНЫ В ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ	
ЭМИГРАЦИИ	165
<i>А.А. Ревякина</i>	
«ЛЮБИТЕ РОССИЮ!» – ГЕНЕРАЛ П.Н. КРАСНОВ (ЛИТЕРАТУРНАЯ	
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЭМИГРАЦИИ)	173
<i>В.В. Агеносов</i>	
ЛИТЕРАТУРА ДИ-ПИ И ВТОРОЙ ЭМИГРАЦИИ О ВОЙНЕ	191

ЮБИЛЕИ

<i>Т.Г. Петрова</i>	
ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ФОН ГЁТЕ (1749–1832) В РЕЦЕПЦИИ РУССКОГО	
ЗАРУБЕЖЬЯ (по страницам парижской газеты «Последние новости»,	
1920–1940)	205

НАСЛЕДИЕ

<i>С.Л. Франк</i>	
ГЁТЕ И ПРОБЛЕМА ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ	216

СУДЬБЫ И МИФЫ

<i>М.Г. Талалай</i>	
У ИСТОКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО КРАСНОГО КРЕСТА: СУПРУГИ	
ФЕРДИНАНДО ПАЛАШАНО И ОЛЬГА ВАВИЛОВА	222
<i>Н.А. Родионова</i>	
ГАЙТО ГАЗДАНОВ – ВЫПУСКНИК ШУМЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ	229

МИР БИБЛИОГРАФИИ

БУНИН И НАБОКОВ	238
ПИСАТЕЛИ ДИ-ПИ И ВТОРОЙ ЭМИГРАЦИИ	243

ИДЕИ, КОНЦЕПЦИИ, ПОЛИТИКА

А.В. Квакин, Ю.В. Мухачёв

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В РОССИЙСКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ

Национальное самосознание общества в переходные эпохи объективно обуславливает повышенное внимание исторической науки к уникальному опыту сохранения академических традиций нашими соотечественниками в иной этноконфессиональной и социокультурной среде.

Процессы миграции отечественных деятелей науки за рубеж стали реальностью новейшей истории и одним из факторов глобальной политики¹. Несмотря на то что российская научная диаспора представляет культурное явление международного масштаба, ни в зарубежной, ни в отечественной исторической науке до настоящего времени не определены в полной мере ее количественные и качественные характеристики. Авторы публикаций, касающихся выезда из страны научных кадров, оперируют разнородными и противоречивыми экспертными оценками². Статистические данные показывают, что за первую половину XX столетия американскими университетами было привлечено по контракту на преподавательскую работу свыше 80 историков из России³. Принципиально важно подвести итоги в изучении более полувекового опыта существования профессионального сообщества русских историков-эмигрантов и восполнить безымянную страничку истории отечественной науки. Оценить реальные масштабы явления представляется задачей не только академического плана, но и государственной политики, а потому рассматривали мы ее с позиции национальных интересов⁴.

Актуальность изучения научно-педагогической деятельности русских историков-эмигрантов диктовалась не столько извечной историей непростых взаимоотношений диаспоры и метрополии, сколько потребностью извлечения из них уроков. Важно иметь в виду, что исторические диагнозы ученых русско-американского мира совсем не безобидны, поскольку они могут воздействовать на исто-

КВАКИН
Андрей
Владимирович,
доктор
исторических
наук,
(1953–2014)

МУХАЧЁВ
Юрий
Владимирович,
кандидат
исторических
наук,
руководитель
Центра
комплексных
исследований
ИНИОН РАН

рическую реальность. Замечание вдвойне актуально для отечественной науки последнего десятилетия, которая вынуждена вернуться к проблематике эмигрантских исследований, начиная с идеи православного возрождения и требования покаяния, обращения к проклятым вопросам истории малых наций, субэтносов и проблем российского федерализма до идеи единства и неделимости русской культуры.

В современной публицистике эмигрантов возносят чуть ли не до национальных героев, хотя еще вчера большинство из них квалифицировались как фальсификаторы истории. Научный подход позволяет преодолеть клишированные представления и полномасштабно оценить картину рассеяния русских ученых за рубежом. Прага вполне заслуженно считается столицей науки и образования русского зарубежья. Но было бы несправедливо не замечать заокеанский центр русской эмиграции, где к началу 1930-х годов все больше «дирижировали» деятельностью пражских коллег русские американцы. В любом начинании исторической науки русского зарубежья можно отыскать американский след — если не американских друзей, то американские деньги⁵. В противовес расхожим взглядам на историческую науку русского зарубежья, в Европе, почитавшейся чуть ли не русским Оксфордом в изгнании, признание американского центра исторической науки русской эмиграции в качестве самостоятельного и равноправного так и не состоялось. Обобщение профессионального и академического опыта работы русских профессоров в университетах и колледжах США является принципиально важным вопросом для отечественного эмигрантоведения как в плане поиска оптимальных инструментов регулирования двухсторонних академических контактов, так и в плане налаживания более конструктивных отношений с соотечественниками за рубежом⁶.

Объектом данного исследования являлись процессы становления и развития американского центра исторической нау-

ки российской эмиграции в первой половине XX столетия. Изучение его авторитетных признаков позволяет понять специфику профессиональной адаптации русских историков в англосаксонском мире, определить их место и роль в формировании зарубежного руссиеведения, выделить основные этапы складывания профессионального сообщества русских историков-эмигрантов. В качестве предмета изучения в статье выделен научно-педагогический аспект деятельности русских историков в российском зарубежье в первой половине XX в., позволяющий комплексно рассматривать участие эмигрантов как в работе историко-научных объединений русской диаспоры, так и в рамках организационных структур американской науки. Под определением академического опыта работы нами понималось профессиональное творчество историков как одна из форм практической деятельности и все сопутствующие ей виды педагогической, археографической, редакционно-издательской, организационно-административной работы.

Определяя хронологические рамки исследования, мы пытались акцентировать внимание на массовых этапах эмиграции русских историков в российском зарубежье. Основное методологическое требование, которым авторы руководствовались при уточнении временного периода, — завершенность эмиграционного процесса.

Макроисторический анализ позволяет рассматривать развитие исторической науки российской эмиграции как институциональную систему, крайние точки в эволюции которой можно определить моментами эмиграции, адаптации и реэмиграции. Длительность рассматриваемого периода дает возможность не только восстановить хронику и последовательность событий, но и уловить изменения в структуре эмигрантского сообщества профессиональных историков от ценностей первой волны до взглядов третьеволнников. В поле нашего внимания попали те, кого традиционно относят к контрактной эми-

рации: А.В. Бабин, С.М. Волконский, Л. Винер, А.С. Каун, М.М. Ковалевский, Г.З. Патрик, В.Г. Симхович и др. Из историков «первой волны» – А.Н. Авинов, П.А. Будберг, А.А. Васильев, Г.В. Вернадский, С.Г. Елисеев, М.М. Карпович, С.А. Корф, Г.В. Ланцев, А.А. Лобанов-Ростовский, А.Г. Мазур, Н.Н. Мартинович, М.И. Ростовцев, В.А. Рязановский, Л.М. Савелов-Савелков, Л.И. Страховский, Н.П. Толль, Д.Н. Федотов-Уайт, М.Т. Флоринский, С.О. Якобсон и др. Много внимания новейшая историческая литература уделяет сюжетам, связанным с развитием американской акции по вызову в США русских беженцев и ученых в 1946–1950 гг. (так называемых перемещенных лиц – Н.С. Арсеньев, А.Д. Билимович, В.В. Вейдле, Г.К. Гинс, Ю.П. Денике, С.А. Зеньковский, Л.Ф. Магеровский, О.А. Маслеников, Н.В. Первушин, С.Г. Пушкарёв, Н.И. Ульянов, М.Г. Шефтель, и др.). За рамками предмета изучения исторической науки остается судьба историков последующих волн эмиграции (В.Н. Бровкин, В.Г. Бортневский, М.Л. Левин, Б.Г. Литвак, А.М. Некрич, Ю.Г. Фельтишинский, С.Н. Хрущёв, А.Л. Янов и др.)⁷. Мы не затрагиваем судьбы историков так называемой третьей и четвертой волны, хотя на творчество некоторых из них ссылаемся.

Цель настоящего исследования изучить полувековой опыт научно-педагогической деятельности русских историков-эмигрантов с момента организации первых историко-научных обществ типа «Наука» в 1905 г., до интеграции ученых-профессоров и членов русской академической группы в западное университетское сообщество на рубеже 1950–1960-х годов. Для достижения главной цели работы авторы ставили промежуточные задачи:

- проанализировать фактографический материал, свидетельствующий о контрактных отношениях русских историков с университетами США в первой половине XX столетия;

- систематизировать историографические подходы изучения профессиональной и академической деятельности историков русско-американского мира в отечественной и зарубежной литературе;

- выявить основные этапы развития исторической науки российской эмиграции в США;

- конкретизировать роль русских историков-эмигрантов в становлении англо-американской россиеведческой традиции в начале XX столетия;

- определить внутреннюю логику процесса складывания профессионального сообщества русских историков-эмигрантов в США и императивы развития американского центра исторической науки российской эмиграции.

Обозначенные задачи носят принципиальный характер, поскольку речь идет не только о восстановлении американского следа исторической науки российской эмиграции, но и о справедливой оценке ее влияния на развитие русско-американских отношений.

Данное исследование основано на изучении опубликованных источников и архивных документов, извлеченных из личных фондов эмигрантов и эмигрантских организаций, хранящихся в архивах и рукописных отделах библиотек России и США. При написании статьи авторы использовали данные более 490 архивных дел из 52 фондов центральных хранилищ Москвы, Санкт-Петербурга и Нью-Йорка, материалы 70 документальных сборников, 465 научных монографий и около 80 отдельных научных статей и докладов на английском языке.

Русскими коллекциями эмигрантского происхождения в Америке располагают свыше 40 учреждений. Наиболее важные из них сосредоточены в Гуверовском и Бахметевском архивах. Для некоторых коллекций и групп документов русского происхождения в Гуверовском институте войны, революции и мира изданы подробные описания на уровне отдельных дел.

Собрание Б.И. Николаевского издано как оттиск из Библиотечной исследовательской информационной сети (RUN) и доступно в виде микрофильмов⁸. В Гуверовском архиве хранятся депозиты журнала *Russian Review*, личные фонды П.Н. Милокова, В.А. Маклакова, Н.В. Вольского, Д.С. Мореншильда, Д. Буяна, С. Л. Войцеховского, Д. Чавчавадзе. Материалы Гувера позволяют конкретизировать историю складывания профессионального сообщества русских историков-эмигрантов в США, определить отношение к ним со стороны американских славистов.

Эмигрантскими материалами, свидетельствующими о формировании в начале XX века в Нью-Йорке русской научной диаспоры, располагает Бахметевский архив⁹. В разное время на ответственное хранение в архив Колумбийского университета были переданы личные коллекции В.Г. Симховича, С.А. Корфа, Д.Н. Федотова-Уайта, М.Т. Флоринского, И.Н. Шуმიлина, К.Ф. Штеппы, А.Ц. Ермолинского, Н.П. Вакара. Среди документов: данные академических биографий, черновики лекций, учебные и рабочие тетради, неопубликованные рукописи, мемуары, переписка. Достаточно информативны материалы архива посла временного правительства в США Б.А. Бахметева. Они свидетельствуют о взаимоотношениях Б.А. Бахметева с лидерами исторической науки российской эмиграции. Документы, сохранившиеся в фонде Г.В. Вернадского, имеют отношение к его профессиональной деятельности (рукописи трудов и лекций)¹⁰. Данная коллекция подробно и детально изучалась Г.М. Бонгардом-Левиным, И.В. Тункиной и В.Н. Козляковым¹¹. Материалы фондов М.М. Карповича, М.А. Алданова, Б.И. Николаевского свидетельствуют о том, что в послевоенное время эмигранты активно поддерживали проект описания архивной россики, старинных восточнославянских рукописей и книг, находящихся в фондах ведущих библиотек США.

О взаимоотношениях русских историков-эмигрантов с американскими коллегами можно судить по материалам, хранящимся в университетских библиотеках. В архиве университета Иллинойс (University archive, University Library, University Illinois at Urbana Champaign) обращают на себя внимание документы одного из основоположников советологии Ф.А. Мозли. В библиотеке Чикагского университета (Chicago Historical Society Library, Department of special Collections, University of Chicago Library) среди материалов исторического общества находятся бумаги С. Харпера, хорошо знавшего русских профессоров в Чикаго и в Нью-Йорке. В Хоутонской библиотеке Гарварда, помимо личных фондов М.М. Карповича, Н.П. Вакара и Г.В. Флоровского, хранятся административные документы Русского исследовательского центра¹². Библиотека Висконсинского университета располагает эпистолярным собранием М.И. Ростовцева и А.А. Васильева¹³. Крупные центры по изучению истории иммиграции располагаются в университете Миннесоты (Immigration History Research Center, University of Minnesota), Мичиганском (Center for Russian and East European studies, Lane Hall, University of Michigan, Ann Arbor, Michigan, Directory of recent Soviet Emigres) и Калифорнийском университетах (Bancroft Library, University of California, Berkeley, Oral History Collection, California Russian Emigre series). В Йеле в архивных бумагах университетского назначения имеются официальные документы о научно-педагогической деятельности М.И. Ростовцева, Г.В. Вернадского, С.Г. Пушкарёва, Н.И. Ульянова. Самостоятельными центрами хранения специфических материалов, свидетельствующих об организации научной жизни и быта русских ученых в США, являются архивы и музеи диаспоры. К их числу можно отнести архивы эмигрантских общественных организаций и фондов; архивы русской православной церкви; архивы и коллекции частных лиц – всего более

120 крупных и мелких коллекций¹⁴. Значительное место в них занимают личные фонды, частные коллекции, мемуары и периодика. Особый интерес представляют документы, образовавшиеся в результате деятельности Русско-американского исторического общества, Историко-родословного общества, общества «Наука», «Просвещение», «Знамение», «Самообразование», Общества русских горожан, Русского клуба в Нью-Йорке, Общества друзей русской культуры, музея общества «Родина», музея русской культуры в Сан-Франциско, Толстовского фонда и др. Во многих историко-научных учреждениях диаспоры действовали самостоятельные комитеты по изучению русского исторического наследия. Высокие технологии сделали доступными многие архивные описи в компьютерном виде, что значительно упростило работу с зарубежными источниками¹⁵. При изучении темы привлекались материалы более 10 архивохранилищ Российской Федерации. На рубеже 1990-х годов архивные службы страны стали целенаправленно проводить работу по выявлению и собиранию материалов русского зарубежья. Большинство источников, касающихся профессиональных судеб ученых русско-американского мира, сосредоточено в Государственном архиве Российской Федерации. В первую очередь это личные фонды П.А. Остроухова, Г.В. Вернадского, С.Г. Пушкирёва, Н.Н. Головина, Д.Н. Вергуна, П.Н. Милокова¹⁶, а также фонды организаций: Русско-американской национальной лиги; коллекции М. Мухина о помощи Американской методистской миссии в Чехословакии русским студентам-эмигрантам и др.¹⁷ В Государственной библиотеке общественно-политической литературы в Москве, ИНИОНе и ГПИБ автором было просмотрено более 40 коллекций русских газет и журналов, печатавшихся в США в первой половине XX в. Большинство новых поступлений эмигрантских материалов в ГАРФ связано с возвращением личных архивов представи-

телей второй волны, так называемых перемещенных лиц. Об обстоятельствах въезда русских эмигрантов в 1940–1950-е годы в США и атмосфере тех лет свидетельствуют документы, хранящиеся в личном фонде К.Ф. Штеппы¹⁸. Ценными источниками по истории эмигрантской исторической науки располагает Архив Российской академии наук. В нем содержатся личные фонды М.М. Ковалевского, А.В. Флоровского и В.И. Вернадского, включая письма Г.В. Вернадского отцу¹⁹. В начале 1990-х годов к основным архивным фондам, свидетельствующим о профессиональной и академической деятельности русских историков в эмиграции, добавились специализированные собрания отделов русского зарубежья во ВГБИЛ (фонды Н.М. Зёрнова), ИНИОНе (фонды С.Н. Прокоповича), БАН (коллекция Л. Зандера) РГБ, РНБ и др. В Государственной публичной исторической библиотеке на базе коллекции Я.М. Лисового был сформирован Отдел-фонд русского зарубежья²⁰. В Архиве русского зарубежья Дома-музея Марины Цветаевой хранятся личные фонды М.А. Алданова, П.Н. Милокова, Г.В. Адамовича. Они интересны материалами, характеризующими поведение и быт русской эмиграции во время Второй мировой войны.

В распоряжении историков, со слов М.И. Раева, нет такого документального фильма, который бы зафиксировал трудности, радости и достижения зарубежной России 1920–1940-х годов. Почувствовать атмосферу эпохи помогают источники мемуарного и эпистолярного жанра. В защиту себя и своих дел (*Pro domo sua*) публиковались воспоминания С.М. Волконского, М.М. Ковалевского, В.А. Макакова, П.Н. Милокова, А.А. Кизеветтера, Г.В. Вернадского, С.Г. Пушкирёва, В.В. Зеньковского, М. Вишняка, П.А. Сорокина, Н.С. Арсеньева и др. Под руководством профессора Т. Эммонса (Стэнфордский университет) в настоящий момент ведется работа по созданию

сводного каталога мемуаров русской эмиграции. Уместно говорить о ценности для потомков воспоминаний американских коллег и учеников русских историков. Среди бывших студентов, воздавших должное учителям, следует упомянуть публикации Р. Пайпса, М. Малиа, М.И. Расва, Н.В. Рязановского, Ф. Каземзаде и др. Наиболее яркие фрагменты эпистолярного наследия М.И. Ростовцева, А.А. Васильева, М.М. Карповича, Г.В. Вернадского стали достоянием целой серии публикаций²¹. Нами были востребованы письма М.М. Карповича, Г.В. Вернадского, Д.Н. Федотова-Уайта, М.Т. Флоринского, Б.И. Николаевского, Е.Ф. Максимовича, С.Г. Пушкарёва, Н.А. Троицкого, Н.У. Ульянова, К.Ф. Штепы, Н.П. Вакара и др. Анализ их содержания позволяет уточнить положение и быт русских беженцев в годы Второй мировой войны. Наличие разнообразных архивных документов позволяет рассматривать опыт научно-педагогической, археографической и редакционно-издательской работы русских ученых в США как наиболее значимый в культуре диаспоры и вместе с тем так и оставшийся без особого внимания исследователей.

Историографическую основу изучения профессиональных судеб ученых русско-американского мира заложили в начале 1920-х годов представители русского зарубежья в Европе. Русским европейцам по праву принадлежит заслуга в том, что они не замкнулись, не изолировались от иных эмигрантских центров, а в тяжелых условиях занялись упорядочиванием и регистрацией научных плодов деятельности коллег по профессиональному цеху за океаном. Одним из первых, кто подал пример начинанию, был, по общему мнению, профессор А.А. Кизеветтер²². Его труды в данном направлении в большей мере носили библиографическую направленность. Обозначенная, пусть даже в самом общем виде, традиция историографической рефлексии, впоследствии была продолжена в 1930–1940 гг. стараниями А.В. Флоровского, И.И. Гапановича,

Г.В. Вернадского, Т.С. Варшер²³. Работы вышеперечисленных авторов убеждают нас в том, что русское зарубежье в Европе воспринимало коллег по эмигрантскому историческому цеху на американском континенте как старших и наиболее ярких представителей русской дореволюционной исторической науки. Ее традиции были продолжены в послевоенной Америке Л.Ф. Магеровским, Г.В. Флоровским, С.Г. Пушкарёвым, А. Долгошевым, Н.А. Троицким, М.И. Раевым, С.А. Зеньковским, Н.А. Жернаковой и др. Современные оценки творчества историков русско-американского мира во многом базируются на информационно-архивном поле русских европейцев.

В США профессиональные судьбы русских историков-эмигрантов чаще всего изучаются в контексте общей истории развития американской славистики. Американцы признают эклектичную природу своих славистических знаний, как и тот факт, что преподавание славистических дисциплин являлось русской профессией в Америке²⁴. В США по-разному оценивают тот факт, что эмигранты составляют значительную часть профессионалов, занимающихся русской историей. Одни, как, например, К. Мэннинг, приветствуют это пополнение и настаивают на том, чтобы оно было активно использовано американской славистикой. Другие считают, что эмигрант не может быть хорошим историком своей страны. Человек, который эмигрировал по политическим убеждениям или в силу происхождения, не является достаточно объективным, чтобы читать курс истории своей страны. Классик американской советологии У. Чемберлин полагал, что эмиграция не в состоянии объективно анализировать процессы развития в Советской России. Р. Вильямс вообще готов был отрицать специфику этой историографии, видя в ней часть потока русской дореволюционной эмиграции, уходящей корнями в XIX век.

В годы так называемого этнического ренессанса было проведено несколько конференций по истории русской диаспоры, посвященных изучению влияния русских эмигрантов на американскую культуру. На них подчеркивалось, что роль русских историков изучена мало, хотя вклад ученых – выходцев из России как абсолютно, так и пропорционально другим эмигрантам весьма значителен. 15 эмигрантов из России были выбраны в Национальную академию наук, что превышало общее число избранных из других этнических групп. Благодаря трудам А. Фергюсона, Ч. Гальперина, М. Раева, Э. Казинца, В. Залевски, Д. Рэйли, А. Дюби, А. Рибера, Э. Скаруфи была предпринята попытка вписать достижения исторической науки российской эмиграции в США в контекст американской национальной памяти²⁵.

В советской историографии первые отклики на труды историков русского зарубежья появились в 1930-е годы. Они были не столько историческими исследованиями, сколько публицистическими откликами на злободневные вопросы идеологической борьбы. В межвоенный период эмигрантская проблематика была вычеркнута из сферы интересов советской исторической науки как не имеющая реального содержания. Позже многие отечественные специалисты в своих трудах давали отчетливо понять, что эмиграцию как явление можно не замечать или даже игнорировать, но она периодически напоминает о себе. М.В. Нечкина на XII Конгрессе исторических наук в адрес русских историков-эмигрантов заметила, что в идеологических битвах историков могут быть убиты, но они часто воскресают. В целом же в литературе преобладала точка зрения на то, что историческая память эмиграции не представляла никакой серьезной альтернативы советским общественным наукам. Будущим исследователям вопроса предстояло либо опровергнуть, либо исчерпывающе документализировать подобную точку зрения, но уже в 1950–

1960-е годы стало ясно, что творчество историков русско-американского мира невозможно вычеркнуть из истории самой исторической науки.

В 1960-е годы заметно активизировались контакты советских ученых с зарубежными славистами, этнографами, лингвистами, фольклористами. Участвуя в работе международных симпозиумов, В.Т. Пашуто познакомился с А.В. Флоровским и П.А. Остроуховым. В 1969 г. он писал С.Н. Валку: «...Теперь хочу сделать книгу об истории русской зарубежной (эмигрантской) историографии за 1917–1945 гг. Там наряду с нечестью было немало честных и хороших ученых, которым пора дать место в отечественной историографии». С 21 по 29 августа 1975 г. В.Т. Пашуто находился в качестве делегата на XIV Международном конгрессе исторических наук в США. С этого момента в его личном архиве появились первые материалы по ученым русско-американского мира. Работы В.Т. Пашуто, В.В. Коминой, Г.Ф. Барихновского, Л.К. Шкаренкова характеризуют стремление советской литературы пересмотреть однозначные и категоричные оценки неприятия эмигрантской проблематики. Если в предыдущие десятилетия история эмигрантской исторической науки рассматривалась советской историографией крайне мало, то для рубежа 1980–1990-х годов можно говорить об определенных подвижках в изучении темы, в равной мере как и появлении интереса к ней в обществе. Творческое наследие историков-эмигрантов оказалось современным и соответствующим духу времени. Перечислим темы, которыми занимались русские эмигранты в США: идея общечеловеческих ценностей (М.М. Карпович); возрождение православной традиции (Г.В. Флоровский и Г.П. Федотов); единство и неделимость русской культуры (П. и Г. Струве); история малых наций и проблема российского федерализма (С.А. Корф); происхождение украинского

сепаратизма (Н.И. Ульянов); пушкиниана и казакиада (С.Г. Пушкарёв) как эталоны национальной гордости; проблемы экономической модернизации (М.Т. Флоринский); евразийская интерпретация отечественной истории (Г.В. Вернадский) и т.д.

В новейшей отечественной историографии контрактный опыт работы русских историков-эмигрантов в США остается малоизученным. Последние работы, посвященные достижениям исторической науки русского зарубежья, традиционно построены на анализе европейских материалов. Книги М.Г. Вандалковской, Ю.Н. Емельянова, С.А. Александрова познакомили читателя с ее лидерами в Париже, Праге, Белграде. До сих пор в литературе никто не подчеркнул мимоletность Пражского феномена и поразительную устойчивость российской научной диаспоры в США. Если Прагу 1920–1930-х годов в историографии называют Русским Оксфордом, то любой из американских университетов в Бостоне, Нью-Хейвене, Нью-Йорке, Беркли можно заслуженно и по праву именовать Русским Кембриджем.

Изучение научно-педагогической деятельности русских историков-эмигрантов в США постепенно становится проблемным полем новейшей историографии. Уточняется роль отдельных личностей в развитии американского центра исторической науки российской эмиграции. Складывается своя библиография по изучению творческого наследия М.И. Ростовцева, А.А. Васильева, Г.В. Вернадского, М.М. Карповича, Н.И. Ульянова и др. Подобного рода материалы позволяют сегодня реконструировать общеисторическую картину профессиональной деятельности русских историков-эмигрантов в университетах США на макроисторическом уровне. В меньшей мере исследовательским интересом и поиском затронуты профессиональные судьбы тех, кто находился на более низких преподавательских должностях, но своей повседневной деятельностью согревал очаг русской культуры за рубежом. Остаются малоизу-

ченными персоналии таких историков, как А.Н. Авинов, В.И. Алексеев, А.В. Бабин, Д. Бунян, А.Д. Билюмович, Г.О. Биншток, Э.И. Бикерман, П.А. Будберг, Д.Н. Вергун, М.З. Винокуров, С.Г. Войцеховский, Н.П. Вакар, А.А. Даллин, А.А. Гольденвейзер, И.М. Гольдштейн, Д.А. Джапаридзе, Л.Л. Домгерр, С.А. Зеньковский, С.Г. Елисеев, А.А. Кайранский, А.Д. Калмыков, Г.В. Ланцев, Г. Ланц, А.А. Лобанов-Ростовский, А.Г. Мазур, Л.Ф. Магеровский, А.А. Малозёмов, Н.Н. Мартинович, О.А. Масленников, Д.С. фон Мореншильд, В.В. Мияковский, Н.В. Первушин, В.П. Петров, Р.Н. Родионов, Н.В. Рязановский, Л.И. Страховский, М.Т. Флоринский, А.Л. Фовицкий, К.Ф. Штеппа, Д.Н. Федотова-Уайт, Ю.Л. Фишер, И.Н. Шумилин, А.П. Щербатов, С.О. Якобсон и др. Перечень попавших в фокус исторического внимания персоналий не является исчерпывающим. Мы надеемся, что будущему поколению исследователей представится возможность расширить круг биографических данных по материалам и документам, хранящимся в архивах США. Первые начинания в этом направлении можно отнести на счет В.Т. Пашуто, Н. Эйдельмана, Г.М. Бонгарда-Левина, В.Н. Козлякова и др.

Анализ источников и историографической ситуации со всей очевидностью свидетельствует о разрыве, сложившемся в практике исторических исследований вопроса между накопленным архивным материалом в 1920–1960-е годы и степенью его обобщенности в исторической литературе 1960–1990-х годов. Собранные к настоящему времени документы позволяют не только ввести в научный оборот новые архивные данные из истории становления профессионального сообщества русских историков-эмигрантов, но и переосмыслить в целом процесс складывания американского центра исторической науки российской эмиграции, дополнив уже существующую историографию вопроса.

При изучении научно-педагогической деятельности русских историков-эмигрантов нам приходилось пользоваться всей

системой общепризнанных методик, позволяющих анализировать разнообразие эмпирических данных. Внимание авторов привлекали не персоналии историков-эмигрантов, ценные сами по себе на микроуровне, а изучение процессов и понимание механизмов адаптации русских эмигрантов в иной этнокультурной среде. На историческом материале первой и второй волны мы пытались исследовать природу эмигрантских циклов в системном плане. Нам представлялось важным осмыслить не столько уникальность самого феномена, как его универсализм. В статье профессиональное сообщество историков-эмигрантов рассматривается в качестве социального института. Институциональный метод фокусировал наше внимание на анализе организационных структур исторической науки российской эмиграции: многочисленных историко-научных объединениях, архивах и редакциях, русских академических группах и народных русских историков-эмигрантов в США, где велась и осуществлялась эмигрантами научно-педагогическая работа. Для получения точных и взаимопроверенных результатов исследования в работе использовался сравнительно-исторический (компаративный) метод, который позволил синхронизировать важнейшие события в истории развития европейского и американского центра исторической науки российской эмиграции; при анализе биографических данных русских историков-эмигрантов применялся количественный (клиометрический) метод. Критико-диалектический подход ориентировал нас на выяснение противоречий в развитии российской научной диаспоры, как между представителями различных эмигрантских волн, так и местной средой американских университетов. Выстраивая общую концепцию изложения, авторы исходили из принципа историзма, позволяющего анализировать феномен российской научной диаспоры в последовательном временном развитии и взаимосвязи с общим контекстом

развития российско-американских славистических контактов.

Информативная и познавательная ценность работы состоит в том, что она позволяет восстановить в российской исторической науке имена незаслуженно забытых судеб историков первой и второй волны эмиграции; определить их место и роль в развитии западных наук и представлений о России; вписать творческие судьбы последних в контекст национальной памяти российской научной диаспоры.

Научная новизна данного исследования определяется тем, что оно представляет собой исследование обобщающего порядка, основанное на комплексном анализе контрактного опыта работы русских историков-эмигрантов, восполняя пробелы в изучении истории складывания в середине XX в. американского центра исторической науки российской эмиграции. Привлеченный в статье материал и выводы позволяют перейти к системному изучению последующих волн, пользуясь исторической ретроспективой наметить логику анализа и ориентиры для прогнозов дальнейшей эволюции российской научной диаспоры.

Для понимания причин сегодняшнего массового отъезда ученых за рубеж требуется не только социально-экономический, политический, но и исторический анализ ситуации. Рассмотренный в статье контрактный опыт работы русских историков-эмигрантов в первой половине XX столетия позволяет более внимательно отнестись к изучению последующих волн эмиграции, увидеть преемственность и разрывы в развитии традиций исторической науки российской эмиграции. Обобщение профессионального опыта работы отечественных ученых за рубежом позволяет в современных условиях обосновать исключительную важность совершенствования законов об иммиграции и репатриации в части укрепления российской государственности. К этому обязывает принятый в 1999 г. Федеральным со-

бранием Российской Федерации закон «О государственной поддержке соотечественников за рубежом». Материалы и выводы работы могут быть использованы при подготовке фундаментальных работ в области науковедения, историографии, миграциологии и диаспороведения.

Попытки уточнения категориально-понятийного аппарата предпринимались в новейшей литературе в работах Г.М. Бонгард-Левина, М.Г. Вандалковской, Ю.Н. Емельянова, А.В. Квакина, Ю.А. Полякова, Е.И. Пивовара, Г.Я. Тарле, И.В. Тункиной и др. Исследователи признают отсутствие унифицированных критериев, свидетельствующих о принадлежности того или иного историка к профессиональному сообществу. В качестве примера сошлемся на общедоступные данные. Попытку определить число русских историков-эмигрантов одним из первых предпринял А.В. Флоровский. В своей рукописи он ссылаясь на профессиональную деятельность за рубежом более 75 специалистов в области всемирной истории. В начале 1990-х годов в работе В.Т. Пашуто «Русские историки-эмигранты в Европе» упоминались данные о 90 специалистах, работавших в период с 1920 по 1945 г. за рубежом. Все последующие исторические издания по данной проблематике продолжали оперировать вышеприведенной статистикой, распространяя ее, как правило, на всю историческую науку русского зарубежья. Отсутствие точных количественных данных о русских историках-эмигрантах в США предполагает необходимость уточнения принципов подсчета и критериев отбора специалистов для составления полного списка.

В данном исследовании категория «русские историки-эмигранты» используется во множественном числе и обозначает тех, чьи биографические данные соответствовали критериям:

1) русской лингвогенетической принадлежности;

2) историко-филологической специализации;

3) наличию контрактного опыта профессиональной работы в университетах зарубежья.

При анализе проблемы мы пытались сфокусировать внимание на образовательной и культурно-просветительской работе русских историков-эмигрантов в США. Под определением академического опыта работы нами понималось профессиональное творчество историков как одна из форм практической деятельности и все сопутствующие ей виды педагогической, археографической, редакционно-издательской, организационно-административной работы.

В плане атрибутирования творческого наследия русских историков-эмигрантов важно определиться с компонентами «русский», «историк», «эмигрант». Если статус эмигранта имеет юридические формулировки и не вызывает сомнения, то термин «историк-эмигрант» требует комментария. Одни авторы видят в данной категории лиц депортированных историков, для других они остаются безродными историками-космополитами, ввиду того что 1/3 жизни провели в России, 1/3 в Европе и 1/3 в Америке. Сами же русские историки, оказавшиеся в США, именовали себя не иначе как учеными русско-американского мира. Вопрос идентификации культурной и национальной среды отечественной диаспоры важен, так как русская эмиграция, как никакая другая, отличалась многоликостью своего состава и представляла собой хаотическое смешение племен, наречий, состояний и политических верований. В Америке многие из них именовали себя русскими, гордились званием человека русской культуры, но по гражданскому статусу числились натурализованными американцами. Лекции они читали на английском языке, труды и книги писали на русском и всю жизнь продолжали ходить в православные приходы. Все они были воспитаны на русской культуре и многие в душе лелеяли мысль о возвращении.

В данном исследовании термин «эмиграция» в сочетании с прилагательными русская, российская используется в качестве собирательного понятия для обозначения эмигрантов из России. В работе встречаются оба варианта: и русская эмиграция, и российская эмиграция. Понятие «российская эмиграция» является более емким и широким, так как обозначает весь спектр выходцев из России, оказавшихся за ее пределами. В связи с тем что в настоящей работе в большинстве случаев рассматриваются традиции исторической науки русского зарубежья, которая идентифицировала себя с русской культурой, мы считали нужным использовать термин «русская эмиграция». Документы эмигрантов – представителей многочисленных национальностей России, которые идентифицировали себя с русской культурой, продолжали находиться в ее культурном поле – безусловно, являются объектом настоящего исследования. Еще больше вопросов в определении, кого из эмигрантов можно отнести к профессиональному сообществу историков. Одни предлагают за основу брать присваиваемую квалификацию при окончании профильных, т.е. высших исторических учебных заведений, другие – сам факт признания со стороны коллег по профессиональному цеху. Правы и те, кто в первую очередь обращает внимание на специфику трудов последних. В конечном итоге, представляется разумным не игнорировать административные должности, которые они занимали в тех или иных университетах, поэтому в основу определения профессиональной принадлежности мы закладывали комплексный критерий.

Чтобы очертить принадлежность тех или иных русских историков к эмигрантским кругам и диаспоре, необходимо уточнить статус эмигранта. Многие из них имели расхождение в фактическом положении и его юридическом оформлении. Будучи в изгнании, они не считали себя эмигрантами, а свое пребывание за

рубежом называли временным. По существу, у многих из них за время экспатриации Америка была не первым и не последним пристанищем. Статусы к ним примерялись разные – от апатридов и репатриантов до нансеновских граждан, поэтому для нас были важны те из русских историков-эмигрантов, кто долгое время работал в американских университетах, и чья деятельность в США была прямо либо косвенным образом связана с изучением истории России. Таким образом, под научно-педагогической деятельностью русских историков-эмигрантов в США мы подразумевали их профессиональный опыт и практику работы в историко-научных учреждениях диаспоры и университетах и колледжах США, а под исторической наукой российской эмиграции – институциональные формы организации профессионального сообщества.

Первые систематические упоминания о профессиональной и академической деятельности русских историков за рубежом появляются в европейской и американской литературе начиная с середины 20-х годов XX в.. Несмотря на то что в иностранной печати творчество ученых-эмигрантов было встречено с общим сочувствием, среди диаспоры, как правило, оно не получало одобрения из-за постоянного разногласия и разномыслия. Общей ракурс оценок перспектив развития исторической мысли в эмиграции варьировался от характеристик исключительно-го плана – к примеру, И. Бунаков-Фондаминский в 1927 г. писал: такой эмиграции не было в мировой практике – до крайних пессимистических: наука о прошлом России без самой России не имеет будущего. Многие, в том числе и П.Н. Миллюков, сожалели, что российская историческая наука потеряла молодую силу, которая обещала, если бы обстоятельства сложились более благоприятно, развернуться в первоклассных исследователей. Были и те, кто поспешил заявить, что для грядущего возрождения России

большинство эмигрантской массы в США, погрязшее в мешанстве, можно считать безвозвратно потерянным. Однако пессимизм в оценках потенциала американского центра исторической науки русской эмиграции разделяли не все. Многие лидеры диаспоры исходили из общей установки, считающей политическую и историческую мысль русского зарубежья единственной открытой лабораторией, где может оформиться русское независимое общественное мнение, задача коего не руководство, а учет и осмысление происходящих в России процессов и выходов из них. Месту и роли историков-эмигрантов в развитии американо-русских славистических контактов (1905–1920) предшествует предыстория складывания исторической науки российской эмиграции в США в дореволюционный период. Нам представлялось важным обобщить миссионерский опыт работы русских историков в Америке и зафиксировать начальный этап развития российской научной диаспоры, уточнить профессиональные потребности в эмигрантских кадрах и славистических ресурсах ведущих университетов США в начале XX столетия. Привлечение в американские университеты на рубеже XIX–XX вв. М.М. Ковалевского, С.М. Волконского, П.Н. Милюкова, А.В. Бабина, Л. Винера, А. Гурвича, В.Г. Симховича, П.Г. Виноградова, М.Я. Острогорского свидетельствовало о высокой репутации русских специалистов в странах проживания. Большинство кандидатов, претендующих в начале века на звание высшей образовательной степени Ph.D. в области славистики, были русские по происхождению, все более активно занимавшие вакансии в американской системе образования. Многим из них потомки обязаны сохранностью уникальных исторических документов: эмигрантских библиотек, воспоминаний и мемуаров, эпистолярного наследия и материалов, которые в разное время были вывезены из России. Основным местом средоточения интеллектуальных сил

русской академической эмиграции на восточном побережье США в начале века являлся Гарвард. Открывшееся здесь в 1904 г. славистическое отделение послужило прототипом для создания аналогичных структур в других университетах. В разное время в этом элитном учебном заведении Америки преподавали Л. Винер, М.М. Карпович, М.И. Ростовцев, А.А. Васильев, Л.И. Страховский, П. Сорокин, Н. Тимашев, Н.П. Вакар и др. Отличительной чертой Гарвардской школы являлось то, что она стремилась разрабатывать русскую тему в самых широких проблемных и хронологических рамках. В Калифорнийском университете тон задавали А.С. Каун, Г.З. Патрик, Г.В. Лантцев. Их деятельность принесла славянскому отделению репутацию ведущего на западном побережье США интеллектуального центра в области изучения истории российско-американских отношений и русской литературы. Прочные академические позиции в Колумбийском университете занимали В.Г. Симхович, М.Т. Флоринский, А.Ц. Ермолинский и др. Для Колумбийского университета была характерна специализация в области экономической истории. В Чикагском университете в начале века лекции по истории российской государственности читали М.М. Ковалевский, П.Н. Милюков, И.А. Гурвич. Благодаря опыту и знаниям русской научной диаспоры бывшая романтическая традиция изучения славянского мира в США уступила место серьезным академическим исследованиям, которые помогли преодолеть стереотипы восприятия России как колосса, слепленного из снега, льда и крови, держащегося на кнуте и страхе, а самих русских как агрессивных китайцев. Складывались различные направления славистических исследований. Устанавливались непосредственные связи между западными экспертами и русскими специалистами (примеры взаимоотношений Симховича и Липпмана, Крейна и Милюкова, Харпера и Ковалевского, Кулиджа и Карповича, Голдера

и Вернадского). Их мнению и оценкам, как правило, не только передоверялись западные специалисты, но и учились у них. А.В. Бабин, Л. Винер, Ф.А. Голдер, А.Ц. Ермолинский, Г.З. Винокуров, Р.Н. Родионов играли ведущую роль в деле собирания зарубежной архивной россики в США.

Источники свидетельствуют, что февральские события 1917 г. в России встряхнули русскую колонию, которая растревожилась, загудела, стала читать и организовываться. Прогрессирующая американская система образования в своем развитии не предусматривала интереса к вопросу сохранности этнических традиций национальных меньшинств. Для отстаивания своих интересов эмигранты вынуждены были открывать русские школы и университеты, пытаясь сохранить культурные традиции и память об исторической родине. Много внимания историки-эмигранты уделяли вопросу просвещения русских колонистов. В начале 1920-х годов в Америке сформировалась устойчивая система русских научных и учебных организаций. В 1919 г. был открыт Русский народный университет в Нью-Йорке (Russian collegiate institute in New York City). Не меньшую инициативу в деле обучения эмигрантов проявлял русский народный университет в Чикаго (Russian peoples university). В профессорско-преподавательский состав этих учебных заведений были вовлечены М.И. Ростовцев, М.М. Карпович, А.Л. Фовицкий, Л. Винер, А.С. Каун, Г.З. Патрик. По примеру Нью-Йорка и Чикаго открылся Русский народный университет в Филадельфии. Мода распространилась и на другие штаты, однако большинство из вновь созданных структур были кратковременны и просуществовали недолго. Поддержку образовательных программ осуществляли многочисленные фонды и комитеты помощи русской молодежи для получения образования за границей (American committee for the education of russian youth). Они дорожили мнением

и рекомендациями П.Г. Виноградова, П.Н. Милюкова, М.И. Ростовцева, М.М. Карповича. Рост общего числа эмигрантских объединений в 1905–1920 гг. свидетельствовал о новом качестве в организации русской диаспоры в США, всевозрастающей ее профессиональной консолидации.

В 1905–1920 гг. в Америке сформировалась устойчивая система русских научных и учебных заведений. Большинство из них концентрировалось в Новой Англии. Организационной основой российской научной диаспоры являлись академические группы, объединившиеся в Союз русских академических организаций. Практически все академические силы русской эмиграции в США были связаны с крупнейшими научными центрами Америки, в том числе с Институтом международного образования в Нью-Йорке, Смитсоновским институтом, Институтом Карнеги и другими научными и учебными центрами. Таким образом, академическая и профессиональная деятельность русских историков-эмигрантов в начале XX в. определяла процесс становления славистических исследований в США. Больше других в этом плане американская славистическая традиция обязана деятельности М.М. Ковалевского, С.М. Волконского, П.Н. Милюкова, А.В. Бабина, Л. Винера, В.Г. Симховича, Г.З. Винокурова, А.Ц. Ермолинского, А.И. Гурвича и др. В силу единичных случаев въезда русских историков в США в период так называемой трудовой волны эмиграции обозначенный период 1905–1920 гг. можно рассматривать как предисторию складывания профессионального сообщества русских историков-эмигрантов в США.

Консолидация ученых-эмигрантов в профессиональное сообщество во многом была обусловлена общим процессом самоорганизации эмигрантских культурно-просветительских структур. Наиболее заметным в данном отношении была деятельность общества «Наука», организованного в 1905 г. События в России 1917 г. предо-

пределили востребованность в американских университетах специалистов славистического профиля и положили начало складыванию в Америке устойчивой когорты русских профессоров. Рост популярности славянских исследований в США до 1920 г. был незначительным, но существенным.

Характеризуя существенные признаки и черты научно-педагогической деятельности русских историков-эмигрантов в межвоенный период, выявляются мотивы и обстоятельства въезда русских ученых от единичных случаев на начальном этапе до массовых коллективных аффидевитов в 1939–1940 гг. Приведенный фактический материал позволяет проследить влияние русской научной диаспоры на процессы развития университетской славистики в США.

Исторический материал со всей очевидностью свидетельствует, что иммиграция русских специалистов в США стабилизировалась к концу 1930-х годов и приняла формы, близкие к цивилизованным. Быстрыми темпами складывающийся в 1920–1930-е годы рынок интеллектуального труда в области славистики привел к тому, что русские профессора в большей мере были востребованы не столько для обслуживания мемориального сознания диаспоры в Америке, сколько для заполнения открывшихся вакансий в университетах США. После 10-летнего периода адаптации к русским историкам-эмигрантам в середине 1930-х годов пришло признание и успех. Их начали приглашать в национальные ассоциации, присваивать звание *Emeritus* заслуженный, принимать в почетные члены местных академий и ассоциаций. В США, по опубликованным данным, в начале 1930-х годов насчитывалось до 200 русских ученых. После Октябрьской революции в Америке оказались: М.И. Ростовцев, А.А. Васильев, Л.И. Страховский, П.С. Пороховщиков, Н.Н. Мартинович, А.И. Назаров, Д.Н. Федотов-Уайт, А.Л. Фовицкий, Г.В. Лантцев, С.Г. Елисеев, А.Г. Мазур, С.А. Корф,

М.З. Винокуров, Н. Родионов, Г.А. Новосильцев, Д.Д. Тунеев и др. В начале 1920-х годов в местах присутствия русской диаспоры создавались профессиональные объединения интеллигенции (Общество изучения русской эмиграции, Общество друзей русской культуры). Многие эмигранты свято верили в то, что основной задачей и национальной миссией диаспоры было поддержание русской культуры. В одной из юбилейных речей председатель Пушкинского общества в Америке Б. Брасоль отметил: «Долгом считаю теперь же засвидетельствовать, что все то полезное, что было сделано Обществом, всецело обязано отзывчивости и неизменной жертвенности его членов и друзей, видимо чувствовавших, что в самом его бытии заложено некое чистое нравственное начало, которое необходимо бережно хранить. Как залог подлинной русскости, составляющей внешнюю форму и внутреннее содержание нашего национального достоинства». Единого органа, объединяющего русскую научную диаспору в США, не было. Но в Америке, как и во всех крупнейших центрах русского рассеивания, всевозможные союзы и общества предпринимали неоднократные попытки к единению. Вскоре разрозненные академические группы специалистов объединились в Союз русских академических организаций. Деятельность членов РАГ не ограничивалась только научными программами. Огромную часть времени и сил они отдавали организации и налаживанию работы структур, связанных с делами эмигрантов. В конечном итоге русской диаспоре удалось создать собственную систему образования, включившую большое число учебных заведений различного типа. В сентябре 1929 г. в Нью-Йорке проходил Педагогический съезд русской эмиграции, который сформировал педагогическое бюро во главе с историком А.Л. Фовицким. Активную позицию в деле поддержки научных инициатив и русских учебных заведений за

границей играли гуманитарные и благотворительные фонды диаспоры.

Основная деятельность русских профессоров протекала все же в организационных структурах американской университетской системы образования. Успешному процессу адаптации профессоров-эмигрантов в США во многом содействовали открывшиеся вакансии в университетах по славистическим дисциплинам. Крупные центры образования и науки в США оказались в 1920–1930-е годы особенно чувствительными к новым веяниям в изучении российской истории. Традиционно заметным было присутствие русских историков-эмигрантов первой волны в Гарвардском, Колумбийском, Чикагском, Йельском, Калифорнийском, Станфордском университетах.

Явное лидерство в кругах исторической науки российской эмиграции в 1920–1930-е годы принадлежало академику М.И. Ростовцеву. Он пользовался огромным влиянием и заслуженным авторитетом в научном мире. Известно, какой огромный круг знакомств и связей был у него в самых разнообразных кругах эмиграции, сколько времени он отдавал личным встречам и еще больше переписке. В 1922 г. при содействии М.И. Ростовцева был создан Американский комитет для образования русской молодежи в изгнании и Центральный комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей. С подачи М.И. Ростовцева и не без его хлопот американские университеты подписали контракты с А.А. Васильевым, М.М. Карповичем, Г.В. Вернадским, Л.И. Страховским, Н.П. Толлем и др. В 1927 г. Гарвард пригласил преподавать русскую историю М.М. Карповича. Его 30-летняя деятельность на поприще подготовки американских славистов высоко оценивается американскими коллегами. Таким образом, профессиональные знания и педагогический опыт русских гуманитариев высоко котировались в интеллектуальной столице

Америки в 1920–1930-е годы. Крупный академический центр русского зарубежья складывается в межвоенный период на западе Америки в штате Калифорния. Он пополнялся за счет представителей Харбинской эмиграции. В данном регионе главенствующую роль играли два кампуса: Калифорнийский (Сан-Франциско, Беркли, Лос-Анджелес) и Станфордский (Гуверовская библиотека). Если профессора в Сан-Франциско специализировались в большей мере на лингвистике, истории русской литературы и истории международных отношений (А.А. Лобанов-Ростовский), то Гувер все внимание уделял собиранию материалов зарубежной архивной россики. Позиции русских заметно укрепились здесь с приходом на руководящие позиции Ф.А. Голдера, который симпатизировал бывшим соотечественникам. В 1930-е годы Станфорд неоднократно посещают для работы в архивах и чтения лекций Н.Н. Головин, А.Ф. Керенский, Г.В. Вернадский и др.

С переездом М.И. Ростовцева в 1925 г. в Нью-Хейвен, Йельский университет вскоре стал местом трудоустройства Г.В. Вернадского, Н.П. Толля, позже С.Г. Пушкарёва, Н.И. Ульянова и др. М.И. Ростовцев дважды избирался президентом Американской исторической ассоциации. Позиции исторической науки российской эмиграции в Йельском университете значительно укрепились после того, как при поддержке Ростовцева в Нью-Хейвен был приглашен Г.В. Вернадский. 31 марта 1933 г. он получил американское гражданство. Не заставило себя ждать и приглашение ученого в 1933 г. на очередной съезд американских историков, где в рамках Американской исторической ассоциации собирались ведущие американские слависты. В 1938 г. Г.В. Вернадский принял участие в работе американской исторической ассоциации. Именно на ней, в Чикаго, впервые среди американских историков-славистов был решен вопрос об объединении и издании журнала *Slavic Review*. Архивные документы свидетельст-

вуют, что Г.В. Вернадский был в числе тех, кому поручили курировать издание. Решение было принято путем письменного опроса 300 членов ассоциации. Избрание Г.В. Вернадского – один из показателей его высокой научной репутации в США. При непосредственном участии Г.В. Вернадского были приглашены преподавать в американские университеты Н.П. Толль, С.Г. Пушкарёв, Н.О. Лосский, В.В. Набоков. Вернадский и Карпович вполне заслуженно считаются отцами-основателями современной американской школы русской историографии. Своей многолетней деятельностью они сумели прославить Гарвард и Йель как центры славистической мысли в США. В нью-йоркских музеях, колледжах и библиотеках работали А.Н. Авинов, Н.Н. Мартинович, И.М. Гольдштейн, В.И. Иохельсон, А.А. Гольденвейзер и др. В Колумбийском университете среди историков-правоведов выделялся барон С.А. Корф. Приоритетное значение в этом университете традиционно уделялось вопросам изучения экономической истории. В 1920–1930-е годы эту школу унаследовал М.Т. Флоринский. Русским историкам-эмигрантам удалось заложить в Колумбийском университете исследовательские традиции, которые превратили его в послевоенное время в один из крупнейших центров американского россиеведения. К 1939 г. длительный процесс профессиональной адаптации для многих русских специалистов завершился признанием их заслуг. Американский опыт русских историков в данном случае свидетельствовал о высокой мобильности отечественной дореволюционной исторической науки. Многие из них сменили статус и гражданство, им доверяли самые высокие посты, они читали лекции, издавали книги на английском языке. Характеризуя научно-педагогическую деятельность русских профессоров в университетах США в межвоенный период, необходимо отметить, что фундаментальные и прикладные исследования осуществлялись ими по программам американских университетов. Они все больше отдалялись от интересов и потребностей русского зарубежья.

бежья. Изучение русской темы в 1920–1930-е годы в США было напрямую связано с представителями русского зарубежья: историками, философами, экономистами, общественными и партийными деятелями, ставшими после вынужденной эмиграции из России ведущими специалистами в американских университетах. К 1936 г. история России изучалась более чем в 30 американских университетах и колледжах. В Колумбийском, Гарвардском и Калифорнийском университетах защищалась треть всех диссертаций. Отказавшиеся во многом от интуитивного постижения теллургических сил революции, они занялись штудированием ее исторических предпосылок. М.И. Ростовцев, А.А. Васильев, Г.В. Лантцев, М.Т. Флоринский, М.М. Карпович, Г.В. Вернадский в течение многих лет своими трудами вписывали блестящие странички в историю университетов Запада, подготовив за межвоенный период целое поколение американских славистов. К предвоенным годам М.М. Карпович и Г.В. Вернадский занимали прочные позиции в американской академической среде. Сам статус новой науки значительно изменился. На очередной конференции Американской исторической ассоциации в 1939 г. обсуждался вопрос о необходимости создания славяноведческой ассоциации. Таким образом, наряду с европейским центром исторической науки русского зарубежья в 1920–1930-е годы складывался не менее крупный и по-своему специфичный американский центр. Его главное и существенное отличие состояло в том, что за океаном развитие профессиональной карьеры русских историков-эмигрантов в большей степени протекало в организационных рамках американской университетской науки. Феномен русского зарубежья в Европе был скоротечен и к 1930-м годам утратил свои позиции. Многочисленные поездки в Европу Ростовцева, Васильева, Вернадского, Карповича, Головина, Сорокина свидетельствовали о преемственности традиций русского зарубежья в Америке. Работы русских историков за границей печатались на девяти язы-

ках. Русские историки-эмигранты стремились занять свое место в мировой науке, принимая участие в международном научном общении и движении. Востребованность русских ученых в большей мере была связана не с деятельностью в диаспоре, и нужно это признать как должное, а с кадровыми потребностями нарождающейся науки – советоведения. Ее становление произошло под явственно сказывавшимся воздействием эмигрантов первой волны. Новой вехой, знаменовавшей рост интереса в США к русским делам и обострившей спрос на специалистов в русском вопросе, явились события 1939–1945 гг.

Научно-публицистическая и педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США в годы Второй мировой войны (1939–1945). Вторая мировая война парализовала академическую жизнь европейских столиц, увеличив число беженцев за океан. Представители старой эмиграции на рубеже 1940-х годов вынуждены были эвакуироваться в США. Американские университеты, характеризующиеся быстрым развитием славистических знаний в 1940-е годы, стали одним из центров притяжения русских эмигрантов. Изучение России на отделениях славистики были возведены в ранг не только университетских и военных ведомств, но и государственных программ, достигнув беспрецедентных масштабов к 1943 г. В этот период специалисты из славистических кругов консультировали правительственные органы по вопросам политики, читали лекции офицерам. Одно за другим появляются крупные исследовательские структуры и программы, возникает спрос и заказ на литературу советоведческого плана. Изменения в жизни русской научной диаспоры заключались не только в смене целого поколения исследователей, но и в методике анализа изучения советской действительности, переходе от славистики ко все более четко обозначившейся научной дисциплине – советологии. Стараниями историков-

эмигрантов в Америке появилась целая серия учебной литературы по истории России, которая унифицировала славистические знания и образовательные стандарты. Благодаря деятельности русских историков-эмигрантов первой волны в Америке сложилась школа, претендующая на лидерство в мировой славистике. Н.П. Толль и А. Долгошев (работали в Славянском отделе библиотеки Йельского университета). В Гарварде среди русских эмигрантов заметными фигурами были М.М. Карпович, Л.И. Страховский, А.А. Васильев, П.А. Сорокин, Н.С. Тимашев, Н.П. Вакар и др. Показательна динамика роста интереса американской общественности и профессиональных кругов к русской теме. За время войны сменилось поколение историков русского зарубежья. Былые европейские центры русской эмиграции Берлин – Париж – Прага бледнели на фоне розданных перед войной affidé-в-итов-приглашений. Менялись и направления исторических исследований. Волею судьбы на вершине пирамиды американской советологии в 1940–1950-е годы оказались: В.А. Рязановский, Б.И. Николаевский, Р.О. Якобсон, Д.Ю. Далин, Н.И. Ульянов и др. Многие из новых эмигрантов играли заметную роль в реорганизации бывших департаментов славистики. Заметное влияние на процесс складывания в рамках американской славистики самостоятельного советологического направления оказали русские европейцы и русские харбинцы, представители старой эмиграции, вынужденные во время войны с 1942 по 1945 г. эвакуироваться в США. В данный период Д.Н. Вергун занял должность профессора университета в Хьюстоне, Б.С. Ижболдин начал преподавать на экономическом отделении Сейнт-Луисского университета; лекции по истории государства и права в Корнельском университете читал М.Г. Шефтель, в военно-морской школе при Колорадском университете преподавал В.П. Петров. Позиции Гувера как цен-

тра хранения материалов архивной россики заметно усилились после того, как в 1940 г. на постоянное место работы сюда перешел Б.И. Николаевский. В экстремальных условиях войны среди эмигрантов возрос интерес к церковной истории. В Америке работала плеяда православных историков-богословов. Их усилиями были обозначены подходы, позволившие говорить о складывании нового направления в изучении истории церкви как института, духовенства как сословия, духовной школы как элемента общественной мысли России. В 1940–1950-е годы Г.П. Федотов, Г.В. Флоровский, В.И. Алексеев смогли изменить сложившуюся в послевоенный период конъюнктуру приоритетных направлений славистических исследований, когда политическая история с ее традиционно позитивистскими взглядами и либеральными ценностями явно доминировала, нежели другие разделы славистического знания. Среди видных ученых-эмигрантов, сумевших основать в США школу восточно-европейской фольклористики, можно назвать Р.О. Якобсона и Д.И. Чижевского. Многообразие эмигрантских школ и направлений свидетельствовало лишь об одном, что они всерьез взялись за предмет исследования в таких масштабах, что и не снилось старой эмиграции. Формальным признаком укрепившихся позиций российской научной диаспоры в США в годы войны можно считать рост общего числа периодических журналов, посвященных изучению России. Вслед за эмигрантским потоком в военный период переместился из Европы в США и центр русских издательств и книг. Увеличившийся масштаб и размахроссиеведческих исследований в США требовал систематизации опыта, дальнейшего развития критики и библиографии. Единственным в мире русским генеалогическим изданием за рубежом был журнал «Новик». Журнал воспринял традиции дореволюционной Летописи историкородословного общества. Он публиковался известным генеалогом и знатоком исто-

рии русского дворянства Л.М. Савеловым-Савелковым. По его инициативе в октябре 1937 г. в Нью-Йорке было создано Русское историко-родословное общество. С 1938 г. печатным органом РИРО являлся «Новик». На волне всеобщего интереса к русским делам в Америке Дмитрий фон Мореншильд добился в 1941 г. финансовой поддержки в США для открытия на английском языке журнала «Русское обозрение» («Russian Review»). Практически одновременно с англоязычным «Russian Review» возникли «Ukrainian Quarterly» (проф. Н. Чубатый) и «Armenian Review» (Рубен Дартинян). Треть сотрудников журнала «Slavonic» and «East European Review» (1941–1945) состояла из русских историков-эмигрантов. В 1942 г. эмигранты-меньшевики, переехавшие из Европы в Америку, выпускают в Нью-Йорке журнал «Социалистический вестник». Самым популярным печатным органом русской эмиграции в США и за ее пределами был «Новый журнал». Своим успехом журнал во многом был обязан редактору М.М. Карповичу. Таким образом, русские историки-эмигранты приложили немало энергии и сил для организации славистической периодики в США.

Унаследовав традиции русской академической группы, историки-эмигранты в годы Второй мировой войны боролись с русофобией на Западе с теми, кто старательно отлучал Россию от Европы, называя русских варварами, гуннами, туранцами, не способными к европейскому саморазвитию и самотворчеству. За долгие годы профессиональной деятельности русских историков в Гарвардском, Йельском, Колумбийском, Чикагском и Калифорнийском университетах сложились профессиональные династии Рязановских, Далиных, Зеньковских, Магеровских и др. Подготовка специалистов в области советологии опиралась на давние традиции сотрудничества славистов США с русскими историками-эмигрантами, оставившими в межвоенный период о себе

самые лестные отзывы со стороны американских коллег. Послевоенное время внесло определенные коррективы в развитие университетских департаментов славистики. После Второй мировой войны качественно изменился состав русской эмиграции. Это было связано с появлением эмигрантов второй волны.

Преемственность традиций в развитии исторической науки российской эмиграции в США (1945–1960) проявилась в изучении специфики развития профессионального сообщества русских историков-эмигрантов в послевоенное десятилетие, когда в эмиграцию влились новые академические силы из числа перемещенных лиц. Здесь рассматривается культурно-просветительская деятельность историков второй волны. С окончанием Второй мировой войны открылась новая страница в истории русской диаспоры. Центр русской эмиграции окончательно сместился за океан. После Второй мировой войны США стали главным центром русской и советской эмиграции. Если до войны в Европе было сконцентрировано около 80% эмигрантов, то теперь оставалось лишь 30%. Американская акция по вызову в США русских беженцев и ученых была инициирована в 1946–1950 гг. В ее основе лежало благоприятное впечатление американских университетских кругов от работы русских эмигрантов первой волны. Русские американцы пытались помочь своим европейским коллегам, как и в предвоенный период, перебраться в США, но многим из новых эмигрантов, прежде чем попасть в Америку, пришлось пройти лагерь для перемещенных лиц в Европе. После 1946 г. из переполненной и разоренной Европы началось массовое переселение перемещенных лиц в заокеанские государства, главным образом в США и Канаду. Большинство из ученых-эмигрантов консолидировались вокруг УНРРА-университета и его правопреемника в США – Русской академической группы (The Association of Russian-American

Scholars in USA), созданной в 1948 г. Русские историки-эмигранты первой волны помогали отстаивать интересы репатриантов перед американскими властями, тем самым отстаивая право эмиграции говорить от имени России. Накопленный материал позволяет вполне обоснованно говорить о преемственности традиций исторической науки русского зарубежья в развитии русской академической группы в США. Все эти факторы имели далеко идущие последствия для превращения США в самостоятельный центр исторической науки российской эмиграции. В послевоенный период в развитии американской славистики наступает организационный подъем, который привел не только к дифференциации славистических знаний, но и появлению узкопрофессиональных и одновременно комплексных исследований СССР, поглотивших большинство специалистов-гуманитариев из числа русской эмиграции. Гарвардский университет, благодаря усилиям Карповича, сохранил роль главного центра американской славистики и советологии. Его выпускниками являлись М.И. Расв, Н.В. Рязановский, С.А. Зеньковский, Ф. Казем-заде. Штат преподавателей Гарварда пополнился за счет Р.О. Якобсона, Ю.П. Иваска, Д.И. Чижевского, Л.И. Страховского, Г.В. Флоровского. Традиции М.И. Ростовцева, Г.В. Вернадского, Н.П. Толля в Йельском университете сохранялись в послевоенный период усилиями С.Г. Пушкарёва, Н.И. Ульянова, А. Долгошева. В 1957 г. профессиональное сообщество историков отметило 30-летний юбилей преподавательской деятельности в университетах США М.М. Карповича и Г.В. Вернадского. В Колумбийском университете на историческом и славистическом отделениях преподавали Э.И. Бикерман, Г.В. Флоровский, Л.Л. Домгерр. Конкуренцию Гарварду в плане подготовки специалистов по России представлял Русский институт, созданный в 1946 г. на базе Колумбийского университета (впоследствии Институт

перспективных исследований по Советскому Союзу им. Аверелла Гарримана). Русские специалисты в Гарварде, Гувере и Гарримане задавали тон в послевоенных исследовательских проектах. Сильное влияние русских эмигрантов испытали славистические структуры Калифорнийского и Стэнфордского университетов. В разное время в Беркли, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско преподавали А.Г. Мазур, Г.В. Ланцев, О.А. Маслеников, С. Карлинский, Г.П. Струве, А.Д. Билимович, Г.К. Гинс, В.А. Рязановский. Следствием активной деятельности русских эмигрантов в Калифорнийском университете стало открытие в 1950 г. Института славянских исследований. Прочные академические позиции в американских университетах занимали Н.П. Вакар, В.П. Петров, Д.А. Джапаридзе, М.Г. Шефтель, Н.А. Троицкий и др. К голосу новой русской эмиграции в США стали прислушиваться, ее услугами стали пользоваться академические учреждения, общественные и религиозные организации. Многие из них участвовали в создании Американской ассоциации содействия славянским исследованиям. С 1950 г. Вернадскому регулярно доверяли наблюдение за выборами главного редактора журнала «Slavic Review», печатного органа AAASS.

После 1945 г. центр политической и академической деятельности русских эмигрантов окончательно перекочевал из Европы в США. Новая эмиграция принесла с собой свой опыт, иные навыки, совершенно новые настроения. Все яснее определялись глубокие изменения в жизни зарубежной России, постепенно адаптирующейся к профессиональной деятельности в организационных рамках американской университетской науки. С началом холодной войны изменился общий тон славистических исследований в США. В общественном мнении и правительственной политике Запада все больше стали распространяться русофобские настроения. К 1950-м годам рассеялись оп-

тимистические иллюзии русских сверхпатриотов из числа старой эмиграции. США сделали ставку на консолидацию всех антисоветских сил русского зарубежья. В течение 1950–1960-х годов русские историки стали неотъемлемой частью научной общественности американских университетских центров. Пытаясь сохранить историческую память русского зарубежья, они сосредоточились на архивной и культурной работе, ссылаясь на то, что политика разъединяет эмиграцию, а наука и культура объединяет. Достаточно активно в 1950-е годы в Америке развивались русские коллекции и архивы. Диаспора всемерно поддерживала инициативу американских библиотек в деле описания восточнославянских рукописей и книг. Историки-архивисты в эмиграции подключились в послевоенное время к поиску и комплектованию американскими архивами и библиотеками документальных материалов по истории народов России. Архивные службы в этот период приняли широкую программу розыска документов по советской и российской истории, разбросанных в США по многим архивам и библиотекам. Взамен уничтоженных в годы войны архивов и журналов эмигранты начали собирать и издавать новые. В 1950-е годы американскими университетами реализовывался меньшевистский проект для сбора материалов по истории российской социал-демократии. После известной потери эмигрантами Русского зарубежного исторического архива в Праге русским американцам удалось создать в 1951 г. крупнейшее по значению и объему в США хранилище архивных материалов, документализирующих российское прошлое, – Бахметевский архив. Его куратором являлся Л.Ф. Магеровский. Свидетельством повышенного внимания диаспоры к своему прошлому можно считать открытие в 1948 г. П.Ф. Константиновым Музея русской культуры в Сан-Франциско, в 1954 г. В.П. Стеллецким архива-музея при культурно-просветительском обществе «Роди-

на». В 1950 г. В.В. Мияковский основал в Нью-Йорке музей-архив им. Д. Антановича.

Русская научная диаспора в США имела традиционно сильные позиции и поддержку в 1950-е годы среди департаментов славистики Йельского, Гарвардского, Колумбийского, Калифорнийского, Корнельского университетов. Научное творчество русских историков-эмигрантов в США определялось двойственностью их положения. С одной стороны, их очевидная по духовным корням принадлежность к культуре и науке русского зарубежья и с другой – все их сознательное творчество воплощалось в рамках американской системы образования. Общая ситуация в исторической науке российской эмиграции в 1950–1960-е годы характеризовалась естественной сменой поколений. Принадлежность первой и второй волны к дореволюционной исторической науке обеспечила преемственность научных традиций, интересов и методов исследований. С уходом второй эмиграции с общественной сцены заканчивается история русского зарубежья и его исторической миссии в жизни диаспоры. Если говорить о месте, занимаемом эмигрантской литературой в современной американской историографии, то следует признать, что ее влияние достигло апогея в 1960-е годы. Роль и авторитет в современном американском россиеведении таких личностей, как А. Даллин, Н. Рязановский, А. Рабинович, А. Улам, М. Раев, М. Левин, С.О. Якобсон, А. Некрич, не требует комментария. Время покажет, суждено ли третьей волне русской эмиграции, начавшейся в 1970-е годы, удержаться профессиональные качества, заложенные исторической наукой русского зарубежья. Если представители первой и второй волны эмигрантов действовали в ключе исторической науки русского зарубежья, пытаясь сохранить дореволюционные традиции, то третьеволновники предпочитают идентифицировать себя с американской советологией.

В заключение сформулируем основные выводы исследования, которые позволяют систематизировать вопросы изучения контрактного опыта работы русских историков-эмигрантов первой и второй волн. Анализ документального материала и опубликованных источников позволяет сделать вывод о том, что их академический и профессиональный опыт работы в историко-научных учреждениях диаспоры и ведущих университетах мира свидетельствовал о складывании в Америке на протяжении первой половины XX в. самостоятельного центра научной и культурной жизни зарубежной России. В ходе исследования удалось установить, что процесс формирования профессионального сообщества русских историков-эмигрантов имел свои замкнутые циклы и фазы развития. Он основывался на адресной поддержке гуманитарных фондов и благотворительных организаций, при помощи которых в начале XX в. в Америке создавались историко-научные общества и учреждения русской диаспоры. На рубеже 1920–1930-х годов большинство историков-эмигрантов консолидировались вокруг русской Академической группы, которая повсеместно вела культурно-просветительскую работу в диаспоре и активно содействовала открытию русских народных университетов в Нью-Йорке, Чикаго, Пенсильвании, Калифорнии.

Установленный факт существования и регулярного притока с 1905 г. в Америку русских ученых является показателем не только включенности дореволюционной отечественной исторической науки в систему международных научных связей, но и официального признания ее со стороны мирового исторического сообщества. На рубеже XIX–XX вв. американский континент начинает активно осваиваться миссионерами русской исторической науки в лице А.В. Бабина, М.М. Ковалевского, С.М. Волконского, Л. Винера, П.Н. Миллюкова, М.Я. Острогорского, А. Гурвича, В.Г. Симховича, А.Ц. Ермолинского и др.

Наиболее отчетливо признаки становления русской научной диаспоры в Америке проявились в 1920–1930-е годы. Анализ документальных источников подтверждает, что в межвоенный период возникли центры средоточия профессионального общения русских историков-эмигрантов в Нью-Йорке, Чикаго, Бостоне, Калифорнии, установился постоянный контакт с местной университетской средой, наметились формы научного сотрудничества с Американской исторической ассоциацией и другими научными организациями страны пребывания. Русские историки-эмигранты не ограничились в своей деятельности рамками эмигрантского сообщества, став со временем участниками более широких дискуссий и научных процессов, развивавшихся в Западной Европе и Соединенных Штатах. Лидеры исторической науки русского зарубежья в США М.И. Ростовцев, А.А. Васильев, Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, Д.Н. Федотов-Уайт, М.Т. Флоринский к 1939 г. полностью сосредоточились на преподавательской деятельности в университетах США, воспитав плеяду профессиональных специалистов по истории России. Анализ исторического материала, свидетельствующего о профессиональной и академической деятельности историков-эмигрантов в годы войны, позволяет говорить о том, что в этот период окончательно формируется американский центр исторической науки российской эмиграции. Качественно новой чертой профессиональной деятельности русских историков-эмигрантов в это время стало их активное участие в создании серии русских эмигрантских журналов: «Новик» (Савелов-Савелков), «Русское обозрение» (фон Мореншильд), «Новый журнал» (Карпович) и др. Во второй половине 1940-х годов в американской славистической среде стараниями профессоров-эмигрантов были широко распространены идеи русской дореволюционной исторической науки, что морально подготовило принятие новой волны эмигрантов в послевоенной

Америке. Послевоенный этап в развитии профессионального сообщества русских историков-эмигрантов в США позволяет говорить о том, что в 1940–1960-е годы процесс иммиграции ученых стабилизировался в большей мере за счет перемещенных лиц. В ходе исследования удалось установить наиболее общие тенденции, характерные для научно-педагогической деятельности русских историков-эмигрантов в послевоенный период. В отличие от русских европейцев 1920–1930-х годов, сумевших сохранить Россию вне России, профессиональная и академическая деятельность русских американцев в 1940–1960-е годы протекала в рамках организационных структур американской системы образования. Она была в меньшей мере связана с русской диаспорой и в большей мере была подвержена процессам профессиональной адаптации и аккультурации. Таким образом, в 1950-е годы в Америке сложился специфический центр исторической науки российской эмиграции, костяк которой составляли представители первой и второй волны эмиграции. Академическая и профессиональная деятельность русских историков-эмигрантов в США в первой половине XX столетия балансировала между нормативными процессами, традиционными для развития русского зарубежья, и специфичными процессами адаптации русских историков-эмигрантов в системе академических институтов США. Большую часть жизни историки-эмигранты провели на чужбине, в условиях непредвиденных и далеких от обычной жизни и работы. Приходилось заниматься не тем, чем хотелось, а чем оказывалось возможным. Многие из них сами прекрасно понимали весь трагизм ситуации, с прискорбием констатировали, что от родной матери, даже если она смертельно больна, порядочные люди не уезжают. Всё мило, всё хорошо, и денги платят большие, а душу воротит. Мы не стремились к нравственной оценке их выбора. Вопрос в другом: смогут ли очередные представители

исторической науки российской эмиграции в лице А. Янова, Ю. Фельптинского, С. Хрущёва, Б. Литвак, Г. Иоффе сохранить традиции и накопленный опыт русского зарубежья?

Деяние и наследие эмиграции по канонам международного права принадлежат ее исторической Родине. Вопрос о релевантности научно-педагогического опыта русских историков-эмигрантов первой половины XX столетия, т.е. соответствия решаемых наукой задач общественным потребностям, еще неоднократно будет

дискутироваться в академических кругах. Ограничимся констатацией факта – историческая наука российской эмиграции за столетия существования в Америке доказала свою состоятельность, сумев сохранить национальную историческую память в иной достаточно жесткой англосаксонской культурной среде, заставив считаться со своим мнением как отечественную, так и западную интеллектуальную элиту в XX в.

Примечания

- ¹ Россия в изгнании: Судьбы российских эмигрантов за рубежом. – М.: ИВИ РАН, 1999. – С. 6.
- ² См.: Егоров С.В. Российская научная диаспора // Вестник РАН. – М., 1997. – Т. 67. 1. – С. 15–20; Некипелова Е. Эмиграция и утечка умов в зеркале статистики // Вопросы статистики. – М., 1995. – Т. 95. – С. 90–94; Миграция специалистов России: Проблемы и пути регулирования. – М., 1994; Филиппов Ю.Д. Эмиграция. – СПб., 1906; Курчевский В. О русской эмиграции в Америку. – Либава, 1914.
- ³ Зарубежная Россия, 1917–1939 гг.: Сб. статей. – СПб.: Европейский дом, 2000. – С. 207.
- ⁴ Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Исторические записки. – М., 2000. – № 3(121). – С. 207–237; Межуев Б.В. Понятие «национальный интерес» в Российской общественно-политической мысли // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. – М., 2000. – С. 441–489; Полоскова Т.В. Диаспоры в системе международных связей. – М., 1998; Серёгин А.В. О становлении государственной политики России в отношении соотечественников, проживающих за рубежом // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. – Владивосток, 1999. – Кн. 1. – С. 715; Эмиграция и репатриация в России. – М., 2001.
- ⁵ Stanford Slavic studies. – 1995. – Vol. 9. – С. 14.
- ⁶ См.: Профессия – русский эмигрант: Беседа М. Раева и А. Корлякова (по материалам семинара «Историки в русской эмиграции», состоявшегося в Парижском институте славяноведения) // Русская мысль. – Париж, 2000. – № 4310. – 23 марта.
- ⁷ При всей полемичности современной классификации так называемых эмигрантских волн само явление свидетельствует лишь об одном – устойчивости рассматриваемого феномена. См.: Петровский Л.П. Дело Некрича // Кентавр. – М., 1994. – № 4. – С. 94–114; Фельптинский Ю.Г. К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики (1917–1927). – М., 1990; Литвак Б.Г. Американско-канадский дневник. – М., 1998.
- ⁸ См. также: Bourgina A.M., Jakobson M. Guide to the Boris Nikolaevsky Collection in Hoover institute archive. – Stanford, 1989.
- ⁹ См.: Columbia university oral history collection, Rare book & special collections division. Bakhmeteff archive of Russian and East European history and culture (Russia in the twentieth century: The catalogue of the Bakhmeteff archive of Russia & East European history & culture / The Rare book & manuscripts Library, Columbia univ. – Boston (Mass.), 1987.
- ¹⁰ Columbia university, Butler Library, Rare book and manuscript library, Bakhmeteff archive (BAR), George Vernadsky papers. Box 4–11; 17–81; 103–106; 148–170.
- ¹¹ Письма М.И. Ростовцева Г.В. Вернадскому (Публикация Г.М. Бонгард-Левина, И.В. Тункинной) // Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. – М., 1997. – С. 516–530; Козляков В.Н.

- Обзор коллекции документов Г.В. Вернадского в Бахметевском архиве библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке // Вернадский Г.В. Русская историография. – М., 1998. – С. 395–444.
- 12 Administrative records, 1947 // Harvard university archives RRC.
- 13 University of Wisconsin. Division of archives. College of letters and science. Department of history. General correspondence A.A. Vasiliev. Series 7/16/16. Box 17. Материалы переписки М.И. Ростовцева и А.А. Васильева, хранящиеся в Мадисоне, изучал Г.М. Бонгард-Левин.
- 14 Александров Е.А. Русское культурно-историческое наследие в США (музеи, коллекции и парки-заповедники) // Русский американец. Обзорный выпуск. – Вашингтон, 1995. – № 20. – С. 125–145.
- 15 Попов А.В. Русское зарубежье и архивы: Документы российской эмиграции в архивах Москвы. Проблемы выявления, комплектования, описания и использования // Материалы к истории русской политической эмиграции. – М.: ИАИ РГГУ, 1998. – Вып. 4. – 392 с.
- 16 ГАРФ.Ф. Р 9586. Материалы переписки П.А. Остроухова с разными лицами и учреждениями; Ф. 1137. Вернадский Г.В. Оп. 1. 640 ед. хр.; Ф. Р5891. Пушкарёв С.Г. Оп. 1. 439 ед. хр.; Ф. Р7527. Головин Н.Н. Оп. 1. 23 ед. хр.; Ф. Р6121. Вергун Д.Н. Оп. 1. 73 ед. хр.
- 17 ГАРФ.Ф. Р5799. Оп. 1. 184 ед. хр., 1 881 1920; Ф. Р6132. Оп. 1. 14 ед. хр.
- 18 Попов А.В. Историческая наука русского зарубежья: Архив профессора К.Ф. Штеппы в ГАРФ // Материалы конференции «Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории». – Омск: ОГУ, 2000. – С. 109–113.
- 19 АРАН.Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 126. Воспоминания М.М. Ковалевского. Моя жизнь. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 18. Флоровский А.В. Рукопись: Русская историческая наука в эмиграции, (1921–1926) 25 ноября 1927 г.; Ф. 518. Оп. 3. Д. 311. Вернадский Г.В. Письма родителям, г. Нью Хейвен.
- 20 См.: Коллекция Я.М. Лисового: Опыт реконструкции. – М.: ГПИБ, 1997.
- 21 См.: Бонгард-Левин Г.М. Письма М.И. Ростовцева в Гарвардский университет, (1937–1938) // Вестн. древ. истории. 1994. – № 1; Письма М.И. Ростовцева к И.И. Бейкерману (1927–1944) // Вестн. древ. истории. 1995. – № 4. – С. 180–203; Эпистолярное наследие М.И. Ростовцева // Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. – М., 1997. – С. 369–569; Письма П.Н. Милокова М.М. Карповичу. Публ. М. Раева // Новый Журнал. – Нью-Йорк, 1997. – Кн. 208. – С. 136–157; Письма М. Карповича Г. Вернадскому. Публикация, предисловие и комментарии М. Раева // Новый Журнал. – Нью-Йорк, 1992. – Кн. 188. – С. 259–296.
- 22 АРАН.Ф. 1609. Оп. 1. Д. 18. Л. 125; Оп. 1. Д. 37. Л. 1.
- 23 См.: Флоровский А.В. Русская историческая наука в эмиграции, (1920–1930) // Труды V съезда РАОЗГ в Софии 14–21 сентября 1932. – София, 1932. – Вып. 4.1. – С. 467–484; Gapanovich I.I. Russian historiography outside Russia. An Introduction to the study of Russian history. – Peking, 1935; Вернадский Г. Русская историография. – М., 1998.
- 24 См.: Kemer R.J. Slavonic studies in America // The Slavonic review. – 1924. – Vol. 3. 8. – P. 24.
- 25 См.: Essays in Russian History. A Collection dedicated to George Vernadsky / Ed. by A.D. Ferguson and A. Levin. – Hamden, Conn., 1964; Halperin Ch.Y. Russia and Stepp: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. – Wiesbaden, 1985. – Bd 36. – S. 55–194; Raef M. Russia Abroad. – New-York; Oxford, 1990; Раев М. М.М. Карпович: Русский историк в Америке // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1995. – Кн. 200. – С. 244–249; Kasinec E. Alexis V. Babin, (1866–1930): A Biographical note // Slavic books and bookmen: Papers and essays. – N.-Y., 1984. – P. 73–77; Raleigh D.J. Preface // A Russian Civil War dairy: Alexis Babine in Saratov, 1917–1922. – Durham; London: Duke univ. press, 1988; Dubie A. Frank Golder: An Adventure of a historian in quest of Russian history. – Bolder.Colo., 1989; Scaruffi E. Avraham Yarmolinsky: The Early years // Public service news. – 1990. – N 1. – P. 18–20; Рибер А.Д. Изучение истории России в США // Исторические записки. – М., 2000. – Т. 3(121). – С. 65–105.

ИДЕИ, КОНЦЕПЦИИ, ПОЛИТИКА

А.В. Квакин, Ю.В. Мухачёв

РУССКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ГРУППА Russian Academic Group

Русская Академическая группа – объединение деятелей науки и культуры в эмиграции с целью развивать российскую академическую науку, поддерживать связи между учеными-эмигрантами и учебными заведениями российского зарубежья, организовывать взаимную материальную и моральную помощь, готовить молодых ученых для будущей России, оказывать поддержку русским беженцам при поступлении в высшие учебные заведения.

После 1917 г. с территории бывшей Российской империи выехало значительное число высокообразованных людей – ученых, профессоров, академиков и специалистов всех профессиональных отраслей. По данным Русского научного института в Белграде, на 1931 г. в российском зарубежье было зарегистрировано 1612 ученых-эмигрантов, преподавателей университетов и высших технических школ, в том числе пять академиков. Но эти цифры не могут считаться полными, т.к. анкетирование Русского научного института в Белграде не было ни обязательным, ни повсеместным. В них не учтены многие ученые, которые к тому времени порвали с наукой, скончались, а также те, чья эмиграция продолжалась лишь несколько лет или числилась как заграничная командировка. К концу Гражданской войны в России за границей работали академики Н.И. Андрусов, П.И. Вальден, В.И. Вернадский, П.Г. Виноградов, Н.П. Кондаков, А.Н. Крылов, М.И. Ростовцев, П.Б. Струве, В.А. Францев, И.В. Ягич (т.е. примерно четверть среднесписочного состава действительных членов), почетные академики П.Д. Боборыкин, И.А. Бунин, Ф.Ф. Зелинский, П.Н. Игнатьев, Н.С. Мальцев, принц и принцесса Ольденбургские, члены-корреспонденты А.А. Васильев, С.Н. Виноградский, Н.Н. Глубоковский, А.А. Кизеветтер, С.М. Кульбакин, А.А. Максимов, С.П. Тимошенко, А.А. Чупров, Е.Ф. Шмурло, Ф.А. Щербина и др. Позднее к ним присоединились член-корреспондент Г.А. Гамов, академики В.Н. Ипатьев, Я.В. Успенский и А.Е. Чичибабин. Они обосновались

КВАКИН
Андрей
Владимирович,
доктор
исторических
наук,
(1953–2014)

МУХАЧЁВ
Юрий
Владимирович,
кандидат
исторических
наук,
руководитель
Центра
комплексных
исследований
ИНИОН РАН

главным образом в культурных центрах Европы, таких как Берлин, Прага, Белград, Париж и в меньшей мере – София, Брюссель.

Среди них было немало ученых, считавших себя призванными сохранить русский научный язык и традиции русской академической науки. Часть из них проявила себя прекрасными организаторами и практически сразу же приступила к созданию общественных объединений российских ученых в эмиграции. Был организован Союз русских академических организаций с целью сохранения единства русского научного сообщества за рубежом, координации деятельности его членов, оказания им всякого содействия, установления контактов с иностранными исследовательскими и правительственными организациями, обеспечения представительства в зарубежных государственных и общественных организациях, развития русских академических традиций и передачи их молодому поколению, обсуждения и публикации научных трудов на русском языке, оказания помощи русским ученым и молодежи в получении и повышении образования. Создатели русского научного сообщества в российском зарубежье надеялись аккумулировать научный потенциал русского научного зарубежья и сделать научные достижения достоянием Родины после ее освобождения от большевиков. Шло формирование целой сети русских научных организаций и высших учебных заведений.

Живая культурная деятельность российского зарубежья способствовала появлению в целом ряде столиц Европы русских академических организаций, союзов и других объединений. Во многом это была реакция на политику советской власти по уничтожению «старой» академической науки и замене ее на «новую», «пролетарскую», науку. Данное настроение эмигрантской научной интеллигенции и других деятелей культуры российского рассеяния перекликалось с аналогичными взглядами их европейских коллег, которые видели в большевизме опасность для

европейской культуры и мировой цивилизации. Поэтому идея сохранения и приумножения российской науки и культуры в российском зарубежье часто совпадала с суждениями в кругах западных мыслителей и общественных деятелей, с идеей спасения европейской цивилизации от гибели. Инициаторы академического движения в российском зарубежье чаще всего негативно оценивали деятельность ученых в Советской России. Они называли «соглашателями» С.Ф. Ольденбурга и А.Е. Ферсмана, осуждали их за сотрудничество с советской властью и не допускали иного пути спасения российской науки, чем эмиграция. Однако многие ученые-эмигранты были не согласны с претензиями российского зарубежья на исключительное право сохранения российской науки. Так, в письме к И.И. Петрункевичу В.И. Вернадский однозначно подчеркивал: «Центр мысли и научной работы не в эмиграции, а в России...» Сыну же он пишет, что у российского зарубежья «корней в России нет: там идет свой процесс»¹. При создании русских академических организаций, союзов и других объединений были поставлены следующие задачи:

1. Сохранить российскую культуру и науку, сделать все необходимое, чтобы передать ее молодому поколению российской интеллигенции;

2. Объединить русских ученых за рубежом и дать им возможность продолжать научную деятельность, читать публичные лекции и печатать свои работы. С данной целью периодически в 1920-х годах устраивались многочисленные собрания и съезды в Праге, Белграде, Софии и других европейских культурных центрах, на которых ученые и специалисты разных дисциплин читали лекции и обменивались мнениями. После окончания данных мероприятий тексты докладов и стенограммы научных дискуссий нередко издавались отдельными брошюрами или специальными сборниками.

Первая русская Академическая группа была создана в Берлине и сразу же в первые годы эмиграции основала Русский институт при Берлинском университете, в котором читались курсы для молодых беженцев из России и для бывших русских военнопленных. Вскоре в Праге в 1921 г. была создана и начала активно действовать Академическая группа (входила в Союз русских академических организаций, просуществовала до 1945 г.), при материальной и моральной помощи Чехословацкого правительства и чешского президента А. Масарика, известной в истории русского зарубежья как «русская акция». Русская академическая группа в Праге занималась чисто научными задачами, например подготовкой к защите научных работ. Она также представляла русскую научную общность в Чехословакии на международной арене. Ее почетным председателем был А.С. Ломшаков. В первые годы существования Академической группой последовательно руководили П.И. Новгородцев, П.Б. Струве и Е.В. Спекторский. Здесь были созданы в начале 1920-х годов различные профессиональные и научные институты и университет. Их профессорами и приват-доцентами стали ученые-эмигранты, а студентам-эмигрантам выдавалась стипендия. Русская академическая группа в Праге действовала на всей территории Чехословакии и способствовала возникновению в Праге уникального научного семинара академика Н.П. Кондакова, научного института по изучению иконописи, древнерусского, византийского и восточного искусств в сравнительно-историческом плане. При Академической группе в Чехословакии действовали и другие эмигрантские научные учреждения, например Народный университет в Праге, который способствовал изданию научных работ своих сотрудников. Аналогичные функции выполнял Русский научный институт в Белграде, основанный Академической группой в Югославии.

Наибольшую известность получила Русская академическая группа в Париже. В феврале 1920 г. состоялось ее первое организационное собрание. С российской стороны участвовали Е.В. Аничков, П.П. Гронский, В.В. Дюфур, С.И. Карцевский, Н.М. Могилянский, М.И. Лот-Бородина, С.С. Почич, С.И. Метальников, М.И. Ростовцев, Ю.В. Семёнов, с французской – директор школы восточных языков Поль Буайе, бывший директор Французского института в Санкт-Петербурге Жюль Патуйе и профессор русского языка в Сорбонне Эмиль Оман. Но формально группа была основана 14 мая 1920 г. На общем собрании 19 октября 1920 г. председателем Группы был избран Е.В. Аничков, а после его отъезда в Белград, с 1 февраля 1921 г., его заменил профессор П.П. Гронский, а затем с 28 ноября 1922 г. до кончины в 1942 г. – А.Н. Анцыферов.

Группа помогала в организации защиты докторских и магистерских диссертаций, служила центром общения русских и иностранных научных работников. Академическая группа и Союз русских студентов организовали в январе 1921 г. лекцию профессора П.П. Гронского «Русская молодежь и будущее России». В прениях Г. Гребильский выступил против *«старой эмиграции, которая поехала в Россию с "демократическими идеалами" и насадила там большевизм»*. Председательствовал на данном собрании В.Д. Кузьмин-Караваев. Академическая группа приняла участие и в организации курсов по русской истории и литературе при содействии Института славистики. При проведении лекций, памятных литературных вечеров и Дней русской культуры Академическая группа сотрудничала с другими союзами и организациями. Совместно с Народным университетом 30 октября 1921 г. было проведено заседание памяти Ф.М. Достоевского в ознаменование 100-летия со дня его рождения. Дни русской культуры проводились Академиче-

ской группой совместно с Русским академическим союзом. П.Е. Ковалевский в 1971 г. отмечал: «Академическая группа в Париже за эти полвека не только объединяла русских профессоров во Франции, но поддерживала сношения с иностранными учреждениями всего мира. Ее члены участвовали в научных конгрессах, под ее покровительством был издан ряд книг и существовали научные семинары и Русский научный институт»².

Однако деятельность отдельных Академических групп не ограничивалась только территорией страны своего пребывания. Они способствовали расширению сферы деятельности Академических групп. Например, Русская академическая группа в Париже на заседании правления 6 декабря 1927 г. обсуждала вопрос о поручении Н.А. Тарновскому, уезжающему в Америку, принять меры, в согласии с проф. М.И. Ростовцевым, к образованию в Соединенных Штатах Русской академической группы. (Hoover Institution on war, revolution and peace. Baroness Maria Vrangeli, Box 18. Folder 188.)

Годы Второй мировой войны и последовавшая советская военная оккупация стран Восточной Европы внесли немало изменений в жизнь русских эмигрантов европейских столиц. Русским изгнанникам всех возрастов, в том числе и недавно прибывшим из оккупированных гитлеровскими фашистами земель СССР, пришлось вторично бежать все дальше на Запад, причем зачастую люди уходили с одним чемоданом в руках лишь за несколько часов до прихода Красной Армии в их страны. Им пришлось пережить период лагерей для так называемых «перемещенных лиц» (displaced persons, или «ди-пи») в Западной Германии и Австрии. Это были временные лагеря для беженцев всех национальностей, созданные Организацией Объединенных Наций под управлением ее местных учреждений. Здесь оказалось большое количество молодых людей, не успевших получить среднее или высшее образование. В конце 1940-х

годов для бывших советских военнопленных и других лиц, попавших за границу и не пожелавших возвращаться в СССР, были организованы курсы по различным специальностям и даже один полноценный университет, организованный в Мюнхене под эгидой УНРРА.

Тогда же из перенаселенной и разоренной Европы началось переселение в заокеанские государства, главным образом в Северную и Южную Америку и Австралию. Как сообщает профессор К.Г. Белоусов: «В США прибыл почти полностью преподавательский состав Мюнхенского (интернационального) УНРРА-университета, в котором сотрудничали почти все народности из-за “железного занавеса”. По инициативе бывших деканов отдельных его факультетов (профессора Белоусова, Билимовича, Митинского, Свентицкого) была создана Ассоциация американских и иностранных ученых с правами юридического лица с целью продолжить работу университета в США, куда эвакуировалось и значительное число студентов. В рамках ассоциации в 1947–1948 гг. создавалась русская секция, получившая традиционное название “Русская Академическая группа в США”»³. Первым председателем данной группы в 1948–1951 гг. был профессор Е.В. Спекторский, бывший ректор Киевского университета и один из наиболее крупных русских специалистов по философии, социологии и государственному праву. Вторым председателем в 1951–1965 гг. был профессор М.М. Новиков, доктор естественных наук, выдающийся международно признанный русский физиолог, зоолог и последний свободно избранный ректор Московского университета. Третьим председателем в 1966–1970 гг. был профессор А.А. Боголепов, бывший проректор Петроградского университета; сначала в России, а затем в Праге – профессор административного права, а в ПТТА и профессор канонического права. Четвертым председателем, в 1976–1977 гг., был профессор Н.С. Арсеньев, бывший профессор богословия в Кёнигсбергском

университете в Восточной Пруссии и ряде других европейских и американских университетов; религиозный философ, знаток мировой литературы и поэт. Пятым председателем, в 1978–1982 гг., был А.П. Оболенский, профессор русского языка и литературы в ряде американских университетов. С 1982 г. председателем Академической группы являлся профессор русского языка и литературы в Нью-Йорке Н.А. Жернакова. С 1967 г. регулярно выходит ежегодный

сборник статей «Записки Русской академической группы в США». В настоящее время Группа насчитывает около 130 человек.

Таким образом, благодаря этим Академическим группам российского зарубежья сохранялась, спасалась от уничтожения и часто приумножалась российская наука, особенно в плане гуманитарных и общественно-политических дисциплин.

Примечания

- ¹ Цит. по: Колчинский Э.И. Наука и эмиграция: Судьбы и цифры // Зарубежная Россия, 1917–1939. – СПб., 2003.: Сб. ст. – Кн. 2. – С. 168.
- ² Ковалевский П.Е. Парижская русская академическая группа // Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. – Париж, 1971. – С. 83.
- ³ Жернакова Н.А. О Русской академической группе в США и о ее Записках // Записки Русской академической группы в США. – N.Y., 1996–1997. – Т. 28. – С. 495.

ИДЕИ, КОНЦЕПЦИИ, ПОЛИТИКА

В.П. Борисов

ПРЕДСТАВИТЕЛИ НАУЧНО-ИНЖЕНЕРНЫХ ШКОЛ РОССИИ – ЭМИГРАНТЫ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

В потоке беженцев из России после прихода большевиков, составлявшем, по данным Лиги Наций, около 1 млн 160 тыс. человек (по состоянию на 1926 г.)¹, было немало людей с инженерным и естественно-научным образованием. Назвать их общее количество трудно; в большей или меньшей степени достоверные сведения имеются лишь для тех стран, в которых велся учет статистических данных такого рода.

В этом плане интерес представляют данные по Югославии, где по целому ряду причин имелись благоприятные условия для формирования организованного сообщества русских инженеров. В марте 1921 г. количество инженеров – беженцев из России – в данной стране составляло 836 человек (в это число не вошли люди с инженерным образованием среди военной эмиграции)².

Выпускники российских вузов занимались строительством и восстановлением железных дорог в Сербии, Черногории и других регионах, возведением государственных и общественных зданий, работой, связанной с машиностроением, химической технологией, авиацией, гидросооружениями и т.п. Значительная часть этих специалистов входила в Союз русских инженеров в Югославии (СРИЮ), созданный в июне 1920 г. Активная деятельность правления СРИЮ содействовала тому, что уже в начале 1921 г. среди русских инженеров в Югославии не было безработных³.

Организатором Союза русских инженеров в Югославии стал бывший профессор Петербургского политехнического института, генерал корпуса инженер-механиков флота Георгий Николаевич Пио-Ульский (1864–1938). Крупный специалист в области теории и расчета паровых турбин, проектирования судовых машин и механизмов, Г.Н. Пио-Ульский получил большое признание в Югославии. Занимая должность профессора технического факультета Белградского университета, он внес большой вклад в повышение

*БОРИСОВ
Василий
Петрович,
доктор
технических
наук,
Институт
истории
естествознания
и техники
им. С.И. Вавилова
РАН*

уровня подготовки выпускников этого факультета. В 1931–1937 гг. Г.Н. Пио-Ульский опубликовал на сербском языке фундаментальный труд по паровым машинам в четырех томах, а также курс термодинамики для студентов. Эти книги были изданы, кроме того, на французском языке парижским издательством «Dunod».

Ученый из России стал инициатором создания в Белградском университете Музея машин, к организации которого ему удалось привлечь крупные машиностроительные заводы Европы. Музей давал возможность студентам познакомиться как с историей машиностроения, так и с образцами нового оборудования и технологий.

Г.Н. Пио-Ульский был одним из организаторов Русского научного института, открытого в Белграде в 1928 г. В этом институте он руководил отделением математических и технических наук, работал в редакционной комиссии, с 1928 по 1934 г. являлся товарищем председателя правления. При участии Пио-Ульского был организован, начиная с 1928 г., выпуск журнала «Инженер» – единственного издания такой специализации на русском языке для инженеров-эмигрантов.

Являясь непримиримым противником большевизма, ученый возражал против сотрудничества с представителями СССР. Эта бескомпромиссность сказалась на судьбе самого Пио-Ульского: когда выяснилось, что его труды издаются в СССР, ученый оставил пост председателя правления Союза русских инженеров в Югославии, а затем уволился из Русского научного института. До конца жизни Г.Н. Пио-Ульский являлся почетным членом Союзов русских инженеров в Югославии и Франции.

Человек большой эрудиции, Г.Н. Пио-Ульский оставил заметный след в истории русской эмиграции. Своего рода памятником российскому зарубежью первой половины XX в. является его книга «Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов» (Белград, 1939)⁴.

Действительным членом Сербской академии наук стал еще один эмигрант из России, выпускник кораблестроительного факультета Петербургского политехнического института Яков Матвеевич Хлытчиев (1886–1963). С начала 1920-х годов Я.М. Хлытчиев работал на техническом факультете Белградского университета, в 1937 г. был избран на должность профессора. Читая в течение многих лет курсы технической механики и теории корабельных конструкций, русский ученый в период после Второй мировой войны был признан лидером научно-инженерной школы, основу которой составили его ученики по Белградскому университету. Я.М. Хлытчиев являлся организатором трех конгрессов по теоретической и прикладной механике в Югославии⁵.

Ученые, эмигрировавшие из России после 1917 г., играли заметную роль в научной жизни Югославии, – об этом свидетельствует тот факт, что 11 из них были избраны действительными членами и членами-корреспондентами Сербской академии наук.

Вместе с тем Югославию нельзя отнести к числу стран – лидеров в развитии науки и техники. Значительно больший интерес представляет то, как сложилась судьба российских ученых и инженеров, искавших себе применение в странах с высоким уровнем научно-технического развития, в первую очередь Германии, Англии, Франции, США. Возвращаясь к Югославии, следует отметить, что часть осевших там русских инженеров работали не по специальности⁶. В высокоразвитых странах процент «неустроенных» деятелей науки и техники, прибывших из России, был существенно больше. Путь к научно-инженерной работе для них, как правило, требовал изучения языка, знакомства с местными нормативными документами и многого другого. На это приходилось затрачивать усилия и время. Упомянутый выше Г.Н. Пио-Ульский писал:

«...Многие отличные русские инженеры... за время, необходимое для изучения языка, были малярами, садовниками, обмывали покойников и т.д. Но, усвоив язык, получали работу по специальности, и дальнейшее зависело от энергии и способности и, конечно, удачи; многие русские заняли выдающееся положение в науке и промышленности»⁷.

Действительно, можно назвать целый ряд российских ученых, в том числе представителей технических наук, работа которых за рубежом принесла им мировую известность. Путь к признанию ученых, работавших в области техники и прикладных наук, был связан, как правило, с преодолением немалых трудностей. Стать лидером в данной области – означало разработать новую технику, превосходящую по своим параметрам то, чего достигли конкуренты – фирмы, имеющие немалый опыт работы в знакомой для них промышленности. Биографии российских эмигрантов, завоевавших высокий авторитет своими достижениями в области техники, содержат много поучительного и заслуживают того, чтобы осветить их более подробно.

Профессор Петербургского института инженеров путей сообщения, Петербургского и Киевского политехнических институтов Степан Прокофьевич Тимошенко (1878–1972) являлся воспитанником российской школы теоретической и прикладной механики, сложившейся во второй половине XIX – начале XX в. Тимошенко получил образование в Петербургском институте инженеров путей сообщения, где работали крупные математики В.И. Висковатый, М.В. Остроградский, В.Я. Буныковский, И.И. Сомов, специалисты в области прикладных наук П.П. Мельников, Д.И. Журавский, Н.А. Белелюбский, Л.Ф. Николаи, Ф.С. Ясинский и др. Большое влияние на формирование Тимошенко как ученого оказали встречи с выдающимся математиком, механиком и кораблестроителем А.Н. Крыловым и специали-

стом в области механики деформируемого твердого тела В.Л. Кирпичёвым.

К моменту эмиграции из России Тимошенко являлся широко образованным ученым, в совершенстве владевшим экспериментальными и теоретическими методами исследований в области сопротивления материалов, деформаций и устойчивости механических систем.

В начале 1920 г. Тимошенко уезжает в Югославию. Затем, после двух лет работы в Загребском политехническом институте, перебирается в США. С 1923 г. ученый являлся сотрудником исследовательского института компании «Westinghouse Electric», в которой работали еще несколько русских эмигрантов, в частности В.К. Зворыкин и И.Э. Муромцев. Деятельность Тимошенко в «Westinghouse» оказалась связанной с решением главным образом прикладных задач. Ученому из России часто приходилось выступать в роли консультанта по вопросам расчетов на прочность и устойчивость механических систем.

«...Основательная подготовка в математике и в основных технических предметах давала нам (т.е. русским. – В. Б.) громадное преимущество перед американцами, особенно при решении новых, нестандартных задач», – объяснял Тимошенко в своих воспоминаниях причину частых обращений к нему за консультациями⁸.

Впитавший дух лучших петербургских и европейских научно-инженерных школ, Тимошенко с трудом привыкает к порядкам, характерным для Америки 1920-х годов.

«Я уже около двух лет служу в Research Dept. Westinghons'a, – пишет он в 1925 г. находившемуся во Франции В.И. Вернадскому. – Как далеки все эти учреждения от тех фантазий, которые я когда-то имел в России относительно американских научных учреждений! Никакой науки и никакого Research'a здесь нет! По крайней мере в моей области это настоящая пустыня, и здешние лаборатории ни с русскими, ни даже с Загребом сравнить нельзя. Страна удивительная! Живут люди с материальным комфортом и обходят-

ся без газеты, без театра, без порядочного книжного магазина, без библиотек!! Чтобы добыть порядочную научную книгу, нужно писать самому в Европу. Такая библиотека, как Categy, на которую ухлопано много денег, не имеет ни одного математического журнала из Европы! Научная литература на французском и немецком языках почти отсутствует! Для меня остается загадкой, как при этом научном и техническом невежестве страна процветает!»⁹

В течение 30 лет Тимошенко преподавал курс сопротивления материалов и ряд других дисциплин в Мичиганском и Станфордском университетах, а также в получившей большую известность летней школе механики для докторантов и дипломированных инженеров. После 1955 г. ученый оставил преподавание, решив сосредоточить усилия на работе, связанной с изданием своих книг. К этому времени Тимошенко занимал ведущее положение в США среди специалистов в области механики.

В 1957 г. Американским обществом инженеров-механиков была учреждена медаль имени С.П. Тимошенко. Первой такой медалью был награжден сам Степан Прокофьевич – «за неоценимый вклад и личный пример как лидер новой эры в прикладной механике». С.П. Тимошенко, воспитавшего в США целую плеяду учеников, по праву называют «отцом современной американской механики».

Всегда стремившийся к объективности, ученый написал в воспоминаниях: «Обдумывая причину наших достижений в Америке, я прихожу к заключению, что немалую роль в этом деле сыграло образование, которое нам дали русские высшие инженерные школы»¹⁰.

Многотрудным был путь к мировому признанию выпускника Петербургского технологического института Владимира Козьмича Зворыкина. Еще учась в институте, Зворыкин загорелся идеями разработки системы электронного телевидения, в значительной степени под влиянием пио-

нера претворения таких идей в реальность профессора Б.Л. Розинга. По окончании в 1912 г. Петербургского технологического института Зворыкин не оставляет мысль проводить исследования в интересующей его области техники. Однако начинается Первая мировая война, научные планы откладываются. После возвращения с фронта Зворыкина ждут новые испытания. В стране гражданская война, о спокойной работе в лаборатории бывшему офицеру не приходится даже мечтать.

«Становилось очевидным, – писал Зворыкин в воспоминаниях, – что ожидать возвращения к нормальным условиям, в частности для исследовательской работы, в ближайшем будущем не приходилось... Новое правительство издало строгие декреты, согласно которым все бывшие офицеры обязывались явиться в комиссариат для призыва в Красную армию... Мне не хотелось участвовать в гражданской войне. Более того, я мечтал работать в лаборатории, чтобы реализовать идеи, которые я вынашивал. В конце концов я пришел к выводу, что для подобной работы нужно уезжать в другую страну, и такой страной мне представлялась Америка»¹¹.

В 1918 г., преодолев немало трудностей, Зворыкин уезжает в США. Спустя два года ему удается найти работу в исследовательской лаборатории фирмы Westinghouse Electric. Получив возможность реализации давно вынашиваемых идей, Зворыкин практически в одиночку разрабатывает полностью электронную телевизионную установку и в декабре 1923 г. подает заявку на изобретение телевизионной системы нового типа¹².

Первую заявку Зворыкина на изобретение системы электронного ТВ ожидала трудная судьба. В течение многих лет Патентное ведомство США отказывало изобретателю в выдаче патента, ссылаясь на то, что изготовить фоточувствительную пластину такого рода практически невозможно. Патент ему выдали лишь

спустя 15 лет (!) после подачи заявки – 20 декабря 1938 г., когда многие жители Нью-Йорка уже имели дома телевизионные приемники с кинескопом Зворыкина.

26 июня 1933 г. Зворыкин выступил на годичной конференции Американского общества радионженеров с докладом «Иконоскоп – современный вариант электрического глаза»¹³. В этом выступлении изобретатель подвел итог своей многолетней работы над передающей телевизионной трубкой, раскрыв технические секреты, до тех пор не публиковавшиеся в печати. Иконоскоп Зворыкина, по существу, открыл эру электронного телевидения, став основой средства коммуникации, о котором многие поколения людей могли лишь мечтать.

Получив признание во всем мире как автор фундаментальных изобретений в области телевидения, Зворыкин внес значительный вклад в развитие и других направлений техники: в 1930-х – начале 1940-х годов им была выполнена серия работ по созданию электронных микроскопов; в его лаборатории разрабатывались также фотоэлектронные приборы, электронно-оптические преобразователи.

С началом Второй мировой войны в работе Зворыкина значительное место занимают работы, связанные с военной тематикой. В его лаборатории создаются аппаратура ночного видения, телевизионные бортовые устройства для наведения на цель бомб и ракет, приборы для систем радиолокации и др. Он стал членом консультативного комитета при ВВС США, работал в Подкомитете по научным исследованиям оборонного назначения, был награжден специальным дипломом Министерства обороны США.

В 1943 г. Зворыкин, до того не занимавшийся общественной деятельностью и не примыкавший ни к каким партиям, дал согласие возглавить Нью-Йоркское отделение Фонда помощи жертвам войны в России, занимавшегося поставкой населению СССР продовольствия, одежды и т.п. В деятельности фонда участвовали жена

президента Элеонора Рузвельт и вице-президент Генри Уоллес, что гарантировало законность дела. Тем не менее эта история имела для Зворыкина печальные последствия.

В 1945 г. в США были сформированы группы специалистов для поездок по только что занятой союзническими войсками территории Германии. Задача заключалась в том, чтобы определить важность сохранившихся результатов исследований и промышленных разработок, выявить высококвалифицированных ученых и инженеров и т.п. (Аналогичные команды создавались и в СССР, что привело к своеобразному соревнованию: В. фон Брауна «захватили» американцы, зато в СССР отправился М. Фон Арденне и т.д.)

Когда Зворыкин явился в Вашингтонский аэропорт, чтобы лететь вместе с группой в Германию, неожиданно выяснилось, что покидать пределы США ему не разрешено. О подоплеке произошедшего инцидента Зворыкин написал в своих воспоминаниях:

«...Я узнал, что мой паспорт задержан госдепартаментом из-за того, что я являюсь членом Фонда помощи жертвам войны в России. Поскольку эта организация была вполне легальной, единственное объяснение я усматриваю в своем русском происхождении. Что и говорить, горькая пилюля после многих лет и стольких трудов, отданных моей новой стране. Я снова почувствовал себя как в клетке. Пришлось выйти из состава Комитета по Германии и готовиться к увольнению из RCA, так как я лишился в этой ситуации допуска к своей работе над секретными проектами... В конце концов в 1947 г. мне вернули паспорт, и я опять стал свободным человеком».

В послевоенные годы диапазон изобретательской мысли русского американца еще более расширился. Очень плодотворной в этот период была его деятельность по применению электроники в биологии и медицине. С 1954 г. Зворыкин являлся директором Центра медицинской электроники при Институте Рокфеллера, затем был избран

президентом-основателем Международной федерации медицинской электроники и биологической техники. В.К. Зворыкин был удостоен более 30 высоких наград разных стран, в том числе Золотой пластины Американской академии достижений, ордена Почетного легиона Франции, медали им. Фарадея Британского института инженеров электриков и др.

Потомственный дворянин Владимир Иванович Юркевич (1885–1964) представлял в эмиграции российскую научно-инженерную школу кораблестроения, фундамент которой был заложен в Санкт-Петербургском политехническом институте. В своих воспоминаниях Юркевич называет имена тех, кто в начале XX в. многое сделал для воспитания первоклассных специалистов в данной области.

«Кораблестроительное отделение получило не только наилучших профессоров-специалистов, как то К.П. Боклевского (первого декана отделения) – по корабельной архитектуре, А.Н. Крылова – по расчетам вибрации и непотопляемости, И.Г. Бубнова – по строительной механике корабля, С.П. Тимошенко – по теории упругости, но могло, кроме того, располагать, для общетехнической и математической подготовки, курсами профессоров других инженерных отделений института. Нечего говорить, что оборудование чертежных, лабораторий, плаза, где корабль чертили в натуральную величину на полу, – было также первоклассное»¹⁴.

По окончании института (1909) Юркевич работал на Балтийском судостроительном заводе, где специализировался на гидродинамических расчетах, связанных с проектированием кораблей. Занимаясь работой по созданию военных линейных кораблей, он предложил новую концепцию проектирования корпуса судов. Разработанные им линии обводов для корпуса корабля дали отличные результаты при макетных испытаниях. Начавшаяся революция помешала строительству кораблей «Бородино», «Кинбурн» и др. по проектам Юркевича.

В 1920 г. Юркевич покинул Россию. Проведя два года в Константинополе, переехал затем в Париж. Какое-то время работал токарем на автомобильном заводе «Рено». Со временем появилась возможность вернуться к работе по специальности – сначала на судостроительном заводе в г. Аржантей, а с 1929 г. на верфи в Сен-Назере. Вспоминая об этом времени, Юркевич писал:

«Когда после десятилетнего перерыва я вновь принялся за свои прежние исследования и за изучение того, что за эти годы было сделано нового, я думал, что все ушло так далеко вперед, что мои расчеты, конечно, окажутся уже устаревшими и ненужными. К своему большому удивлению, при проверке данных лучших кораблей... я заметил, что ни на одном из них не было достигнуто тех результатов, которые они должны были бы дать, если бы были спроектированы по моему методу»¹⁵.

Благодаря рекомендации адмирала С.С. Погуляева, работавшего во французском Морском генштабе, Юркевич получил возможность разработать и представить свой проект на конкурс по созданию большого пассажирского океанского лайнера для трансатлантических маршрутов. Применяя свой метод расчета, русский инженер предложил оригинальный профиль корпуса корабля, имевший своеобразные «бульбообразные» обводы. Опытные испытания модели в Гамбургском бассейне подтвердили высокие ходовые качества конструкции. Из более чем 20 представленных вариантов проект Юркевича оказался лучшим и был положен в основу при создании трансатлантического лайнера «Нормандия». Построенный в конце 1920 – начале 1930-х годов, лайнер стал одним из самых больших (водоизмещением 83 400 т), быстроходных и комфортабельных судов. После первого рейса в 1935 г. лайнер стал обладателем приза «Голубая лента Атлантики», установив рекорды наименьшей продолжительности перехода и наивысшей средней скорости¹⁶.

В 1937 г. Юркевич переехал в США, где основал фирму «Yourkevitch Ship Design Inc». В 1943 г. фирмой был разработан проект строительства железобетонных танкеров трубного типа грузоподъемностью свыше 100 т. На основе этого проекта был построен танкер «Фантом» грузоподъемностью 300 т.

В годы Второй мировой войны Юркевич вел работу по сбору денежных средств для оказания помощи населению СССР, пострадавшему от вторжения фашистских войск.

В опубликованных трудах Юркевич не раз подчеркивал большой вклад научно-инженерной школы Санкт-Петербургского политехнического института в мировое кораблестроение: «Многие теоретические расчеты наших профессоров Крылова, Бубнова и окончивших курс инженеров Харитоновича, Папковича, Хлытчиева и многих других дали основу для дальнейшего судостроительного прогресса во всех странах, в чем я на опыте убедился, работая со многими известными корабельными инженерами до Первой мировой войны в Германии, а после нее во Франции, Англии и США»¹⁷.

Для подавляющего большинства ученых выезд в эмиграцию был тяжелым жизненным испытанием; настоящей катастрофой он стал для тех, кто терял при этом плоды своих многолетних усилий, имевшие большую научную и материальную ценность.

Представитель известного рода промышленников и банкиров Дмитрий Павлович Рябушинский посвятил свою жизнь, начиная со студенческих лет, захватившей его науке – аэродинамике. В 1904 г. на территории фамильного имения в Кучино Дмитрий Павлович строит на свои деньги Аэродинамический институт. Проведенное Рябушинским исследование авторотации воздушных винтов принесло молодому экспериментатору мировую известность. Важные результаты были получены в Кучинском институте в развитии теории

подобия исследования ламинарных и турбулентных потоков, спектров обтекания тел и др.

После Октябрьской революции Кучинский институт был национализирован, Рябушинский первоначально продолжал оставаться его директором. Ученый полагал, что созданный им Аэродинамический институт принесет пользу и новым властям, а социальное происхождение руководителя института не имеет большого значения. Эти иллюзии быстро развеялись, когда Д.П. Рябушинского арестовали и препроводили в ВЧК. Благодаря помощи влиятельных знакомых ему удалось выйти из тюрьмы и бежать за границу.

С 1919 г. Рябушинский жил и работал в Париже. О временах, когда в его распоряжении был большой, хорошо оборудованный институт, пришлось забыть; удачей было уже то, что в Сорбонне ему предоставили возможность проводить исследования, а затем читать лекции. В 1922 г. за работы в области гидродинамики Парижский университет удостоил Рябушинского ученой степени доктора математических наук. В этом университете в период с 1925 по 1953 г. Рябушинский прочитал 15 курсов лекций. В 1935 г. Академия наук Франции избрала Рябушинского своим членом-корреспондентом.

С 1929 г. Д.П. Рябушинский являлся заместителем директора лаборатории механики жидкостей Института механики Сорбонны. На этой должности он оставался вплоть до 1940 г., когда лаборатория была закрыта германскими оккупационными властями. После Второй мировой войны ученый сотрудничал главным образом с Национальным центром научных исследований Франции.

За более чем полувековой период творческой деятельности Рябушинский опубликовал более 200 научных работ по проблемам аэродинамики, баллистики, астрофизики, гидродинамики, геометрии, математики и др. В течение многих лет Дмитрий Павлович возглавлял Русское

научно-философское общество во Франции, Общество охранения русских культурных ценностей за рубежом¹⁸.

Удивительным образом сложилась судьба профессора Петербургского политехнического института Бориса Александровича Бахметева, получившего известность еще до Первой мировой войны своими работами в области гидравлики и гидротехнических систем.

По проектам Б.А. Бахметева были построены гидроэлектрические установки для Уральского электрометаллургического завода на реке Сатке, лесопильного производства Родзянко на реке Веретня и др.¹⁹ Несомненный исторический интерес представляет выполненный под руководством Бахметева проект строительства большой гидроэлектростанции на Днепре. Реализации проекта помешали Первая мировая война и последующие социально-политические события. Своего рода воплощением в жизнь планов Бахметева стал построенный уже в советское время ДнепрогЭС. Отдавая должное размаху работ этого детища строительства социализма, Бахметев в своих воспоминаниях отмечал, что в случае реализации его проекта затраты были бы на порядок меньше, при этом не требовалось переселять деревни и затапливать кладбища.

С началом Первой мировой войны значительное место в жизни Бахметева стала занимать общественно-политическая деятельность. В 1915 г. он был привлечен к деятельности Военно-промышленного комитета России с целью организации поставок из США для Российской армии. В марте 1917 г. деятельный профессор Петербургского политехнического института назначается товарищем (заместителем) министра торговли и промышленности Временного правительства А.Ф. Керенского, а спустя всего лишь полтора месяца на него возлагается миссия посла России в США.

Речи, которые пришлось произносить Бахметеву после прибытия в США, были проникнуты духом оптимизма, уверенно-

стью в том, что Временное правительство дееспособно, а российское общество последовательно идет по пути демократизации. Отличительной чертой выступлений Бахметева была убежденность в том, что начавшиеся преобразования в России должны содействовать установлению демократии, свободы, права собственности. Эту убежденность Бахметев сохранял и после того, как к власти пришли большевики.

«Я бесконечно верю в Россию, – писал он в сентябре 1921 г. последнему председателю Думы М.В. Родзянко. – Свое вдохновение я черпаю в ее истории... На протяжении десяти веков история нас била и пытала; но мы неуклонно развивались, и через все испытания русский народ пронес свою религию, свой язык и свою культуру. Мое долговременное пребывание в Америке показало мне многое, чего нельзя понять, живя в России или в Европе... и это меня укрепило лишь еще более в моей вере»²⁰.

Поскольку США не торопились признавать правительство большевиков, Бахметев продолжал занимать должность посла России в США в течение пяти лет. Свой статус Бахметев неоднократно использовал, чтобы оказать поддержку соотечественникам, покинувшим Россию после октябрьского переворота. Новые русские эмигранты, включая выдающихся деятелей науки и техники – В.К. Зворыкина и И.И. Сикорского, на всю жизнь сохранили благодарность за помощь с устройством в США. Важным результатом деятельности Бахметева стало создание Российского гуманитарного фонда в США, который он возглавлял много лет; кроме того, он был директором Фонда помощи российским студентам.

В 1922 г. Бахметев прекратил работу в качестве посла и принял решение вернуться к научно-инженерной деятельности. В 1923 г. он открыл в Нью-Йорке консультационную фирму по вопросам проектирования гидравлических систем. Заказчиков было немного, и Бахметев ре-

шил попробовать себя в более динамичном бизнесе. Вместе с несколькими компаньонами он создал компанию Lion Match Factory по выпуску спичек. Благодаря активной деятельности и расширению производства принадлежащая компаньонам фабрика стала одной из ведущих в США по изготовлению спичек.

Успешный бизнес приносил большой доход, что позволило Бахметеву как председателю совета компании Lion Match Factory направлять значительные средства для проведения акций Гуманитарного фонда в помощь русскому детскому дому и т.п. Сам Бахметев получил наконец возможность посвятить свою основную деятельность научным исследованиям в лаборатории гидравлики Колумбийского университета в Нью-Йорке. В этом же университете с 1931 г. до конца жизни он возглавлял кафедру гражданского строительства.

Бахметев внес вклад в развитие «новой гидравлики», в числе первых применив в этой области достижения и методы аэродинамики, что открыло новые горизонты в развитии науки о течениях жидкости. Его монография «Механика турбулентного движения» (1936) была переведена на несколько иностранных языков, за эту книгу Бахметев был награжден Большой медалью Общества дипломированных инженеров Франции. Научный авторитет бывшего посла был общепризнанным; как отмечал не без гордости Бахметев, американские специалисты по гидравлике стали называть его своим «деканом». Один из шкафов его нью-йоркской квартиры украшала коллекция дипломов американских и иностранных научных обществ, избравших Бахметева своим членом.

В отличие от многих других ученых-эмигрантов Бахметев не был забыт и на родине. В 1928 г. в Ленинграде была издана его книга «О неравномерном движении жидкости в открытом русле», а спустя год еще одна монография – «О равномерном движении жидкости в каналах и трубах»²¹.

Накануне 70-летия Бахметева в США вышел сборник, написанный в его честь 14 ведущими американскими специалистами в области гидравлики и прикладной механики. Это был замечательный подарок для Бахметева, подчеркивавшего, что главным итогом своей работы в США он считает «вклад в развитие инженерного дела». Как отмечал нью-йоркский «Новый журнал», в этот период жизни «к русской эмигрантской политике он особого вкуса не имел и относился к ней с некоторым, может быть преувеличенным, скептицизмом»²². При этом мысли о России не оставляли его на протяжении всей жизни, свидетельством чего является переписка Б.А. Бахметева с В.А. Маклаковым, включающая в себя более 270 писем и продолжавшаяся с 1919 по 1951 г.²³

Борис Александрович Бахметев скончался в Нью-Йорке 21 июля 1951 г. Данью памяти политику, общественному деятелю и ученому стали названные его именем Бахметевский гуманитарный фонд и созданный при Колумбийском университете Бахметевский архив российской и восточно-европейской истории и культуры²⁴.

Эмиграция Б.А. Бахметева стала как бы вынужденным продолжением пребывания в служебной командировке с учетом изменившихся обстоятельств. Совсем иначе рассматривались факты «невозвращения» в СССР ученых, командированных за границу уже при советской власти. Характерным в этом смысле был общественно-политический резонанс на невозвращение из-за рубежа в 1930-е годы двух крупнейших советских химиков – А.Е. Чичибабина и В.Н. Ипатьева. Оба ученых являлись действительными членами Академии наук СССР, их желание работать в странах Запада, а не в СССР, затрагивало, по мнению партийных чиновников, политические интересы Советского государства. Решением Центрального исполнительного комитета СССР от 5 января 1937 г. А.Е. Чичибабин и В.Н. Ипатьев были лишены советского гражданства. Так же как ученым, выслан-

ным в 1922 г. на «философском пароходе», им навсегда запрещался въезд в СССР.

«Чичибабин и Ипатев показали, что они не умеют и не хотят честно относиться к общественному долгу, – писала газета “Правда” в передовой статье 6 января 1937 г. – Они не хотят отдать свои способности социалистической родине. Они предпочли за высокую плату отдать свои способности капиталистическому обществу»²⁵. Суровые слова, по существу переречеркнувшие то, что было сделано учеными у себя на родине. Между тем А.Е. Чичибабин и В.Н. Ипатев внесли значительный вклад в организацию отечественной химической промышленности, а решение работать последние годы жизни на Западе стало следствием драматических событий и больших раздумий.

Химик-органик, один из организаторов советской химико-фармацевтической промышленности, академик АН СССР Алексей Евгеньевич Чичибабин с 1900 г. являлся приват-доцентом Московского университета. В 1911 г. вместе с группой профессоров и преподавателей ушел в отставку из университета в знак протеста против реакционной политики царского правительства в области высшего образования.

В 1909–1930 гг. Чичибабин заведовал кафедрой органической химии в Московском техническом училище (в советское время – МВТУ). Одновременно возглавлял (с 1918) правление Государственных химико-фармацевтических заводов и Научный химико-фармацевтический институт, в 1922–1927 гг. – президент Научно-технического совета химико-фармацевтической промышленности, главный редактор Государственной фармакопеи.

Основные работы А.Е. Чичибабина посвящены химии гетероциклических азотосодержащих соединений, главным образом пиридина. Ученый является автором нескольких открытий, им разработаны способы получения многих химических продуктов. А.Е. Чичибабин – автор фундаментального учебника «Основные начала

органической химии» (1925), выдержавшего семь изданий (7-е изд. – 1963).

В марте 1928 г. А.Е. Чичибабин вместе с группой ученых обратился к правительству с «Запиской», в которой обосновывалась необходимость перехода к широкой химизации народного хозяйства. Совет народных комиссаров СССР на основании этой записки принял важное постановление «О мероприятиях по химизации народного хозяйства Союза ССР».

Даже из сухих строчек краткой биографии А.Е. Чичибабина можно понять, что ученый вряд ли стремился выехать из своей страны после Октябрьской революции. Активная научно-педагогическая деятельность в МВТУ, большая организационно-техническая работа в химико-фармацевтической промышленности целиком занимали время химика, работы которого получили широкую известность.

Переломным моментом, как уже отмечалось, в жизни А.Е. Чичибабина стала трагическая гибель его 20-летней дочери во время прохождения студенческой практики на Дорогомилковском химзаводе в Москве. Находясь в Москве супругам Чичибабиным было тяжело, всё напоминало о нелепо ушедшей из жизни единственной дочери Наташе.

В 1930 г. А.Е. Чичибабин вывез жену в Париж для лечения в психоневрологической клинике, сам же стал проводить исследования в лаборатории фармацевтической химии Пастеровского института. Ученому идет седьмой десяток, через одного из посетивших его коллег Чичибабин узнает, что от работы в своей московской лаборатории он уже отстранен. «Если “страна” так мало ценит мою работу, – пишет А.Е. Чичибабин секретарю АН СССР Н.П. Горбунову, – и... не готовы условия для немедленного продолжения мною работ, я прошу оставить меня здесь»²⁶.

Ученый сознательно заключил слово «страна» в кавычки, поскольку от имени государства в данном случае выступали чиновники, не способные оценить истинное

значение работ А.Е. Чичибабина. В СССР разворачивались массовые репрессии в промышленности; трудно сказать, что ожидало бы ученого в случае его возвращения. В 1938 г. по ложному обвинению был арестован ученик А.Е. Чичибабина – П.Г. Сергеев. Вместе с двумя другими выпускниками МВТУ Р.Ю. Удрисом и Б.Д. Кружаловым продолжать исследования П.Г. Сергееву пришлось в качестве заключенного в специально оборудованной лаборатории «шараги». На свободу всех троих выпустили лишь в 1946 г., когда потребовалось внедрить в производство результаты сделанного ими открытия.

Много общего с судьбой А.Е. Чичибабина оказалось и в жизни Владимира Николаевича Ипатьева.

Родившийся в 1867 г. в семье известного московского архитектора, В.Н. Ипатьев еще до революции получил звание профессора химии, затем – заслуженного профессора. Ему был присвоен также чин генерал-майора. В советское время Ипатьев был избран действительным членом АН СССР, стал лауреатом Ленинской премии.

Основным направлением научных исследований В.Н. Ипатьева являлся катализ при высоких температурах и давлениях. Им были впервые предложены термokatалитические способы разложения спиртов для синтеза альдегидов, эфиров, олефинов, диеновых углеводородов. Ученый первым применил высокие давления для целей гетерогенного катализа, осуществил полимеризацию этилена, указав на возможность получения полиэтилена различной молекулярной массы. Ипатьев является автором многих научных трудов, в том числе фундаментальной монографии «Каталитические реакции при высоких температурах и давлениях» (М. – Л., 1936).

С 1921 г. Ипатьев занимал должность руководителя Главного химического управления ВСНХ, в 1923–1926 гг. являлся председателем Химического комитета при Революционном совете.

В 1930 г. выдающийся русский химик был командирован в Берлин для участия во Втором международном энергетическом конгрессе. Из зарубежной поездки Ипатьев в СССР не вернулся. Занимался чтением лекций в Чикагском университете, работал в исследовательской лаборатории фирмы «Universal Oil Products Co.».

Если в судьбе А.Е. Чичибабина роковую роль сыграла трагедия в его семье, то причиной невозвращения В.Н. Ипатьева стали социально-политические события, происходившие в советском обществе и непосредственно затронувшие близкую ему научную среду.

В 1926–1929 гг. начались аресты коллег и друзей В.Н. Ипатьева: были арестованы академики С.Ф. Платонов и Н.П. Лихачёв, организатор промышленности П.А. Пальчинский, инженер В.П. Камзолкин, любимый ученик В.Н. Ипатьева Г.Г. Годжелло. Чрезвычайно взволновал Ипатьева арест в феврале 1929 г. его давнего близкого друга члена-корреспондента АН СССР Е.И. Шпитальского. «Мое настроение стало особенно тревожным, – писал Владимир Николаевич в мемуарах, – потому что Е.И... знал все детали моей жизни и при допросе совершенно случайно мог сообщить некоторые факты, которые позволили бы привлечь и меня к допросу, а впоследствии и к аресту. Хотя я хорошо знал благородную натуру Е.И... но все слышанное мной о допросах ГПУ... невольно порождало в моей душе мысль о возможности и моего ареста»²⁷.

Друзья Ипатьева, имевшие связи в соответствующих инстанциях, предупредили, что академик является кандидатом для последующих арестов. В случае такого ареста губительными для ученого становились хотя бы его прошлые контакты с царской семьей, Л.Д. Троцким, П.А. Пальчинским и другими людьми, зачисленными в категорию «врагов народа».

Оставалось либо ждать ночного стука в дверь, либо попытаться вырваться за пределы стягивающегося кольца. В.Н. Ипатьев выбрал второе. Работая в США, В.Н. Ипатьев

получил как ученый широкую известность, его избирали «Человеком года», журналы писали об огромных гонорах, которые выплачивают промышленные фирмы за его блестящие работы.

Сам ученый вел скромную жизнь, очень тосковал по родине. Желание вернуться в Россию стало особенно сильным, когда в жизни нашего народа наступил трудный период – Великая Отечественная война. Трижды, начиная с 1941 г., В.Н. Ипатьев подавал заявление с просьбой разрешить ему вернуться на родину, но каждый раз получал отказ.

Так закончились на чужбине дни русского ученого, которого нобелевский лауреат Р. Вильштеттер назвал «самым великим человеком в истории химии»²⁸.

В 1936 г. в одном из писем на родину академик В.Н. Ипатьев высказал то, что считал для себя очень важным: «...всякий ученый работает не только для своей страны, но и для всего человечества. Я люблю свою родину и, творя новые открытия, всегда думал и думаю теперь, что все это принадлежит ей, и она будет гордиться моей деятельностью»²⁹. Предсказание академика В.Н. Ипатьева сбылось спустя лишь многие годы.

Память об ученых, работавших в эмиграции, и гордость за выдающиеся достижения пришли на их родину. Осталось, однако, чувство горечи от сознания того, как много русских умов было вынуждено искать себе применение на чужбине.

Примечания

- ¹ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. – Париж, 1971. – С. 13.
- ² Эпоха. – Берлин, 1921. – 16 июня.
- ³ Миленкович М.Т. Союз русских инженеров в Югославии // Культурное наследие российской эмиграции, 1917–1940. – М., 1994. – Кн. 1. – С. 360–369.
- ⁴ Борисов В.П. Георгий Николаевич Пио-Ульский // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. – М. 1997. – С. 499–500.
- ⁵ Борисов В.П., Ермолаева К.С. Яков Матвеевич Хлытчиев // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. – М. 1997. – С. 499–500.
- ⁶ Инженер. – Белград, 1930. – № 1.
- ⁷ Пио-Ульский Г.Н. Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. – Белград, 1939. – С. 43.
- ⁸ Тимошенко С.П. Воспоминания. – Киев, 1993. – С. 230.
- ⁹ Из писем С.П. Тимошенко В.И. Вернадскому // Российская научная эмиграция. Двадцать портретов. – М., 2006. – С. 132.
- ¹⁰ Тимошенко С.П. Воспоминания. – Киев, 1993. – С. 238.
- ¹¹ Борисов В.П. Владимир Козьмич Зворыкин. – М., 2002. – С. 32.
- ¹² Zworykin V.K. U.S. Patent # 2 141 059. Filed 29/12/1923, issued 20/12/1938.
- ¹³ Zworykin V.K. The Iconoscope – A Modern version of the electric Eye // Proceedings of Institute radio engineers. – N.Y., 1934. – Vol. 22. – P. 16–32.
- ¹⁴ Юркевич В.И. Кораблестроительное отделение Санкт-Петербургского политехнического института // Санкт-Петербургский политехнический институт. – Париж; Нью-Йорк, 1958. – С. 126–128.
- ¹⁵ Юркевич В.И. «Нормандия» // Морской журнал. – Прага, 1935. – № 96 (12). – С. 8.
- ¹⁶ Борисов В.П. Владимир Иванович Юркевич // Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. – М., 1997. – С. 735–736.
- ¹⁷ Фрид В.Г. Владимир Иванович Юркевич // Развитие отечественного флота. – Л., 1990. – Вып. 491. – С. 13–19.
- ¹⁸ Борисов В.П. Старовер и член Французской академии из династии Рябушинских // Российская научная эмиграция: 20 портретов. – М., 2006. – С. 153–164.

- ¹⁹ Российский государственный исторический архив. – Ф. 25. Оп. 1. Д. 295. Л. 6–7. Автобиография, 1912.
- ²⁰ Цит. по: Будницкий О.В. Послы несуществующей страны // «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. – М.; Станфорд, 2001. – Т. 1. – С. 101–102.
- ²¹ Бахметев Б.А. О равномерном движении жидкости в каналах и трубах. – Л., 1929.
- ²² Памяти Б.А. Бахметева // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1951. – № 26. – С. 254.
- ²³ «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. – М.; Станфорд, 2001. – Т. 1–3.
- ²⁴ Борисов В.П. Бахметев Борис Александрович // Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. – М.: РОСПЭН, 1997. – С. 70–71.
- ²⁵ Правда. – М., 1937. – 6 января.
- ²⁶ Волков В.А. А.Е. Чичибабин и В.Н. Ипатьев – трагические судьбы // Российские ученые и инженеры в эмиграции. – М., 1993. – С. 63.
- ²⁷ Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика: Воспоминания. – Нью-Йорк, 1945. – Т. 2. – С. 541.
- ²⁸ Волков В.А. Ипатьев Владимир Николаевич // Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. – М.: РОСПЭН, 1997. – С. 274.
- ²⁹ Волков В.А. А.Е. Чичибабин и В.Н. Ипатьев – трагические судьбы // Российские ученые и инженеры в эмиграции. – М., 1993. – С. 66.

ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ

Е.А. Бондарева, Ю.В. Мухачёв

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЮГОСЛАВИИ (1920–1945)

**Прибытие и размещение русских беженцев
в Королевстве СХС.**

Статус и государственная поддержка.

Русско-сербские контакты

*БОНДАРЕВА
Елена
Анатольевна,
кандидат
исторических
наук,
директор
общественных
и издатель-
ских
программ
Фонда
исторической
перспективы*

*МУХАЧЁВ
Юрий
Владимирович,
кандидат
исторических
наук,
руководитель
Центра
комплексных
исследований
ИНИОН РАН*

Русское «расселение» по миру после 1917 г. включало в себя более 1 млн человек, наиболее многочисленными были русские колонии в Европе, в числе которых заметное место принадлежало русской эмиграции в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, с 1929 г. – Королевстве Югославия. В изучении этой темы за последние годы достигнуты серьезные результаты¹.

Общее число «русских беженцев», именно так они предпочитали себя называть, не считая себя эмигрантами, трудно определить точно. В разные годы количество русских в Югославии было разным, так как через ее земли шел постоянный транзитный путь из Турции и Болгарии в Европу. Исследователи в своем большинстве принимают цифру в 44 тыс. человек в период 1922–1923 гг., когда русская колония была наиболее многочисленной. В последующие годы она несколько сократилась, и в период конца 1920-х – 1930-е годы русских эмигрантов в Югославии было около 30 тыс. человек. К 1940 г. численность упала до 18–19 тыс. человек, существенно сократилась в годы Второй мировой войны и сразу по ее окончании, а в результате изменения политического строя Югославии и прихода к власти Тито упала до 8–9 тыс. человек к 1950 г.²

Согласно сохранившимся статистическим данным, большую часть из осевших в Югославии русских составляли интеллигенты. Людей с высшим и средним образованием было более 75%, а совершенно неграмотных всего 3%. С точки зрения возрастной структуры самой многочисленной группой была наиболее социально

активная и трудоспособная часть – люди от 19 до 45 лет, составлявшие более 65% от общего числа³. Столь квалифицированные и активные специалисты нашли применение знаниям и способностям в молодом югославском государстве, безусловно заинтересованном в том, чтобы закрепить эти кадры и привлечь их к научной, педагогической и хозяйственной деятельности. Следует отметить, что правительству и в особенности королю Александру Карагеоргиевичу удалось достичь этой цели и создать в своей стране режим наибольшего благоприятствования для русских людей. Александр Карагеоргиевич учился в России в Пажеском корпусе, хорошо знал русский язык, культуру и как никто смог оценить, какой интеллектуальный потенциал представляет собой зарубежная Россия. В глазах эмиграции он всегда был «король-витязь» – олицетворение православного монарха. «Одним из замечательнейших государей истории», – считал его И. Ильин⁴.

В связи с этим нельзя не сказать о том, что отношение к русским эмигрантам в Югославии, и в особенности в Сербии и Черногории, было особым. На русских беженцев было перенесено традиционное отношение этих православных народов к исторической России, уцелевшей частью которой они и являлись в глазах местного населения. Многовековая защита Россией интересов православных славян, и в особенности роль России и императора Николая II в событиях Первой мировой войны, не могла остаться без ответа. Понимали в Югославии и то, что, по определению проф. Г.Н. Пио-Ульского, «потеря русскими их родины есть следствие войны», войны в защиту Сербии.

Общее настроение прекрасно выразил Председатель Совета министров Никола Пашич на заседании скупщины 25 января 1922 г.:

«...Что касается России, дело вам хорошо известно. Мы, сербы, а также и другие наши братья, которых нам довелось освободить и объединить, мы все благодарны великому русскому народу, поспешившему

нам на помощь от гибели, которой нам угрожала Австро-Венгрия, объявив войну. Если бы Россия не совершила этого, если бы не встала на нашу защиту, мы бы погибли... (Россия) увлекла и своих союзников, и мы были спасены от смерти. Мы этого не можем забыть. Мы сейчас приняли русских эмигрантов и мы их принимаем без различия, к какой партии они принадлежат, мы в это не вмешиваемся. Мы только желаем, чтобы они остались у нас, мы их примем как своих братьев и пусть они располагают свободой...»³

Позиция, сформулированная Николой Пашичем, проводилась в жизнь государственными органами, с первых дней прибытия русских беженцев на югославскую землю. В Белграде и после революции не прекратило деятельность русское посольство, с апреля 1919 г. в соответствии с агрешманом короля послом был В.Н. Штрандтман, ранее бывший временным поверенным (после внезапной смерти в 1914 г. посла России в Сербии Н.Г. Гартвига). Посольство существовало в Белграде вплоть до 1924 г., но и после того как под давлением СССР его деятельность была формально прекращена, фактически оно было просто переименовано в «Делегацию по защите интересов русских беженцев» с тем же руководством. Располагалась «Делегация» в здании русского посольства, на фасаде которого напротив Императорского дворца красовался двуглавый орел и развивался флаг Российской империи. Официальный статус В.Н. Штрандтмана с 1919 по 1940 г. – делегат Комиссии Лиги Наций по защите интересов русских эмигрантов в Югославии (со статусом посла).

Переселение русских беженцев в Югославию на 90% организовывали государственные органы страны в координации с «Делегацией». Весь процесс, охвативший более 40 тыс. человек, был разделен на три фазы: после дипломатических переговоров было принято решение о приеме людей, затем были организованы перевоз и прием беженцев на границах государства в определенных местах, далее следова-

ло размещение в различных населенных пунктах Югославии. Со временем люди меняли местопребывание — некоторые, осмотревшись, двигались далее в Европу, получив финансовую помощь от правительства королевства, большая же часть осталась в стране. Около 10 тыс. русских осели в Белграде (в 1920 г. население столицы составляло всего 200 тыс. человек), еще около 10 тыс. расселились на северо-востоке Сербии в Воеводине — преимущественно сельскохозяйственном районе; в центральных промышленных районах Боснии и Сербии нашли работу многие русские инженеры, строители, офицеры. Руками бойцов Русской армии были проложены многие километры горных дорог. Бывшие части Кавалерийской дивизии несли пограничную службу на опасных рубежах с Австрией, Италией, Албанией.

К февралю 1921 г. на территории Югославии было 215 колоний русских беженцев, при этом большая их часть приходилась на православные земли, в то время как в Словении и Хорватии было 30 русских колоний⁵. Для оказания помощи русским была создана «Государственная комиссия по устройству русских беженцев», в которую входили от официальных органов: Л. Йованович, А. Белич, С. Кукич и три представителя от русской эмиграции: М.В. Челноков, С.Н. Палеолог и В.Д. Плетнёв. Возглавил ее работу известный филолог-славист академик А. Белич. Всеми вопросами, связанными с прибытием и пребыванием на территории Югославии Армии Врангеля, ведало военное министерство. Важно отметить, что, в отличие от многих других стран, въезд русских в Югославию не был стеснен какими-либо квотами, визами и прочими формальностями. Государственная комиссия выделяла денежные пособия и расселяла вновь прибывших. Отделения Трудовой подкомиссии занимались вопросами трудоустройства и организацией курсов по приобретению различных про-

фессий, в которых было заинтересовано югославское общество.

Сербский историк М. Йованович, оценивая значение русской эмиграции для развития югославского государства, выделяет несколько важнейших аспектов, в рамках которых вклад русских был особенно важен и существенен.

1. Личное участие русских специалистов в работе различных научных и культурных институтов (с именами русских связано рождение югославского балета, формирование оперного репертуара, возникновение целых отраслей фундаментальной науки). При этом исследователь особо подчеркивает, что Югославское государство получило уже готовых высококлассных специалистов, не затратив средства на их подготовку.

2. Привлечение русскими в Югославию специалистов из других стран — гастроли ведущих театральных трупп, ансамблей, проведение международных съездов, научных конференций — все это расширяло горизонты югославского общества.

3. Непосредственное осуществление русско-сербских рабочих контактов во всех сферах культурной, научной и хозяйственной жизни.

«Появление... большого числа русских интеллектуальных профессий различного профиля (среди которых было девять ученых, уже в 1930-е годы ставших академиками Сербской академии наук, а также свыше 600 преподавателей, что, возможно, имело даже большее значение) заполнило тот вакуум, который образовался в сербском (прежде всего) и в югославском обществе, экономике и культуре в результате гибели огромного числа людей в только что закончившейся войне. Появление русских беженцев представляло собой сильнейший общественный импульс для этого измученного народа, и, что особенно важно, именно в тот момент, когда новое поколение национальной интеллигенции еще только начало формироваться»⁶.

Организации и объединения русских эмигрантов

«Столицей» русской колонии был Белград, именно здесь располагались основные организации диаспоры и их центральные органы, здесь кипела культурная и политическая жизнь. Кроме того, крупными центрами были такие города, как: Загреб, Нови Сад, Панчево, Земун, Велики Бечкерек, Сараево, Мостар, Ниш, Крагуевац. В небольшом городке близ Нового Сада – Сремских Карловцах – располагался Архиерейский синод Русской православной зарубежной церкви, здесь же был расквартирован Штаб главнокомандующего Русской армии во главе с генералом П. Врангелем.

Давно отмечено, что эмигрантское общество было склонно к самоорганизации, на новом месте тотчас же возникали всевозможные комитеты, комиссии, союзы, группы и т.д. Всего в Югославии существовало более 1 тыс. русских организаций различного толка и профиля. Одними из первых стали возникать гуманитарные и социальные общества, в их числе: Всероссийское общество помощи жертвам Гражданской войны и террора, Всероссийский союз городов, Всероссийский земский союз, Русское общество Красного Креста (РОКК), Русский хирургический госпиталь в Панчево, целый ряд приютов, дома престарелых, Союз русских инвалидов в Югославии, Дамский комитет и т.д. Наличие развитой системы социальных организаций, прекрасно функционировавших в стесненных материальных условиях, существенно облегчило русским беженцам процесс адаптации к новым условиям жизни и новой среде. Была разработана также действенная система профессиональной переподготовки и трудоустройства. Центрами духовной жизни являлись церковные приходы, вокруг которых впоследствии возникали библиотеки, детские сады, кружки и пр.

Известную устойчивость социальной жизни придавали и профессиональные ор-

ганизации, крупнейшими из которых были: Союз русских педагогов, Русско-сербское общество медиков, Союз русских журналистов, Союз русских инженеров. Общество русских агрономов, лесников, ветеринаров и пр. Следует отметить, что все эти союзы существовали не только на бумаге. В их рамках постоянно поддерживалось общение, обмен информацией, проводились семинары, конференции, позволяющие поддерживать высокий профессиональный уровень. Многие специальности из числа тех, которыми владели русские, в тогдашней Югославии просто отсутствовали, и в этом смысле они внесли свой неоценимый вклад (к примеру, русские оставшие офицеры-топографы и землемеры составили первое подробное описание земельных угодий Югославии, кадастровые книги, которыми пользовались до недавнего времени). Имели свои объединения и русские студенты в Белградском, Загребском, Люблянском университетах, а также в Субботице и Скопле.

Как уже отмечалось, общий образовательный уровень русских был достаточно высоким, поэтому культурная жизнь колонии была активной и разнообразной. В 1920-е годы были созданы: Общество славянской взаимности, Русский народный университет, Русская матица в Любляне (и ее филиалы), Союз ревнителей чистоты русского языка, Комитет русской культуры и др.

К важнейшим общенациональным праздникам создавались специальные объединения – Юбилейный Пушкинский комитет, Комитет к празднованию 950-летия Крещения Руси. Отдельно будут рассмотрены многочисленные литературные и художественные общества.

Система среднего и высшего образования

Королевство СХС приняло численно больше детей, чем другие европейские страны, и полностью взяло на себя мате-

риальные затраты на них, при этом заботу о воспитании детей предоставив русским учителям и воспитателям. Подобная практика отличалась от положения русских учащихся в других государствах. Не случайно поэтому эмигранты считали Югославию «единственной страной, где существовали условия для создания системы образования российской молодежи» (свидетельство В.Д. Плетнёва).

К 1924 г. в королевстве находились 5317 русских детей (3005 – мальчиков, 2312 – девочек). Школьников было 4024, а дошкольного возраста – 1292 ребенка. 28% детей были сиротами. В скудных послевоенных условиях, когда на нужды собственных школ едва хватало средств, Государственная комиссия Югославского правительства ежемесячно выделяла крупные суммы на русскую систему образования (сумма год от года возрастала – от 500 тыс. динар в 1921 г. до 2 млн 904 тыс. динар в 1924 г.) Помимо этого на содержание детских домов в Белграде, Земуне, Нови Саде, Загребе, Панчево средства выделял и Земгор. В середине 1920-х годов в Югославии было около 30 начальных русских школ и ряд специальных средних учебных заведений. В них преподавали русские учителя, по русским программам и методикам, в соответствии с югославской программой были добавлены сербский язык и литература, а также история и география народов Югославии.

В системе образования особое место занимали кадетские корпуса. Они ближе стояли к военным академиям, хотя и считались средними учебными заведениями. Так же как и девические институты, сохранившиеся в условиях эмиграции в Югославии, эти учебные заведения основывались на традициях имперской России, верности отечеству и государю и представляли собой уникальный пример и уникальные возможности в условиях беженского существования. Они просуществовали до начала Второй мировой войны. С марта 1920 г.

в местечке Нови Бечей начал работу эвакуированный из Новороссийска Харьковский девичий институт под руководством М.А. Неклюдовой. В том же году в г. Белая Церковь разместился Марининский Донской девичий институт, которым долгие годы заведовала Н.В. Духонина. В стенах этих двух институтов получили образование 975 девушек.

В Сараеве в австрийских казармах в марте 1920 г. был сформирован так называемый Сводный кадетский корпус из частей Киевского, Одесского и Павловского корпусов – всего 263 воспитанника и 40 человек воспитателей и педагогов. Директором был генерал-лейтенант Б.В. Адамович, ранее бывший руководителем военной школы в Вильно. Скудость жизни на первых порах поражала окружающих. По словам одного из участников этих событий, началось восстановление корпуса из живых людей, принесших с собой только традиции, но не вывезших ничего – ни одного учебного пособия, ни тетрадей, ни белья, ни пары сапог. Корпус менял названия и местопребывания, и с сентября 1929 г. после переезда в Белую Церковь он стал называться Первый русский Великого Кн. Константина Константиновича кадетский корпус. После смерти Б.В. Адамовича в 1936 г. им руководил генерал-майор А.Г. Попов. Сформированный еще в 1920 г. в России (из остатков Петровско-Павловского, Владикавказского и Суммского корпусов) Крымский кадетский корпус под руководством В.В. Римского-Корсакова прибыл в Стрнште близ г. Птуй (Словения), где находился в бывшем лагере для русских военнопленных вплоть до 1922 г., когда был переведен в Белую Церковь. Крымский корпус насчитывал 600 кадетов. В Стрнште к нему присоединился и Донской Имп. Александра III корпус со 120 кадетами. В 1921 г. Донской корпус переехал в Герцеговину в г. Билече, а в 1926 г. в Боснию в Горажде, где находил-

ся под руководством генерал-майора Е.В. Перрета до августа 1933 г., после чего соединился с Первым русским корпусом в Белой Церкви. В 1924 и 1925 гг. в Югославию прибыли остатки Сибирского и Хабаровского корпусов – 120 воспитанников, оставшихся в живых после страшного кораблекрушения на пути из Владивостока в Шанхай. Они распределились по корпусам в Сараеве и в Билече.

В Белграде, где проживало больше всего русских, уже в октябре 1920 г. была открыта Первая русско-сербская гимназия, которая станет самой известной русской школой в Сербии. Основателем и первым директором ее был В.Д. Плетнёв, с 1925 по 1944 г. это место занимал И.М. Малинин. В этой гимназии сложился сильный педагогический коллектив, сербский язык, литературу и историю преподавали лучшие специалисты. В 1929 г. открылась в Белграде Русско-сербская женская гимназия. Ею долгие годы руководил Л.М. Сухотин. После постройки Русского Дома в 1933 г. в нем получили помещения и русско-сербские гимназии и русская начальная школа. За период до 1944 г., когда эти учебные заведения были закрыты, в них получило образование более 1 тыс. русских юношей и девушек. Помимо белградских гимназий крупнейшей была Первая русско-сербская женская гимназия (с интернатом) в г. Велика Кикинда, куда съезжались девушки из разных мест Югославии. Она просуществовала до 1931 г., когда объединилась с Институтом в Белой Церкви. Закончили гимназию свыше 200 русских девушек.

Школы, гимназии, институты и корпуса позволили сотням русских молодых людей получить полноценное национальное образование в условиях эмиграции. Везде существовали различные кружки и секции, ставились спектакли, выпускались газеты, а порой и рукописные журналы. Из этих стен вышли отличные специалисты. Следует подчеркнуть, что после революции русские кадетские корпуса

и девичьи институты сохранялись только в Королевстве Югославия.

Русские учебные заведения отлично подготовливали своих выпускников. На гуманитарных факультетах воспитанницы девичьих институтов блистали знаниями иностранных языков и общей культурой, на технических – кадеты были в числе лучших студентов. Большое значение придавалось физическому развитию. Спортивные организации, такие как Национальная организация русских скаутов, Русский спортивный клуб в Белграде, Организация юных русских разведчиков и, главное, Союз русского соколизма, имевший в Югославии 22 отделения, насчитывали сотни активных членов.

Эмигрантская молодежь стремилась получить образование, по возможности закончить факультет, так как высокая квалификация давала больше возможностей для получения работы. В этом смысле показательны цифры: среди общего числа русских в Югославии ученики и студенты составляли 11,11%, в то время как среди населения королевства процент учащихся был существенно ниже – 2,5%.

Большая часть русских студентов училась в Белградском университете и его филиалах в Скопле и Субботице, несколько меньше в Загребе и Любляне. Принимали русских из Югославии и в Русский народный университет и на Русский юридический факультет в Праге. К середине 1920-х годов в университете в Белграде обучались 625 русских студентов, в Загребе – 285, в Любляне – 137, в Высшей технической школе в Загребе – 166, в Высшей коммерческой школе в Загребе – 140, на юридическом факультете в Субботице – 40, на филологическом факультете в Скопле – 10 человек⁷.

Обучение для русских студентов в югославских университетах существенно облегчал тот факт, что не было языкового барьера даже у вновь прибывших и не знающих сербского языка, так как на факультетах работало большое количество русских преподавателей. В начале 20-х го-

дов на философском факультете – 14% преподавателей были русскими, на юридическом – 21,7, на сельскохозяйственном – 37,5, на богословском – 25%. К 1929 г. процент русских преподавателей несколько сократился, оставаясь по-прежнему высоким на техническом и сельскохозяйственном факультетах⁸.

Отмечался также и относительно высокий процент русских студентов среди общего числа учащихся. На некоторых факультетах, особенно в начале 1920-х годов, студенты-эмигранты составляли до 25%, а на сельскохозяйственно-лесном факультете в Белграде за период с 1925 по 1932 г. было выдано 96 дипломов, из которых 58 (60%) получили русские студенты⁹.

Жили русские студенты очень скудно, многие подрабатывали, разнося газеты, нанимаясь на ремонтные работы, как всегда выручало знание иностранных языков – давали уроки. Большое значение в жизни эмигрантской молодежи играли студенческие союзы. В них действовали библиотеки, кружки, кассы взаимопомощи, амбулатории. Порой именно студенческие союзы спасали молодых людей, растерявших и средства, и родных. Один из таких юношей, Г. Фёдоров, в 1921 г. записал в дневник: «Я крепко цепляюсь за все, за что только можно, чтобы не погибнуть от голода». Через некоторое время он связался со студенческим союзом, и тон его записей преобразуется: «У меня теперь есть свой угол. Вот уже два дня, как я живу в студенческом общежитии... Днем все ребята уходят на работы и сходимся мы только вечером... Зажигаются огарки свеч... начинаются разговоры и мечты о заманчивой сказке “учиться”...»¹⁰

Для оказавшихся в Югославии русских условия были более приемлемыми, чем в других странах. Государственная комиссия с самого начала материально пришла на помощь как старым, так и молодым студентам. Эта помощь оказывалась в разных видах: ежемесячной денежной

стипендии, отпуском дополнительных средств на питание каждому стипендиату, устройством мужских и женских общежитий (в Белграде с этой целью построены были два дома – один на 120 мужчин, а другой на 60 девиц), оплатой академических расходов, отпуском средств на устройство библиотек. По свидетельству очевидцев, среди послевоенных русских студентов было много людей в солидном возрасте, не успевших завершить образование из-за бурных перемен в жизни России. «...И замечательно, что среди этих русских студентов были также очень пожилые и многосемейные люди; были и старики в высоких чинах: один генерал окончил, не взирая на тяжелую инвалидность, – медицинский факультет: вообще же, среди этих студентов было немало израненных, искалеченных и контуженных в Великую и Гражданскую войны»¹¹.

Русская православная церковь в изгнании

По сравнению с другими преследуемыми в Советской России сословиями духовенство понесло наибольшее число жертв, и из их числа было меньше всего беженцев. Лишь 0,5% священников и примерно 10% епископов (около 30 человек), в основном с юга России, попали за границу со своей паствой – белыми армиями – или остались в русских епархиях на отошедших от России территориях. «Поместной территорией» Зарубежной русской православной церкви была Зарубежная Россия, столь же неотъемлемая от родины, как и Зарубежная церковь от русского православия. Вспоминая это время, архиепископ Иоанн (Шаховской), в 1920-е годы живший в городке Белая Церковь в Югославии, писал: «Взятое на себя в 1920 г. заграничными русскими архиереями духовное окормление русской паствы... было, конечно, законным... Церковный центр в России в то время за-

граничной пастве помочь не мог. Православные греки Истамбула или сербы Югославии тоже не имели духовных сил пастырски окормить это многое множество скорбящих русских людей, потрясенных изгнанием, особенно нуждавшихся в утешении и поучении»¹².

В 1920 г. в Константинополе было основано Высшее церковное управление во главе с митрополитом Киевским и Галицким Антонием (Храповицким), пользовавшимся огромным авторитетом богословом и организатором возрождения патриаршества в России. (Временное церковное управление на юге России было создано еще в 1919 г. в Ставрополе, постановление патриарха Тихона от 7–20 ноября 1920 г. обязывало оторванных от центра архиереев организовать высшую церковную власть.) ВЦУ с воодушевлением приняло приглашение Сербского патриарха Димитрия переехать в Королевство СХС в соответствии с решением Архиерейского собора Сербской православной церкви от 31.07.1921 г. С этого момента ВЦУ находилось под его защитой с сохранением самостоятельной юрисдикции. Разместилось Высшее церковное управление в Сремских Карловцах в помещениях патриаршей резиденции. В ноябре-декабре 1921 г. в этом городке состоялся Всезарубежный собор Русской православной церкви, учредивший новую организационную структуру – Архиерейский синод. С этого момента Карловацкий синод с митрополитом Антонием провозглашается главой Русской православной церкви за рубежом.

В работе Собора приняли участие 11 епископов и около 100 священнослужителей и мирян из наиболее крупных епархий: Франции, Германии, Швейцарии, Бельгии, Англии, Италии, Чехословакии и балканских стран. В соборных прениях о главном – о жизни церкви в новых условиях – не удалось достичь согласия, и раскол стал неминуем. Митрополит Антоний и большинство присутствующих отстаивали необходимость и после краха монархии Церкви стоять на позициях царского самодержавия и со-

действовать реставрации прежнего государственного строя. Делегаты из Франции Н.Н. Страхов, М.Н. Граббе, Е.В. Ковалевский выступили против этих положений, считая, что Церковь не следует связывать ни с какой политикой и идеологией и что она должна свободно и самостоятельно осуществлять свое евангельское предназначение пастыря¹³. Идейным вдохновителем другого направления был митрополит Евлогий, который по каноническим установлениям был избран Архиепископом Западноевропейской епархии. После ряда многолетних споров и разрывов с Синодом митрополит Евлогий в 1931 г. перешел под юрисдикцию Вселенского патриарха, получив статус особого вселенского экзархата.

Отношения между Московской патриархией и Зарубежной церковью поначалу были хорошими, так как Карловицкий синод был учрежден в соответствии с указом Патриарха Тихона. Однако, когда Карловицкий собор направил послание Генуэзской конференции, призывав Европу сделать всё для спасения России от ига коммунистов, это трагически сказалось на судьбе патриарха Тихона. Под давлением он был вынужден признать неправомерным Собор во главе с митрополитом Антонием управлять духовной жизнью русского зарубежья. Такими полномочиями был наделен митрополит Евлогий. Патриарха Тихона это все равно не спасло, и в 1925 г. он скончался, будучи под арестом. Синод в Карловцах отказался подчиниться указу Московской патриархии, считая, что пойти на этот шаг патриарха принудили. Таким образом произошел раскол как с Московской патриархией, так и с Западноевропейской епархией. Отношения еще более обострились после послания митрополита Сергия в 1927 г. с просьбой соблюдать лояльность по отношению к советской власти. Реакция Карловицкого синода была резкой и привела к полному разрыву связей с Москвой. Непримиримая позиция митрополита Антония и его сторонников объяснялась как убежденностью в нераз-

рывном единстве существования православия и монархии в России, так и верой в скорую агонию советской власти и возможность реставрации самодержавия. При этом особые надежды связывались с середины 1920-х годов с сербской династией Карагеоргиевичей, ближайших родственников Романовых, и, в частности, с королем Александром, столько сделавшим для русских людей в изгнании.

Сербская православная церковь и лично патриарх Варнава прилагали немалые силы, чтобы преодолеть раскол в русском православии, однако успех этих начинаний был лишь временный. В 1934 и 1935 г., незадолго до смерти митрополита Антония, состоялись примирительные встречи с митрополитом Евлогием, однако в лоно «синодальной» церкви он не вернулся. С 1936 г. Русскую зарубежную церковь возглавил митрополит Анастасий (Грибановский), продолживший линию своего предшественника.

В Сремских Карловцах состоялся и Второй собор русской зарубежной церкви, работавший с 14 по 24 августа 1938 г., собравший иерархов из Европы, Америки и с Дальнего Востока, однако примирения позиций не произошло.

Зарубежная русская церковь во всех крупных городах Югославии имела приходы. В Белграде, например, в начале 20-х годов беженцы получили разрешение проводить службы в сербском храме Св. Александра Невского, а в 1924 г. по проекту архитектора В.В. Сташевского была построена русская церковь Святой Троицы, действующая и поныне. Этот храм хранил величайшие реликвии и святыни: икону Курской Божией Матери, более 200 знамен периода Отечественной войны 1812 г. и русско-турецких батальей, спасенных офицерами и вывезенных из Крыма, иконостас был украшен дубовой резьбой тончайшей работы.

По завещанию генерала Врангеля после его смерти в Брюсселе 25 апреля 1928 г.

его прах был перевезен в Белград и упокоен под сенью воинских знамен в храме Святой Троицы. 6 октября 1929 г. состоялась торжественная встреча траурного поезда, на вокзале был король Александр и генералитет югославской армии, почти вся русская колония в Белграде.

Первым настоятелем храма Св. Троицы был о. Петр Беловидов, его сменил о. Иоанн Сокаль, после его возвращения в Советский Союз в 1950 г. настоятелем храма стал протоиерей Владислав Неклюдов, затем – о. Виталий Тарасьев и его сын протоиерей Василий. В настоящее время храм Св. Троицы принадлежит к Подворью Московской патриархии в Белграде и настоятелем его является о. Виталий Тарасьев – внук.

Сташевский кроме Троицкого храма построил в 1931 г. на Новом кладбище в Белграде небольшую часовню Иверской Божией Матери – точную копию разрушенной к этому времени московской Иверской часовни.

Русских монахов расселяли по сербским монастырям. В некоторых сложились чисто русские братства, зачастую русские назначались старейшинами. Так, игумен Сергей был старейшиной монастыря Манасии, архимандрит Кирилл – монастыря Св. Прохора Пчинского, епископ Митрофан – монастырей Раковицы и Дечаны, он также долгие годы был управителем монашеской школы в Дечанах, игумен Вениамин – монастыря Св. Наума в Охриде. В 1920 г. в центре сербского монашеского населения Фрушка-гора, объединяющем несколько десятков монастырей, нашли приют 80 монахинь Святобогородичного женского монастыря Лесна бывшей Холмско-Варшавской епархии во главе с основательницей его игуменьей Екатериной (в миру графиней Ефимовской). Ей наследовала игуменья Нина (Косаковская). Прибытие русских монашек и их деятельность много способствовали восстановлению и развитию женского монашества в Сербии.

Философской и религиозно просветительской деятельностью занимались отдельные духовные братства, носившие имена православных святых. Наиболее известными были: братства Серафима Саровского, Иоанна Кронштадтского, Св. князя Владимира, а также Святого Креста. Эти братства объединяли в том числе и православную молодежь, позднее сформировавшую русское студенческое христианское движение, с его деятельностью в Белграде связана семья Зерновых. Н.М. Зернов, закончивший богословский факультет Белградского университета, стал известным церковным и общественным деятелем, историком Церкви.

Одним из крупнейших был приход в г. Белая Церковь, так как там располагались девичий институт и кадетский корпус, там же была построена в начале 30-х годов церковь Св. Иоанна Богослова. Здесь действовало созданное иеромонахом Иоанном (Шаховским) «Православно-миссионерское русское заграничное подворье». В 1931 г. в результате расхождения во взглядах с митрополитом Антонием иеромонах Иоанн переехал в Париж и там продолжил издательскую и просветительскую деятельность. За время деятельности в Белой Церкви им было выпущено 25 брошюр по богословию, записки о. Иоанна Кронштадтского и др. (подробный перечень изданий приведен в книге О. Джурича, с. 227). О времени, проведенном в Югославии, позднее уже архиепископ Иоанн (Шаховской) вспоминал: «Это была Россия, вылившаяся на многие берега и пески мира. У русских ничего нигде не оставалось, кроме Белой Церкви, и в переносном, и в прямом смысле. Белая Церковь была чертой под Белой Россией»¹⁴.

Архиерейский синод в Сремских Карловцах курировал официальные издания: «Царский вестник»: За восстановление престола православного царя-самодержца. Ред.-изд. Н.П. Рклицкий. 1928–1940; «Церковная жизнь» – ежемесячное издание Архиерейского синода. Отв. ред. Ю.П. Граббе. 1933–1943.; «Церковное

обозрение»: Ежемесячный независимый орган свободной церковно-религиозной мысли. Отв. ред. Е.И. Махароблидзе, позднее А.С. Залесский, 1937–1944; «Церковные ведомости» – двухнедельное издание при Архиерейском синоде, ред. Е.И. Махароблидзе, 1922–1930.

Именно в Югославии увидели свет и многие труды митрополита Антония (Храповицкого): «Христос Спаситель и революция», «Опыт православного христианского катехизиса», «Догмат и искупление», «Новый подход к Ренану» и др. – все эти и многие другие работы были позднее объединены Н.П. Рклицким в 17-томное Собрание сочинений.

Среди авторов, издававшихся в Югославии, близких православной тематике, следует упомянуть В.А. Маевского, А.А. Шпаковского, Г.С. Петрова. К 950-летию Крещения Руси были приурочены торжественные мероприятия и выпущены «Владимирский сборник» и «Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира».

По окончании Второй мировой войны Архиерейский синод эвакуировался в Вену, затем в Мюнхен, а в 1950 г. в Америку, до 1964 г. его возглавлял митрополит Анастасий.

Русская наука в Югославии

Уже с 1919 г., т.е. с первых месяцев пребывания в Югославии, русские беженцы стали подготавливать возможность заниматься научной деятельностью на новом месте. Как уже отмечалось, среди осевших в Югославии эмигрантов было относительно много людей, связанных с научной работой в прежние годы в России, в том числе тут были и маститые ученые (В.В. Фармаковский, Г.Н. Пио-Ульский, Е.В. Спекторский и др.). Одной из первоочередных задач было создание научных объединений, необходимых для организационной работы и облегчения трудоустройства.

В апреле 1920 г. в Белграде было создано Общество русских ученых. Предсе-

дателем организационного комитета был В.В. Зеньковский, до 1924 г. живший в Югославии. Известный философ, психолог и церковный деятель после преподавания в Киевском университете (где он был экстраординарным профессором психологии) оказался в эмиграции в Белграде и преподавал на двух факультетах университета – богословском и философском.

Председателем общества был избран Е.В. Спекторский – юрист, социолог, историк – бывший ректор Киевского университета, его заместителем Ф.В. Тарановский – профессор славянского права юридического факультета Петербургского университета, В.В. Зеньковский – секретарем. В момент основания Общество русских ученых насчитывало 80 членов. В 1921 г. возникли филиалы общества в Загребе, Любляне, Скопле и Субботице. Костяк общества составила университетская профессура (братья Билимович, П.Э. Зайончковский, А.П. Доброклонский, Д.С. Красненский и др.). Политически общество не было единым по настроениям. Большинство было представлено монархически настроенными учеными и из-за невозможности договориться по ряду принципиальных вопросов (в частности, о составе делегации на XI съезде академических организаций в Праге) определенная часть выделилась в самостоятельную Русскую академическую группу (около 20 человек), стоявшую на более либеральных позициях. Первым председателем ее стал Е.В. Аничков (историк литературы, знаток славянского эпоса и фольклора, доцент Киевского, Петроградского университетов, в юности близкий к эсерам; в эмиграции с 1920 г. профессор философского факультета Белградского, а затем Скоплянского университетов). С середины 1920-х годов Аничкова заменил Ф.В. Тарановский.

Ф.В. Тарановский занимал выдающееся место среди ученых-гуманитариев в 1920–1930-е годы. Крупнейший специа-

лист по славянскому праву, человек энциклопедических познаний, уже в России он имел научный авторитет, был профессором права в Петроградском университете. В Белграде он возглавляет кафедру славянского права, избирается академиком Сербской академии наук.

Общество русских ученых и Русская академическая группа считали своей целью представлять русскую науку, заботиться об образовании и воспитании русской молодежи, создавать новые научные кадры. С этими же целями в 20-е годы возникло около 15 профессиональных обществ и союзов, в которых важную роль играли ученые: Союз русских инженеров (к 1923 г. – 460 членов), Русско-сербское общество врачей (120 членов), Союз русских педагогов (285), Общество русских агрономов, лесников и ветеринаров (195), Союз русских юристов (300), Общество русских землемеров (240), Русское археологическое общество (50 членов) и др. Однако лучше всего объединить усилия русские ученые смогли в рамках Русского научного института, созданного в 1928 г.

Возникновению института предшествовало важное событие – IV съезд Русских академических организаций за границей, проходивший в Белграде в 1928 г. На съезде была проделана большая организационная работа (прозвучало более 140 докладов), он имел большой политический резонанс, но все же самым важным было решение о создании в Белграде Русского научного института, своего рода Академии наук. Первым председателем был избран Е.В. Спекторский. Деятельность института предусматривала всестороннее изучение России в ее прошлом и настоящем, включая право, экономику, общественные науки. Уделялось внимание и славянской тематике. Результаты научной деятельности должны были публиковаться в специальных изданиях, предполагались постоянно действующие

лекционные курсы, на которые приглашались ученые из разных стран. Деятельность института финансировалась югославским правительством, благодаря этой поддержке именно Русский институт занял ведущее место в организации научной деятельности эмиграции, хотя подобные институты еще раньше были созданы в Праге и Берлине¹⁵.

Русский научный институт стал эффективно работать. В нем было пять отделений: философии, социальных и исторических наук, языка и литературы, естественных, математических и технических наук, позднее возникло отделение военных наук. Вторым председателем института, после отъезда Спекторского в Любляну, стал Ф.В. Тарановский, потом А.П. Доброклонский – профессор богословского факультета в Белграде (умер в 1937 г.) и до самой оккупации институт возглавлял известнейший в Югославии врач А.И. Игнатовский. Число действительных членов (лиц, ранее занимавших кафедры в вузах России или профессоров в университетах Югославии) было 40–60 человек, а число членов-сотрудников выросло с 12 в 1929 г. до 48 – в 1938 г. В работе Института принимали участие югославские ученые. В Белград приезжали с лекциями ведущие специалисты: из Праги – И.И. Лаппо, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, А.А. Кизеветтер, Е.А. Ляцкий, А.В. Флоровский; из Парижа – С.И. Метальников, В.В. Зеньковский, Н.Н. Головин; из Лондона – Д.П. Рябушинский, М.А. Иностранцев; из Берлина – С.Л. Франк, И.Н. Ильин; из Рима – Е.Ф. Шмурло, из США – Н.В. Ипатьев, И.И. Сикорский. Институт устраивал встречи и дискуссии с писателями и поэтами: Е. Чириковым, З. Гиппиус, Д. Мережковским, К. Бальмонтом, И. Северяниным, шахматистом А. Алёхиным. За первые 10 лет существования институт организовал 23 конференции, подготовил около 670 научных сообщений и докладов. В центре внимания находились проблемы изучения России и Югославии, сбор дан-

ных о деятельности русских ученых в эмиграции и публикация их трудов.

Представление об объеме работы лучше всего дает обзор его издательской деятельности. С 1930 по 1941 г. вышло 17 томов «Записок Русского научного института в Белграде». Из числа авторов было 19 ученых, живущих в Югославии. Трудно переоценить значение этого издания. Опубликовать научную работу на русском языке было очень трудно, тем более сделать это не в случайном издании, а в регулярном сборнике, рассылаемом во все концы русского зарубежья. «Записки» поистине стали объединяющей нитью для русских ученых, они восстановили непрерывность научного общения, придали смысл многолетней работе «в стол». Не менее важным стал выход «Материалов для библиографии русских научных трудов за рубежом» (в двух томах: т. I – 1931 г., т. II – 1941 г.). Первый том охватывал период 1920-х годов, второй – 1930-х, вместе их объем превышает 800 страниц и содержит 13 371 библиографическую единицу трудов более чем 800 русских ученых. Из числа авторов 24% проживало в Югославии. Как справедливо подметил О. Джурич, участие русских из Югославии в научных исследованиях значительно возросло к моменту выхода второго тома – если в первом томе на их долю приходилось 17%, то во втором – 31%, а это значит, что в 1930-е годы стали выходить в свет работы не только «старой гвардии», но и молодого поколения русских ученых-эмигрантов¹⁶.

В Белград стекались сведения о публикациях не только на русском, но и на иностранных языках, в различных периодических изданиях. Во многом благодаря этой библиографии мы можем проследить научный путь большинства русских ученых, сведения о которых иначе были бы утрачены. Институт поддерживал отношения и рассылал свои издания в более чем 70 библиотек, книжных магазинов, музеев. В 1929 г. в Белграде вышли в свет два тома «Трудов IV съезда Русских академических организаций за границей».

Первый том (480 с.) – статьи из области гуманитарных наук, второй том (386 с.) – из области точных и естественных наук.

В 1938 г. в силу материальных причин из Праги переселился в Белград знаменитый Институт Кондакова, вместе с ним переехала и обширная библиотека, в Белграде было продолжено издание «Анналов», однако война и бомбардировка в 1941 г. уничтожили библиотеку Института Кондакова. При бомбежке погиб научный секретарь Д.А. Расовский и его жена – историк Ирина Окунева – дочь известного историка и искусствоведа Николая Окунева.

Помимо Русского научного института в Югославии успешно действовал целый ряд научно-профессиональных организаций, о которых нельзя не упомянуть. Русское археологическое общество в Югославии возникло одним из первых в 1921 г. Председателем его был А.Л. Погодин – к тому времени известный историк, знаток славянской литературы, проф. Харьковского и Варшавского университетов, получивший ставку профессора в Белграде. Активными членами были М.А. Георгиевский, С.Р. Минцлов, Н.В. Мятлев, С.Н. Смирнов, А.В. Соловьёв, В.А. Мошин и др. Большую ценность представляют собой материалы экспедиций членов общества по сербским и македонским монастырям XI–XVI вв., их описание, сбор фрескового материала. Члены общества вели большую архивную работу, научную переписку. До наших дней научную ценность сохранили «Сборники Русского археологического общества» (т. 1 – 1927, т. 2 – 1936, т. 3 – 1940, всего 776 с.).

В июне 1920 г. получил официальный статус Союз русских инженеров в Королевстве СХС. С 1921 по 1927 г. его возглавлял бывший министр путей сообщения России инженер-путеец Э.Б. Кригер-Войновский, с 1927 по 1938 г. – Г.Н. Пио-Ульский. Деятельность последнего оставила заметный след как в науке России, так и

Югославии. До эмиграции он был профессором Института инженеров путей сообщения и Политехнического института в Санкт-Петербурге, специалистом по турбинам, затем он преподавал в Донском политехническом институте в Новочеркасске. В Белграде Пио-Ульский формирует научное направление – читает лекции по термодинамике, пишет учебники, организовывает Музей машин, Машинную лабораторию технического факультета. Он – основатель Союза и редактор журнала «Инженер» – единственного аналогичного издания в эмиграции, председатель секции Русского научного института.

Союзы русских инженеров существовали в 19 странах, в Югославии он был самым многочисленным – 450 членов (для сравнения во Франции – 300, в Чехословакии – 150). Ученые-инженеры активно работали в Югославии: они принимали участие в строительстве Управления Генерального штаба, Медицинского факультета, геологоразведочных работах в Македонии, Сербии, Черногории, мелиорационных работах¹⁷.

Среди русских ученых одно из ведущих мест принадлежит, несомненно, медикам, в труднейшие годы спасших многие жизни беженцев, а в более мирные времена создавших медицинские учреждения на новой родине и подготовивших несколько поколений югославских врачей. Еще во время эвакуации и сразу по прибытии в Боке Которской были развернуты четыре госпиталя Красного Креста. Следует отметить, что русские военные врачи работали и на фронтах Первой мировой войны на Балканах, среди них хирурги Н.И. Сычёв, С.К. Софотеров. В условиях неустроенной жизни амбулатории Красного Креста выполняли все жизненно важные функции. Доктор Солонский вспоминал: «Вблизи амбулатории создавался целый беженский лагерь... офицеры, генералы, женщины, дети, потерявшие родителей, – все было перемешано. По темпу жизни и обстановке это помещение получи-

ло название “Дом чудес”... Здесь лечились, получали свидетельства и пособия. Склад Красного Креста выдавал продукты питания и бесплатные чаи»¹⁸. Белградская поликлиника Красного Креста вошла в историю города. В Югославии работали выдающиеся ученые: А.И. Игнатовский – профессор Варшавского и Донского университетов, организатор Медицинского факультета в Белграде, клиники внутренних болезней, автор 70 научных работ, изданных на разных языках; Н.И. Сычёв – хирург Русской военной миссии в Сербии, до 1940 г., служил в различных военно-медицинских учреждениях Югославской армии, С.К. Софотеров – зав. кафедрой хирургии Медицинского факультета в Белграде; М.Н. Лапинский – профессор Загребского университета; там же преподавал и профессор С.Н. Салтыков, руководивший Патолого-анатомическим институтом в Загребе.

Русские специалисты-топографы в Югославии буквально создали новую для этой страны научную отрасль. Генерал И.С. Свищев был начальником Военно-топографического отдела Управления Генерального штаба у Врангеля, в эмиграции стал профессором Технического факультета Белградского университета, создателем Военно-географического института, где получили работу многие офицеры-топографы, Высших военно-геодезических курсов, редактором журнала «Землемерное дело» (органа Общества русских землемеров). Для гражданских специалистов в Белграде была открыта двухлетняя Землемерная школа, где курсы также читали многие русские специалисты. Новое направление сформировало кадры, успешно трудившиеся в Дирекции кадастра Сербии и Черногории, где землеустроительные работы проводились с нуля.

Плодотворно работал «Союз русских педагогов в Югославии», объединявший как профессорский, так и средний преподавательский состав многочисленных учебных заведений русских эмигрантов. «Русские профессора, принятые на все факультеты Белградского университета,

не только дополнили его кафедры дефицитными кадрами, но и качественно изменили университетское преподавание. Точные области знания, которые ранее преподавались как прикладные, получили научно-исследовательское направление. Вклад русских профессоров в эту сферу несомненен и общепризнан»¹⁹. В 1919 г. был основан новый сельскохозяйственный факультет, здесь преподавали русские ученые, ставшие основателями ряда направлений: энтомология – Ю.Н. Вагнер, зоотехника – И.П. Марков, сельхозмашиностроение – Т.В. Локоть, почвоведение – А.И. Стебут. Профессор С.Н. Виноградский основал в Белграде Институт микробиологии, затем он переехал в Париж, признанный в мире основатель экологической микробиологии почв. Доктор Д.Ф. Конев организовал единственный в данном регионе Пастеровский институт. Многие русские специалисты трудились в различных хозяйствах Воеводины в качестве агрономов. Выдающихся достижений добились селекционеры С.А. Кисловский, Н.Н. Полинский, Е.В. Гишман. Школу почвоведов Докучаева в Югославии представлял В.К. Нейгебауэр. Много эмигрантов из России потрудились и в области водного хозяйства и гидростроительства: А. Тизенгаузен, С.П. Максимов, Б. Семёнов, Н. Андреев, В.В. Попов, Г.Г. Готуа.

Необходимо выделить как самостоятельное направление просветительскую деятельность русских ученых, и шире, – русской интеллигенции. Она была обращена как на соотечественников, так и на местных жителей. Образцом может служить «Русская матица», созданная в Любляне в 1924 г. и имевшая филиалы в Загребе, Нови Саде, Мариборе и других городах Югославии и даже в Брюсселе. С 1931 г. ее председателем был Е.В. Спекторский. «Русская матица» опиралась на культурно-просветительскую традицию славянских матиц – польской, чешской, сербской и др., успешно действовавших в XIX в. Это общество занималось издательской деятельностью, организовывало

библиотеки, лектории, театральные постановки. Главная задача была в том, чтобы воссоздать в условиях беженства русскую культурную среду, без которой не могло формироваться молодое поколение.

Девять выдающихся русских ученых, приехавших в Югославию уже в зрелом возрасте и активно работавших в области просвещения и науки, издавших крупные труды, стали академиками Сербской академии наук: математики Ан.Д. Билимович, В.Д. Ласкарев, Н.Н. Салтыков, социолог и историк Е.В. Спекторский, правовед Ф.В. Тарановский, механик Я.М. Хлытчев, филолог С.М. Кульбакин, машиностроитель В.В. Фармаковский, минеролог Н.А. Пушин. После Второй мировой войны академиками стали представители следующего поколения: механик К.П. Воронец и историк-византолог Г.А. Острогорский.

Русские архитекторы и градостроители

В начале 1920-х годов, после окончания войны и создания триединого королевства в стране была огромная потребность в знающих специалистах – архитекторах и строителях, в особенности если учесть, что сильно разрушенный скромный Белград должен был соответствовать уровню новой столицы. Как нельзя более кстати пришлось знания и опыт русских маститых архитекторов, имевших авторитет в России, таких как Н.П. Краснов (академик Петроградской академии искусств, архитектор города Ялты и автор Нового дворца в Ливадии – 1911 г.), стиль которых в полной мере отвечал поставленным задачам и был близок королю Александру. Важнейшие государственные учреждения должны были разместиться в соответствующих помещениях. В подготовке проектов основных министерств, здания Скупщины (парламента), Патриархии активно работали архитекторы-эмигранты.

Н.П. Краснов построил в Белграде здания: Министерства лесов и природных ресурсов, Министерства финансов, Государственного архива, Дворца на ул. Теразие, театра Старый Манеж, участвовал в разработке интерьеров Народной скупщины и Королевской резиденции «Белый двор», храма на Опленце, реконструировал традиционную часовню-память – Черногорскому владыке П. Негошу на Ловчене.

В.Ф. Баумгартен – председатель Союза русских художников в Югославии – более всего известен своим блестящим Русским домом – центром всей культурной жизни колонии, однако он много строил в других городах: здание Генерального штаба в Белграде, Дом офицеров в Скопле, Ипотечный банк в Панчево и др.

Если Краснов и Баумгартен в основном придерживались классического стиля, известного в Югославии как «русский ампи́р», то В. Лукомский обратился к модернизированному «сербско-византийскому» стилю, весьма популярному в архитектуре 1920–30-х годов. Образцом особо удачного решения может служить здание Сербской патриархии, гармонично и торжественно оттеняющее старинный Кафедральный собор в Белграде. Лукомский работал как с гражданскими объектами – Отель на Авале, так и проектировал храмы во многих городах Сербии, наиболее известна – церковь Св. Саввы на Врачаре.

Градостроительные проекты Г.П. Ковалевского получили мировое признание (его проект «Развитие и реконструкция Белграда 1925 г.» получил Гран-при в Париже), а некоторые из них прекрасно воплотились в жизнь: Калемегданская терраса, площади Славия, Республики и др. По его проекту построены Дом студентов, церковь в Бачкой Тополе и др.

В.В. Сташевский – архитектор русских храмов Белграда: церкви Святой Троицы и Иверской часовни. Он много работал по частным заказам. По проекту А.Я. Васильева было построено здание Военного музея

на Калемегдане, позднее он выехал в США. Много дискуссий в свое время вызвал проект фасада Главного почтамта в Белграде, без которого сейчас трудно представить себе центральную площадь города, автором проекта был В.М. Андросов.

К новому поколению русских архитекторов, успешно работавших в Югославии, принадлежит Г.И. Самойлов, пожалуй наиболее органично вошедший в местную школу. Ему принадлежат проекты кинотеатра «Белград», технологического и машиностроительного факультетов, Югославского Внешнеторгового банка, Летнего театра в Нише и др. Он много лет преподавал на факультете архитектуры и успешно занимался реконструкцией старых белградских зданий.

Работали русские архитекторы и в других городах Югославии. В Нови Саде трудился Г.Н. Шретер (Дом здоровья, Дворец офицеров), в Скопле – И.Г. Артемушкин и Василенко, в Загребе – Фетисов (Отель «Эспланада», здание Югобанка), в Сплите – А.Б. Папков (Дворец Бановины) и др.

Выдающийся архитектор и скульптор Р.Н. Верховской оставил в Белграде уникальные памятники. Участник Первой мировой и Гражданской войн, выпускник Императорской академии художеств, Верховской смог свое мастерство и свой жизненный опыт вложить в ансамбли-памятники воинской славы: Защитникам Белграда 1914–1915 гг. (открыт в 1931), а также Монумент-усыпальницу Императору Николаю II и 200 тыс. русских воинов 1914–1918 гг. – единственный в мире памятник русским жертвам Первой мировой войны и революции. Талант скульптора в этих памятниках неразделим с его гражданской позицией. В крипте памятника покоятся останки воинов, погибших на балканском фронте. Подобного памятника нет ни в одной стране, нет его и в России. Открывая мемориал, полковник М.Ф. Скородумов сказал, что под этим памятником, кроме святых останков наших героев, похоронена европейская совесть, честь и порядочность. Памятник был открыт в 1935 г.

После 1945 г. Верховской эмигрировал в США, где по его проектам построены храмы Св. Александра Невского в Лэйквуде (Нью-Джерси) и Св. Троицы в русском монастыре в Джорданвилле.

Новые пути в архитектуре искали молодые русские авторы, организаторы и участники нескольких выставок в 1920–1930-е годы. Русские архитекторы объединились в общество «Круг» и успешно сотрудничали с сербскими коллегами. Они, так же как и старшее поколение, не принимали чистый модернизм, но значительно осовременили традиционную концепцию своих проектов. Павел Крат – единственный представитель «русского модернизма» в архитектуре межвоенной Югославии. После 1945 г. большинство покинуло страну, Анагности и Самойлов успешно преподавали и занимались научной работой в белградском университете до середины 1980-х годов.

Русские художники-эмигранты

В Югославии в межвоенный период работали более 50 мастеров изобразительного искусства – 30 художников, а также скульпторы и архитекторы, занимавшиеся живописью. Из представителей старшего поколения, получивших признание еще на родине, выдающееся место принадлежит С.Ф. Колесникову, ученику И.Е. Репина, представителю академического направления. Мастер среднерусского пейзажа, батальных и жанровых сцен, известен удивительной творческой плодотворностью. С 1920 г. он поселяется в Сербии, преподает в Академии художеств. Интересно, что в эти годы он обращается к монументальной живописи и создает ряд полотен в общественных зданиях: в Адриатическо-Подунайском банке, в городской больнице, в гостинице «Паллас», панно в Народном театре. По поводу новых работ И.Е. Репин писал Колесникову в 1929 г.: «Вас я знаю только пейзажистом и всегда любовался необычайной красотой серых, обтрепанных вет-

рами, пустых ветвей... И вдруг Вы явились с плафоном оперного театра – 80 м²! И это уже мифологические фантазии! Ради Бога, присылайте поскорее копии, в каком бы то ни было виде, я пойму суть, и я жду их, как христианин чуда»²⁰. Картины Колесникова сохранились во многих частных собраниях в Югославии.

А.В. Ганзен – внук и ученик И.К. Айвазовского, крупнейший маринист, известный акварельными работами, батальными сюжетами – в 1920 г. эмигрировал в Югославию, большую часть времени прожил в Дубровнике. Его работы часто выставлялись и находятся во многих собраниях музеев и дворцов в Италии, Румынии, Югославии.

Среди русских авторов видное место занимали: А. Лажечников, Н. Богданов-Бельский, Е.А. Киселева-Билимович, А. Биценко, В.С. Курочкин, Е. Прудков, А. Сосновский, Б. Литвинов и др. Известным портретистом был Б. Пастухов, исполнивший много официальных портретов, в том числе короля Александра и членов его семьи, в 1930-е годы он переезжает в Париж.

Наибольшей оригинальностью отличаются работы русских театральных художников-сценографов, создавших в Югославии свое направление. Первым из этой плеяды был Л.М. Браиловский. В России получил известность серией акварелей Юсуповского дворца в Москве. «Браиловский – историк-сказочник... он ушел в фантастику и резит замками, жизнью храмов, процессий, обрядов»²¹. В начале века у него была слава одного из лучших декораторов Москвы. С 1916 г. он – академик архитектуры. В Народном театре в Белграде Браиловский был первым художником-сценографом, основателем театральной мастерской, здесь он работал до 1924 г. Совместно с женой им создан цикл исторических полотен «Видения Старой России», организован Музей истории древней русской архитектуры при Конгрегации

восточных церквей в Ватикане. Работы хранятся во многих музеях мира.

С начала 1920-х годов в Народном театре Белграда начинает работу и А.А. Вербицкий, где в качестве главного художника трудится до 1946 г. В 1950-е годы он становится сценографом Белградского драматического театра, много работает и для других театров Югославии в Нише, Нови Саде, Шабце, Цетинье, Тузле и др. Подготовил много последователей. Умер в 1974 г. в Югославии в г. Герцег-Нови.

Большой вклад в становление национальной сербской сценографии и костюмографии внес В.П. Загороднюк, оформивший в 1930–40-е годы более 30 драм и опер. Особый интерес вызвала сценография драмы Иво Войновича «Смерть матери Юговичей», за которую он получил в 1925 г. второе место на международной выставке в Париже. После 1945 г. эмигрировал в Австралию.

Новое поколение и стилистику представляет сценография А.И. Жедринского, близкого по настроениям к «Миру искусств». В Белграде им осуществлены более 20 постановок. Художественная критика считала его лучшим сценографом, следовавшим идее режиссерского театра в поисках новых форм и сценического изображения. В 40-е годы работал в Загребе, Любляне, Риеке, с 1952 г. жил в Париже. В военные годы в Народном театре Белграда работает еще один русский художник – А.И. Кучинский.

Плодотворно работали русские художники под эгидой Военного музея Белграда, где формировалась основная экспозиция. Работы А. Васильева, его супруги В. Васильевой, А.И. Шелоумова, Вс. Гулевича представляют сюжеты из славной военной истории Сербии. В особенности впечатляет коллекция акварелей Вс. Гулевича, получившего образование в русских учебных заведениях в Югославии.

Особый пласт представляют иконы, написанные русскими мастерами как име-

нитыми – С. Колесниковым («Святой король Милутин»), Е. Киселевой-Билимович, так и менее известными – генералом Борисом Литвиновым, О. Богорадовой и др. С именем иконописца Пимена Софронова, приехавшего в Югославию из Эстонии, связана работа иконописной школы в монастыре Раковица (1934–1937). Позднее он уехал в Италию, но остались его выдающиеся работы и ученики. После Второй мировой войны как художник-реставратор трудилась Е.В. Вандровская, занимаясь поисками, спасением и сохранением фресок монастырей Фрушкой Горы, патриархии в Печи, Св. Софии в Охриде и др., ее работа получила мировое признание.

В послевоенной Югославии интерес был вызван полотнами Леонида Шейки (1932–1980) – художника, скульптора, иллюстратора. Его концептуальные работы и теоретические обобщения положили начало одному из ведущих направлений современной сербской живописи. Он является основателем и теоретиком художественной школы «Медиала».

Из семьи художников Васильевых вышел еще один интереснейший автор – Игорь Васильев (1928–1954), трагически рано ушедший из жизни. Его творчество принадлежит новому времени, однако сохраняет русскую традицию. В настоящее время плодотворно работает в Белграде оригинальный автор русского происхождения – Ольга Иваницкая (р. 1931), участница «Медиала».

Новое направление, получившее большую популярность, разработал «Белградский круг комикса» – молодые русские художники из эмигрантских семей: Г. Лобачёв, К. Кузнецов, С. Соловьёв, Н. Навоев, И. Шеншин, А. Ранхер, В. Жедринский. Так, в начале 1930-х годов они заложили начало русского и сербского комикса – нового способа визуального рассказа.

В межвоенные годы действовало несколько художественных обществ, наиболее значительными из которых являются «Общество русских художников в Юго-

славии» и Русское объединение художников «Круг». К числу важных событий относится Большая выставка русского искусства весной 1930 г., на которой было представлено свыше 400 работ русских авторов, в том числе: И. Репин, А. Бенуа, И. Билибин, Н. Гончарова, М. Добужинский и др. Многие полотна приобретались королевской семьёй.

Русские театральные труппы в Белграде

Первые спектакли стали даваться в русской колонии уже в середине 1920-х годов в постановке Юрия Ракитина (сценический псевдоним Георгия Ионина, 1882–1952), опытного мастера, в прошлом актера МХАТа и режиссера Александринского театра в Петербурге, с 1920 г. – режиссера Народного театра в Белграде. Его труппа, как еще несколько кружков – певца и актера Шуйского и любителя Манглера, формировалась как из профессиональных актеров, так и из дилетантов. В 1925 г. возникло Белградское русское драматическое общество, объединившее 80 артистов, спектакли ставили опытные режиссеры: А. Верещагин, А.Д. Сибиряков, Ф. Павловский. Репертуар был самый разнообразный. Существующая в эти же годы в Белграде «Драматическая студия» Союза русских писателей и журналистов, отдавала предпочтение русской классике (режиссеры Ю. Ракитин, А.Ф. Зяярный). При Земгоре было Студенческое русское театральное общество. В конце 20-х годов успешно выступали Театр русской драмы (актрисы Ю.В. Ракитиной – жены режиссера) и Русская студия драматического искусства (режиссер – В.П. Загороднюк).

Расцвет русского драматического театра относится к 1930-м годам, когда помимо перечисленных выше возникают театральная труппа «Комедия» – Я. Шувалова и театр миниатюр В.И. Жедринского, а главное, создается в 1929 г. Школа-студия драматического и киноискус-

ства под руководством Александра Черепова (ранее работал в разных театрах России, в 20-е годы в Риге). Ошеломляющий успех имела его постановка пьесы А.К. Толстого «Смерть Ивана Грозного», в которой он сам исполнял главную роль.

Для театра всегда основная проблема – наличие самостоятельной постоянной сцены, такая сцена была создана в 1933 г. в великолепном зале Русского Дома на 750 мест с прекрасной акустикой, где Черепов совместно с И.Э. Дуван-Торцовым открыл Русский общедоступный театр. Крупнейшими драматическими актерами русского Белграда были: Ю. Ракитина, Л. Мансветова, А. Верещагин, М. Верещагина, О. Миклашевский, Н. Белавина и др. На сцене Русского Дома часто выступали мировые звезды русского театра: Н. Массалигинов, М. Крыжановская, П. Павлов и В. Греч. Репертуар состоял как из пьес классических, так и из произведений местных авторов, таких как: В. Хомицкий, Н. Рыбинский, Ю. Офросимов, а также «парижан»: Н. Евреинова, И. Сургучёва, Н. Берберовой. Спектакли в Русском доме продолжались и в военные годы, последнее представление было дано в сентябре 1944 г. Важно отметить, что в 1930-е годы в Белграде ставили и произведения советских авторов: «Квартуру круга» В. Катаева, «Зойкину квартиру» М.А. Булгакова. Обе пьесы готовил к постановке Ю. Ракитин, однако по политическим мотивам пьеса Булгакова была запрещена.

Русские драматические актеры и режиссеры стоят и у истоков зарождения югославского кино. В 1922 г. в Загребе была основана кинематографическая школа, которой руководили А. Верещагин и А. Базаров. Ими был снят фильм «Страсть к приключениям». В 1921 г. русские операторы В. Рыбак и С. Тагац предприняли попытку создания мультипликационного фильма. В 1932 г. А. Герасимов, сконструировав звуковую кинокамеру, стал снимать звуковое кино. А. Черепов в Белграде в 1931 г.

снял фильм «Неуклюжий Буки», в 1933 г. «Авантюры доктора Гачича» – в них снималась русская актриса О. Соловьёва.

В послевоенной Югославии продолжал трудиться Ю. Ракитин, но уже в сербском коллективе, в качестве режиссера Народного театра Воеводины в Нови Саде (1947–1952). Юрий Львович Ракитин, начинавший свою театральную деятельность во МХАТе, хорошо знавший Станиславского и Немировича-Данченко, сотрудничавший с Мейерхольдом, друг Н. Балиева, бывший одним из последних режиссеров Императорского театра в Петербурге, оказался живым мостом между классической русской театральной традицией и формирующейся национальной сербской драматической школой. Двадцатилетнее руководство русскими театральными труппами в Белграде, прекрасное знакомство с жизнью страны позволили Ракитину передать весь жизненный и профессиональный опыт своей последней труппе в Нови Саде. Его постановки в этом театре произведений А.П. Чехова и А.Н. Островского стали классикой. Подлинным шедевром критика назвала последний спектакль Ю.Л. Ракитина «Вишневый сад».

Артисты оперы и балета

«Творчество российских деятелей искусств на заре появления оперы и балета в Народном театре сыграло решающую роль в развитии музыкально сценического искусства Сербии... за короткое время был пройден путь, на который в обычных условиях потребовалось бы десятка два лет. Благодаря их опыту, профессионализму и высоким творческим требованиям был сделан такой скачок, который позволил белградским опере и балету преодолеть вековую отсталость, вызванную историческими условиями, и всего за несколько лет на равных правах войти в русло общеевропейского музыкально-сценического искусства»²².

Опера и балет на сербской земле создавались русскими артистами – как хореографами и художественными руководителями, так и артистами, причем не только звездами, но и рядовыми участниками хора и кордебалета. С середины 1920-х годов белградским балетом руководят Ф. Васильев, М. Фроман, А. Романовский, Н. Кирсанова, Б. Князев, А. Жуковский, Б. Романов. Постановкой кадров для нужд балета занялась балерина Клавдия Исаченко еще в начале 20-х годов, затем ее сменила знаменитая Елена Полякова, подготовившая несколько поколений сербских и русских артистов. Балетную студию в Русском доме вела Д. Чалеева-Гортынская.

Многие годы работали в Белграде А.К. Фортунатов и А.М. Жуковский, М.Н. Панаев – танцоры и хореографы. Алексей Жуковский, получивший образование в Белграде, считался звездой Народного театра и много усилий приложил к изучению народного сербского танца и обогащению балетной сценографии национальными элементами.

Русские балерины – Е. Полякова, М. Боголовская, А. Юренева, Н. Хитрово, Т. Максимова, Е. Корбе, М. Оленина, М. Фроман – в разные годы украшали собой белградскую сцену. Глубочайший след оставила многолетняя работа Нины Кирсановой (1898–1989) – прима-балерины, а затем педагога и хореографа, выступавшей до 1951 г. Звездой сербского балета стала Наташа Бошковиц, русская по матери. На сценах театров Югославии ставились русские балеты: «Лебединое озеро», «Щелкунчик», «Петрушка» и др.

Пианистами белградского балета были: А. Цакони, О. Слатина, Д. Конради. Концертмейстерами в опере – Б. Добровольский (позднее дирижер Русской Оперы в Париже), А. Бутаков, М. Колчевский, П. Колпиков, А. Руч. Русские музыканты оставили неизгладимый след в сербской культуре. В 1920-е годы выступал в качестве дирижера и концертмейстера композитор В.А. Нелидов, здесь им создана опера «Смерть матери Юговичей» на либ-

ретто драмы Иво Войновича, позднее он обосновывается в Париже. В 1932 г. именно на белградской сцене состоялась премьера русского балета «Тайна пирамиды» и русской оперы «Ванька-ключник» на музыку Николая Черепнина, ученика Римского-Корсакова, создавшего в Париже Русскую консерваторию. В Югославию неоднократно приезжали Анна Павлова и Федор Шаляпин.

Русские солисты Белградской оперы имели устойчивую и многолетнюю славу. В отличие от балета, трудно приживавшегося на новой почве, оперное искусство было близко национальной традиции и естественно вошло в культурную жизнь. В Народном театре многие годы выступали оперные певцы: Е. Попова, С. Драусаль, П. Холодков, К. Роговская.

На сценах Белграда, Загреба и других городов ставились «Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Царская невеста», «Князь Игорь» и др., – при этом и музыка, и сценография, и постановка, и артисты, и музыканты были в своем большинстве русскими. В 1920-е годы в Белграде пели: Е. Мариашец, Н. Волевач, Г. Юрнев, М. Каракаш, в 1930-е годы блистали Ольга Ольдекоп и Павел Холодков. София Драусаль – колоратурный сопрано, примадонна югославской оперы в Белграде – в конце 1920-х начала свою карьеру и здесь же ее завершила в 1946 г., умерла в 1991 г. в возрасте 98 лет в Белграде.

Интересен факт, что русские музыканты выступали не только с классическим репертуаром в театрах страны – оркестр радиостанции «Белград» также состоял в основном из русских, особой популярностью пользовалось трио братьев Слатиных, играли народные группы Н. Сиволопова, С. Болдырева, оркестр балалаек «Яр», романсы исполняли Ольга Янчевецкая и Лариса Побединская, хоровое искусство демонстрировал белградский хор им. Глинки под руководством Илья Слатина.

Вклад русских актеров, музыкантов, артистов балета в развитие культуры народов Югославии высоко ценился и принес прекрасные плоды, однако не следует забывать и то значение, которое имела их деятельность для сохранения традиций русской культуры и для ее обогащения новыми мотивами, новым опытом.

Литературно-издательская деятельность

В Югославии сложились благоприятные условия для работы русской интеллигенции, однако культурная столица диаспоры, несомненно, была в Париже. В силу этого в Югославии русская литература была представлена в основном в прекрасных и обширных издательских программах, а также в деятельности литературных обществ, объединявших молодежь и не чуждых литературе маститых ученых, таких как Е. Аничков, А. Соловьёв, или общественных деятелей, осваивающих новые пути, таких как В.В. Шульгин, более 20 лет проживший в Югославии и написавший здесь ряд книг как публицистического, так и беллетристического характера.

Среди имен профессиональных литераторов, живших в Королевстве СХС, следует назвать С.Р. Минцлова и Н.Я. Агнивцева.

С.Р. Минцлов – писатель, библиофил, библиограф революцию встретил в Европе и с 1918 г. проживал в Югославии в городах Земун и Нови Сад, где был директором Русской реальной гимназии. С 1924 по 1929 г. он пишет: «За мертвыми душами», «Под шум дубов», «Сны земли», «Гусарский монастырь», «Закат», «В грозу», «Приключения студентов», «Огненный путь», «Беглецы». Эти произведения увидели свет в разных европейских издательствах, но сам автор в эти годы проживал в Югославии. В 1922 г. в журнале «Русская мысль» начал печататься его роман «Царь Берендей» (переведенный на сербский и изданный в Белгра-

де), в 1923 г. он вышел в Берлине в «Медном всаднике». Минцлов в литературе продолжал линию Мельникова-Печерского, создавая мистическо-исторические картины. Романы его пользовались огромной популярностью у публики.

Другой профессиональный литератор, живший в 20-х годы в Белграде, – Н.Я. Агнивцев, выступал в жанре эстрадной поэзии, мелодической декламации и был популярен не менее Вертинского. В белградских газетах увидели свет некоторые его тексты, не известные в России. Поэт это был профессиональный, однако в Европе он не задержался, вернулся в СССР и занимался детской литературой.

В начале 1920-х годов жил в Сербии Николай Туроверов, казачий поэт, выпустивший уже во Франции несколько сборников стихов, есть у него и «Цикл стихов о Сербии». Частым гостем в Югославии был Игорь Северянин, создавший несколько стихов об этой стране, с которой его многое эмоционально связывало. Его поэтический сборник «Классические розы» (1922–1930) посвящен королеве Югославии Марии, а в 1934 г. он написал сонет на смерть короля Александра.

Политический деятель предреволюционной России В.В. Шульгин весьма плодотворно работал в эмиграции в Югославии. Он с 1925 по 1945 г. жил в Сремских Карловцах, где и был арестован красноармейцами. За годы эмиграции он опубликовал произведения в разных издательствах, в том числе многие книги были изданы в Югославии. Причем он писал как политическую публицистику, так пробовал силы и в жанре авантюрного романа. «Дни» были изданы белградским издательством при газете «Новое время», роман «В стране неволи» – в Белграде в 1934 г. Самая знаменитая его книга «Три столицы», о путешествии в Советскую Россию и обратно, была написана в Сербии, а издана была в Берлине в издательстве «Медный всадник» в 1927 г.

В Белградской газете «Новое время» работал А. Ренников (А.М. Селитренников) – писатель, известный еще в России. В югославский период он издал три романа: «Души живые», «Диктатор мира», «За тридцать земель»; после переезда в Париж работал в газете «Возрождение».

Подлинными успехами «литературного Белграда» связаны с именами молодых авторов, впервые обратившихся к творчеству в середине 1920-х годов. Их становление, формирование собственной позиции в искусстве проходило в рамках нескольких литературных объединений. Первый литературный кружок «Гамаюн» возник в 1923 г., объединив молодых поэтов: Ю. Бек-Софиева, И. Голенищева-Кутузова, Ю. Вереницина, А. Дуракова, Г. Елачича, И. Фон Мерана, Б. Пушина, А. Росселевича, Б. Соколова и В. Эккерсдофа. В 1924 г. кружок выпустил сборник стихов указанных авторов под названием «Гамаюн – птица вещая». Его лидером был Илья Голенищев-Кутузов, которому в 1924 г. исполнилось 20 лет и он заканчивал философский факультет белградского университета. Позже он станет крупным ученым-филологом, специалистом по литературе славянских народов. В литературной среде эмиграции он был известен своими инициативами, переводами сербской поэзии, дружбой с Вяч. Ивановым. В годы войны он сотрудничал с партизанами и в 1955 г. вернулся в СССР, где занимался педагогической и научной работой. Он автор «Эпоса сербского народа» – фундаментального издания переводов и научных комментариев к ним.

Через Париж на родину лежал и путь Ю. Бек-Софиева. Во Франции он женился на Ирине Кнорринг, поэтессе, секретаре «Союза молодых русских поэтов и писателей», выпустил сборник стихов «Годы и камни». Белградский «Гамаюн» по своей лирической направленности весь обращен к мэтру – кумиру поэтической молодежи Вяч. Иванову. «Проводником» его идей, его эстетики был друг юности Иванова,

профессор литературы, живший в Югославии, Е. Аничков, поддерживающий дружескую связь с поэтом и в эти годы (к Аничкову обращено стихотворение Вяч. Иванова 1928 г. «Сверстнику»: «Старина, еще мы дожи мыкать по свету скитальцев русских долю...»). Аничков был на много старше авторов «Гамаюна», но он был душевно близок с ними. В Италию к Вяч. Иванову в 1927–1928 гг. ездил и Илья Голенищев-Кутузов. Они установили добрые отношения, увенчавшиеся предисловием Иванова к сборнику стихов Кутузова «Память» (Париж, 1935). Влияние творчества Вяч. Иванова на белградских поэтов заставило исследователей говорить о возникновении целого направления его последователей в Белграде и Праге.

Еще один участник «Гамаюна» Алексей Дураков, ученик Е. Анненкова, разделил судьбу своего поколения. В 1930-е годы, занимаясь преподавательской работой, он выпустил несколько сборников, стал довольно известным автором, в годы войны ушел в партизаны и погиб в бою, прикрывая товарищей. Дураков публиковал сочинения как в Белграде, так и в парижских, и пражских изданиях, был участником кружка «Перекресток» в Париже, в рукописи остались его «Партизанские стихи».

На смену «Гамаюну» идет новое объединение – «Книжный кружок». Это своего рода культурно-литературное объединение, со своей программой, регулярными встречами, председателем. Сборник стихов «Зодчий» (Белград, 1927) открывается манифестом от редакционной коллегии. В сборнике 10 участников: В. Григорович, Е. Кискевич, И. Кондратович, А. Костюк, Л. Кремлев, Л. Машковский, Г. Наленч, Д. Сидоров, Ю. Сопочко и Е. Таубер. Авторы утверждали, что творчество – это прежде всего долг перед самим собой, и не стоит увлекаться ни «формализмом», ни «эстетизмом», а следует развивать «русскую культурную традицию». На сборник «Зодчий» в берлинском журнале «Руль» появилась благосклонная рецензия В. Сирина (Набокова).

Председателем кружка, редактором сборника и самым плодовитым автором был Е. Кискевич. О нем в мемуарной книге «Курсив мой» вспоминала Нина Берберова, назвавшая его поэтом «смелым, но грустным».

В «Зодчем» появляется впервые и имя Екатерины Таубер, одного из самых известных белградских авторов. Ее стихи сразу заявили о собственной интонации. Закончив филологический факультет, она преподает французский язык и литературу, активно участвует в жизни кружков и студий. В «Зодчем» 11 стихов принадлежат ей, в том числе программное «Святой Китеж-град». Ей была суждена плодотворная и долгая творческая жизнь. В 1937 г. Таубер выходит замуж и уезжает во Францию, активно печатается в «толстых» журналах, выпускает пять сборников стихов, никогда не разрывая связь с Югославией («Одиночество», «Под сенью оливы», «Плечо с плечом», «Нездешний дом», «Верность»). Строчки ее стихов хорошо известны: «Твой чекан, бывшая Россия, / Нам тобою в награду дан. / Мы – не ветви твои сухие, / Мы – дички для заморских стран...»

В последнем сборнике «Верность» (Париж, 1984) вновь обращение к юности – «Белградским друзьям» и «Кафе в Земуне». О творчестве Е. Таубер писали Глеб Струве, Г. Адамович, В. Ходасевич, Ю. Терапиано, отметивший «обостренное чувство и точность ее образов». В «Новом журнале», альманахе «Мосты», газете «Русская мысль» и других были опубликованы также ее рассказы и литературно-критические статьи.

Под псевдонимом Е. Наленч скрывался Григорий Сахновский, талантливый лирический поэт, рано умерший от чахотки. В его посмертном сборнике «Стихи» (Париж, 1931) критики отмечали влияние А. Блока.

Литературная молодежь предпринимала попытки совместных русско-сербских культурных инициатив. В 1923 г. увидел свет журнал «Медуза» со смешанным со-

ставом авторов. Целью журнала провозглашалась задача познакомить сербов с лучшими образцами творчества русских литераторов трагических лет России, а эмигрантов – с литературным творчеством сербских братьев. В журнал вошли: перевод «Двенадцати» Блока Ст. Винавера, перевод эссе Ал. Толстого о Блоке «Падший ангел», стихи Анны Ахматовой в переводе М. Кос и Винавера, далее в рубрике «Сербские поэты» рассказывает о плеяде выдающихся сербских модернистов – Иличе, Шантиче, Дучиче, Крклеце и Црнянском. Инициатором этого полезного, но, к сожалению, не имевшего продолжения начинания был Д. Кобяков, позднее уехавший во Францию.

С другим совместным сербско-русским опытом – сборником «Ступени» – связана судьба самой яркой звезды XX в. на сербском поэтическом небосклоне – Десанки Максимович. В 1927 г., когда вышел сборник, в редколлегию которого она входила, Д. Максимович была молодой поэтессой; ее будущий муж – Сергей Сластиков – переводил стихи с сербского, впоследствии он стал детским писателем. Кроме Д. Максимович и Г. Крклеца в кружок входили еще пять югославских литераторов и 11 русских. В сборнике «Ступени» прозвучал голос молодого поэта И. Побегайло, выступившего, кроме того, и с критической статьей о творчестве С. Есенина, где называл его современным Пушкиным. Эта статья имела большой резонанс.

Наиболее серьезным и основательным объединением был кружок «Литературная среда», основанный в 1934 г. повзрослевшими и накопившими мастерство и жизненный опыт И. Голенищевым-Кутузовым, Е. Таубер, Ю. Офросимовым, Е. Кискевичем, В. Хомицким, юным К. Тарановским. Из уважаемых мэтров были приглашены Ю. Ракитин, В. Даватц, В.В. Шульгин. Появились новые молодые участники: В. Гальский, И. Гребенщикова, М. Погодин, Н. Гриневиц, М. Иванников, А. Неймирок,

Р. Плетнёв, из числа которых в историю литературной диаспоры вошло имя Лидии Девель (Алексеевой). Идеологом «Литературной среды», несомненно, был талантливый ученый и литератор И.Н. Голенищев-Кутузов, постоянный автор ведущих эмигрантских изданий: «Современные записки», «Россия и славянство», «Возрождение» и др. Лучший его поэтический сборник – «Память». Его идейно-эстетическая позиция была смелой и шла вразрез со столь популярной «парижской нотой». И.Н. Голенищев-Кутузов полемически писал в белградском «Русском деле» в 1936 г.: «В салоне Гиппиус – “гумилята”: Адамович, Оцуп, Г. Иванов, превратились в хулителей акмеизма и стали приверженцами Блока. Установилась диктатура Адамовича, более губительная для эмигрантской поэзии, чем для советской диктатура критика Авербаха. Стихи следует писать по рекомендациям последней статьи Адамовича: обязательны мировая скорбь, сознание бессмысленности творчества, безнадежный взгляд на мир, ненависть ко всему, что жизненно и, еще хуже, ненависть ко всему, что духовно»²³.

Белградская «Литературная среда» не стояла в стороне от основных направлений культурной жизни зарубежья: в крупнейших изданиях с критическими статьями и с собственным творчеством выступали не только ее «президент» Голенищев-Кутузов, но и другие участники заявляли о собственном видении задач русской литературы, основных тенденциях ее развития. В этом смысле важно, какая линия преемственности сознательно ими выстраивалась – корни свои белградский кружок вел от знаменитой «Среды» Бунина, Телешова, Вересаева, Б. Зайцева. Преемственность эту воплощал Ю. Ракитин, близко знавший многих из звезд Серебряного века и сохранивший эстетические пристрастия молодости, о чем свидетельствуют его воспоминания о Блоке и Гумилёве («Новое время», 1923, № 796). В работе кружка он принимал самое живое участие.

Юрий Офросимов был известен и как критик, и театральный обозреватель, и как детский писатель. В Сербию он переселился в 1933 г. из Германии, где его книги издавал Ладьяжников («Стихи об утерянном», «Веселые безделки» и пр.), критические тексты публиковались в журнале «Новая русская книга» с 1919 по 1926 г. В послевоенные годы он жил в Швейцарии, печатался в «Новом журнале».

Хомицкий был весьма популярным автором комических спектаклей, актером, а в 1960-е годы в США организовал свою труппу. Наиболее идейно и интеллектуально близок Голенищеву-Кутузову был молодой Кирилл Тарановский, сын русского ученого-правоведа, академика Сербской академии наук Ф.В. Тарановского. Он вошел в литературу сборником переводов Сергея Есенина, вышедшим отдельной книгой к 5-летию гибели поэта – «Из лирики Есенина» с большой статьей о творчестве и биографии Есенина. Он много переводил поэзию как с сербского, так и на сербский, публиковал литературно-критические обзоры, однако подлинную мировую известность он получил как ученый-славист уже позже в США, будучи профессором Гарвардского университета, специалистом из области русской и сербской версификации. На многие языки переведена его «Книга о Мандельштаме» (1976).

Сборник стихов «Литературная среда» – не только лучшее свидетельство позиций и достижений участников кружка, но и наиболее ценное в наследии литературного Белграда. Подлинным открытием стали стихи Лидии Девель (Алексеевой). В этом сборнике ее творчество впервые предстало перед судом публики, и ее талант сразу был отмечен. Зрелость поэтессы Алексеевой приходится на 1940–1960-е годы, однако сама она многократно подчеркивала, что ее стиль, эстетика, мировосприятие сформированы «русским Белградом». Личная судьба ее сложилась несчастливо – война развела ее с любимым мужем Михаилом Ивановичевым, оставшимся в Югославии, в

то время как Лидия была вынуждена покинуть социалистическую страну, так как все члены «Национального союза русской молодежи» (а она была активным членом и помощницей М.А. Георгиевского) подвергались преследованию. С начала 50-х поэтесса жила в Америке, скончалась в 1989 г. Ее творчество было высоко оценено современниками, Алексееву даже называли Ахматовой в эмиграции, но у нее совершенно индивидуальный почерк, ее стихи не спутаешь с другими, они сразу запоминаются. Не случайно все исследователи творчества поэтессы отмечали удивительную чеканность и глубину ее стиха, совершенного по форме и исполненного глубоким смыслом:

«Сгорело все, что эта жизнь дала мне,
Подметено. И пепел сер и чист.

И лишь стихов прозрачный след –
на камне

Запечатленный лист»

(*Слоятся дыма голубые складки...*
«Прозрачный след». Нью-Йорк, 1964)

Лидия Алексеева выпустила пять сборников стихов: «Лесное солнце» (1954), «В пути» (1959), «Прозрачный след» (1964), «Время разлук» (1971), «Стихи» (Избранное, 1980). Часто публиковались ее стихи в «Возрождении», «Гранях», «Новом журнале», «Современнике», в антологиях «На западе», «Муза диаспоры» и пр. О творчестве поэтессы писали многие специалисты: Ю. Терапиано, Д. Чижевский, С. Рафальский, О. Анстей, Я. Горбов, Т. Фесенко, Б. Филиппов, В. Козак, Р. Плетнёв, О. Ильинский.

Из «Литературной среды» тянется творческая нить и в жизни А.Н. Неймирока, поместившего в сборнике три политических стихотворения, окрашенных реминисценциями Белой идеи. Наиболее активная его творческая деятельность развернулась уже после войны – в ФРГ в качестве сотрудника издательства «Посев» и репортера радиостанции «Свобода». Неймирок (псевд. А. Немиров) в годы

войны был узником «Дахау», написал об этом книгу, публиковал стихи и литературно-критические статьи в ведущих эмигрантских периодических изданиях.

В отличие от большинства членов «Литературной среды», которые были поэтами, Михаил Иванников писал прозу, причем его талант был рано замечен и высоко оценен. Во время учебы в Чехии (на русском юридическом факультете), он был членом знаменитого «Скита поэтов» и кружка «Далиборка», на всю жизнь подружился с Сергеем Рафальским. Затем Иванников решает получить богословское образование и едет в Париж, где становится студентом Сергиевского подворья, здесь завязываются новые знакомства, однако в 1930 г. Иванников переезжает к родителям в Белград, становится членом «Среды» и публикует рассказы: в парижских «Последних новостях» – «Лорд», в «Современных записках» – «Сашка», «Авиарассказы», «Дорога». Работает в газете «Русское дело». Молодого автора заметили, ему прочили славу, Бунин интересуется его судьбой, однако Иванников на 15 лет замолкает. Лишь в середине 50-х появляются новые рассказы в «Новом журнале» и в «Новом русском слове». Его творчество вызвало полемику – спорили Г. Адамович, С. Рафальский, Глеб Струве. К сожалению, опубликованного Иванниковым оказалось слишком мало, чтобы критики пришли к единому мнению, однако, несомненно, что его творчество обладало яркой индивидуальностью. М. Иванников в послевоенные годы жил в Югославии и был талантливым кинооператором, своими военными хрониками и документальными фильмами 1950-х годов он вошел в историю и легенду Югославского кино.

«Существование “Литературной среды” имело важное значение не только для Белграда. Творчество литераторов, ограниченное интересами эмигрантской диаспоры, “Среда” вывела на самостоятельный путь... сборник даже приблизительно

не отражает многогранные возможности этого безусловно продуктивного объединения²⁴. Кроме выше указанных существовали более мелкие литературные объединения как в Белграде – «Новый Арзамас», так и в провинции – «Беседа» и др.

Главным органом литературной и общественной деятельности был Союз русских писателей и журналистов в Югославии. Организационную работу по созданию Союза возглавили двое опытных журналистов – А.И. Ксюнин и Е.А. Жуков. Жуков до эмиграции был сотрудником московского «Русского слова», в 1920–1950-е годы был специальным корреспондентом изданий «Руль», «Новое русское слово», «Единение», а также ряда иностранных: «Морнинг пост» и «Дейли телеграф». В годы войны был арестован и находился в концлагере «Дахау». После войны вернулся в Белград и работал в Югославии (он – его основатель и первый директор). Жуков был прекрасным организатором и имел авторитет в журналистских кругах.

Союз был основан в октябре 1925 г., и его основная цель – объединение и материальная поддержка русских литераторов, защита авторских прав, профессиональные дискуссии, помощь в публикации. Союз располагал собственными помещениями, библиотекой, в которую поступил весь фонд русской библиотеки из Карлсруэ, основанной Тургеневым, активно занимался изданием и распространением периодических изданий – собственные печатные органы Союза – газета «Россия» и журнал «Призыв». В Союз входило около 200 членов, первым председателем его стал А.И. Ксюнин. Он стал известен еще в России как журналист суворинского «Нового времени» и как автор двух популярных книг: «Уход Толстого» и «Народ на войне». В Белграде работал в югославских изданиях и был специальным корреспондентом лондонской «Таймс», писал для многих эмигрантских изданий. Ксюнин активно занимался политикой, был членом различных монархических объедине-

ний, вероятно был связан с РОВС, был сотрудником А.И. Гучкова. После «дела Миллера» Ксюнин переживает жизненный кризис и кончает жизнь самоубийством в 1938 г.

Союз не был идейно однородной организацией, и в нем проводились оживленные дискуссии, в особенности на так называемых выпусках «устных газет», темы выбирались самые горячие, часто приглашались гости из других мест – А.А. Кизеветтер (темы его лекций, к примеру, были: «Славянство и евразийство», «Специфичность русской истории»), К.Д. Бальмонт («Образ женщины в поэзии и жизни»), Д. Мережковский, И. Ильин, А. Куприн и др.

Венцом успешной работы Союза, несомненно, был единственный в своем роде общеэмигрантский Съезд русских писателей и журналистов за рубежом осенью 1928 г. в Белграде. Событие такого масштаба требовало серьезных субсидий, и они были получены от югославского правительства – 140 тыс. динаров. Высоких гостей было более сотни, в их числе: А. Куприн, Б. Зайцев, З. Гиппиус, Д. Мережковский, И. Шмелёв, С. Мельгунов, А. Бем, С. Варшавский, М. Вишняк и др. Председествовал литературный «патриарх» – В. Немирович-Данченко. На съезде было заслушано 17 докладов и приняты решения о создании Зарубежного союза писателей с центром в Париже и правлением в Белграде, был также учрежден Литературный фонд. Отдельная резолюция была принята с осуждением политической цензуры в СССР.

Съезд русских писателей привлек большое внимание югославской общечественности. Король Александр, постоянно поддерживающий многих русских писателей материально (более 10 человек получали ежемесячную королевскую пенсию, около 300 франков, в течение многих лет), хорошо знающий русский язык и литературу, устроил прием, на котором были вручены высшие государственные награды 14 русским писателям – орден Святого Саввы I степени получили

В. Немирович-Данченко и Мережковский, II степени – Гиппиус, Чириков, Куприн, Зайцев, следующие семь человек – III и IV степеней. Следует отметить, что все участники съезда тепло вспоминали Белград, его атмосферу. Король Александр пользовался всеобщей любовью. О пребывании в Югославии интересные воспоминания оставили Гиппиус, Мережковский, Куприн, Зайцев и др.

Иван Шмелёв писал об этом съезде: «Это – одно из самых значительных русских событий за последние 10 лет нашего исхода на мировую сцену»²⁵.

Издательская деятельность

В Югославии сложились благоприятные предпосылки и для издательской деятельности. Там выходили многочисленные периодические издания. Газеты: «Новое время» – издатель М.А. Суворин (1921–1930), «Возрождение» – редактор А.И. Ксюнин (1921–1922), «Старое время» – редактор Станкович (1923–1924), «Царский вестник» – редактор-издатель Н.П. Рклицкий (1928–1940), «Новый путь» – редактор Г.И. Попов (1932–1941), «Русская мысль» – редактор А.Б. Маклецов (1920–1922), «Русская правда» – издатель А.В. Ланин (1923–1935), «Русский голос» – редакторы В.Н. Полтавцев, В.М. Пронин (1931–1941), «Русское дело» – редактор Ф.М. Козмин (1936–1938) и т.д. С учетом провинциальных изданий в Югославии выходило более 220 наименований газет и журналов. Это число составляет около 10% от общего числа периодических изданий русской эмиграции. Самыми читаемыми были: «Царский вестник», издававшийся при поддержке РПЦ. Митрополит Антоний, формулируя платформу издания, писал: «...это будет газета строго царской ориентации, которая в России признает самодержавие, монархию и православную культуру»; «Новое время» возглавлял сын

А. Суворина Михаил, он продолжал консервативную линию, собрав в редакции «лучшие перья» – А. Ренникова, В. Гордовского, А. Столыпина (сына), а также многочисленную белградскую профессуру, из Парижа присылал корреспонденции Б.А. Суворин (брат). Болезнь издателя привела и к угасанию газеты, место которой занял «Русский голос». Около редакции этой газеты собрались военные и интеллигенция, близкая к РОВСу, многие перешли туда из «Нового времени». В Югославии работало также большое число русских типографий, вообще с изданиями не было больших проблем, так как шрифт и для сербских, и для русских текстов использовался кириллический. Наиболее крупные типографии: «Современная типография – Рад», «Русская типография С. Филонова» (Нови Сад), «Святослав» М.Г. Ковалёва и Ко, «Русская типография», «Типография Меркур» и др. Неудивительно, что русская эмиграция могла себе позволить реализовывать довольно обширные издательские программы. Трудно подсчитать все провинциальные издания и «полусамиздатские» инициативы, но то, что поддается учету, это – 1200 наименований книг и брошюр за период с 1920 по 1945 г. (по данным «Библиографии» Я. Качаки). Издательская комиссия при комитете русской культуры выпустила 43 книги серии «Русская библиотека» – сочинения И. Бунина, Б. Зайцева, А. Куприна, Д. Мережковского, Е. Чирикова, К. Бальмонта, А. Ремизова, Н. Тэффи, И. Шмелёва, М. Алданова и др., а также 12 книг «Детской библиотеки» и «Библиотеки для юношества»: «Русские сказки», сказки Саши Чёрного, Веры Булич (два тома), в рамках молодежной программы: сборник рассказов И. Шмелёва, а также учебники для средней школы Е. Спекторского, Б. Протопопова, Л.М. Сухотина.

Самостоятельные издательские программы были также у Союза русских пи-

сателей и журналистов (наиболее интересное издание – «Антология новой югославянской лирики», 1933 г., – в котором собраны переводы стихов ведущих югославских поэтов, выполненные Голенищевым-Кутузовым, Е. Таубер и А. Дураковым), у издательского дома «Новое время» («Дни» В.В. Шульгина, 1925), у «Царского вестника» («История русской армии» в четырех томах А.А. Керсновского).

В целом в Югославии издается большое количество мемуарной и историко-мемуарной литературы. Представляют историческую ценность, в частности, следующие произведения: Т. Мельник-Боткина «Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции», С.С. Ольденбург «Царствование императора Николая II». тт. 1–2, целая струя «галли-полийской литературы» – В.Х. Даватц и Н.Н. Львов «Русская армия на чужбине», П.И. Крюков «Казаки в Чаталдже и на Лемносе», Н.Н. Львов «Белое движение», А.Х. Даватц «Годы» и др.

Общественно-политическая жизнь

Воспользуемся определением П.Б. Струве, жившего и преподававшего в Югославии в 1920–1930-е годы, активно выступающего в местной периодике, видевшего политический спектр таким: «С одной стороны стоят доктринеры-монархисты, именующие себя легитимистами, стоящие за реставрацию и считающие законным наследником престола – Вел. кн. Кирилла; на другом конце находятся доктринеры-республиканцы, видящие необходимость установления в России республиканского строя, эта группа делится в свою очередь на две: буржуазную с П.Н. Милоковым во главе и социалистическую во главе с А.Ф. Керенским. Этим двум полюсам, количественно “ничтожным”, противостояла “огромная масса” эмигрантского центра, “людей умеренных”», к которым причислял себя и сам Струве («Возрождение». – Париж, 1926. – 14 авг.).

В Югославии в рассматриваемый период существовало около 30 общественно-политических объединений самого разного направления. Наиболее значительные и многочисленные из них: Окружной совет Объединения монархических организаций в Югославии (представительство Высшего монархического совета в Мюнхене – Париже), Русский комитет (головная организация общественных, научных, профессиональных объединений общим числом около 80), Союз восстановления Родины (монархисты-парламентарии), Фонд спасения родины (монархисты-конституционалисты), «Русское согласие» (монархисты-легитимисты), Русское центральное объединение (центристы-монархисты парламентского типа, имели более 10 отделений) – это объединения традиционно-консервативного направления, однако не единые в выборе методов и средств восстановления в России монархии, одни парламентского, другие – самодержавного характера. Общим было православие и верность традиционным устоям государства. Как верно заметил Х. фон Римша: «Консервативная мысль (признание положительных ценностей в прошлом), но не реакционная (что означало бы приверженность только к прошлому), по окончании гражданской войны начинает усиливаться и оказывать притягательное воздействие на широкие круги либерализма... притягивая к себе даже некоторых социалистов»²⁶.

Русский национальный комитет (либералы, кадеты левого уклона), Объединение прогрессивной и демократической русской эмиграции «Крестьянская Россия» (Трудовая крестьянская партия), Республиканско-демократическое объединение РДО – это объединения «левого центра», они не были характерны для полярно-политически распределившихся симпатий общества русских в Югославии, где ситуация складывалась так, что либо человек был аполитичным, либо его симпатии были достаточно поляризованы.

В 1930-е годы силу набирают организации, явно ориентирующиеся на молодежь, не удовлетворенную «повторением пройденного»: русский кружок в Загребе «Молодая Россия» (евразийцы), Союз русской национальной молодежи – СРНМ (девять отделений и представительства в провинции), Союз младороссов, Национальный союз нового поколения – НСНП, позднее НТСНП, Русское трудовое христианское движение – РТХД (42 филиала), Земгор (белградское представительство пражской центральной партии эсеров).

Помимо названных в Югославии существовало множество военнополитических объединений, как-то: Русское народное ополчение, Общество галлиполийцев, Лига русских офицеров и пр., и казачьих организаций: Объединенный совет Дона, Кубани и Терска – ОСДКТЯ, общество «Вольная Кубань» – всего более 70.

Были и объединения профашистского уклона: югославское отделение Лиги обещания, Железный союз долга и чести²⁷.

Эволюция большинства политически активных русских эмигрантов в Югославии развивалась по хорошо известной схеме – от Рейхенгалля к «Возрождению» П.Б. Струве. Все больший вес приобретал «правый центр», объединивший и тех, кто «за монархию», и тех, кто «за республику» при условии, что и те и другие – патриоты. Позиции «возрождения, а не реставрации» выкристаллизовались к 1926 г., когда стало ясно, что скорого возврата в Россию не будет. В этом смысле важен парижский съезд 1926 г., на котором югославская сторона была представлена широко и на самом высоком уровне – делегацию возглавлял митрополит Антоний.

Новый облик российской монархии «без старых недостатков, но на старом фундаменте» многие представляли себе поразному. Собственно, о путях развития традиционной России и велись долголетние и, надо сказать, плодотворные дискуссии, но они шли все же в русле одного пра-

воцентристского направления, к которому, по мнению Струве, принадлежали 80% русских эмигрантов. В Югославии лидер «Возрождения» подвергался, однако, яростным нападкам «доктринеров справа», и все же на его стороне была столь многочисленная здесь университетская профессура, преподаватели гимназий, корпусов, артисты, военные интеллигенты.

В Белграде находился Центр общеэмигрантского движения молодежи, сменявший несколько названий – «Национальный союз русской молодежи», с 1931 г. – Национальный союз нового поколения, с 1936 г. – Национально-трудовой союз нового поколения – НТСНП. Подлинным идеологом этого движения был белградский профессор, преподаватель латыни и санскрита М.А. Георгиевский и казачий офицер В.М. Байдалаков. Союз объединял отделения во Франции, Болгарии, Чехословакии, на Дальнем Востоке. Органом солидаристов или, как их еще называли, «наималычиков» в Белграде был «Русский голос». Большой популярностью пользовался «Русский колокол» И.А. Ильина. Важным моментом в деятельности НСНП является тот факт, что старшее поколение сотрудничало с ним – А.Д. Билимович, Е.В. Спекторский, Ю.Ф. Семёнов, В.В. Шульгин. НСНП вначале поддерживал тесные связи с РОВС. Целью была активная работа с населением внутри СССР с целью распространения идей «обновленной России».

В Югославии в 1924 г. генералом Врангелем был создан Русский общевоинский союз (РОВС), он объединял около 30 тыс. воинов и был стержнем довоенной политической эмиграции. В известном смысле РОВС был хранителем традиций русской государственности, особенно в югославский период, когда находился вблизи Синода РПЦЗ. В 1926 г. Врангель переехал в Брюссель, а после его смерти штаб был переведен Кутепо-

вым в Париж. В Югославии был 4-й отдел РОВСа, местное отделение было многочисленным и активным.

В 1924 г. был организован белградский Земгор приехавшим из Праги Федором Махиным. Земгор (союз земств и городов) осуществлял многочисленные гуманитарные акции, имел обширную культурно-просветительскую программу, занимал позиции, близкие эсерам. Интересна личность основателя Ф.Е. Махина: выпускник академии Генерального штаба, доброволец на Солунском фронте, дослужился до полковника, в эмиграции успел побывать в Китае, Англии, Франции, Чехословакии, автор книг «Красная армия» (на французском опубликована в 1939 г.), «Китай в огне» (на сербском – 1940), левые убеждения и связи в Коминтерне сделали его близким другом верхушки югославских коммунистов еще в 30-е годы, во время войны Махин работает в Верховном штабе Тито, получает чин генерал-лейтенанта, но внезапно в 1945 г. умирает.

Земгор стремился стать общественно-культурным центром Белграда, однако эта цель осталась невыполненной, несмотря на серьезные инициативы: был учрежден «Институт по изучению России и Югославии», ряд культурных объединений и пр. Единственным успешным начинанием Земгора было издание толстого журнала «Русский архив». Как значилось на обложке, журнал о политике, культуре и хозяйстве России. Он издавался с 1928 по 1937 г., вышло 42 номера на сербском языке. Директором этого издательского предприятия был В. Лебедев – один из редакторов пражского журнала «Воля России». Из этого журнала в «Русском архиве» стали постоянными авторами: Марк Слоним, Алексей Ремизов, Марина Цветаева, Евгений Замятин, Евгений Ляцкий и др.

При этом важно отметить, что некоторые тексты этих авторов впервые были опубликованы именно в «Русском архиве» на сербском и лишь затем увидели свет в русских изданиях, к примеру статьи

М. Цветаевой «Слово о Бальмонте» и «Поэты с историей и без» («Русский архив», № 37 – 1936, № 24–27 – 1934), М. Слонима «Портреты современных русских писателей» вышли на сербском в 1928–1930 гг. («Русский архив», №№ 3–9, отдельной книгой в 1931), а на русском только в 1933 г. в Париже.

Основной целью «Русского архива» и, шире, Земгора было наладить русско-югославские связи на «левом фланге»; так как журнал выходил на сербском языке, он был адресован прежде всего югославской молодежи и ставил перед собой просветительские задачи, с которыми успешно справлялся. Симпатии к Советской России к концу 1930-х годов стали перевешивать почтение к старым заслугам России царской.

Среди русской молодежи пользовалась популярностью и «младоросская партия» Казем-Бека, утверждавшего, что старая Россия умерла, а подлинная Россия – это та, которая «теперь перерождается», и принести ей пользу можно, только действуя внутри нее, стать альтернативой правящей партии. Искренность в стремлении быть вместе с большой родиной привлекала многих, хотя, как известно, Казем-Бек не был самостоятелен и действовал в координации с советскими органами. Это испытание патриотизмом и разочарование Западом было тяжелой драмой для той части патриотической эмиграции, которая не верила в реальность долгосрочного существования Зарубежной России и тянулась в Россию. В Югославии было несколько отделений «младороссов» (очагов): в Белграде, в Зерьянине, Субботице и др. Выходило несколько печатных органов: «Молодая Россия» (бюллетень, 1930), «Младорусский исток», «Наше время» (еженедельник, 1934), «Русское дело» (еженедельник, 1936–38). Горячими сторонниками этой идеологии в Югославии были Ф.М. Козмин, Илья и Владимир Толстые (внуки писателя). В газете «Русское дело» работали талантливые молодые литераторы, собиравшиеся в «Литературной среде». В программной статье писалось: «В гигант-

ской борьбе, которую наша нация ведет с разрушительными силами марксизма, лучшее оружие – это наша непревзойденная культура. Общенародная победа нашей культуры свидетельствует о непобедимости русского духа» («Русское дело», № 2, 1936). Многие из «младороссов» после 1945 г. вернулись в СССР (братья Толстые, И.Н. Голенищев-Кутузов).

В середине 30-х годов набирают силу в среде русской эмиграции мотивы разочарования в демократическом Западе, который не захотел противодействовать укреплению в России марксизма и выступить за возрождение «исторического государства». Понимание своих разочарований русские консерваторы нашли в западно-европейских правых движениях. Как показала история, развитие правой идеологии в западной Европе пошло деформированным путем, в результате насилия гитлеровского фашизма – «своим языческим расизмом Гитлер привел к краху все европейское консервативное движение 1920–1930-х годов»²⁸. Распространение национально-консервативной идеологии в среде русской эмиграции связано с именами братьев Солоневич, генералом Туркулом, имевших сторонников и в Югославии. Здесь, особенно в военной среде, сказывались надежды на возможность нового «военного похода» против СССР и восстановления легитимной власти. Единственное, что исключалось полностью и с любым союзником, это «соучастие в расчленении России». Увлеченность военно-геополитическими разработками сыграла с русской эмиграцией злую шутку: как известно, паравоенные формирования из числа эмигрантов использовались Гитлером в своих целях. Подобную судьбу имел и Русский охранный корпус. Еще в 1933 г. А. Ланин убеждал, что «Помогать Германии значит помогать нашему возвращению домой в Россию» («Царский вестник», № 91). Вера в это помогла формированию в 1941 г. военных образова-

ний из числа русских эмигрантов в Югославии. В Охранном корпусе при его создании было 3 тыс. человек. Корпус начал формироваться в сложных условиях, когда после нападения Германии на Югославию в стране произошел раскол, и одновременно действовали части королевской армии, коммунистическое партизанское движение, различные национально-экстремистские формирования – хорватские усташы и пр. В этих условиях эмиграция должна была позаботиться о себе сама. Генерал Скородумов вступил в переговоры с немецким командованием о формировании отдельной русской части на определенных условиях. Наиболее важными представляются: не вхождение русского корпуса в «состав германских частей», скорейшая переброска на Восточный фронт, «не использование корпуса ни против какого-либо государства, ни против сербских национальных частей Дражи Михайловича»²⁹.

Использование русского корпуса в борьбе с партизанами Тито предопределило трагическую судьбу всей эмиграции в послевоенной Югославии, на всех легло пятно пособничества оккупантам. Справедливости ради следует указать и на участие русских в партизанском движении на стороне Тито. Эмиграция выделила два крайних полюса, приняв таким образом участие в гражданском столкновении, которое наложилось в Югославии на освободительную борьбу с интервентами, а также было осложнено межнациональными конфликтами, в то время как основная масса оставалась нейтральной. В сложных условиях корпус принял на себя обеспечение возможности выезда из Югославии многих сотен русских семей, вторичная эмиграция которых из социалистической Югославии к 1944 г. стала неминуемой. История Русского охранного корпуса требует тщательного и объективного изучения.

После войны русская эмиграция в Югославии перестает существовать как

некая культурно-национальная общность, так как большая часть русских покинула страну, оставшиеся же, постепенно утрачивая культурно-национальную автономию существования, включались в жизнь югославского общества, некоторые выехали в СССР.

Общественная жизнь русской эмиграции в Югославии отличалась большой активностью и многообразием. С самого начала 20-х годов, решив проблему хлеба насущного и крыши над головой, русские беженцы принялись самоорганизовываться и налаживать общественно-культурную среду. Разрозненные инициативы увенчались созданием единого культурного и общественного центра Русского дома имени Императора Николая II, какого не имела ни одна другая русская община ни в одной стране. Русский дом был построен по русскому проекту, на русской земле, на русские и сербские пожертвования. Здесь разместились: Русский научный институт, публичная библиотека с архивом и издательской комиссией, Музей Императора Николая II, Музей русской конницы, мужская и женская гимназии, музыкальное общество, художественное общество, мастерские, профессиональные союзы, театр и т.д. Обладая таким центром, русская эмиграция в Югославии постоянно выступала с общественными и культурными инициативами, становилась центром объединения русской диаспоры, здесь проходили конференции, съезды, юбилейные торжества. Бывали дни, когда русские люди были духовно едины, и к числу таких дней, несомненно, относятся Пушкинские торжества в 1937 г., когда в Белграде разворачивалась специальная программа, увидел свет «Пушкинский сборник», в который вошли статьи Вл. Ходасевича, Н.С. Трубецкого, С. Франка, И. Лапшина, Е. Аничкова, Петра и Глеба Струве, К. Тарановского и др.

Не меньшее значение придавалось в Югославии и другому юбилею – 950-летию Крещения Руси, отмечавшемуся в 1938 г. В этом случае роль русской диаспоры в Югославии была особенно значительной, так как именно здесь располагался Синод РПЦЗ. В Белграде состоялись торжества, на которые съехались представители из разных стран и был выпущен «Владимирский сборник», куда были включены работы митрополита Анастасия (Грибановского), А.В. Карташева, М.А. Таубе, А.Л. Лаппо, Е.В. Спекторского, Д.А. Расовского, В.А. Розова и др.

Русский дом сыграл в жизни эмиграции важнейшую роль культурного, организационного, общественного центра. Перед открытием его высокий покровитель король Александр говорил академику Александру Беличу: «Вы должны сохранить за русскими русскую душу. Смотрите, они приехали со своими семьями. Каждая семья – это народ в миниатюре, это проточка каждого народа. Поверьте, русские найдут в своих четырех стенах свою Родину, если семья будет дышать русской атмосферой. Русская школа – начальная и средняя – должна навсегда закрепить за ними русскую национальность, без которой их семья – оторванный листок от могучего дерева. И это не все, и этого мало. Русский человек не может жить без удовлетворения своих духовных потребностей. Помните это всегда. Приютить, накормить, вылечить – хорошо, необходимо и очень полезно. Но если в то же время вы не дадите русскому человеку отвести душу на лекциях, концертах, выставках, а в особенности в своем театре, в своей опере, – вы ничего для него не сделали... Помните всегда, что есть в мире народ, который пожертвует хлебом для духовных благ, которому искусство, наука, театр – также кусок хлеба. Это – наши русские»³⁰.

Примечания

- ¹ Русская эмиграция в Югославии / Сб. под ред.: А. Арсеньев, О. Кирилова, М. Сибинович. – М., 1996; Руска емиграција у српској култури XX века. – Белград, 1994. – Т. 1. – 2.
- ² Йованович М. Доселјаванј е руских избеглица у Кралевину СХС, 1919–1924. – Белград, 1996. – С. 187.
- ³ Там же. – С. 281, 283.
- ⁴ Подробно на эту тему см.: Бондарева Е.А. «Сейчас вы для меня еще дороже...» // Родина. – М., 1996. – № 10. – С. 45.
- ⁵ Сибинович М. Значение русской эмиграции в сербской культуре XX века: Русская эмиграция в Югославии. – М., 1996. – С. 19.
- ⁶ Йованович М. – Указ. соч. – С. 44–46.
- ⁷ Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов. – М., 1994. – С. 91.
- ⁸ Сибинович М. Значение русской эмиграции в сербской культуре XX в.: Русская эмиграция в Югославии. – М., 1996. – С. 9.
- ⁹ Джурич О. Руска литерарна Србија. – Белград, 1990. – С. 26.
- ¹⁰ Фёдоров Г. Путешествие без сантиментов. – М., 1926. – С. 161–162.
- ¹¹ Там же. – С. 18.
- ¹² Архиепископ Иоанн (Шаховской). – Избранное. – Петрозаводск, 1992. – С. 160.
- ¹³ Зернов Николай. Русские писатели эмиграции: Биографические сведения, 1921–1972. – Бостон, 1973. – С. 26.
- ¹⁴ Архиепископ Иоанн (Шаховской). – Указ. соч. – С. 65.
- ¹⁵ Арсеньев А. Русская диаспора в Югославии: Русская эмиграция в Югославии. – М., 1996. – С. 63.
- ¹⁶ Джурич О. Руска литерарна Србија. – Белград, 1990. – С. 213.
- ¹⁷ Тесемников В.А. Организации и объединения русских эмигрантов в Белграде (1920–1941) – рукопись. – С. 10.
- ¹⁸ Солонский А.А. Поликлиника Российского общества Красного Креста старой организации в Белграде, 1920–1940 гг. – Нови Сад, 1940. – С. 3.
- ¹⁹ Арсеньев А. – Указ. соч. – С. 89.
- ²⁰ Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Художники русской эмиграции (1917–1941): Биографический словарь. – СПб., 1994. – С. 251.
- ²¹ Там же. – С. 104.
- ²² Павлович М. Становление оперы и балета в белградском Народном театре. // Руска емиграција... – С. 309.
- ²³ Русское дело. – Белград, 1936. – № 9. – Цит. по кн. О. Джурича. – С. 96–97.
- ²⁴ Джурич О. – Указ. соч. – С. 132.
- ²⁵ Шмелёв И. На страже России // Десять лет Союза русских писателей и журналистов в Югославии, 1925–1935. – Белград, 1935. – С. 62.
- ²⁶ Назаров М. Миссия русской эмиграции. – Ставрополь, 1992. – С. 43.
- ²⁷ Перечень организаций приводится по ст.: Арсеньев А. Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии. – М., 1996. – С. 50–53.
- ²⁸ Назаров М. – Указ. соч. – С. 280.
- ²⁹ Русский корпус, 1941–1945. – Нью-Йорк, 1963. – С. 14.
- ³⁰ Нетленный венок / Сост. М. Кожина-Заборовская. – Белград, 1936. – С. 95.

ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ

Е.Н. Наземцева

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ СИНЬЦЗЯН в 1930–1940-е годы

В 1930–1940-е годы русские эмигранты в китайской провинции Синьцзян надеялись на улучшение своего правового положения в связи с внутрисполитическими событиями, в которых они приняли активное участие.

В конце 20-х годов XX в. положение коренных народов Синьцзяна серьезно ухудшилось. Это привело к тому, что уже в 1927–1928 гг. начались первые крупные выступления. Дальнейший рост народного недовольства привел к мощному национально-освободительному восстанию, разгоревшемуся в начале 1930-х годов. Поскольку русские эмигранты оказались единственной реальной военной силой, руководство провинции приняло решение привлечь их к его подавлению. 11 сентября 1932 г. по приказу генерал-губернатора была объявлена мобилизация для всех «русских эмигрантов в возрасте до 46 лет». Для ее проведения весь Илийский округ, который являлся главным районом сосредоточения эмиграции, был разбит на три района: 1) Суйдунский и Чимпандзинский уезды с призывным пунктом в г. Суйдун; 2) Кульджинский уезд и долина р. Текеса, с призывным пунктом в Кульдже; 3) Каш-Кунгесский район¹. Проведение мобилизации было поручено эмигрантам: в Суйдуне – Голикову, в Кульдже – Вяткину, Конобееву, Никитину, Н.А. Ананьину и Сибирякову, в Каш-Кунгесском районе – Новикову и Пашнову. Всего было мобилизовано 1750 человек, однако ощущался недостаток в офицерах. На учете было только 22 человека, имеющих офицерское звание².

Всего было сформировано четыре конных полка, пулеметная команда, конный артиллерийский полк и комендантская команда³. Командование 1-м конным полком было поручено подполковнику Н.И. Могутнову, 2-м – командовал Н.И. Бектеев, 3-й – возглавил

*НАЗЕМЦЕВА
Елена
Николаевна,
кандидат
исторических
наук,
НИИ Военной
истории
Военной
академии
Генерального
Штаба
ВС РФ*

хорунжий С.В. Чернов. Командиром 4-го конного полка был назначен Иванов⁴. Артиллерийским полком командовал П.М. Воейков, начальником комендантской команды был назначен Н.Н. Антонов⁵.

Благодаря исторически сложившимся тесным связям данного региона с Россией и усилившемуся здесь в 20-е годы XX в. советскому влиянию, советское руководство имело возможность разрабатывать мероприятия, которые могли бы защитить интересы СССР в провинции. Одной из таких мер являлась поддержка провинциального правительства. Советское руководство было категорически против объявленной мобилизации бывших белогвардейцев. Из телеграммы заместителя Народного комиссара иностранных дел СССР генеральному консулу СССР в Урумчи М.А. Немченко от 15 сентября 1931 г. следует, что «Синьцзянское провинциальное правительство проводит в настоящее время мобилизацию и вооружение проживающих на его территории русских белогвардейцев под предлогом или с целью борьбы с беспорядками, происходящими в Синьцзяне. Мобилизованные таким образом белогвардейские офицеры и солдаты частью вливаются в регулярную провинциальную армию, частью же образуют специальные воинские части. [...] Мобилизация и вооружение белогвардейцев в состав провинциальных воинских сил означает создание вооруженной силы, которая, помимо грабежа местного населения, может попытаться напасть на советские консульства и хозяйственные органы, а также, несомненно, еще теснее свяжется с бандитскими шайками, оперирующими на границе. [...] Мобилизация и вооружение белогвардейцев представляют собой грубое нарушение торжественных обязательств, принятых на себя Китайским правительством по статье VI Пекинского соглашения 1924 г., согласно которой «Правительства обеих договаривающихся сторон взаимно ручаются не допускать в пределах своих территорий [по

принадлежности] существования или деятельности каких-либо организаций или групп, задачей которых является борьба при посредстве насильственных действий против правительств какой-либо из договаривающихся сторон»⁶.

В результате по этому поводу был объявлен протест: «Народный комиссариат по иностранным делам СССР заявляет решительный протест против мобилизации, вооружения и включения в состав провинциальных войск белогвардейцев, бывших подданных Российской империи, и ожидает, что Провинциальное правительство, исходя из интересов поддержания и укрепления дружественных отношений, существующих между СССР и Синьцзянским правительством, немедленно отменит проводимую мобилизацию белогвардейцев и распустит все белогвардейские отряды, и примет все необходимые меры к пресечению их антисоветской деятельности и к охране советских консульств и хозяйственных организаций»⁷.

Такая позиция советского правительства понятна, так как, по его мнению, «создание белогвардейских отрядов и белогвардейских кадров в провинциальной армии, на какой бы срок и под каким бы предлогом они ни создавались, является не только оформлением запрещенных договором белогвардейских организаций или групп, но и прямым побуждением распыленной ныне белогвардейской эмиграции к созданию крепкой военной организации»⁸.

Позже, тщательно проанализировав сложившуюся обстановку, советское руководство изменило свою позицию. Начальник III отдела Штаба РККА Никонов, отмечал, что «китайцы могут рассчитывать только на свои деморализованные войска, на белых и на нашу помощь»⁹.

В итоге СССР принял решение оказать помощь администрации провинции, даже несмотря на ее сотрудничество с бывшими белогвардейцами. Уже с середины 1931 г. Советский Союз начал осуществлять по-

ставки оружия, военной техники и отправлять в Синьцзян своих инструкторов. При этом получали необходимое вооружение и одежду и белогвардейские части¹⁰.

Значительные успехи, которых сумели добиться войска повстанцев, даже несмотря на помощь со стороны СССР китайским властям в течение 1931 – начале 1933 г., усилили недовольство гражданских и особенно военных представителей китайской администрации деятельностью губернатора Синьцзяна Цзинь Шуженя. К этому времени реальная власть уже сосредоточилась в руках генерала Шен Шицая, который возглавил антиправительственный заговор¹¹. В результате военного переворота 12 апреля 1933 г. губернатор Синьцзяна был отстранен от власти и вскоре покинул провинцию. Не последнюю роль в этих событиях сыграли и русские эмигранты. Председателем нового правительства был избран Лю Вен Лун, Шен Шицай стал командующим войсками провинции. В состав правительства были введены представители разных национальностей¹². Однако реальная власть все больше сосредоточивалась в руках Шен Шицая. Вскоре он добился замены Лю Венлуна новым председателем правительства Ли Юнем, находящимся в глубоком преклонном возрасте, а затем занял этот пост сам.

После этих событий роль белогвардейцев во внутривосточной жизни провинции значительно выросла. Если в первом периоде борьбы китайцев с повстанцами эмигранты представляли собой мелкие разрозненные части, то в дальнейшем положение изменилось. В начале 1933 г. после нескольких дополнительных мобилизаций все отдельные сотни были сведены в три казачьих полка. Как указывали советские источники, «белогвардейцы окрепли и усилились», причем и в военном, и в политическом отношении. Их лидеры – П.П. Паппенгут, К.В. Гмыркин, Н.И. Могутов и другие – вошли в состав нового временного правительства и имели большое влияние на организационные мероприятия в дальнейший период¹³.

82

В частности, была организована комиссия по военным делам в составе временного председателя командира дивизии Армии спасения Чжен Чжун Чена, командующих русскими частями П.П. Паппенгута, Хиловского, К.В. Гмыркина, Н.И. Бектеева, Н.И. Могутова, П.М. Воейкова, Г.В. Чернова, А.В. Токарева, Н.И. (О)Агаркова, а также китайцев – Бай Шоучи, Чен Чжуна, Ли Янлина, Гун Чженхана, Ли Сяотяна, Яо Сюна и Ван Чжена¹⁴. Ее цель заключалась в проведении реорганизации армии для предстоящих боев. Это было необходимо, так как слабая дисциплина и низкая боевая подготовка частей правительства в значительной мере повлияли на ход восстания. Сами китайцы называли свои войска поставщиками оружия повстанцам¹⁵.

Русские белогвардейские части в течение всего времени подавления восстания оставались единственной серьезной опорой правительства, одновременно отличаясь не только высокой боеспособностью, но и склонностью к грабегам. Однако постепенно их роль в подавлении восстания стала снижаться. Более того, умело и аккуратно проведенная реорганизация армии в будущем позволяла вообще отказаться от их помощи. Это отвечало интересам нового губернатора, наладившего в ходе подавления восстания тесные отношения с Советским Союзом. Связь с бывшими белогвардейцами становилась для Шен Шицая идеологически невыгодной и обременительной. Тем не менее он понимал, что добиться победы над повстанцами только военными методами не удастся. Поэтому уже в первые дни своего правления он предпринял шаги, которые должны были ослабить остроту противостояния народов Синьцзяна. Через несколько дней после вступления в должность он обнаружил так называемые «шесть принципов» политики своего правительства: 1) борьба с империализмом; 2) дружба с Советским Союзом; 3) расовое и национальное равенство; 4) борьба с произволом и взяточничеством; 5) борьба

за мир и 6) строительство новой экономики Синьцзяна. Далее была опубликована программа правительства, основанная на этих же пунктах¹⁶.

После окончательной ликвидации восстания политико-правовое положение русских эмигрантов коренным образом изменилось. Русские эмигранты, оказавшие помощь в подавлении восстания, оказались лишними. В результате в последующие годы руководство провинции при непосредственной поддержке Советского Союза приняло все необходимые меры для того, чтобы русская эмиграция в Синьцзяне окончательно превратилась из политической силы в одну из многочисленных диаспор, составляющих пеструю этническую картину провинции.

После того как в провинции наступило относительное спокойствие, руководством Синьцзяна совместно с советскими консультантами были разработаны специальные мероприятия для реорганизации всей армии, в том числе и русских частей. Китайское руководство считало, что «части русских помогли правительству восстановить спокойствие в стране. Их надо отблагодарить, дав им наделы. Существующие части русских – оставить в составе Китайской армии. В дальнейшем же русских не привлекать»¹⁷.

К моменту реорганизации провинциальной армии в ней состояло свыше 22 тыс. человек, при этом численность пяти русских полков вместе со штабами составляла около 3400 человек¹⁸.

Уже в апреле 1934 г. начали проводиться первые мероприятия по реорганизации русских частей: был установлен новый порядок несения службы для молодых солдат, освобождены от службы пожилые солдаты. Всех увольняемых было приказано обеспечить лошадьми, оказать правительственную помощь «по обзаведению хозяйством»¹⁹. Кроме того, согласно приказу дубана от 6 апреля 1934 г. правительство Синьцзяна намеревалось

«немедленно по окончании военных действий» приступить к разработке закона «о правовом положении русского населения наравне с прочими национальностями Синьцзяна»²⁰, причем для этого предполагалось привлечь и самих русских.

Отношение русских эмигрантов к демобилизации было резко отрицательным. Генерал Н.И. Бектеев в одном из своих выступлений заявил: «Трехлетняя война в Синьцзяне легла тяжелым бременем на плечи русских. За это время русские нанесли себе много врагов внутри Синьцзяна. Сейчас эта война закончена. Часть русских распускается по домам. Встает вопрос, каким путем русские, уходящие по домам, смогут обеспечить себе безопасное проживание. Опыт 14-летнего нахождения в Синьцзяне говорит за то, чтобы русские, пользуясь своим настоящим положением, могли получить и обеспечить заслуженные права. Нужна гарантия безопасности. Я, выражая свое мнение, от всего командного состава и рядовых считаю, что для русских в таких городах, как Кульджа и Чугучак, необходима своя милиция. Без собственной милиции, без оставления части оружия у демобилизуемых русские могут подвергнуться опасностям со стороны своих врагов»²¹.

Аналогичная ситуация сложилась в г. Кульджа, что подтвердил полковник Ананьев: «Я знаю обстановку в Кульдже и уверен, что если русские сложат оружие, нападения на русских будут, потому что у русских в Кульдже все враги». Это подтверждал и другой офицер – Ушков: «Я хорошо знаю Синьцзян, прошел его весь и знаю, что у русских враги кругом. Многие русские будут расселяться по глухим местам. Без оружия жить сейчас, первое время, совсем невозможно»²².

По мнению советского представителя в Синьцзяне генерала В.Т. Обухова, причина была в том, что те русские эмигранты, которые воевали на стороне провинциального правительства и помогли лик-

видировать восстание, разочаровались в политике, проводимой дубанем: «В декларацию и обещания Шеня теперь почти никто не верит; надеются получить землю с боем. Разговоры таковы: «Если правительство не умеет сдерживать своих слов и обещаний, то придется заставить его силой. Удобным моментом будем иметь, когда кончится фронт, оружия мы не сдадим, пока не удовлетворят наших требований». Кроме того, Обухов признавал, что «основная масса действительно находится в бедственном положении, тем более что дороговизна здесь сумасшедшая. [...] Много поступает писем с фронта от казаков и офицеров, которые вызывают о помощи, и эта помощь действительно нужна»²³.

Одновременно с реорганизацией подразделений русских проводились мероприятия для материального устройства демобилизованных солдат и офицеров. Приказом № 760 от 14 апреля 1934 г. была создана организационная комиссия для разработки практических мероприятий по устройству русских²⁴. Она должна была рассмотреть следующие вопросы: а) предоставление русским семьям брошенных земель «на предмет подготовки и проведения посевов на 1934 г.»; б) разработать порядок получения земель на постоянное пользование в районах Урумчи, Пичан, Илийском и Тарбагатайском округах; в) разработать необходимые мероприятия временной помощи семьям убитых и «увечных» воинов, а также «по постоянному их хозяйственному устройству»; г) разработать необходимые мероприятия для открытия школ, больниц, приютов и других культурных учреждений; д) разработать проект внутреннего устройства русских поселений в районе»²⁵.

Все вопросы предоставлялись на рассмотрение и утверждение провинциального правительства. О практической работе комиссии было известно русскому командованию, офицерам, солдатам, а также членам всей русской диаспоры. На необходимые расходы было выдано 100 тыс.

лан. Председателем комиссии был назначен генерал-майор Н.Н. Антонов. Он лично докладывал о ее деятельности Шен Шицаю²⁶.

В ходе работы комиссии Антонов предложил следующий вариант расселения русских в Синьцзяне. Колонизационные участки были разбиты на три пояса: 1-й пояс: районы Пичан, Чиктым, Баркуль, верховье р. Урунгу и долина р. Ченгиль. Переселенцы в этих районах освобождались от налогов на 10 лет, наделялись землей по три десятины на человека. Переселение и расходы на обустройство хозяйства производились за счет правительства. Второй пояс: районы Урумчи и Карашар. В этих районах переселенцы наделялись землей по 20 десятин «на душу» и пользовались теми же льготами, что и переселенцы первого пояса. Третий пояс: земли приграничной полосы в Илийском, Тарбагатайском и Алтайском округах. Здесь устанавливался надел в размере пяти десятин «на душу», переселенцы в этих округах никакими льготами не пользовались. Проведение всех мероприятий, связанных с землеустройством русских, было возложено на генерала А.К. Маликова²⁷.

Однако с возможностью расселения казаков в Карашарском и Курлинском районах возникли определенные сложности: из письма командира пятого конного полка следует, что на съезде делегатов всех национальностей Синьцзяна русские делегаты Илийского округа просили провинциальное правительство предоставить им земли под станицы именно в Илийском округе (на Кунесе, Мухур-Джарганане, Текесе и Каше). Русскому населению было обещано удовлетворить их требование²⁸.

Причины своего недовольства казаки справедливо объясняли тем, что «природа Илийского округа богаче Карашарского». Кроме того, они требовали сохранения чинов, станиц, обычаев, языка и религии. В противном случае они отказывались сдавать оружие²⁹. В районы Карашара, Баркуля и на Текес, где предстояло рассе-

лить русских, были высланы делегации для оценки ситуации, поскольку некоторые районы, кроме одного недостатка – сложных географических условий, – имели и другой: они не были готовы принять то количество семей бывших военнослужащих русских, которым требовались земли.

Серьезной оставалась проблема с русскими, которые уже имели отдельные заимки, приобретенные ими за наличный расчет и которых «насчитывается немало по всему Илийскому краю». Было неясно, подлежали ли они переселению или могли оставаться на своих местах³⁰.

В итоге казаков и их семьи расселили в нескольких районах Синьцзяна: Пичан-Чиктынском, Лань-Сянском, Карашар-Куллинском, Тарбагатайском и Илийском³¹. Большинство семей занялись хлебопашеством, сеяли овес, просо, разводили бахчи, скот. Среди русских эмигрантов были крупные скотопромышленники – Я.Д. Дьяков, В.В. Варнаков, Карпей. Многие, как и в 1920-е годы, вели торговлю с СССР, в том числе без посредников³².

Семьям офицеров, находившихся на службе, оказывалась регулярная помощь «для обеспечения нормального существования семьи»³³. Семьям же, уволенных со службы, выдача пайков была прекращена с 1 мая 1934 г. Тем не менее правом на получение пайков пользовались жены, состоящие в церковном или гражданском браке с членами русского отряда, имеющие детей, зарегистрированные в комиссариате иностранных дел провинции. Пасек выдавался также тем семьям, из которых был призван на службу единственный работник, а на иждивении находились нетрудоспособные члены семьи (престарелые родители, малолетние братья и сестры)³⁴.

Постепенно участие русских во внутренних делах провинции практически сошло на нет. В основном оно сводилось к отстаиванию своих прав. 19 мая 1934 г. было создано Русское экономическое об-

щество. Его председателем стал небезвестный генерал-лейтенант Н.Н. Бектеев, заместителем председателя – полковник И.В. Глушков, секретарем – подполковник Л.Н. Аллеманов.

Создание Русского экономического общества было попыткой обеспечить себе и своим близким более-менее нормальное существование и гарантировать его относительное постоянство. Это особенно было необходимо в связи с усилившимся в провинции советским влиянием и изменившимся политическим положением русских эмигрантов. Помимо Русского экономического общества появились и другие организации русских, например Русский общественный клуб.

В Синьцзяне начали работу съезды народных представителей. Представители русской диаспоры принимали участие в работе съездов в 1934, 1935 и 1938 гг. Несмотря на то что съезды являлись совещательным органом, их решения могли утверждаться правительством³⁵. На II съезде был принят документ, в котором конкретизовывались классификация по национальному признаку и названия национальностей, проживающих в пределах Синьцзяна. В списке 13 национальностей были и русские. Это означало их официальное признание в качестве одной из национальностей Китая и свидетельствовало об утвердившемся национальном равенстве в Синьцзяне. Делегаты, избираемые на съезд, делились на две категории: первая группа – это делегаты, которые представляли саму администрацию. Они выдвигались губернатором и утверждались собранием, созываемым губернатором. Вторая группа – это народные представители, которые выбирались народным собранием, созываемым уездным начальником. Например, на третьем съезде представителей от русской диаспоры было 12, из них представителей администрации – 8, народных представителей – 4³⁶.

Несмотря на очевидную политическую слабость этого органа власти, участие русских в работе съездов подтверждало их равные права с представителями других национальностей провинции.

Кроме того, во всех административных единицах провинции были образованы Союзы народов Синьцзяна, в которые вошли представители русских эмигрантов³⁷. Была введена строгая система паспортизации всего русского населения³⁸.

Вместе с тем политико-правовое положение русских эмигрантов во второй половине 30-х годов стало ухудшаться. Несмотря на то что русская эмиграция уже не представляла собой опасной политической силы, само ее существование продолжало вызывать негативную реакцию со стороны Советского Союза. Некоторые эмигранты, выступавшие на стороне провинциального правительства и оказывающие ему помощь, после подавления восстания были арестованы и впоследствии исчезли. По данным, изложенным в воспоминаниях одного из тяньцзинских коммерсантов, находящегося в Синьцзяне с июля 1933 по февраль 1935 г., он сам оказался в китайской тюрьме вместе с русским эмигрантом Гмыркиным и еще четырьмя русскими офицерами. Он утверждал, что аресты проводились по требованию советской стороны³⁹.

Аресты и таинственные исчезновения русских после восстания действительно происходили. Эстонский подданный Т., совершавший поездку в Западный Китай, следующим образом характеризовал положение русских эмигрантов в провинции и их отношения с советскими представителями: «Отношения русских эмигрантов с советским аппаратом в крае установились хорошие. Правда, исчезновения белых русских бесследно – явление не редкое, но в массе, как будто, у эмигрантов нет прежней ненависти к красным и прежнего непримиримого их отталкивания. Так как их не трогают сейчас в их деятельности, не пугают лишениями земель и собственности, а наоборот, обе-

щают в будущем, после включения края в состав Советского Союза, исключительные блага и возможности как знатокам края, то очень много эмигрантов, особенно молодежи, подросток на чужбине, идет на красную приманку»⁴⁰.

Русский эмигрант Н.С. Трескин в своих воспоминаниях также указывает на то, что после подавления восстания «начался нажим на русских эмигрантов, подозрения, преследования; люди стали исчезать. Первыми жертвами были белые офицеры императорской армии»⁴¹. Исчезли директора русской гимназии: В.В. Иванов, Ф.И. Собинов⁴².

С 1937 г. аресты русских эмигрантов участились. Арестованных объявляли «противниками режима», хотя многие из них помогали прийти к власти губернатору Синьцзяна – генералу Шен Шицаю. Среди арестованных были сотрудники русских консульств бывшей Российской империи, которые, кстати, признали советскую власть и продолжали работать в консульствах уже при новых хозяевах. Попали в тюрьму некоторые служащие бывшего Русско-Азиатского банка.

В апреле 1937 г. на юге Синьцзяна снова вспыхнуло антиправительственное восстание, основной силой которого являлись 36-я дунганская и 6-я уйгурская кавалерийская дивизия, состоявшие исключительно из мусульман⁴³. Параллельно в провинции вновь активизировалась антисоветская деятельность русской эмиграции. Из справки «О политических настроениях уйгур, дунган, киргиз и русских эмигрантов в связи с событиями на юге Синьцзяна» начальника разведотдела Среднеазиатского военного округа полковника В.Е. Васильева следует, что политические приоритеты русских начали меняться: «Среди русских усилились антиправительственные и антисоветские настроения и ходят разговоры о том, что «революцию в Синьцзяне сделало советское правительство, а мы, дураки, сражались за эту революцию, помогали советскому правительству. Сейчас необходимо активно противодействовать китайско-советской дружбе»⁴⁴.

Недовольство своим положением и общей ситуацией привело к восстанию русских казаков-эмигрантов в Алтайском округе провинции. В подавлении этого восстания Шен Шицай проявил несвойственную ему нерешительность и медлительность⁴⁵. Не имея сил для самостоятельной борьбы с повстанцами, он обратился за помощью к советскому правительству. В июле 1937 г. в район восстания с советской территории были переброшены несколько полков НКВД и Красной армии, которые поддерживала авиагруппа численностью 25 самолетов И-15 и Р-5⁴⁶. В течение лета и осени войска повстанцев были разбиты, и уже в январе 1938 г. советские части, участвовавшие в операции, покинули Синьцзян.

После восстания недоверие к русским мигрантам со стороны китайских властей возросло еще больше. Были сокращены численность и количество русских военных частей, входивших в состав вооруженных сил Синьцзяна. К 1940 г. из всех имевшихся до этого в провинции русских подразделений на службе остался только Отдельный русский эскадрон в г. Куча (Кучаре. – Е. Н.)⁴⁷.

Кроме того, если до 1937–1938 г. русские эмигранты занимались земледелием, вели торговлю, в том числе и с советскими торговыми организациями, многие работали в качестве служащих на советских предприятиях, то в конце 30-х годов положение окончательно изменилось. С конца 1937 г. советские учреждения в Синьцзяне прекратили отпуск товаров торговым фирмам русских эмигрантов, а также «очистили» свои представительства от служащих и рабочих белоэмигрантов⁴⁸.

С началом Второй мировой войны репрессии против русских эмигрантов продолжились. Многие были арестованы и брошены в тюрьму, где подверглись истязаниям. По приказу губернатора были убиты многие русские офицеры, выступавшие на стороне правительства в 1931–

1934 гг., репрессированы русские служащие правительственного аппарата, купцы и т.д.⁴⁹ Начались массовые увольнения: увольнялись русские сотрудники правительственного аппарата, инженеры и техники, занятые на местных промышленных предприятиях, врачи и медсестры. Русские эмигранты искали другую работу, которая подчас оказывалась более трудоемкой и менее оплачиваемой. В частности, русские женщины вынуждены были наниматься уборщицами. По мнению китайских исследователей, «профессия уборщицы стала чуть ли не «особой привилегией» русских женщин»⁵⁰.

Эмигранты облагались дополнительными налогами и повинностями, в том числе трудовыми: выполняли работу на строительстве казарм, артиллерийских бастийонов, оборонительных сооружений, аэродрома, возили кирпич, цемент, щебень, продовольствие и фураж для армии⁵¹.

Ограничивалась общественная жизнь. Например, было закрыто Русское культурно-просветительское общество, перестала выходить эмигрантская газета «Голос народа», из-за отсутствия финансирования закрывались русские школы⁵².

Ограничение прав и развитие реакции вызывало недовольство и разочарование. В создавшихся условиях эмигранты принимали решение о переходе в советское гражданство, надеясь таким образом получить защиту представителей СССР.

Как отмечает в своих воспоминаниях русский эмигрант Ю. Понькин, «в 1940-м году в Урумчи среди русских стало модным регистрироваться в советском консульстве, у которого стали собираться очереди желающих получить советский паспорт. Многие делали это из-за боязни террора, установленного дубанем⁵³, и не видели для себя будущего в Синьцзяне»⁵⁴. По мнению другого эмигранта – В.М. Уразовского, к середине 1940-х годов большинство русских семей, проживающих в г. Кульджа, имели советское гражданство⁵⁵.

Правовой статус оказывал влияние на всю жизнь русской диаспоры. Это проявлялось даже среди детей. В одном из крупнейших центров сосредоточения русской эмиграции в Синобьяне – г. Кульдже в 1940-е годы было две русских школы: одна десятилетка, носившая старое название «Гимназия», другая – начальная – четырехлетняя. Позднее была построена еще одна десятилетняя школа, получившая название «Сталинская». Как вспоминает русская эмигрантка Е.И. Сафронова, «в этой последней, могли учиться только дети родителей, имевших советские паспорта, т.е. у кого было подданство Советского Союза». Е.И. Сафронова отмечает, что «у многих русских такие паспорта были, но у многих, в том числе и у нас, их не было». У семьи Екатерины Ивановны не было ни советского гражданства, ни китайского, «хотя и было сильное давление свыше, чтобы люди брали паспорта». Таким образом, как вспоминает Екатерина Ивановна, «мы оказались вообще без гражданства»⁵⁶.

Наличие гражданства влияло на отношения между учащимися. Е.И. Сафронова очень точно их характеризует: «Помните мне, как учащиеся Сталинской школы смотрели на остальных свысока, как будто они были сверхлюди, а все остальные лишь ничтожные людишки, а вели они себя так по следующей причине. Сталинская школа была еще совсем новой, двухэтажной, с большим двором, с зацементированными вокруг здания дорожками и подстриженным живым, зеленым заборчиком по обеим сторонам дорожек. Перед школой на фасаде стоял бюст Сталина, и весь школьный двор отделялся от улицы металлическим забором»⁵⁷.

Однако оставались и те, кто не спешил принимать решение о получении советского паспорта. Ю. Понькин вспоминал следующий случай: «Однажды наша любезная квартирантка Бехтеева спросила мою жену: “Вы уже зарегистрировались?” На что Юлия ответила, что у нее нет времени стоять в таких длинных очередях.

На что Евгения Ивановна заметила: “Не обязательно стоять в очереди. Знаете, там слева есть особая дверь, постучите в нее и Вам откроют. Секретарь Вас тотчас же примет”. Жена поблагодарила ее за такую “ценную” информацию и перевела разговор на другую тему»⁵⁸.

Существенное влияние на положение эмигрантов оказывало очередное ухудшение политической ситуации в провинции, связанное не только с усилением авторитарной власти губернатора, но и с ухудшением обстановки на границе с СССР, которая была достаточно прозрачной, что, впрочем, являлось традиционным для этого региона.

К середине 1943 г. в приграничных областях наметилась тенденция к переходу границы в сторону Китая советских граждан уйгурской, дунганской и других национальностей с целью уклонения от призыва в армию или на трудовые работы, некоторые добивались выезда из СССР, освобождения от налогов и других государственных обязательств⁵⁹. Следует отметить, что этому способствовала и деятельность китайского консула в Алма-Ате Инькень Ху, который выдавал советским гражданам китайские паспорта на основании фиктивных справок о гражданстве, заверенных печатями сельских исполкомов, колхозов. По сведениям НКВД Казахской ССР в течение мая – июня 1943 г. таким путем было выдано более 400 паспортов⁶⁰.

14 сентября 1943 г. Главным управлением милиции НКВД Казахской ССР было дано указание – не выдавать визы на жительство к китайским паспортам, выданным советским гражданам, паспорта задерживать и направлять в Главное управление милиции для опротестования (о незаконных действиях китайского консула информировать уполномоченного НКВД в Алма-Ате). Управлением милиции НКВД были приняты меры к изъятию незаконно полученных китайских паспортов и привлечению их владельцев к уголовной ответственности. Кроме того, во-

енному комиссариату Казахской ССР было приказано проверить деятельность ОВИРа⁶¹.

Уходили в Синьцзян и с территории Таджикской ССР. Для предотвращения этого и «улучшения руководства пограничными отрядами» на участке таджикской границы был организован Округ пограничных войск НКВД⁶². Однако в течение 1943 г. на участке при попытке к переходу границы было задержано 33 эмигрантских группы общей численностью 209 человек и арестовано 281 человек по подозрению в измене Родине, ликвидировано девять бандитских группировок общей численностью 91 человек⁶³.

Притеснения эмигрантов, репрессии и недовольство мусульманской части населения Синьцзяна привели к новому восстанию в провинции, разгоревшемуся в 1944 г. На этот раз русские без колебаний приняли сторону восставших. По мнению генерального секретаря НПС⁶⁴ Шао Лицзы, «восстание могло случиться в обстановке прекращения советско-китайских торговых связей и ухудшения в такой обстановке положения белых»⁶⁵. Он также отмечал, что причина этого заключалась в «неправильной» политике синьцзянских властей в отношении русской эмиграции вообще. Кроме того, он советовал и советской стороне изменить наконец к ней отношение и разрешить русским эмигрантам въезд в СССР. При этом китайские власти предлагали выкупить их недвижимость по справедливой цене. Они считали, что только после выезда русских из провинции ситуация в Синьцзяне стабилизируется⁶⁶. В связи с этим Шао Лицзы специально интересовался у советского руководства порядком восстановления белых в гражданстве СССР.

В ходе восстания 1944–1946 гг. была образована независимая Восточно-Туркестанская республика⁶⁷. Русские фактически оказались главной военной силой, оказавшейся на стороне повстанцев. Однако по-

ражение восстания и изменение политической обстановки в провинции создали угрозу массовых репрессий в отношении русского населения. Чтобы защитить свои права, многие из них стали обращаться в советское консульство с целью приобрести советское гражданство⁶⁸.

К 1945 г. в Синьцзяне проживало около 25 тыс. русских. Из них 20 тыс. – бывшие советские граждане, нелегально перешедшие границу СССР в 1929–1930-е годы, остальные же – бывшие участники белогвардейских частей⁶⁹. 10 ноября 1945 г. советским правительством был издан Указ «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Маньчжурии». Позже этот Указ был распространен и на лиц, проживающих в провинции Синьцзян⁷⁰. Кроме этого, было подготовлено Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О порядке принятия в советское гражданство русских, проживающих в Маньчжурии». Указ был опубликован в Ведомостях Верховного Совета СССР и должен был быть доведен консульствами СССР в Маньчжурии до сведения русского населения⁷¹. Аналогичное постановление было принято и в отношении русских, проживающих в Синьцзяне⁷².

Для рассмотрения ходатайств о восстановлении в гражданстве СССР бывших российских подданных при советских консульствах были созданы специальные комиссии. В г. Урумчи ее возглавлял управляющий генконсульством И.Г. Евсеев, в г. Кульдже – консул Г.С. Добашен, в г. Чугучаке – консул И.К. Морозов, в г. Шанхае – заведующий консульским отделом Посольства СССР – М.С. Ананьев⁷³.

Русские, принявшие решение восстановить гражданство СССР, были обязаны до 1 февраля 1946 г. обратиться в консульства СССР с соответствующим заявлением, к которому должны были быть приложены документы, удостоверяющие

личность заявителя и его принадлежность в прошлом к подданству бывшей Российской империи или СССР. Ходатайства рассматривались консульствами и «в случае признания предоставленных заявителем документов, удовлетворяющих требованиям настоящего указа», консульства выдавали советский вид на жительство. Лица, не возбудившие ходатайства в течение установленного указом срока, могли быть приняты в гражданство СССР на общих основаниях⁷⁴. В случае отсутствия у заявителей необходимых документов, его личность и факт в прошлом принадлежности к подданству бывшей Российской империи или СССР могли быть подтверждены свидетельскими показаниями «других лиц, подавших заявления о восстановлении в советском гражданстве и известных консульству»⁷⁵.

Указ распространялся на лиц, состоявших к 7 ноября 1917 г. в подданстве бывшей Российской империи и на их детей, на лиц, состоявших в советском гражданстве и утративших это гражданство, в том числе на лиц, служивших в белых армиях и эмигрировавших из СССР и на их детей⁷⁶. Указ не распространялся на руководителей и наиболее активных участников антисоветских организаций, «проводивших вражескую работу против СССР», на лиц, «в отношении которых поступят материалы об их связях с разведывательными и

контрразведывательными организациями Японии и других иностранных государств», а также на лиц, «намеревающихся восстановиться в советском гражданстве с целью прикрыть свою вражескую работу против СССР»⁷⁷. Ходатайства о восстановлении в гражданстве лиц, лишенных советского гражданства «в персональном порядке», направлялись вместе с заключением комиссии через консульский отдел НКВД СССР на рассмотрение в Президиум Верховного Совета СССР⁷⁸.

После завершения Гражданской войны в России в Китае сформировалась крупнейшая по численности русская диаспора. Решение проблем правового и гражданского статуса русских эмигрантов оказывало существенное влияние на дипломатические контакты руководства заинтересованных государств и в целом – на международную ситуацию. Это было связано с активной политической деятельностью русских эмигрантов, их участием в событиях внутриполитического порядка, имевших место в Китае. Наиболее ярко это проявилось в провинции Синьцзян. Политико-правовой статус русских эмигрантов зависел от особенностей внутриполитического положения, нестабильности этноконфессиональных и межэтнических отношений в провинции, а также общей международной ситуации в регионе.

Примечания

- ¹ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 25 895. Оп. 1. Д. 879. Л. 46.
- ² Там же. – Л. 47.
- ³ Там же. – Л. 148.
- ⁴ Там же. – Л. 150.
- ⁵ Там же. – Л. 151.
- ⁶ Документы внешней политики СССР. – М., 1968. – Т. 14. – С. 520.
- ⁷ Там же. – С. 521.
- ⁸ Там же. – С. 520.
- ⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 8/08. Оп. 16. П. 162. Л. 3.
- ¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 168.
- ¹¹ Шен Шицай – кадровый военный, родился в городе Ляонин, закончил военное училище, служил в войсках милитаристов Го Сунлина и Чжан Сюэляна. После окончания военной академии в Японии в 1927 г. некоторое время находился при Генеральном штабе китайской армии,

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ СИНЬЦЗЯН В 1930–1940-е годы

затем прибыл для прохождения дальнейшей службы в Синьцзян. – Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян, 1918–1941 гг.: региональный фактор во внешней политике Советского Союза. – Барнаул, 1998. – С. 121.

12 РГВА.Ф. 25 895. Оп. 1. Д. 879. Л. 68.

13 Там же. – Л. 69.

14 Там же. – Л. 140.

15 Там же. – Л. 138.

16 Бармин В.А. – Указ. Соч. – С. 122.

17 РГВА.Ф. 25 895. Оп. 1. Д. 822. Л. 35.

18 РГВА.Ф. 25 895. Оп. 1. Д. 892. Л. 223.

19 Там же. – Л. 56.

20 Там же.

21 Там же. – Л. 183.

22 Там же. – Л. 184.

23 Там же. – Л. 159.

24 Там же. – Л. 60.

25 Там же.

26 Там же. – Л. 61.

27 Там же. – Л. 91.

28 Там же. – Л. 127.

29 Там же. – Лл. 127, 239.

30 Их называли «осадниками», так как они уже достаточно крепко осели на земле. – РГВА.Ф. 25 895. Оп. 1. Д. 892. Л. 239.

31 РГАСПИ Ф. 17. Оп. 162. Д. 16. Л. 89.

32 Петров В.И. Мятежное сердце Азии: Синьцзян: Краткая история народных движений и воспоминания. – М., 2003. – С. 378.

33 РГВА.Ф. 25 895. Оп. 1. Д. 892. Л. 56.

34 Там же. – Л. 61.

35 РГВА.Ф. 25 895. Оп. 1. Д. 955. Л. 134.

36 Там же. – Л. 133.

37 Этнические русские в Китае: (исторический очерк). – Пекин, 1992. – С. 29.

38 Там же. – С. 63.

39 Возрождение Азии. – Тяньцзинь, 1935. – 6 апреля. – № 657.

40 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5873. Оп. 1. Д. 9. Л. 22в.

41 Трескин Н.С. О жизни и о себе // Россияне в Азии: Литературно-исторический ежегодник / Центр по изучению России и Восточной Европы. Торонтский университет. – Toronto, Ontario, Canada., 1998. – № 5. – С. 132.

42 Собинов просидел несколько лет в тюрьме, затем сумел выехать в Австралию, умер в Сиднее // Трескин Н.С. – Указ. соч. – С. 139–140. Петров В.И. указывает на то, что Собинов во время репрессий 1930-х годов арестован не был. Его арестовали лишь в 1941 г. // Петров В.И. Указ. Соч. – С. 404, 409.

43 РГВА.Ф. 25 895. Оп. 1. Д. 917. Л. 86.

44 Там же.

45 Аптекарь. П. Белое солнце Синьцзяна // Родина. – М., 1998. – № 1. – С. 87.

46 Там же. – С. 86.

47 РГВА.Ф. 25 895. Оп. 1. Д. 938. Л. 76.

48 Там же. – Л. 7.

49 Этнические русские в Китае... С. 58.

50 Там же. – С. 62.

51 Там же. – С. 63.

52 Там же. С. 62.

53 Губернатором. – Е. Н.

54 Понькин Ю. Путь отца. Россия – Китай – Австралия. – Сидней, 1997. – С. 142.

- ⁵⁵ Уразовский В.М. Звезда – польнь. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2011/07/02/151>
- ⁵⁶ Сафронова Е.И. Где ты, моя Родина? – М., 1999. – С. 104.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Понькин Ю. – Указ. Соч. – С. 142.
- ⁵⁹ ГА РФ. – Ф. 9401. Оп. 2. Д. 69. Л. 55.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же. – Л. 55–56.
- ⁶² Там же. – Л. 81.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Национальный политический совет Китая. – *Е. Н.*
- ⁶⁵ СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. – М., 2010. – С. 177.
- ⁶⁶ Там же. – С. 178.
- ⁶⁷ Подробнее см.: Бармин В.А. Синыцзян в советско-китайских отношениях 1941–1949 гг. – Барнаул, 1999.
- ⁶⁸ ГА РФ. – Ф. 9401. Оп. 2. Д. 105. Л. 239.
- ⁶⁹ Там же. – Л. 60.
- ⁷⁰ Там же. – Л. 238.
- ⁷¹ Там же. – Л. 51.
- ⁷² Там же. – Л. 236, 237.
- ⁷³ Там же. – Л. 237.
- ⁷⁴ Там же. – Л. 52.
- ⁷⁵ Там же. – Л. 53.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же. – Л. 54.
- ⁷⁸ Там же.

Д.Д. Николаев

ДРАМАТУРГИЯ А.М. РЕННИКОВА 1920-х годов

Творчество Андрея Митрофановича Ренникова (Селитренникова, 1882–1957) до сих пор привлекает недостаточно внимания. Это тем более удивительно, что Ренников являлся не только одним из самых плодотворных, но и одним из самых востребованных писателей русского зарубежья (что далеко не всегда совпадает). В эмиграции было издано свыше 10 его книг, он активнейшим образом сотрудничал в периодических изданиях (в первую очередь нужно назвать газеты – белградское «Новое Время» и парижское «Возрождение»), его пьесы ставились и в Париже – Русским драматическим театром, Интимным театром Д.Н. Кировой, Театром комедии и драмы, Студенческим театром, и в Белграде – Русским литературно-художественным обществом и студенческим артистическим кружком «АРС», а также любительскими и профессиональными труппами в Берлине, Гельсингфорсе и т.д.

Именно к драматургии Ренникова (причем только 1920-х годов) мы и обратимся в данной статье. Тем, кто интересуется жизнью и творчеством Ренникова в целом, порекомендуем написанный Т.Г. Петровой биографический очерк в первом томе «Литературной энциклопедии русского зарубежья (1918–1940)»¹. Назовем также во многом повторяющие этот очерк статьи Г.Р. Аврамченко² в «Новом историческом вестнике» и В.В. Попова³ в биобиблиографическом словаре «Русская литература XX в. Прозаики, поэты, драматурги». Отметим, что пьесы Ренникова в указанных биографических очерках лишь упоминаются. В структуре «Литературной энциклопедии русского зарубежья (1918–1940)» это объясняется тем, что в ней есть специальный том, посвященный книгам, в котором, в частности, помещены мои статьи о книгах Ренникова «Беженцы всех стран (Индийский бог)» (София, 1925), «Комедии» (Париж, 1931), «Борис и Глеб» (Харбин, 1934)⁴.

*НИКОЛАЕВ
Дмитрий
Дмитриевич,
доктор
филологических
наук,
ИМЛИ РАН*

Немного написано про Ренникова и его пьесах и в общих исследованиях по литературе русского зарубежья. У Г.П. Струве в монографии «Русская литература в изгнании» о Ренникове сообщается: «Им написано несколько романов и пьес, по большей части из быта эмиграции, причем использованы парадоксы и экзотика этого быта. Так, действие одного романа происходит в Абиссинии, а в одной пьесе типичная эмигрантская семья оказывается интернационалом в микрокосме, и когда члены ее съезжаются, происходит вавилонское столпотворение. Литературный калибр Ренникова невысок, но его романы и пьесы, как и фельетоны, не лишены юмора и пользовались успехом у широкого читателя»⁵. Правда, Струве в своей книге вообще не склонен уделять сколько-нибудь существенное внимание драматургии русского зарубежья. Он дает общие характеристики выделяемых периодов, обзоры творчества «поэтов» и «прозаиков», рассматривает литературную критику, литературоведение, философскую прозу, публицистику, мемуары. Драматургии же из более чем 400 страниц книги посвящено в совокупности менее одной!

Между тем драматургия в эмиграции не исчезла, хотя и не играла, конечно, той роли, что до революции – прежде всего в связи с трудностями, которые испытывали за границей русские театры. Список писателей русского зарубежья, обращавшихся в 1920–1930-х годах к драматургии, выглядит весьма внушительно: А.Т. Аверченко, Н.Я. Агнiewicz, М.А. Алданов, А.В. Амфитеатров, Н.Н. Берберова, В.Ф. Булгаков, Р.Б. Гуль, Н.Н. Евреинов, И.С. Лукаш, П.Н. Краснов, П.П. Муратов, В.В. Набоков, П.П. Потемкин, И.Д. Сургучев, А.Н. Толстой, Н.А. Тэффи, М.И. Цветаева, Е.Н. Чириков и т.д. А ведь кроме перечисленных хорошо известных имен, есть и те, что в межвоенные десятилетия были знакомы лишь узкому кругу: Ева Бияр, И.А. Британ, П.П. Жакмон, Л.И. Изюмов, И.Е. Мотылев, А.А. Страхов, С.П. Юрицын и т.д.

94

Ренников занимает в ряду драматургов русского зарубежья одно из первых мест – по крайней мере с точки зрения востребованности. Он является одним из «лидеров» по числу написанных, изданных и поставленных в эмиграции пьес. За пьесой «Тамо далеко» (1922) последовали созданные в первой половине 1920-х годов и тогда же опубликованные – как в периодике, так и отдельными изданиями – комедия в трех действиях «Беженцы всех стран» и пьеса в четырех действиях «Галлиполи». В ноябре 1930 г. в Париже в издательстве «Возрождение» выходит сборник А.М. Ренникова «Комедии» (датирован он уже 1931 г.)⁶. Еще две книги выпущены в 1930-е годы в харбинском издательстве «Заря»: «Борис и Глеб: Пьеса в 4-х действиях» (1934) и «Дом сумасшедших: Пьеса в 3-х действиях» (1936). Тем не менее в появившихся в последнее время обзорах драматургии русского зарубежья Ренникову, как правило, отводится незначительное место. Так, у Б. Кодзиса в статье «Драматургия первой волны русской эмиграции»⁷ писатель лишь дважды упоминается: в списке тех, кто обращался к драматургии, и в самой концовке статьи. Так же дважды и так же в перечислениях Ренникова называет А.В. Злочевская в разделе⁸ о драматургии вузовского учебника «История литературы русского зарубежья (1920-е – начало 1990-х годов)». Впрочем, сказать, что названные исследователи вообще обходят Ренникова стороной, нельзя: к примеру, об одной из его пьес речь идет в статье А.В. Злочевской «Роль аллегорического подтекста в драматургии русской эмиграции (на материале пьес И. Сургучева «Реки Вавилонские», М. Алданова «Линия Брунгильды» и А. Ренникова «Борис и Глеб»)»⁹.

На наш взгляд, пьесы Ренникова заслуживают гораздо более пристального анализа и должны занимать одно из центральных мест в очерках истории драматургии русского зарубежья. Его произведения нельзя отнести к числу выдающихся, но с

точки зрения общих закономерностей литературного процесса они являются в высшей степени показательными. Это касается и тематики, и проблематики, и жанра, и стиля, и многого другого – вплоть до готовности адаптировать текст в соответствии с потребностями театра и публики. Отчасти это уже показывалось в опубликованных мной работах, в той или иной степени касавшихся драматургии А.М. Ренникова¹⁰, – к ним я буду отсылать в данной статье, где объем позволяет лишь кратко охарактеризовать пьесы, созданные писателем до 1930 г. включительно, т.е. до издания в Париже сборника «Комедии».

Существенной особенностью творчества Ренникова является готовность и умение реагировать на потребности русского драматического театра за рубежом: в этом отношении с ним сравниться может лишь И.Д. Сургучёв. Но если Сургучёв к моменту эмиграции был признанным – не только в России, но и в Европе – драматургом, чьи пьесы (в первую очередь – «Осенние скрипки») пользовались огромной популярностью, то Ренников как театралный автор сделал себе имя уже за границей.

Первые пьесы Ренников пишет в начале 1920-х годов. Важно подчеркнуть, что героями его пьес становятся русские, вынужденные покинуть Родину, и действие разворачивается преимущественно за пределами России. Уточнение – «преимущественно» – здесь необходимо, поскольку, к примеру, в третьем действии пьесы «Тамо далеко» автор переносит нас в дореволюционный Петербург, а в первом действии пьесы «Галлиполи» мы видим героев в белом Крыму – в тот момент, когда принимается решение об эвакуации. Ну а в пьесе «Дом сумасшедших» действие происходит («в Петербурге» в 1917 г. Стремление Ренникова подчеркнуть связь эмиграции с Россией, в том числе и за счет объединения в тексте (и на сцене) эмигрантского и «российского» пространства и времени, является одним из ключевых

в его творчестве. Это может показаться не требующим особого выделения «общим местом» эмигрантской литературы, но в драматургии русского зарубежья подобные произведения составляют меньшинство.

Изображая русских за границей, Ренников при этом учитывал специфику эмиграции, рассеянной по множеству городов и стран. Действие пьесы развивалось, как правило, в том городе, где предполагалась постановка, а в тексте учитывались и местные реалии – это заставляло публику сильнее сопереживать происходящему, а также существенно упрощало постановку – и с точки зрения оформления, и с точки зрения сценического воплощения характеров (прототипы, что называется, были вокруг).

Уже само название пьесы «Тамо далеко» указывало на ее связь с Сербией. Постановлена пьеса была 2 июля 1922 г. в Белграде в здании «Манежа» Русского литературно-художественного общества – это стало бенефисом Ю.Л. Ракитина, сыгравшего роль Петра Ивановича Прыгунцова. В рецензии, опубликованной в газете «Новое Время», отмечалось, что пьеса имела «выдающийся успех»¹¹.

Автор заметки отдавал должное игре Ракитина, который хорошо провел свою трудную и, действительно, огромную роль, создал «два типа: беженца и сановника, причем беженца еще более удачно, нежели сановника», и «нигде не перешел той грани комизма, за которой начинается шарж». Жену Прыгунцова «так же хорошо» сыграла Ракитина, «особенно удались ей сцены злости и недоуменного негодования, которые вышли у артистки чрезвычайно естественными».

В спектакле участвовали Суходольский, сыгравший лакея, и Борзов – Городового. В роли хозяйки и сослуживца героя пьесы Ивановича выступили сербские артисты г-жа П. Павлович и г. Маркович. Наряду с профессионалами в постановке приняли участие и любители. «Написанная

отличным языком “трагикомедия” Ренникова производит большое впечатление особенно на “беженцев”, из жизни которых и взяты почти все сцены и эпизоды. Тут и смешные стороны нашей злосчастной эмиграции; но смех, не переходящий в злосчастность, а сдерживаемый границами, подсказанными художественным чутьем автора. Тут и глубоко трагические черты, которыми полны дни нашей оторванной от родины жизни. Я сказал бы, что эта вторая сторона пьесы могла бы быть еще ярче выявлена — очень уж много мы выстрадали и страдаем и до сих пор — разве можно оценить и измерить всю глубину, всю духовную сущность того, что мы потеряли! И если мы еще живем, пьем, едим, спим, спорим о пустяках и с непостижимою страстностью отдаемся настоящему моменту, то только потому, что такова уж удивительная природа неисправимого русского человека. Вот эту-то сторону и можно было более сильно передать в “Тамо далеко”», — отмечал рецензент¹². В то же время, с его точки зрения, декорации были убоги, режиссура из вон рук плоха, массовые сцены, например сцена бала, вообще не могли быть представлены, постановка потеряла всю мистическую сторону сна и т.д., так что «многое из замыслов автора не удалось осуществить при первой постановке».

К недостаткам критик относил и некоторые длинноты, портящие цельность впечатления. Впрочем, в рецензии отмечалось, что «автор намерен вообще несколько изменить свою пьесу, кое-где прибавить, кое-где сократить, так что в дальнейшем она пойдет без всяких указанных недочетов». Ренников, как уже подчеркивалось, с готовностью вносил изменения в тексты своих пьес. Они определялись как недочетами прошедших (о чем писал белградский рецензент), так и обстоятельствами намечающихся постановок. Так, «Тамо далеко» писалась и представлялась как «пьеса из жизни русских в Белграде», но в дальнейшем Ренников существенно переработал текст и

превратил ее в пьесу из жизни русских в Париже, заодно поменяв и название на «Чертова карусель».

Подобную вариативность текста нужно назвать одной из характерных черт драматургии Ренникова 1920-х годов — и выделить ее как особенность эмигрантской драматургии в целом, хотя в столь существенном объеме она фиксируется только в творчестве Ренникова. Дело в том, что большее количество написанных или переработанных русскими писателями в эмиграции пьес либо публиковалось только один раз (и, соответственно, до нас дошел лишь один печатный вариант), либо не публиковалось вообще, так что о тех изменениях, что претерпевали тексты, мы можем судить лишь по откликам на театральные постановки. У Ренникова же были опубликованы разные редакции одной и той же пьесы. Рецензии на спектакли по его пьесам также являются существенным источником информации. Так, сюжет «Тамо далеко» в белградской постановке подробнейшим образом излагался в «Новом Времени», так что у нас есть возможность сравнить его с печатным текстом:

«Петр Иванович Прыгунцов, бывший большой сановник, товарищ министра и тайный советник, вместе со своей женой Татьяной Андреевной готовится к встрече гостей по случаю дня рождения Прыгунцова.

Действие происходит в Белграде, в комнате “от хозяйки”, в жалкой, скудной обстановке. Сами подметают пол, греют сосиски. Сходятся гости: генерал Громов, барон Карпов, Ниночка, которая, разумеется, служит в “статистике”, князь, который, по уверению десятилетнего сына Прыгунцова Васи, всегда съедает всю колбасу, сербский чиновник Иванович. Гостей Прыгунцов созвал столько, что их некуда посадить. Садятся прямо на пол, на разостланный плед. Пьют и закусывают. Ведут беженские разговоры: о службе, об очередных сплетнях... На этом тусклом фоне Прыгунцов, однако же, флиртует с Ниночкой. Опять пьют и опять закусывают.

Сербский чиновник произносит трогательную речь о братской любви между сербами и “русами” и выражает надежду, что русские не забудут сербов, возвратившись на свою великую Родину. Чокаются еще и пьют за здоровье новорожденного. Затем начинают петь. Поют куплеты, поют популярную сербскую песню “Тамо далеко”. В разгар пения является хозяйка-сербка и приглашает всех “на поле”! – вон, так как она хочет спать, а тут шум. Хозяин извиняется, и гости уходят. Прыгунцов, уже изрядно выпивший, пьет еще, прямо из бутылки, и, не раздеваясь, закрывается одеялом и засыпает.

Прыгунцову снится сон.

Во время сна из соседней кафаны (ресторана) раздаются от поры до времени звуки “Тамо далеко”, которые Прыгунцов слышит сквозь сон и которые врываются диссонансом в картины его прежней жизни. Так, в конце второго действия в кафане играют попури из “Фауста” и Прыгунцову сейчас же мерещится черт в красном одеянии, с которым он и заключает сделку.

Прыгунцову снится, что он в “отдельном кабинете”, где поют цыгане. Все его знакомые – генерал, барон, князь, его жена, наконец он сам – сидят за богато сервированным столом, на котором шампанское и фрукты. Фраки мужчин, декольте дам... Он пытается кричать им, хочет предупредить о грозящем несчастье. Бесполезно. Его не слышат. Наконец ему удается оттянуть от стола своего двойника. Он убеждает его, умоляет послушать его советов. Тщетно. Тот, другой, принимает все за галлюцинацию и убегает от него. Все уезжают домой, и Прыгунцов остается один. В отчаянии он призывает черта и продает ему свою душу за то, чтобы вернуть, если не “юность”, то, по крайней мере, жизнь, какой она была 10 лет тому назад, в 1912 г.

В третьем действии мы на квартире Прыгунцова в Петербурге на Миллион-

ной. Происходит много забавных *qui pro quo* между хозяином и прислугой, между хозяином и гостями и женой. Прыгунцов и у себя в квартире никак не может отрешиться от знания того, что произошло за эти 10 лет и от своих беженских привычек. После нескольких его чудачеств ладней решает, что он накануне чересчур перепил:

– Ишь нарезался! <...>

Гости прямо утверждают, что он рехнулся, а жена посылает за психиатром.

Прыгунцов заказывает по телефону 20 дюжин крахмальных рубашек, 30 пар башмаков, 10 пар высоких сапог для эвакуации и т.п., заказывает для 10-летней Ниночки (которую он по ошибке считает взрослой барышней), корзину хризантем, приказывает продавать за пустяк свое имя и делает еще массу “глупостей”. Жена говорит, что она поедет в Ниццу.

– А визы? – поражается Прыгунцов.

Жена полуконфузливо, полукапризно жалуется, что ей надо отдохнуть от петербургской жизни, так как скоро будет бэби.

– Да, да, будет Вася, – объявляет Прыгунцов.

В последнем действии большой вечер на дому у Прыгунцовых по случаю юбилея хозяина.

Юбиляр продолжает чудить. Перемешивая русские слова с сербскими, он приводит в изумление всех окружающих.

Вечер кончается скандалом. Юбиляр перепугал маленькую Ниночку и, видя, что его никто не понимает, обращается к гостям с громовой обличительной речью.

– Я сумасшедший? – кричит он. – Не я сумасшедший, а вы несчастные, ослепленные...

Он просыпается, разбуженный толчками жены и криками торговки молоком:

– Млеко! Млеко!

Прежняя соба (комната) “у хозяйки”. Блестящее прошлое исчезло, вступило в свои права неприглядное настоящее.

Пьеса окончена¹³.

В пьесе «Чертова карусель» действие происходит уже не в Белграде, а в предместьях Парижа, главных героев зовут не Прыгунцовы, а Волгины, в текст вкрапляются не сербские слова, а французские, и будят заснувшего не крики сербской торговки молоком, а стук в окно и крики французского почтальона «Facteur! Facteur!», но сохраняются и многие нюансы, и ключевой сюжетный прием – сон, переносящий героя в Петербург. (Сопоставительный анализ пьес «Тамо далеко» и «Чертова карусель» – тема отдельной статьи, которая будет опубликована в ближайшее время.)

В Белграде в апреле 1923 г. была впервые поставлена комедия Ренникова в трех действиях «Индийский бог», а 6 декабря 1925 г. – его трагический фарс в трех действиях «Дом сумасшедших». Последней премьере предшествовало состоявшееся 25 октября 1925 г. в Белграде заседание правления Русского литературно-художественного общества, посвященное вопросу о дальнейшей его деятельности – прежде всего театральной. «Русское литературно-художественное общество существует в Белграде уже пять лет. Организовавшееся в Петербурге, оно пользовалось в Петербурге, да и по всей России большой известностью. Всякий петербуржец помнит Малый (Суворинский) театр этого общества и популярные “субботники”, на которых выступали лучшие русские и иностранные артистические силы. Возродившееся на чужбине, Литературно-художественное общество в новых условиях, конечно, не могло продолжать свою деятельность в прежнем масштабе за недостатком сил и средств. Сгруппировав вокруг себя литературные, художественные и артистические круги русского Белграда, общество устроило в течение истекших пяти лет ряд интимных вечеров, полагая, однако, своей основной задачей организацию в Белграде постоянного русского драматического театра, базирующегося на прочном, в художественном отношении, кадре профессиональных акте-

ров», – сообщала газета «Новое Время» в заметке, озаглавленной «Русский театр»¹⁴.

Вступление в ряды Общества группы недавно прибывших в Белград профессиональных артистов позволяло теперь, по мнению членов правления, приступить к устройству русских драматических спектаклей на постоянной основе. Спектакли решено было давать не менее одного раза в месяц. Художественным руководителем выбрали председателя Общества М.А. Суворина, а постоянным режиссером – бывшего режиссера Императорского Александринского театра Ю.Л. Ракина. Художественно-декоративную часть поручили художнику-декоратору Белградского народного театра В.И. Жедринскому. В качестве сценической площадки избрали театр «Манеж».

Открытие сезона было назначено на воскресенье, 1 ноября. Для него выбрали пьесу В.О. Трахтенберга «Ведьма» (из репертуара Петербургского Малого (Суворинского) театра). К постановке была намечена также «Бесприданница» А.Н. Островского, а из современных пьес – новая пьеса А. Ренникова «Дом сумасшедших», «которая будет поставлена под руководством автора»¹⁵. Было запланировано также устройство ряда интимных вечеров Общества, на которых предполагалось ставить новые одноактные пьесы – причем как переводные, так и оригинальные. 30 октября 1925 г. газета «Новое Время» сообщала о том, что на ближайшее время намечен «субботник» Литературно-художественного общества, на котором будет представлена сцена в 1-м действии «Вранье» М.А. Суворина, шедшая в театре Литературно-художественного общества в Петербурге и «обошедшая все русские провинциальные сцены»¹⁶. Как мы видим, к постановке намечались главным образом дореволюционные пьесы, хорошо известные и публике, и труппе. Ошибки в выборе репертуара для эмигрантского театра были гораздо опаснее, чем для русского дореволюционного, да и любого другого театра, существующего в родных, естественных

условиях. Финансирование здесь, как правило, носило не «сезонный», а разовый характер: труппа собиралась на одну постановку – и судьба следующей зависела от успехов предыдущей. Один-два провала – и возможности исправить ситуацию не оставалось. Именно поэтому – чтобы избежать риска – основная ставка делалась на проверенный репертуар: либо на классику, прежде всего на А.Н. Островского, либо на нашумевшие пьесы начала века, память о которых еще сохранилась у публики, так что определенный спрос на билеты был обеспечен. Но подобных «названий» было не так много, тем более что в эмиграции часто было невозможно достать тексты даже хорошо известных пьес. Далеко не все пьесы соответствовали и возможностям труппы, весьма ограниченным – и количественно (с точки зрения числа действующих лиц), и качественно (по амплуа и уровню имеющихся исполнителей). На проблему репертуара обращал внимание и автор статьи в «Новом Времени», опубликованной «по следам» заседания Литературно-художественного общества:

«В отчете о заседании правления Литературно-художественного общества промелькнуло приятное для любителей театра известие. Группа профессиональных артистов, входящих в состав Общества, решила сосредоточить деятельность его на периодической постановке в Белграде драматических спектаклей.

Мы не раз уже писали о нужде, испытываемой русской белградской колонией в подлинно художественном театральном зрелище. Конечно, это ни в какой мере не опорочивает сербского театра, имеющего за собой большие заслуги. Но далеко не всем понятный язык, своеобразие сценических навыков, малочисленность в репертуаре русских пьес заставляют нас с грустью вспоминать о родном театре, доставлявшем нам когда-то столько высокохудожественных наслаждений.

Воскресить это дорогое нам прошлое – задача столь же трудная и ответственная, сколь и благодарная.

Мы пришли на чужбину обездоленные. Единственное наше неотъемлемое и непревзойденное богатство – это наше искусство. Этим неподкупным мы во много раз богаче всех остальных народов, стоящих на вершине материального благополучия. Беречь и приращивать это наше национальное богатство – наш долг.

Всем ведомо, каким авторитетом пользуются в обеих частях света деятели русской сцены, с каким вниманием и любовью относятся иностранцы к русскому искусству. Это обязывает нас к особой осторожности – не уронить наш русский театр с его высокого пьедестала.

Осмотрительность нужна и в выборе пьес. Знакомя иностранцев с русской драматической литературой, должно подбирать ее не только по достоинствам той или иной пьесы, но и по соответствию ее силам исполнителей. Надо рубить дерево по себе. Привлечь внимание зрителя богатством внешнего оформления пьесы не под силу скромному русскому театальному предприятию. Сила его в подлинно-художественном исполнении пьесы, лишенном оттенка дилетантства»¹⁷.

Ренников в это время был одним из многих русских писателей, чьи пьесы соответствовали главным запросам эмигрантского театра. Во-первых, он писал пьесы «из современной жизни», из жизни русской эмиграции, поднимал проблемы, волнующие русских беженцев за рубежом. Он позволял показать на сцене хорошо знакомые характеры, реалии эмиграции, «актуализировать» спектакль. Во-вторых, проблематика и нравственный посыл его пьес соответствовал духовным устремлениям той части эмиграции, на которую были ориентированы спектакли «традиционного» театра, а «позитивный» финал вселял уверенность в достижимости цели.

В-третьих, пьесы были приспособлены к весьма специфическим условиям существования эмигрантского театра: они не требовали сложных костюмов и декорации, легко адаптировались к потребностям конкретной аудитории, хорошо раскладывались по амплуа, содержали возможности для дивертисмента и т.д. Кроме того, они были еще и «читабельны», т.е. хорошо воспринимались не только при сценическом воплощении, но и при чтении.

В 1925 г. публикуются две пьесы Ренникова – «Галлиполи» и «Беженцы всех стран (Индийский бог): Комедия в трех действиях». Сначала они печатаются на страницах эмигрантской газеты «Русь», издававшейся в Софии («Галлиполи» – с 14 мая по 10 июня, а «Беженцы всех стран (Индийский бог)» – с 11 июня по 8 июля), а затем «Русь» выпускает их и отдельными изданиями. Обозревая книги, изданные в 1925 г. русскими за границей, Сергей Карцевский выделял «Галлиполи» Ренникова – в ряду немногих художественных произведений о жизни русского зарубежья: «Кое-какие произведения говорят об эмиграции, ее быте и идеологии. Теперь, на шестом году эмигрантского жития, их немного, но они разнообразны. Тут и вещи вроде «Тундры» Е.А. Ляцкого, и пьесы вроде «Галлиполи» А. Ренникова, и сатирические стихи Дон-Аминадо и т.д.»¹⁸

Действие пьесы «Галлиполи» разворачивается, как уже было указано, сначала в Крыму перед эвакуацией, а затем в лагере в Галлиполи и в Константинополе. Галлиполиская тема играла важную роль и в литературе русского зарубежья в целом, и в творчестве Ренникова. Нельзя сказать, что Ренников обращался к ней часто, но он выступал последовательным сторонником «галлиполицев» в своем художественном творчестве и в своих публицистических статьях. В опубликованном в 1927 г. очерке «Галлиполицы» Ренников прямо противопоставлял «галлиполицев, не желавших распыляться и уходить из лагеря» и «простых беженцев»¹⁹. На этом противопоставлении и на

противопоставлении белых и большевиков построена и пьеса «Галлиполи».

Относительно небольшое количество драматических произведений, созданных в эмиграции, заставляет обращать особое внимание на их тематику и проблематику. В первой половине 1920-х годов появляются две пьесы, связанные с Галлиполи²⁰, – сначала «Реки Вавилонские» Сургучева, а затем «Галлиполи» Ренникова, – и это показывает нам, какую важную роль занимает данная тема в мире русского зарубежья. Но если Сургучев сам был близок к галлиполицам в то время, когда начал писать пьесу²¹, и судьба Галлиполи тогда была еще не ясна, то Ренников смотрит на галлиполицев со стороны – и уже зная печальный итог галлиполиского сидения. Может быть, именно поэтому и характеры, и конфликт у него прорисованы гораздо резче, чем у Сургучева (в пьесе которого Галлиполи даже не упоминается). В очерке «Галлиполицы» Ренников брал вину за то отношение, которое было к галлиполицам у части эмиграции, и на себя. «Подобные аргументы П.Н. Милокова действовали в те времена неотразимым образом не только на единомышленников профессора, но и на преданных сторонников Белой армии. – А в самом деле – горько думали мы, – что будут делать несчастные люди, когда придется уходить из Галлиполи?»²² – писал он как человек, в душу которого также закрадывались сомнения. И, возможно, именно поэтому пьеса «Галлиполи» сомнений не оставляет.

У Ренникова явственно выделяются две группы персонажей: положительные и отрицательные. Одни – те, кому дорога Россия, кого волнуют не личные интересы, а судьба страны, – связаны с белым движением, другие, связанные с коммунистами, думают исключительно о себе. Как и в ряде других эмигрантских пьес Ренникова, в «Галлиполи» ядро системы персонажей составляют члены одной семьи. Это старый помещик Александр Николаевич Строев, его сын Олег, полковник, жена Олега Варвара Петровна и сест-

ра Олега Елена. К ним примыкают поручик Владимир Сергеевич Петров и капитан Владимир Фёдорович Вебер – оба они могут считаться «женихами» Елены, а также любовник Варвары адвокат Борис Львович Южанский. С семьей Строевых тесно связана судьба и большинства других героев.

Эта «семейная» связь сценически подчеркивается в первом действии, которое разворачивается перед эвакуацией в Севастополе, в гостиной в доме Строевых. Именно туда по очереди приходят военный врач Виктор Андреевич Сериков и его жена Надежда Степановна, сослуживцы Олега – капитан Тополев, полковник Тутиков, Вебер, Петров, а также Южанский. Уже здесь, в Крыму, определяются основные конфликты пьесы – и личные, и общественные – и показывается зависимость первых от второго. Ренников не пытается создать дополнительную интригу и скрыть от читателей (зрителей) истинные причины поступков того или иного персонажа – напротив, он делает так, что мы гораздо лучше героев понимаем суть всего происходящего.

Готовность пожертвовать личным ради общего, близкое к классицистическому предпочтение долга страсти демонстрирует не только Олег, но и его сестра Елена. В первом действии, мы, правда, видим лишь начало линии, которая приведет в дальнейшем к смертельной развязке. Вебер подбрасывает Елене поддельный документ, из которого следует, что влюбленный в нее поручик Петров является большевистским агентом. Читатели благодаря этому эпизоду понимают, что настоящим провокатором является именно Вебер, но сначала Елена, а в дальнейшем и другие поддаются на провокацию. Таким образом, в первом действии завязывается сразу два любовных конфликта, осложненных еще и дополнительными интригами (шпионская и погоня за драгоценностями), и, казалось бы, нужно ожи-

дать, что именно на их развитии в дальнейшем будет строиться сюжет.

Собственно эвакуация в пьесе не показывается: второе действие начинается уже в общежитии в Галлиполи. Ренников изображает не просто «какие-нибудь» дни из жизни Галлиполи: мы можем точно установить время, когда разворачивается действие. В начале второго действия вернувшийся из штаба Олег сообщает: «Завтра выйдет приказ. Всем желающим предлагается в продолжение трех дней покинуть Галлиполи»²³ (с. 40). Соответствующий приказ генерала Кутепова вышел 24 мая.

В отзыве, появившемся на страницах «Возрождения», отмечалось, что Ренникову удалось передать «волнующую обстановку эвакуации Крыма» и «чрезвычайно правдиво и живо» описать быт Галлиполи. На первый план при этом в рецензии выдвигалось противостояние с большевиками. «Старик Строев не может решиться покинуть родную землю. Его сын, Олег и дочь Елена прощаются со стариком и отправляются в неизвестную даль. И то, что, вероятно, давно назревало, но не было замечено в напряженной атмосфере борьбы, неожиданно разрешается трагическим финалом: жена Олега, Варвара, увлеченная торжествующим большевиком Южанским, уже не скрывающим своей радости, наотрез отказывается следовать за мужем и остается в Севастополе, – пересказывал сюжет рецензент. – Провокатор капитан Вебер, ушедший с армией со специальным поручением от большевиков, и, вероятно, уже начавший увлекаться Еленой, губит безумно влюбленного в нее поручика Петрова, обвинив его в шпионстве. Южанский, желая воспользоваться скрытыми драгоценностями Строева, о местонахождении которых знает только один Олег, путем шантажа и угроз предать старика в руки чекистов, заставляет Олега поехать в Константинополь, чтобы раскрыть место драгоценностей ради спасения отца»²⁴. С точки зрения критика, «самым сильным» в

пьесе является третье действие, которое протекает в отдельном кабинете константинопольского ресторана, где «кутит большевицкая компания»: Варвара, Южанский, Куделевич, товарищ Никита, певица Роза.

Ренников сатирически изображает большевиков, «нестроивно» поющих при поднятии занавеса «Это есть наш последний решительный бой, / С интернационалом воспрянет род людской». На самом деле они далеки от того, чтобы думать об интересах рода людского или даже отдельно взятого рабочего класса. Куделевич, Никита, Южанский развратничают, пьют шампанское, швыряют деньги на ветер. На окрик Варвары Никита отвечает: «А што? Буржуям можно шампанское, а рабоче-крестьянской (икает) нельзя?» А Куделевич добавляет: «Не понимаю... Вы же знаете инструкции, Варвара Петровна. Мы, русские дипломатические представители, должны изо всех сил показывать паршивой Европе, что у советской России, слава Богу, денег гораздо больше, чем есть на самом деле». Критик не случайно обратил особое внимание на сцену в ресторане. Она запоминается – в ней даже можно усмотреть истоки будущего изображения советских дипломатов в знаменитой комедии Эрнста Любича «Ниночка» (1939) с Гретой Гарбо в главной роли. Там трое большевиков – Иранов, Бульянов и Копальский – прибывают в Париж с заданием продать конфискованные драгоценности (сюжетная линия словно продолжает заданный Ренниковым мотив). Но все же, на наш взгляд, Ренников конструирует пьесу таким образом, что и любовная, и шпионская, и «бриллиантовая» линия в итоге воспринимаются как второстепенные. На первый план автор выдвигает Галлиполи, и именно дух Галлиполи и его носители противопоставляются и коммунистам, и непригодности беженцев, и извращенности провокатора Вебера, и даже малодушию Петрова, предпочитающего продолжению борьбы самоубийство.

В пьесе Ренникова мы видим не только тех, кто тверд в своей решимости стоять до последнего, не только таких офицеров, как Олег Строев, не испытывающих ни малейших сомнений. Драматург выводит целую группу персонажей «сомневающихся» и показывает, как они возвращаются обратно в армию, в Галлиполи, как они преодолевают «искушение». Елена отказывается прислуживать в ресторане в Константинополе, не выдержав пристававший греков. Практически сразу вслед за Еленой в Галлиполи возвращается и отпавшийся было на поиски лучшей доли в Бразилию Тополев.

Противопоставление Галлиполи и Константинополя, русского лагеря и города становится в пьесе ключевым, отсеченная на второй план частные конфликты²⁵. Выбор – оставаться или уезжать – это решение идеологическое, связанное в большей степени с взглядами на будущее Русской армии, нежели со способностью / неспособностью переносить тяготы лагерной жизни и подчиняться суровой дисциплине. Этот выбор – Врангель или Миллюков – отражает в данном случае и позицию писателя: не случайно именно от Миллюкова он требует извинений в очерке «Галлиполийцы»: «И в вопросе о галлиполийцах П.Н. Миллюков должен теперь честно сказать, читая объявления о бале: Да, я неправ. Если не чуждый мне белый дух, то близкая мне черная материя парадных костюмов убеждает меня в живучести этих людей»²⁶.

Несмотря на откровенно выраженный антибольшевистский и «антимиллюковский» пафос, газета «Возрождение» в пьесе особой идеологической ангажированности не усмотрела. «Небольшая, изящно изданная книжка с новой пьесой г. Ренникова должна быть, несомненно, встречена с большим сочувствием, – отмечало «Возрождение». – Пьеса является ценным вкладом в “галлиполийскую” литературу. Мы должны отметить при этом полное отсутствие шаржа и политической тен-

денции. Вся драма проникнута волнующим чувством преклонения перед героизмом русской армии, и порою автор поднимается до подлинных высот художественного пафоса. Но пафос этот нигде не переходит у него за ту границу, когда кончается художественность и начинается публицистика»²⁷.

Семейный конфликт является отражением конфликта эпохи и в пьесе «Беженцы всех стран» («Индийский бог»). Все действующие лица в комедии, за исключением нескольких второстепенных персонажей, — члены семьи профессора Колосова. Первое действие разворачивается в скромной комнате в предместье Парижа, где живут сам профессор, его жена Анна Петровна и младшая дочь Светлана.

Их существование безрадостно: денег не хватает на еду, зимой в доме нетоплено, почти все попытки заработать оканчиваются неудачей. Но Анна Петровна волнуется не столько за себя, сколько за детей, разбросанных революцией по разным континентам. Старший сын Колосовых, полковник, сначала занимался торговлей кокосовыми орехами, а затем устроился в «экспедицию английской компании для ловли диких зверей»; младший сын, Владимир, приват-доцент, — «смотритель японского вулкана». Старшая дочь, Людмила, пропала без вести, и ее считают погибшей.

Схему построения сюжета кратко излагает один из героев комедии — влюбленный в Светлану полковник Борис Александрович Маевский, — рассказывая своему другу полковнику Юрию Михайловичу Старову, жениху Людмилы, что предсказали Светлане карты: «Понимаешь, Юра: выходят — неожиданные большие деньги, неожиданные малые деньги, неожиданный приезд какой-то барышни с дальней дороги, неожиданный приезд молодого человека с ближней дороги, неожиданное письмо, неожиданная радость и... и... что еще неожиданного, Светлана Николаевна? Да!

Неожиданные препятствия ко всем предвещаемым неожиданностям» (с. 12–13).

Собственно, комедийного в первом действии мало, скорее события развиваются драматически — Светлана, несмотря на то что сама любит Маевского, отвергает его и принимает предложение обеспеченного французского «буржуа» Жана Куртуа, надеясь помочь своим родителям. Письмо из Америки, из которого выясняется, что Людмила не только жива, но и богата, лишь драматизирует ситуацию — Светлана уже пожертвовала своим счастьем ради денег, а Старов, отчаявшись найти Людмилу, согласился жениться на племяннице Куртуа Жозефине. Комическое начало заложено не столько в любовном, сколько в «семейном» конфликте. Оторванные от родины, от семьи дети Колосовых создают новые семьи, связывают свою жизнь с «чужими» странами, с «чужими» людьми: Петр женится на негритянке Удаде, Владимир на японке Мэнэко, Светлана выходит замуж за француза Куртуа. Мы ожидаем ряда комических ситуаций, построенных на непонимании, и на протяжении второго действия автор превращает грустное в смешное.

Непонимание лежит в основе конфликта уже в начале действия, когда Куртуа требует от поселившихся в его доме профессора с женой, чтобы те выполняли обязанности слуг и попрекает их каждым потраченным франком, однако здесь мы еще сострадаем героям. Но приехавшая из Америки Людмила освобождает своих близких от забот о хлебе насущном, семья воссоединяется, возвратившиеся в Париж Петр и Владимир привозят жен — японку и негритянку, и ситуация постепенно начинает приобретать фарсовый характер.

Герои по-разному чувствуют, по-разному мыслят: говорят на разных языках — и в прямом, и в переносном смысле. В третьем действии складывается несколько «любовых треугольников»; они становятся фоном

для центрального любовного конфликта (Людмила, Ставров и таинственный «индеец» Онондаго, который, как выясняется в конце комедии, оказывается переодетым и загримированным русским Чубаренко). Развязка «семейного» конфликта становится результатом серии развязок конфликтов любовных. Куртуа соглашается развестись с Светланой и жениться на японке Мэнэко; Удаде бежит с парижским негром, Людмила выходит замуж за Ставрова. «Вы думаете, если нас развезло по всему миру, и мы оторвались – муж от жены, жених от невесты, сын от матери, дочь от отца, – то мы не связаны? Мы свободны от всего? От всех слов? От всех обязанностей? Значит, место связывало нас, соединял телефон, скрепляла крыша? А на разных меридианах – все конечно, не остается ничего, – душа пуста, и все старые, драгоценные нити рвутся, ломаются, вымываются долой, как ненужный хлам, как ненужная ветошь? – спрашивает Людмила и сама же отвечает: – Здесь, в изгнании именно, всем так нужно беречь старый огонь, дорожить и лелеять взаимную близость, здесь такими святыми должны быть былая радость, былое счастье» (с. 64).

Ренников призывает беречь любовь, хранить сердечную близость. Он пишет не о былом, предпочитает не говорить о жизни в России. Герои обретают новое счастье, но новое не возникает на пустом месте. Былая радость – не просто воспоминания, поддерживающие в трудную минуту. Верность былому возвращает веру в грядущее, и только тот и имеет будущее, кто никогда не изменяет прошлому. Именно семья хранит связь времен, связь поколений, семья у Ренникова становится символом. Когда Петр восклицает: «Беженцы всех стран, соединяйтесь!» – он имеет в виду именно русских беженцев, разбросанных по разным странам. Ренников, показывая, как воссоединилась семья Колосовых, и – воссоединившись – обрела счастье, верит, что все русские, независимо от того, куда выбросил их революционный вихрь, наконец объеди-

нятся и обретут счастье: каждый из них и их общая семья – Россия.

Стилистически комедия построена на сочетании традиционной любовно-семейной интриги и элементов, характерных для фарса и кабаре, что отразилось в двойном заглавии. «Экзотическая линия» опирается на внешний комизм. Национальные типы трактуются исключительно в фарсовом ключе, герои говорят на разных языках. Ренников предлагает ввести в спектакль даже цирковые элементы: скажем, Онондаго-Чубаренко на втором плане жонглирует мячами. В «семейно-любовной» линии используются привычные сюжетные приемы: тут и мнимая смерть, и неожиданное богатство, и готовность принести себя в жертву ради благополучия близких, и раскрывающее тайну письмо, не прочитанное вовремя, и подчитывающий каждый франк скряга-муж, и «комический старик» – теоретик-профессор, и многое др.

27 августа 1927 г. «Возрождение» сообщает, что Ренников «в настоящее время заканчивает комедию из быта русских беженцев в Париже»²⁸. «На днях, в Медоне, в небольшом кругу литераторов А.М. Ренников читал свое новое произведение – трехактную комедию из жизни русских эмигрантов. Здесь и рабочий быт эмиграции, и “американская сказка”, и лица русских парижан, много юмора и яркости. Эта комедия из русской эмигрантской жизни в скором времени увидит свет ramпы в одном из театров Парижа»²⁹, – писала газета 17 октября. А уже через неделю сообщалось о готовящейся в Париже постановке пьесы, намеченной на середину ноября. Здесь впервые указывалось и ее название – «Сказка жизни»³⁰. Анонсы с указанием предполагаемых даты и места премьеры – 20 ноября в театре Альбер-Премье – затем появлялись в «Возрождении» регулярно. При этом подчеркивалось, что это комедия «из быта парижской русской эмиграции»³¹.

Ставил пьесу Русский драматический театр в Париже, и в объявлениях, предше-

ствующих премьер, сообщалось, какие артисты заняты в каких ролях. «Группа Русского драматического театра приступила к репетициям комедии А. Ренникова «Сказка жизни», — писали в «Возрождении». — Главные роли пьесы распределены следующим образом: бывшего прокурора Никифорова (ныне маневр-специализе) играет г. Рахманов. Его жену — г-жа Троянова. Полковника Дубягу (ныне шофера) — г. Григорович-Тинский. Пласьершу Мышкину — г-жа Граговская. Нянюшку — Федотову (так. — Д. Н.) — г-жа Толстая. Дочь Никифоровых Ирочку — г-жа Оксинская. Забежкина — г. Борзов. Изобретателя Хлодовского — г. Шило. Режиссирует Н.Г. Северский». Информировали будущих зрителей и о содержании пьесы, правда в очень общей форме: «В своей пьесе автор в бодрых тонах рисует быт русских беженцев в Париже, взяв в основу фабулы один из тех фантастических эпизодов, которыми так богата наша полная приключений эмигрантская жизнь»³². Акцент в анонсах постоянно делался на том, что «Сказка жизни» — «комедия из современного быта парижской русской эмиграции», поскольку подобных спектаклей в репертуаре русского зарубежного театра явно не хватало.

Премьера пьесы состоялась 20 ноября и прошла, по сообщениям прессы, «с громадным успехом». «Театр был переполнен. Публике пришлось отказывать. Автора стали вызывать уже после первого действия. Из артистов очень хороши были г-жа Троянова и г. Рахматов»³³, — сообщало «Возрождение» 22 ноября. А еще через день, 24 ноября, «Возрождение» поместило подробный отчет Н.Н. Чебышева о спектакле³⁴.

Чебышев вновь подчеркивал, что пьеса имела большой успех и автора многократно вызывали, но при этом указывал на «неровное исполнение». По мнению Чебышева, из исполнителей надо было выделить и поставить на первое место Г.Г. Рахматова и М.Э. Троянову, играв-

ших супругов Никифоровых. Исполнявшая роль Ирочки Т.А. Оксинская разыгралась лишь под конец: «Вначале у нее неверный тон, взвинченная возбужденность, она несимпатична и развязна. Едва ли это соответствует замыслу автора». Игравшему полковника Дубягу К.Я. Григоровичу-Тинскому следовало «и в первом действии не забывать, что он не только шофер, а гвардии полковник, да еще с английским языком. Рассказ о том, как он возил англичанина по достопримечательностям Парижа, много выиграл бы, если бы был рассказан в мягких добродушных тонах, так, между прочим». Однако, с точки зрения Чебышева, в других действиях Григорович-Тинский «был недурен», «недурны были также З.А. Толстая (нянюшка), В.Д. Борзов (Забежкин) и особенно В.А. Граговская — шустрая, приспособившаяся “пласьерша” Мишкина». Игра прочих исполнителей воспринималась рецензентом как «сугубо дилетантская», но она, по сути дела, таковой и являлась — на второстепенные роли в эмигрантских театрах часто приглашались любители.

Впрочем, как кажется сегодня, Чебышев был излишне строг к исполнителям: его рецензия показывает, что труппе удалось реализовать те возможности, что были заложены в тексте автором, но могли при ином сценическом воплощении так и остаться нераскрытыми. Дело в том, что для достижения необходимого комического эффекта при постановке собственно текста пьесы зачастую было недостаточно. Ренников (как и ряд других эмигрантских драматургов) предоставлял труппе — режиссеру и актерам — возможность расшевелить зрителей, но не делал за него всю работу, создавая исключительно веселый сам по себе текст. Текст нужно было соответствующим образом представить, акцентируя комическое: в противном случае происходящее на сцене могло быть воспринято, напротив, как драма,

или просто вызвать скуку – как бывало с некоторыми пьесами из современной жизни других авторов. При современном прочтении полная предсказуемость характеров и ситуации делает комедию «Сказка жизни» несмешной, но, по свидетельству рецензента, на премьере, «в воскресенье вечером, три часа кряду, удачники, запасшиеся заранее билетами и попавшие в Русский театр, от души смеялись, смеялись буквально над собой». «Мы смеялись здоровым бодрящим смехом, так как, по-моему, давно уже не смеются в парижских театрах»³⁵, – подчеркивал Чебышев.

18 декабря Русская драматическая труппа показала «Сказку жизни» во второй раз. «Первое представление комедии А.М. Ренникова “Сказка жизни”, собравшее переполненный зал и прошедшее с громадным успехом, к сожалению, не дало возможности посмотреть пьесу всем желающим. Идя навстречу многочисленным заявлениям публики, труппа Русского драматического театра решила повторить спектакль в воскресенье, 18 декабря, причем цены на это представление будут значительно понижены»³⁶, – сообщалось в рекламной заметке.

При построении сюжета комедии Ренников использует тот же мотив, что и в пьесе «Беженцы всех стран (Индийский бог)», – неожиданное богатство. Но если в «Беженцах всех стран» деньги позволяли решить проблемы, стоящие перед героями, то в «Сказке жизни» все происходит наоборот. В семье русских эмигрантов, с трудом сводящей концы с концами, неожиданно узнают о многомиллионном наследстве. Казалось бы, столь приятное известие и полученный аванс должны изменить к лучшему жизнь бывшего председателя суда Павла Петровича Никифорова, его жены Анны Николаевны, их дочери Ирочки и окружающих людей, но все становится только хуже. Герои спорят с прежними – настоящими – друзьями, начинаются семейные проблемы, Ирочка теряет надежду выйти замуж за работающего шофером полковника Дубя-

го. К счастью, наследство получить не удастся, и в финале нормальное течение жизни восстанавливается. «Наследство сразу вносит сумбур, раздоры в дружную семью; супругов доводит до разрыва, сердечную добрую женщину делает пустой и злой, наводит ее на нелепые мысли, мечты о вилле на Гималаях, заставляет учиться чарльстону, толкает на пошлый роман с проходимцем... Никифоров, отвыкший от денег, скупает у старьевщиков какую-то дрянь, – пересказывал сюжет Чебышев. – Провал наследства возвращает этих хороших людей к разумному душевному существованию»³⁷.

Схема, положенная Ренниковым в основу сюжета, не нова, а мотив неожиданного наследства вообще является одним из самых распространенных в комической драматургии, но автор и не стремится к оригинальности. В эмиграции Ренников часто использует предсказуемые элементы, чтобы соответствовать ожиданиям ищущей привычных форм аудитории. Актуализируется схема за счет изображения повседневной жизни русских эмигрантов в Париже – с акцентированно прописанными характерами и бытовыми подробностями, на которые обращали внимание для привлечения публики уже в газетных анонсах. В то же время подчеркнутая связь частного конфликта с общеэмигрантской проблематикой помогает достичь высокого уровня обобщения, связать судьбу одной семьи с судьбой всей России. Выбирая модель «семейной комедии», Ренников – и в «Сказке жизни», и в других пьесах, построенных таким образом, – стремится показать семью как проекцию всего русского зарубежья. На это указывают и названия произведений: «Беженцы всех стран (Индийский бог)», «Чертова карусель», «Борис и Глеб».

Давая пьесе название «Сказка жизни», автор задает не характерный для бытовой комедии уровень обобщения, а заодно и показывает читателю (зрителю), что в ней отражается народная точка зрения. С фольклором связаны ключевые моти-

вы, использованные Ренниковым, – мотив получения наследства и мотив превращения³⁸. Первый из мотивов, правда, у Ренникова развивается в русле литературной традиции, а вот интерпретация второго заставляет вспомнить о его фольклорном понимании.

Реалистическая поэтика выдвинула на первый план процесс постепенного изменения характера, что, по сути, исключило возможность фольклорного превращения как изменения моментального и кардинального, происходившего волшебным образом. Но революционность произошедших перемен заставила вспомнить именно о фольклорном восприятии мира, где превращение совершается в одно мгновение и не требует рациональной мотивировки. «Двуединство» превращенных героев становится определяющим и для характеров беженцев, в которых на первый план выносятся сочетание бывшего и настоящего, прежде воспринимавшееся как оскорморное. Это не раз подчеркивается в репликах персонажей. «Рабочих только трое: инвалид-генерал, старая княгиня Холмская, между прочим глухая, да я», – говорит Забежкин. И продолжает: «Вот директор сегодня на меня снова кричал, что крупинки при растирании остаются. А причем, скажите, крупинки, когда я статский советник? Крупинки крупинками, но в России-то я не крупинкой был, а целым отделением заведывал. Департамент через год-два получить мог». «У меня, например, ни шеф ателье, ни контрмер не знают, что я бывший председатель суда», – отвечает ему Павел Петрович (с. 14). Чуть позже все тот же Забежкин рассказывает: «Я вот в Болгарии, в Софии, сам слышал, как присяжный поверенный, прокурор и земский начальник в ресторане трио вместе играли. “Сомнение” Глинка отлично выходило» (с. 18). Во втором действии нянька говорит о Дубяго: «И честный человек,

и приветливый, и по чину полковник. А главное шофер. Все прохожие сторонятся, когда он, это самое, едет. И зарабатывает много, как самый лучший аристократ» (с. 37), а в третьем графиня жалуется: «Теперь весь мир буквально неузнаваем. С одной стороны *pouveaux riches*, с другой – *pouveaux pauvres*. И ни те ни другие не умеют жить в чуждой для них обстановке» (с. 67).

Это двуединство выражается и в речевой характеристике персонажей. В первом действии Павел Петрович регулярно использует в своей речи пословицы, но при этом обычно либо сразу переводит сказанное на французский, либо переиначивает пословицы на новый лад: «Бог не выдаст, свинья не съест. *Dieu ne trahira pas, cochon ne mangera pas*», «В беженском положении кто старое помянет, того со службы вон» (с. 14), «Правильно кто-то сказал, что незваный гость хуже евразийца» (с. 28). Но «смешенье языков: французского с нижегородским» у Ренникова изображается без осуждения, напротив, таким образом автор подчеркивает, что герои, с одной стороны, стремятся сохранить связь с родиной, а с другой – пытаются адаптироваться к новым реалиям. Эта манера Павла Петровича (чьи имя-отчество, отметим, напоминали о герое «Отцов и детей» Тургенева) была подчеркнута Рахматовым при постановке, так что на нее Чебышев в рецензии обратил особое внимание: «Никифоров мило переводит русские поговорки на французский язык... Французские слова, вообще, вторглись к нам в обиход, сперва – в порядке остроловия, а потом – на правах полного гражданства. Уже попадают в газетах объявления: “Плата за квартиру по-кензенно”»³⁹.

Примечательно, что после «превращения» Павел Петрович перестает говорить пословицами, а его жена сурово отчитывает Федотовну, сказавшую «Так же, как и ты, с

утра завязал хвост веревочкой»: «Няня, сколько раз я тебя просила не употреблять этих вульгарных выражений» (с. 38).

Превращением являются и изменения, происходящие с героями по ходу развития сюжета. В первом действии ничто не показывает, что под влиянием внезапно полученного наследства герои способны настолько измениться. Перемены не мотивированы ни логикой действия, ни логикой развития характеров, а потому здесь мы должны говорить именно о «превращении». Внезапность этого превращения осознают и некоторые герои. Так, Ирочка говорит Дубяго: «Когда мы получили известие о нашем наследстве, вы сразу переменились» (с. 52). Кстати говоря, адвокат, принесший известие о наследстве (т.е. совершающий превращение), может восприниматься как воплощение черта, на что указывает и его фамилия – Козловский. Выполняющего схожую функцию персонажа другой пьесы, трагикомедии «Чертова карусель», Ренников в списке действующих лиц прямо называет «Чертом». Необходимо отметить, что мотив превращения играет важнейшую роль в ряде пьес Ренникова 1920–1930-х годов, но это тема требует отдельного рассмотрения.

Эффект превращения должен подчеркиваться и сценическими средствами, на что указывают «рифмующиеся» авторские ремарки в начале первого («Бедно обставленная комната» (с. 9)) и второго действия («Гостиная Никифоровых, хорошо обставленная» (с. 35)). «Сказочным» образом происходит и обратное превращение в финале: как только выясняется, что наследство героям не достанется, они тут же становятся прежними и все возвращается на круги своя.

Непосредственным выразителем «народной мудрости» является у Ренникова нянька Федотовна, к которой, кстати говоря, ни в коей мере не применимо определение «бывшая». Несмотря на все перемены, Федотовна продолжает «быть» няней и ведет себя так, словно ничего, по существу, не изменилось с тех пор, как она еще пятнадцатилетней узнала «оба семейства» –

родителей Павла Петровича и родителей Анны Николаевны, а затем «голой на руках держала» Ирочку, которой в момент действия уже исполнилось восемнадцать (с. 38). Федотовна выступает оплотом и нравственных ценностей (как семейных, так и общенациональных), и хранительницей привычного быта, стремится подчинить себе обстоятельства. Показательным является то, как она переименовывает на русский французские слова и названия улиц: rue des Beaux Arts превращается в Базарную, ça va – в сову («Ну, если сова, то все поняла, значит» (с. 36)) и т.д.

Если до получения известия о наследстве в ее роли на первый план выносятся комические (она спорит с жильцом из-за платы за комнату, замачивает в кухне одежду в керосине, так что запах распространяется по всей квартире и т.д.), то в дальнейшем именно нянька оценивает поведение героев с точки зрения здравого смысла, принимая на себя обязанности резонера. В уста старой няньки автор вкладывает и финальную реплику первого действия, определяющую дальнейшее развитие событий: «Федотовна (смотрит с сожалением на обоих, вздыхает). Так все было хорошо, так спокойно. И вот, на тебе. Что наделал, подлец этакий!» (с. 34), и фразу, подводящую итог комедии, увязывающую, как уже было отмечено, судьбу семьи Никифоровых с судьбой России: «Федотовна (Радостно). Ну, вот. Сразу и свадьба. Заживем все опять по-хорошему, квартирку сообща снимем, разумеется без этого, без Холдовского. А на деньги – тьфу! Покуда Россия в несчастье, никакие деньги счастья не принесут» (с. 73).

Как и в пьесе «Беженцы всех стран (Индийский бог)», «мораль» пьесы непосредственно проговаривается в финале – и заключительные слова няньки цитировал в рецензии на постановку Чебышев:

«Кончилась пьеса прекрасными словами старой няни, вызвавшими гром аплодисментов:

– Незачем быть богатым, когда Россия в несчастье!..»⁴⁰

Чебышев выделял стремление автора к афористичности, он обращал внимание на «ренниковские словечки – словечки, запечатленные горем и юмором нашей необычной, беспокойной изгнаннической жизни», «целый кодекс беженской жизненной мудрости». Он цитировал не только реплику Федотовны «под занавес», но и другие фразы из спектакля: «Америка, как сказал Монро, для американцев... а американцы для русских», «Специальность беженца может зависеть от его соседа по комнате», «Ссорится, как общественный деятель».

В 1928 г. в Париже вспоминают о пьесе Ренникова «Галлиполи». Сообщается, что Правление Союза галлиполицев приняло решение поставить ее в конце марта месяца «на сцене одного из больших парижских театров». «Автор дал свое согласие на постановку. В пьесе изображается период от эвакуации Крыма до лета 1921 г.», – уточняется в газете «Возрождение»⁴¹. Благодарительный спектакль прошел 5 апреля в новом большом театре «Нуво Театр» против метро Вожирар. Его зал вмещал около 2 тыс. зрителей, что, по мнению устроителей, давало возможность «продавать билеты дешево и позволить всей русской колонии прийти в этот вечер на галлиполийское празднество»⁴².

Ставил пьесу Н.Г. Северский – в его постановке выходила в Париже и «Сказка жизни» годом ранее. Режиссером был Н. Лебединский, за музыкальную часть отвечал профессор А.Г. Чесноков, а за декорации – профессор Н.В. Глоба. В спектакле была занята главная, пожалуй, русская парижская звезда тех лет – Е.Н. Рощина-Инсарова. Она исполняла роль Сериковой. В роли Олега согласился выступить артист МХТ Борис Эспе, в роли Вебера – К.В. Сафонов. Анонсировалось также участие в спектакле М.А. Дживелеговой, В.А. Дюкоммен, В.В. Рауловой, Д.Л. Читориной, Н.Н. Долохова, А.М. Званцева, В.В. Клименко, М.Ф. Копытова, Л.О. Коссарт, М.Н. Мар-

това, Г.Г. Рахматова, Е.И. Столярова, Н.В. Южина, самого Н.Г. Северского и др.

Спектакль прошел «с большим успехом». Среди тех, кто присутствовал в зале, были великая княгиня Елена Владимировна, кн. Ф.Ф. Юсупов, при финансовой помощи которого была осуществлена постановка, Тэффи, Ю.Ф. Семёнов, А.А. Борман, А.Н. Крупенский, А.О. Хрипунов, а также, что самое главное, – парижский отдел галлиполийского союза и генералы А.П. Кутепов, П.Н. Шатилов, Е.К. Миллер, И.А. Хольмсен, М.И. Репьев, Н.И. Баратов. Был в зале и еще один человек, тесно связанный с Галлиполи, – Н.Н. Чебышев⁴³. Его рецензия появилась в «Возрождении» 8 апреля.

Играли, по мнению Чебышева, актеры «неровно», что, впрочем, вполне объяснимо при благотворительном характере постановки и «сборном» составе. «Незнание ролей всегда отражается на игре. Актер не владеет достаточно собой, не владея произносимыми словами», – подчеркивал Чебышев. Но Рощина-Инсарова «была хороша», она дала «привлекательную фигуру бодрой русской женщины», «вполне удовлетворительны» были Эспэ, Столяров и Северский, Олешев (Куделевич) «переигрывал, но смешил». Погрешности были не только в игре актеров: «Револьвер при покушении на самоубийство Петрова не выстрелил. Можно было бы пожелать несколько более правдивой обстановки в отдельном кабинете константинопольского ресторана. Зачем играл орган во время большевицкой попойки? Эта фистгармония резала ухо, давая звуки костела, а не константинопольского кабака. О музыкальных номерах приходится сказать, что их должны «слушать» актеры на сцене. Музыкальный номер предназначен создавать настроение. Нет более мощного средства. Между тем действующие лица не обращали никакого внимания на музыку, беспощадно заглушая ее, и без того жидкую, своими разговорами. В таких случаях нуж-

ны паузы и они создают иногда большой эффект. Только преображенный марш был “принят” исполнителями»⁴⁴.

Однако статья Чебышева отражала не только впечатления театрального рецензента, но и переживания человека, воспринимавшего происходящее на сцене, что называется, изнутри. Пьеса «Галлиполи» Ренникова успела за эти годы стать исторической драмой. Конец обороны Крыма и начало, положенное обороне духа и целостности русской армии на Галлиполийском полуострове, сделались историческими событиями. В то же время они переплелись с личной жизнью стольких людей!.. Буря ломает лес. Лес как целое может сохраниться. Отдельные же деревья могут погибнуть. В трудах и муках, с отбором более сильных, смыкаются русские люди и, несмотря на все раздоры, для массы верующих в белую идею армия, свернувшаяся в военную организацию, по-прежнему остается национальной средоточием... — отмечал Чебышев. — Очень интересна была зрительная зала. Ее наполняла двухтысячная толпа. В этом громадном “Новом театре”, на окраине Парижа, толпа ловила каждое слово. Потому что на сцене разыгрывалась наша собственная драма, драма большинства зрителей. Разнузданная стихия вторглась в жизнь каждого, как в разбитую под открытым небом палатку. Вся наша жизнь ведь — обнаженный бивуак на чужой стороне. Вот почему “Галлиполи” такой прекрасный символ. Бросаемые со сцены мысли, отражавшие чувства героев драмы, — были мыслями, отражавшими терзания большинства людей, находившихся в зале. Не всегда рукоплескали актеру. Часто рукоплескали автору, смыслу, сокрытому в словах текста. Впервые, я думаю, в эмиграции аплодировали (и как!) беженской декорации — виду с горы на “долину роз и смерти” с галлиполийским лагерем. И не только потому, что декорация эта была так прекрасно сделана Н.В. Глобой и И.М. Перовым, а потому, может быть, что многим из зрителей этот

ландшафт с караульным стрелком сенегацем напомнил какой-то давно виденный знаменательный сон. Автора многократно вызывали»⁴⁵.

Отметил Чебышев и ряд изменений, внесенных Ренниковым в опубликованный текст пьесы: «Ренников переработал свою пьесу, ее несколько с иным текстом давали в Белграде. Мне кажется, ее придется еще раз переработать и придать ей окончательную форму. Она несколько беспорядочна, архитектоника пьесы страдает асимметрией. Эпизод мнимой провокации Петрова не совсем ясен. Мне кажется, что в прежней редакции он был яснее. Драма Олега и Варвары сходит как-то на нет, а драма и роман Петрова и Елены исчерпываются двумя моментами: изобличением в мнимом провокаторстве Петрова и примирительными объятиями в конце. Между этими двумя моментами ничего нет даже поясняющего. Реабилитация неожиданна. Ясность страдала еще от того, что не знали ролей достаточно твердо и были некоторые ошибки в постановке, способствовавшие затемнению авторского замысла. Вся пьеса, однако, свидетельствует, что у Ренникова в распоряжении ресурсы настоящего сильного драматурга. Диалог у него живет, это настоящая живая речь, а не книжный язык. Фигуры очерчены ярко и правдиво, например, Надежда Степановна, ее муж-врач, полковник Олег Строев и др.»

Обратим внимание на то, что ключевое изменение в сюжете связано с самоубийством Петрова. В новом варианте предполагается «счастливый конец»: при попытке самоубийства пистолет дает осечку и Петров не умирает. В первоначальной редакции, которая создавалась «по следам» Гражданской войны, Петров погибает, но его самоубийство не вызывает особого сочувствия ни у других персонажей, ни у зрителей, хотя последние и понимают, что Петрова обвинили незаслуженно. Смерть здесь воспринимается не как трагическая развязка, а как проявление слабости, нежелания сопротивляться, как бегство от жиз-

ни. В парижской постановке гибель Петрова получала бы большую, чем нужно в соответствии с изначальным замыслом автора, эмоциональную нагрузку, потому что смерть перестала быть обыденностью, она «омрачала» бы настроение, созданное спектаклем. По ходу пьесы мнимая гибель Петрова уже создавала необходимый драматический эффект, а его неожиданное – особенно для тех, кто был знаком с прежней редакцией – воскрешение в конце вселяло надежду на воскрешение чего-то еще более важного и значимого, и придавало финалу пьесы нужный пафос. Если в 1925 г. для героического нужно было изображение смерти как второстепенного эпизода, не превращающегося в возможную кульминацию действия, то в 1928 г. героическое требовало преодоления смерти.

В 1930 г. Интимный театр Д.Н. Кировой ставит в Париже комедию Ренникова «Пестрая семья». О предстоящей премьере сообщается в конце апреля, а 5 мая Ренников читает пьесу труппе. «Возрождение» сообщает, что «Пестрая семья» «пойдет ближайшей постановкой в Интимном театре», а также, «по всей вероятности, комедия А.М. Ренникова, рисующая эмигрантский быт, будет включена и в репертуар предстоящей гастрольной поездки Интимного театра по французской провинции»⁴⁶ – труппа была приглашена в Лион, Бордо, Марсель, Ниццу и т.д. Парижская премьера была изначально намечена на воскресенье, 11 мая, но затем перенесена на 18-е. 11 мая «Интимный театр» решил повторить «ввиду большого успеха» прошедшую 4 мая «Веру Мирцеву» с участием Д.Н. Кировой в роли Юленьки и В.А. Костровой в роли Веры Мирцевой.

Интересно, что в результате этого переноса в Париже в один уик-энд были показаны двумя русскими труппами две разные пьесы Ренникова – случай едва ли не уникальный в истории эмигрантского театра. 17 мая Театр драмы и комедии

представил «Сказку жизни» Ренникова в постановке Г. Рахматова с участием О. Барановской, В. Рауловой, М. Кругляковой, З. Козловой, Д. Читориной, Кванина, Карабанова, Боголюбова, Кузнецова, Рахматова, Петрунькина и Спицына.

«Веселая, остроумная комедия прошла отлично и собрала полный театр, следивший с неослабевающим вниманием за комическими перипетиями “наследственного дела” супружеской четы Никифоровых. Хороших людей, как известно, труднее играть, чем смешных и негодяев. Г. Рахматов внес простоту и правду в созданный им образ благородного, хорошего, доброго Никифорова. Нам со сцены напомнили, что такие “хрустальные” люди, хотя и не прописи добродетели, в нашем эмигрантском обиходе совсем не редкость и что Никифоров для эмигранта типичен, – писал после спектакля Чебышев. – “Сказка жизни” сценична. Она ласкает живым, не книжным добротным русским языком. Характеры ясно очерчены. Ее большое достоинство – злободневность. ...Отражает окружающую нас повседневную, и горемычную, и смешную, и даже фантастическую жизнь. Она насыщена наблюдениями и выражает свое нравственное поучение устами няни Федотовны:

– На что быть богатыми, когда Россия в несчастии!...»⁴⁷

Через два с половиной года после парижской премьеры «Сказки жизни» Чебышев не только отмечал «злободневность» пьесы, но и заключал свою рецензию теми же словами нянюшки, что он цитировал и в ноябре 1927 г. Эта непреходящая злободневность была связана с умением Ренникова выделить в качестве ключевых проблем в пьесах те, что определяли самую суть беженской жизни, поскольку были связаны не столько с конкретной ситуацией и даже конкретной эмиграцией, сколько с беженством в целом. Свою актуальность они могли потерять только в том случае, если бы русские за рубежом полностью

ассимилировались – или бы вернулись на родину. Впрочем, и в последнем случае пьесы Ренникова из беженской жизни пользовались бы популярностью – теперь уже как напоминание о комизме и драматизме изгнаннической жизни.

Неизменность, если не сказать «вечность» беженских проблем позволяла Ренникову достаточно легко актуализировать старые пьесы: те, кто не видел или не читал прежние редакции, и подумать не мог, что в основе представленной «новинки» лежит текст более чем пятилетней давности – как это произошло, скажем, с пьесой «Пестрая семья». Это – как уже отмечалось выше – новая редакция пьесы «Беженцы всех стран (Индийский бог)». Ренников сократил количество действующих лиц, заменил некоторые имена: был «профессор» Николай Андреевич Колосов – стал «старый профессор» Николай Алексеевич Раевский, его жена Анна Петровна превратилась в Надежду Петровну и т.д. Анализ изменений, проделанных автором, как уже отмечено, требуют специальной статьи, поэтому здесь просто отметим, хотя в целом Ренников сохранил сюжетную канву, его пьеса воспринималась в 1930 г. как «история наших дней» – и зрителями, и критиками. На это указывает рецензия, опубликованная в «Возрождении»:

«Новая пьеса А.М. Ренникова собрала полный зал Интимного театра Д.И. Кировой. Она была встречена сочувственно: каждый акт оканчивался шумными аплодисментами зала, после второго и третьего действия по несколько раз вызывали автора.

“Пестрая семья” – несколько необычная история наших дней. Старенький профессор сравнительного языкознания Раевский и его жена измучены лишениями и несчастьями. В первом действии – беженская комната, разговоры о сырости, холоде, о невозможности купить самые необходимые вещи. Старики наивно мечтают о возможности получения службы, о денежных переводах, о розыске много лет пропавшей без вести своей дочери. Видя

страдания родителей, младшая их дочь Светлана принимает предложение богатого жениха Романеску, сознательно жертвуя собой.

Во втором акте положение резко меняется. Страдания и унижения стариков в доме богатого зятя, грубо попрекающего их куском хлеба, прекращаются неожиданным приездом разбогатевшей в Индии дочери Людмилы. В семье полное довольство после годов тяжелых лишений.

Возвращаются из разных стран и два сына, женатые на японке и негритянке. На сцене действительно “пестрая” семья. Зрительный зал веселили смешные положения ее разноязычных членов.

Положение окончательно запутывается с появлением еще индуса, “жениха” богатой Людмилы. Людмила мстит своему настоящему жениху, нарушившему данную клятву и в ее отсутствие сделавшему предложение другой девушке. Впрочем, все оканчивается благополучно. Людмила выходит замуж за любимого человека, а “индус”, забытый всеми на сцене, неожиданно стаскивает свою чалму и на чистейшем русском языке заявляет: “Должны неплохо заплатить! Кажется, хорошо играл. Вот как приходится зарабатывать кусок хлеба бедному русскому беженцу из Марселя!”⁴⁸

Отметим попутно, что в печатных вариантах обеих редакций финальная фраза Онондаго-Чубаренко не меняется, но звучит несколько по-другому, без указаний на Марсель: «И каким только трудом не приходится заниматься нашему брату-беженцу!»

22 сентября 1930 г. в «Возрождении» появляется информация о готовящемся издании сборника комедий Ренникова. Планируется, что «Комедии» выйдут в середине октября (книжный склад газеты «Возрождение» выступает в качестве главного представителя). Книга представляется как «сборник пьес из эмигрантского быта», причем подчеркивается, что издание носит и «репертуарный» характер: «Пьесы не требуют сложной

постановки и вполне доступны скромным техническим средствам эмигрантского театра»⁴⁹.

С середины октября объявление, возвещавшее сначала, что «в течение сего месяца», затем, что «в конце с. м.», и, наконец, что «в скором времени» выходит из печати сборник комедий Ренникова, размещалось на первой странице «Возрождения» рядом с названием газеты. 5 ноября в газете сообщалась, что долгожданное событие свершится «на этих днях»⁵⁰, и, наконец, 7 ноября, что 8-го книга выйдет и поступит на склад книжного магазина «Возрождение»⁵¹. В объявленный день это и в самом деле произошло: таким образом, время издания книги Ренникова мы знаем с точностью до дня, так что указанный на обложке и на титуле 1931 год не соответствует действительности.

В сборник вошли: комедия в трех действиях «Сказка жизни», комедия в трех действиях «Пестрая семья», трагикомедия в трех картинах «Чертova карусель» и четыре одноактные комедии: «Золотая работница», «Брак по расчету», «Жених», «Встреча». Действие всех произведений разворачивается во Франции – в Париже или в его предместьях; герои комедий – русские беженцы, пытающиеся приспособиться к новому укладу жизни, к новым обстоятельствам, к новым отношениям. Большинство конфликтов строятся на несоответствии – прежде всего на несоответствии «прежнего» и «нынешнего». Именно поэтому Ренников предпочитает делать ключевыми тех персонажей, чье положение, по его мнению, изменилось в наибольшей степени: чиновников, военных и интеллигенцию. Бывший статский советник ныне раскладывает по баночкам целебную «русскую мазь», полковник работает шофером, вдова прокурора, предводителя дворянства живет в качестве прислуги в семье бывшего приказчика... «Ничего подобного в России не было», – все время повторяет старый генерал

Николай Иванович Осетров, персонаж одноактной комедии «Брак по расчету», и в этих словах отражается и растерянность, и пренебрежение, и ностальгия, и удивление – вся гамма чувств, испытываемая «обычными» русскими беженцами – представителями так называемых «бывших привилегированных классов». Но постепенно фраза Осетрова превращается в некую универсальную формулу, содержащую простой и ясный ответ на все возникающие вопросы, диктующую правила поведения в любой неожиданной, неприглядной ситуации.

Офицеры в комедиях Ренникова должны служить образцом для подражания. Автор не лишает их комических черт, но все они – независимо от возраста, звания, нынешней профессии, – не просто ищут, но и находят место в жизни, сохраняют верность идеалам русского офицерства, являются не просто хранителями, но создателями. «Терзаниям» некоторых главных героев противопоставляются уверенность и естественность «простых людей», гораздо спокойнее воспринимающих и принимающих любые перемены. Это относится к нянюшке Марье Федотовне из пьесы «Сказка жизни», к выбившемуся «в люди» приказчику Крутякову и его жене из комедии «Золотая работница». Исключением в какой-то мере являются лишь Дама и Господин из сценки «Встреча», которым хочется приукрасить свое прошлое: солдат или низший чин представляется бывшим генералом, а горничная – бывшей светской дамой.

«А.М. Ренников реалист. Своими героями он берет маленьких людей, т.е. таких, которые не тщатся быть большими, скромных, особенно близких нам простой и непритязательностью беженцев, сильных, однако, верой в Россию, внутренним горением, упругостью, позволяющей противостоять окружающим затруднениям. Нужда у всех. Но выработались: мудрость, свое радостное мировоззрение,

возвышающееся над лишениями, широкий взгляд на других, “приятие” иноземцев, терпимость. Что такое деньги? Семью Никифоровых (“Сказка жизни”) неожиданное богатство чуть вконец не разрушило. Смесь с чужим “этносом” отмечает “Пестрая семья”, где у одного сына Раевских жена негритянка, а у другого японка. В “Чертовой карусели” сон Волгина, возвращающий его к прошлому, символизирует беженское умудрение после пережитого...»⁵² – писал, представляя книгу, Н. Чебышев.

В трагикомедии «Чертova карусель» (это, напомним, новая редакция пьесы «Тамо далеко») автор сталкивает прошлое с настоящим непосредственно на сцене. Бывший директор департамента Иван Николаевич Волгин справляет в Париже свои именины; в гости к нему приходят князь Иван Владимирович Чернецкий, бывший член Государственной думы Алексей Львович Бубенцов, Евгения Петровна Котикова и ее брат Михаил Петрович Вихряев, – те, кто был на его именинах в Петербурге в год перед началом мировой войны. Волгин и его жена крайне стеснены в средствах: у них нет денег на угощение, гостей приходится рассаживать на чемоданах, поскольку не хватает стульев, а несколько коробок папирос, привезенных Вихряевым из Сербии, кажутся царским подарком.

Герои вспоминают довоенное время, и во сне Волгин видит свой дом в России, гостей на именинах. Ему хочется вернуться назад, изменить прошлое, предостеречь, и на помощь с готовностью приходит черт – «самобытный, всероссийский, исторический», «ближайший друг народа-богоносца», «комиссар времени», возвращающий и опекающий тех, «кто покидает настоящее и ищет счастье в прошлом» (с. 163). Черту не нужны продажные души, он требует в качестве платы счастье героя. Волгин соглашается – и возвращается назад, в Россию, в предвоенный год, но – сохранив память свою, зная, что произойдет и с ним, и с его семьей, и с гостями, и с Россией в будущем.

114

Горькая правда об эмигрантах звучит в диалоге Волгина с чертом:

«– А, кроме того, черт, мы с тобой, как-никак, друзья по несчастью. Ведь ты тоже до некоторой степени беженец. Ты тоже потерял когда-то свою родину – небо.

– Да, верно. Хотя скоро исполнится целая вечность, как я изгнан оттуда, однако и теперь иногда снятся райские сны. Вижу ангелов я... Вижу обитель блаженства...» (с. 164).

Возвращая читателя в прошлое, Ренников показывает истоки настоящего; трагикомическая картина парижских именин превращается в сатиру, когда на сцене появляется петербургская гостиная. Сон Волгина – для него, может быть, и «райский сон», но видит он не ангелов и не обитель блаженства. Патетические речи Бубенцова о «мощных потоках освободительного движения», «стихийном напоре», который вскоре «сметет все преграды и даст народу возможность по-своему ковать счастье для светлого будущего» (с. 181), предложение Чернецкого продать за 800 тыс. имение, восторженность жены, готовой отдать полжизни, чтобы жить в героическую эпоху французской революции, и предполагаемая поездка за границу с любовницей Евгенией Петровной – все теперь кажется фальшивым, глупым, ненужным. Но зато какое наслаждение приносят герою чашка кофе, нормальная сигарета, обычная одежда. Он равно радуется и при виде золотого портсигара, и при виде городского, убитого во время революции. Ему хочется отомстить за будущее и изменить его – он готов продать имение, перевести деньги за границу, он пытается образумить окружающих, но те не понимают его, принимают за сумасшедшего. По условиям договора с чертом Волгин не может рассказывать о будущем, но, если б и мог, все равно никто бы не поверил. Возвращаясь в прошлое, Волгин не просто лишает себя счастливого прошлого (а ведь он тогда, до войны, был почти счастлив), он отказывается от счастья и в настоящем, погнавшись за мнимым, иллюзорным, призрачным.

В эпилоге герой просыпается – и хочется верить, что в следующий раз ему, по крайней мере, приснится действительно райский сон.

В сборник Ренников включил и четыре одноактных комедии, что побудило Чебышева лишний раз обратить внимание на значимость малых жанров в драматургии русского зарубежья. «Мы с большим интересом прочитали неизвестные нам одноактные пьесы А.М. Ренникова. Нам кажется, что одноактные пьесы вообще будут завоевывать в театре все более значительное место, вытеснят в известной мере большие, – отмечал Чебышев. – При объединении нескольких одноактных вещей (три-четыре) одной идеей можно достигать гораздо более выпуклого выявления психологической и социальной мысли, чем спуская с верфи драматический левиафан. (...) Всюду, где русские люди “балуются” отечественным театром, они будут признательны автору за то, что он дал им в руки сборник драматических произведений, допускающих постановку при самых различных возможностях, широких или ограниченных»⁵³.

Конечно, в эмиграции, устраивая столь популярные вечера одноактных пьес, организаторы думали в первую очередь не о том, чтобы добиться «более выпуклого выявления психологической и социальной мысли». Просто небольшие по объему, рассчитанные всего на нескольких актеров и не требующие сложных костюмов, декораций, реквизита, одноактные пьесы и другие произведения малых жанров было легче поставить в условиях эмиграции, где не было ни собственных театральных залов, ни больших трупп, ни возможности для долгих репетиций, ни, наконец, достаточного количества зрителей, способных хотя бы компенсировать расходы⁵⁴.

Но и «одноактный» репертуар русского зарубежного театра был весьма ограничен и строился главным образом на

дореволюционных произведениях (Чехов, Аверченко, Агнiewicz, Тэффи и др.). Поэтому пьесы Ренникова после публикации оказались весьма востребованы, тем более что они, как справедливо подчеркивал Чебышев, были «сценичны, забавны, “утешительны” и нам близки». «Одноактные комедии А.М. Ренникова удовлетворяют всем техническим требованиям, предъявляемым одноактным пьесам. Одноактную вещь написать труднее больше: приходится при ограниченном сроке одного акта в диалог замкнуть характеристику действующих лиц, их взаимоотношения, прошлое, развитие экспозицию, довести действие до кульминационного пункта, дать четкую развязку. Все это есть и в одноактных комедиях А.М. Ренникова»⁵⁵, – заключал Чебышев.

Еще одной причиной обращения к малым жанрам являлось отношение к эмигрантской жизни как к чему-то временному. Строго говоря, ситуативного комизма собственно беженской жизни Ренникову хватало именно на небольшие «сценки» – так определяет жанр сам автор. В сценке «Встреча» в вагоне парижского пригородного трамвая встречаются двое беженцев из России – «неинтеллигентного вида господин и дама». Разговорившись, они начинают вспоминать прежнюю жизнь: при этом дама рассказывает, что ее батюшка был очень богатым помещиком, семья в Петербурге имела собственный особняк, посещала только «великосветские дома», «восемь шкапов с платьями было, все с бальными», «лошади шикарные»... Господин представляется полковником: «Как кирасиру Ее Величества приходилось, знаете, знакомиться и с графами разными и князьями. (...) Да-с. Хорошее время было. И деньги водились, и квартира своя, и служба шикарная. Вообще, нам, аристократам, грех было жаловаться». Однако манера речи показывает, что героям хочется приукрасить свое

прошлое. В конце выясняется, что господин – сын соборного псаломщика, а дама – дочь дьякона⁵⁶.

В сценке «Жених» казак, недавно прибывший во Францию, пытается признаться в любви француженке и сделать ей предложение. Комический эффект достигается за счет того, что Пахомов не знает французского, а молодая вдова мадам Рише – русского. В результате большую часть времени каждый говорит на своем языке, выхватывая из речи другого кажущиеся знакомыми слова. Так, во французском *donne* Пахомову слышится – Дон, и он начинает рассказывать про «край наш чудесный, родной тихий Дон!»⁵⁷. Разобраться героям помогает квартирант мадам Рише Аксаев, приятель Пахомова, живущий во Франции давно и владеющий языком: сначала он пишет для товарища шпаргалки, а потом, когда тот зачитывает неверный текст, прямо помогает им объясниться. Сюжет мог бы получить развитие и развернуться в многоактную комедию, но Ренникову мешает убежденность во временности, искусственности подобных ситуаций. Не случайно в самом начале сценки Пахомов и Аксаев обмениваются следующими репликами:

Пахомов. (...) Мне семейная любовная жизнь нужна. Квартирка чистая, уютная. И детки. Мальчики... Девочки...

Аксаев. Мальчики! Девочки! А на что тебе французские мальчики, девочки? Что ты ими – Францию заселять собираешься?

Пахомов. Отчего Францию. Я их всех с женою на Дон заберу. Теперь там на детей, должно быть, как и на лошадей или коров, большой спрос⁵⁸.

Несмотря на драматические, а порой и трагические ноты, звучащие во многих произведениях Ренникова (не случайно он использовал жанровое определение «трагикомедия» – как и ряд других эмигрантских драматургов⁵⁹), его воспринимали в первую очередь как юмориста. В значительной степени это было обусловлено особенностями сценической интерпретации пьес, в которых при постановке выде-

лялось именно комическое. «Люди любят тех, кто их смешит. Кинематографический комик Шарло Чаплин утверждает, что «смешить – дело очень серьезное». Самые читаемые писатели – юмористы, – писал в рецензии на постановку «Сказки жизни» Н. Чебышев. – Русская эмиграция, Россия в странствиях, Россия великого революционного рассеяния, имеет своих художников, музыкантов, поэтов, беллетристов. Имеет она и своих юмористов. Среди них А.М. Ренников. Он совершил с нами все переезды. Утешал нас в тяжелые дни. Он “большой насмешник”, как говорили в старину провинциальные барышни, но мы любим, когда он над нами подтрунивает, и охотно, с признательностью, вторим его смеху»⁶⁰.

«Ренников не задается никакими высокими материями – его задача дать картинку из эмигрантской жизни и заставить публику смеяться, может быть и над самими собой, но незлобивым, искренним смехом, – отмечал обозреватель журнала “Театр и жизнь” в связи с постановкой на «Вечере смеха» в Интимном театре в начале 1931 г. одноактных пьес Ренникова «Золотая работница» и «Брак по расчету». – С этой задачей он справился вполне, за что и был награжден дружными вызовами публики. (...) “Вечер смеха” – оправдал свое название полностью»⁶¹.

Однако в рецензии на сборник «Комедии» Чебышев оценивал драматургию Ренникова гораздо шире, связывая комическое как раз с теми самыми «высокими материями». Он писал о том, что в пьесах Ренникова – и в комических, и в драматических – отражаются «черты легендарности и героизма» эмигрантского периода исторического бытия русского народа: «Затруднения зарубежного репертуара известны: дореволюционный репертуар, за исключением, конечно классиков, устарел. Зритель в театре любит отклики на свои настроения. Он не прочь, чтобы со сцены даже над ним немножко пошутили. Условия прежней удобной привольной жизни, переживания избалованных, обеспечен-

ных от неожиданностей и нужды людей далеки от громадного большинства публики... Пьесы Ренникова отвечают этим запросам. Они современны, происходят в наши дни, в русской эмигрантской среде. Это вовсе не маленькая среда, русская эмиграция... Она так разрослась, настолько впитала в себя различные типы, представителей разнообразных слоев, сблизилась столько разнородных людей, настоящих русских людей, что эмиграция – это стало уже трионизмом – представляет нацию, как витающий в мире, оторвавшийся от метро-

полии кусок российского материка. Жизнь за рубежом смешала эмигрантов с иностранцами, хозяевами тех мест, куда эмигрантов занесла судьба, поставила их в обстановку чужого быта, окружила препятствиями, создающими для них и драматические, и комические положения. Русский народ, и в лице своих изгнанников, проходит через острый, многозначительный период своего исторического бытия, который когда-нибудь обретет, быть может, черты легендарности и героизма»⁶².

Примечания

- ¹ Петрова Т.Г. А.М. Ренников // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940) / Гл. редактор А.Н. Николокин. – М.: РОССПЭН, 1997. – Т. 1: Писатели русского зарубежья. – С. 336–337.
- ² Аврамченко Г.Р. А.М. Ренников // Новое историческое время. – М., 2001. – № 3. – С. 206–207.
- ³ Попов В.В. А.М. Ренников // Русская литература XX в.: Прозаики, поэты, драматурги: В 3 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. – Т. 3. – С. 185–187.
- ⁴ Николаев Д.Д. «Беженцы всех стран (Индийский бог)» (София, 1925), А.М. Ренникова // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940) / Гл. ред. А.Н. Николокин. – М.: РОССПЭН, 2002. – Т. 3: Книги. – С. 496; Николаев Д.Д. «Комедии» (Париж, 1931) А.М. Ренникова // Литературная энциклопедия русского зарубежья, (1918–1940) / Гл. ред. А.Н. Николокин. – М.: РОССПЭН, 2002. – Т. 3: Книги. – С. 499–500; Николаев Д.Д. «Борис и Глеб» (Харбин, 1934) А.М. Ренникова // Литературная энциклопедия русского зарубежья, (1918–1940) / Гл. ред. А.Н. Николокин. – М.: РОССПЭН, 2002. – Т. 3: Книги. – С. 550–501.
- ⁵ Струве Г.П. Русская литература в изгнании. – 2-е изд., испр. и доп. – Paris: YMCA-PRESS, 1984. – С. 131.
- ⁶ Ренников А. Комедии. – Париж, 1931. – Пьесы цитируются по этому изданию с указанием страницы в тексте.
- ⁷ Кодзис Б. Драматургия первой волны русской эмиграции // Новый журнал. – Нью-Йорк, 2011. – № 263. – С. 247–258.
- ⁸ История литературы русского зарубежья (1920-е – начало 1990-х годов): Учебник для вузов / Под редакцией А.П. Аврамченко. – М.: Академический Проект: Альма Матер, 2011. – С. 351.
- ⁹ <http://www.bogoslov.ru/text/2868913.html>
- ¹⁰ Николаев Д.Д. Драматические произведения В.В. Набокова и драматургия русского зарубежья // Acta Philologica: Филологические записки. – М., 2007. – № 1. – С. 215–239; Николаев Д.Д. Комическое в драматургии русского зарубежья 1920-х годов // Вестник Томского Государственного педагогического университета. 2011. – Вып. № 7 (109). – С. 58–64; Николаев Д.Д. Фольклорные элементы в комедии А.М. Ренникова «Сказка жизни» // Шестые Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры начала XXI столетия». Материалы Международной научной конференции (Челябинск, 26–27 февраля 2013 г.) – Челябинск, 2013. – Ч. 1. – С. 140–143; Николаев Д.Д. Русские за границей в драматургии русского зарубежья 1920-х годов // Межэтнические и межконфессиональные связи в русской литературе и фольклоре / Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. – СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2013. – С. 279–290. («Россия – Запад – Восток»: Литературные и культурные свя-

- зи; Вып. 1); Николаев Д.Д. Галлиполи в драматургии русского зарубежья // Вторые московские Анциферовские чтения. – М.: ИМЛИ: ГЛМ: Три квадрата, 2014. – С. 310–341.
- 11 Новое время. – Белград, 1922. – 6 июля. – № 357. – С. 3.
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 Русский театр // Новое время. – Белград, 1925. – 29 октября. – № 1351. – С. 3.
- 15 Там же.
- 16 В Литературно-художественном обществе // Новое время. – Белград, 1925. – 30 октября. – № 1352. – С. 3.
- 17 С.О. Русский театр // Новое время. – Белград, 1925. – 30 октября. – № 1352. – С. 3.
- 18 Славянская книга. – 1926. – № 1. – С. 52.
- 19 Возрождение. – Париж, 1927. – 5 ноября. – № 886. – С. 5.
- 20 С Галлиполи связана также пьеса Евы Бияр «Сердца кавказские» (Бияр Ева. Сердца кавказские. Рига: Книгоиздательство «Мир», [Б. г.]. – С. 19–90). Ева Бияр подчеркивала свою принадлежность к галлиполидцам: «Посвящаю всем детям, родившимся в Галлиполи, в том числе и моей дочери Кнуре-Галлиполилке. Автор».
- 21 См. подробнее в статье: Николаев Д.Д. «Реки Вавилонские» И.Д. Сургучёва: Поэтика и контекст // VII Сургучёвские чтения: Культура провинции: локальный и глобальный контекст: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2010. – С. 9–22.
- 22 Возрождение. – Париж, 1927. – 5 ноября. – № 886. – С. 5.
- 23 Здесь и далее пьесы А.М. Ренникова цитируются по анализируемым изданиям с указанием страниц в тексте.
- 24 Возрождение. – Париж, 1927–5 ноября. – № 886. – С. 5.
- 25 См. подробнее в статье: Николаев Д.Д. «Галлиполи в драматургии русского зарубежья» // Вторые московские Анциферовские чтения. – М.: ИМЛИ, ГЛМ, Три квадрата, 2014. – С. 310–341.
- 26 Возрождение. – Париж, 1927. – 5 ноября. – № 886. – С. 5.
- 27 Witness // Возрождение. – Париж, 1925. – № 104. – 14 сентября. – С. 3.
- 28 Новая пьеса А.М. Ренникова // Возрождение. – 1927. – 27 августа. – № 816. – С. 3.
- 29 Комедия А. Ренникова // Возрождение. – 1927. – 17 октября. – № 867. – С. 4.
- 30 Постановка пьесы А. Ренникова // Возрождение. – 1927. – 24 октября. – № 874. – С. 4.
- 31 «Сказка жизни» // Возрождение. – 1927. – 30 октября. – № 880. – С. 4.
- 32 «Сказка жизни» // Возрождение. – 1927. – 7 ноября. – № 888. – С. 4.
- 33 Пьеса Ренникова // Возрождение. – 1927. – 22 ноября. – № 903. – С. 3.
- 34 Чебышев Н. «Сказка жизни», комедия в трех действиях А.М. Ренникова // Возрождение. – 1927. – 24 ноября. – № 905. – С. 4.
- 35 Там же.
- 36 Возрождение. – 1927. – 15 декабря. – № 926. – С. 5.
- 37 Чебышев Н. «Сказка жизни», комедия в трех действиях А.М. Ренникова // Возрождение. – 1927. – 24 ноября. – № 905. – С. 4.
- 38 См. об этом подробнее в статье: Николаев Д.Д. Фольклорные элементы в комедии А.М. Ренникова «Сказка жизни» // VI Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры начала XXI столетия». Материалы Международной научной конференции (Челябинск, 26–27 февраля 2013 г.). – Челябинск, 2013). – Ч. 1. – С. 140–143.
- 39 Чебышев Н. «Сказка жизни», комедия в трех действиях А.М. Ренникова // Возрождение. – 1927. – 24 ноября. – № 905. – С. 4.
- 40 Там же.
- 41 «Галлиполи» на сцене // Возрождение. – 1928. – 29 февраля. – № 1002. – С. 4.
- 42 Возрождение. – 1928. – 6 марта. – № 1008. – С. 5.
- 43 О его роли в константинопольском журнале «Зарницы» и связи с Галлиполи см: Николаев Д.Д. «Зарницы» // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). – М.: РОССПЭН, 2000. – Т. 2: Периодика и литературные центры. – С. 147–151.
- 44 Возрождение. – 1928. – 8 апреля. – № 1041. – С. 3.
- 45 Возрождение. – 1928. – № 1041. – 8 апреля. – С. 3.

- ⁴⁶ Возрождение. – 1930. – 8 мая. – № 1801. – С. 4.
⁴⁷ Возрождение. – 1930. – 25 мая. – № 1818. – С. 4.
⁴⁸ В.Л. «Пестрая семья» // Возрождение. – 1930. – 20 мая. – № 1813. – С. 4.
⁴⁹ Возрождение. – 1930. – 22 сентября. – № 1938. – С. 2.
⁵⁰ Возрождение. – 1930. – 5 ноября. – № 1982. – С. 1.
⁵¹ Возрождение. – 1930. – 7 ноября. – № 1984. – С. 1.
⁵² Возрождение. – 1930. – 2 декабря. – № 2009. – С. 4.
⁵³ Там же.
⁵⁴ См. подробнее в статье: Николаев Д.Д. Комическое в драматургии русского зарубежья 1920-х годов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Томск, 2011. – Вып. № 7 (109). – С. 58–64.
⁵⁵ Возрождение. – 1930. – 2 декабря. – № 2009. – С. 4.
⁵⁶ Ренников А.М. Комедии. – Париж: Возрождение, 1931. – С. 249–254.
⁵⁷ Ренников А.М. Комедии. – Париж: Возрождение, 1931. – С. 244.
⁵⁸ Ренников А.М. Комедии. – Париж: Возрождение, 1931. – С. 240–241.
⁵⁹ См. подробнее в статье: Николаев Д.Д. Комическое в драматургии русского зарубежья 1920-х годов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Томск, 2011. – Вып. № 7 (109). – С. 58–64.
⁶⁰ Возрождение. – 1927. – 24 ноября. – № 905. – С. 4.
⁶¹ Театр и жизнь. – 1931. – Апрель. № 38. – С. 21.
⁶² Возрождение. – 1930. – 2 декабря. – № 2009. – С. 4.

В.Т. Захарова

«ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА» ИВАНА БУНИНА: ОСОБЕННОСТИ ЖАНРОВОЙ ПОЭТИКИ

Творчество Ив. Бунина, одного из самых значительных русских художников XX столетия, привлекало и всегда будет привлекать к себе внимание исследователей. Это – национальное достояние.

Роман Бунина «Жизнь Арсеньева» (отд. изд. в 1930, пятая кн. «Лица» вышла в 1939, первое полное изд. романа появилось в 1952) – одно из самых незаурядных произведений не только в прозе Ив. Бунина, но и в мировой литературе XX в., что подчеркнуто и собственным фактом вручения его создателю Нобелевской премии (1933).

К настоящему времени в отечественном литературоведении сформировался огромный свод авторитетных трудов, посвященных творчеству Бунина: работы А. Бабореко, И. Вантенкова, А. Волкова, Л. Долгополова, В. Келдыша, Л. Крутиковой, Н. Кучеровского, М. Михайловой, О. Михайлова, К. Муратовой, В. Нефёдова, И. Ничипорова, Л. Смирновой, О. Сливицкой и др., – в различных аспектах представляющих сущность творческих открытий большого мастера.

Целью данной статьи является исследование некоторых аспектов жанровой поэтики романа «Жизнь Арсеньева». Жанровый синтез, в русле которого создавался роман, был столь многогранен, что в рамках одной статьи вряд ли может быть полновесно исследован. Мы избрали освещение данной проблемы, включая это произведение в типологическое русло русской неореалистической прозы, формировавшейся в начале XX в. К неореализму мы подходим как к типу художественного сознания, синтезирующего в себе различные эстетические способы художественного диалога с миром, в том числе романтический, символический, импрессионистический. Неореализму оказалось подвластно – при ярко выраженном интересе к малой форме повествования – восприятие бытия в его космическом всеединстве, как неделимого потока живой жизни; социальные основы жизни стали осознаваться на широком философском фоне с одновременным постижением глубинных исторических, природных

*ЗАХАРОВА
Виктория
Трофимовна,
доктор
филологических
наук,
профессор
Нижегородского
педагогического
университета*

связей, в которые вписывалась частная жизнь человека, вписывалась по-новому, с акцентом на уточненно-эмоциональный способ общения личности с миром, с активизацией лирико-ассоциативного начала в психологизме. В подобном типологическом ряду стоят произведения Ив. Бунина, Б. Зайцева, Ив. Шмелёва, раннего М. Горького, С. Сергеева-Ценского, М. Пришвина, позднее – Л. Зурова и других известных прозаиков¹.

Акценты предлагаемого исследования расставлены на примерах новаторского художественного осмысления Ив. Буниным сюжетообразующей функции лирического начала, роли мифопоэтической составляющей, импрессионистического мировосприятия, проблемы художественного времени. При этом ставится задача показать глубину онтологического осмысления писателем русской жизни, ее исконных духовно-нравственных основ, связанных с православным миропониманием; убедиться в силе провиденциального аспекта творчества Бунина.

Обратимся к предмету наших размышлений. В многомерном синтезе русской неореалистической прозы нередко на первый план выдвигалось *лирическое начало*. При этом речь идет о принципиальной художественной новизне, ибо эта проза мало соответствовала традиционно понимаемым жанровым канонам лироэпики, включающей в себя «так называемую лирическую прозу (как правило, автобиографическую), произведения, где к повествованию о событиях «подключены» лирические отступления...»². Лиризм стал «родовым» качеством прозаического мышления этих писателей, главным сюжетообразующим фактором их произведений.

В качестве «лирического романа» убедительно рассматривает «Жизнь Арсеньева» И.Б. Ничипоров, верно замечая: «В свое время В. Белинский называл пушкинский роман “Евгений Онегин” “романом без конца”, что было продиктовано его насквозь лирической структурой. То же и в “Жизни

Арсеньева”»: *лирический элемент предопределяет нарративный склад произведения*»³ (курсив автора. – В. 3.).

В постижении подобного процесса неопределимыми оказываются представления В.А. Грехнева о *лирическом сюжете, лирической ситуации, энергии лирического переживания, лирического движения*, глубоко осмысленные ученым применительно к философской лирике Пушкина. Сопоставляя художественное мышление Пушкина с каразинистами, Жуковским, ученый верно указывает, что особый рисунок лирического движения у поэта зависит от способа формирования картины мира: «Здесь в поле зрения входят уже не просто динамика лирического переживания, ее мера и степень, а процессы, материализующие ее внутреннюю логику. Логика эта проступает в пушкинской устремленности к *полному образу душевного бытия (...)*. За мимолетностью лирического мгновения, за звучанием, казалось бы, только одной струны вдруг начинаешь ощущать нечто, намекающее на устойчивые начала душевной жизни, на полнозвучие лирического тембра, вобравшего в себя множество порою едва заметных оттенков»⁴ (курсив автора. – В. 3.).

По сравнению с поэзией своих предшественников, как показывает В.А. Грехнев, у которых «обозреваются именно отстоявшиеся стихии души», «Пушкин... привносит в лирику горячую энергию психологического самодвижения, со всеми его неожиданностями, с непредвиденностью душевных порывов. В *становящемся, текучем и живом* всплывают из глубины пушкинского лирического переживания напластования эмоций, создающие впечатление как бы *расширяющегося душевного пространства*»⁵ (курсив автора. – В. 3.).

На наш взгляд, наиболее убедителен в данном контексте пример Ив. Бунина именно как автора романа «Жизнь Арсеньева». Автобиографическое повество-

вание, весьма условно причисляемое к романам, давно тревожит исследователей своей притягательной неразгаданностью и пониманием невозможности «разгадать» его до конца. «Первым русским феноменологическим романом» назвал это произведение Ю. Мальцев, имея в виду, что у Бунина «жизнь сама по себе как таковая вне ее апперцепции и переживания не существует, объект и субъект слиты в неразрывном контексте»⁶. Слитность же эта является, на наш взгляд, порождением *лиризма как родовой приметы* бунинского художественного мышления. «Нет никакой отдельной от нас природы... каждое малейшее движение воздуха есть движение нашей собственной жизни», – убежден был Бунин⁷.

Сюжет «Жизни Арсеньева» несет на себе все признаки *лирического сюжета*: его направляет и прихотливо ведет за собой логика *лирической эмоции*. Она выражает сущностные начала поэтической индивидуальности автора, можно сказать онтологический масштаб охвата жизненной реальности. Вот как «выглядит» движение лирической эмоции у Бунина. Обратимся лишь к одной странице его текста. Речь идет о воспоминании посещения юным Арсеньевым заброшенной усадьбы, когда-то принадлежавшей его матери.

Краткой прамбулой повествования об этом служит рассказ о поразившем всех случае: его старшего брата, скрывавшегося от полиции за участие в студенческих беспорядках в Петербурге и ненадолго приехавшего домой, выдал соседский приказчик; а буквально на следующий же день, когда брата забрали жандармы, этого приказчика убило столетним кленом, который рубили в саду по его распоряжению.

«Как передать, – читаем у Бунина, – те чувства, что испытываешь в те минуты, когда как бы воровски, кощунственно заглядываешь в старый, пустой дом, в безмолвное и таинственное святилище его давней, исчезнувшей жизни! (...) Небо и старые деревья, у каждого из которых всегда есть свое выражение, свои очертания,

своя душа, своя дума, – можно ли наглядеться на это? Я подолгу ходил под ними, не сводя глаз с их бесконечно разнообразных вершин, листьев (...). Как отрешалась тогда душа от жизни, с какой грустной и благой мудростью, точно из какой-то неземной дали, глядела она на нее, созерцала «вещи и дела» человеческие! И каждый раз непременно вспоминался мне тут и этот несчастный человек, убитый старым кленом, погибший вместе с ним, и вся несчастная, бессознательно испорченная им, этим человеком, судьба брата, и тот далекий осенний день, когда привезли его два бородатых жандарма в город, в тот самый острог, где так поразила меня когда-то мрачный узник, глядевший из-за железной решетки на заходящее солнце...» (с. 341–342).

В этом фрагменте поражает многое. И прежде всего – способность Бунина лирическим движением охватить необычайно емкую и многогранную картину душевного бытия. При этом логика движения лирической эмоции ассоциативно-прихотлива и в то же время очень органична, естественна.

Лирическое движение у Бунина неизбежно переводит повествование с конкретно-сиюминутного на метафизический уровень постижения бытия лирическим героем. Чего стоит поразительное признание Арсеньева в свои думы: когда отрешенность от реальной жизни возносила его в «неземные дали» и приносила «густую и благоую мудрость!» И только после подобного «лирического признания» авторская эмоция вновь возвращается к реальности, к недавнему прошлому семьи, судьбе брата и человека, повинного в ее изломе. В последней фразе приведенного выше отрывка, последнем его лирическом пассаже, из которого, как из лирического стихотворения, невозможно убрать либо переставить ни одного слова, заключена «бездна пространства».

«Благая мудрость», свойственная Арсеньеву, проявилась в определении «не-

счастный человек», относящемся к виновнику ареста брата, и в словах «убитый старым кленом, погибший вместе с ним», в которых – подтекстово-ассоциативно просвечивает мысль о высшей, Небесной каре и вместе с тем – такой органический бунинский антропоморфизм: и судьба человека, и судьба дерева в бунинской картине мира рядоположны по своей непостижимой связи с Божественной волей. А венчающее фразу мгновение-воспоминание о поразившем когда-то юного Арсеньева узнике, увиденном в окне острога, при всей конкретике этого воспоминания, – выводит вновь лирическую эмоцию из биографического на метафизический план осмысления жизни: судьба брата и судьба безымянного узника, глядевшего из-за железной решетки на заходящее солнце сливаются в пластическом образе лишенного воли и солнца человека, драматически усиливая основную лирическую тему повествования и безмерно расширяя художественное время текста.

В.А. Грехнев писал: «Динамика пушкинской лирической мысли такова, (...) что у Пушкина *за отдельным лирическим переживанием нам все как бы видится “весь Пушкин”*»⁸ (курсив мой. – В. З.). Полагаем, творческая индивидуальность Ив. Бунина была подобного рода и – подобного уровня. «Весь Бунин» ощутим за многими строками из «Жизни Арсеньева». Этот аспект исследования, по нашему убеждению, является самодостаточным и заслуживающим специального рассмотрения.

Завершая рассуждения о данной проблеме, отметим следующее. Русская неореалистическая проза, ярким примером которой служит роман Ив. Бунина «Жизнь Арсеньева», одной из доминантных составляющих в своем сложном синтезе имеет лирическое начало. Функции лирического здесь в корне отличаются от той роли, которую они выполняли в русской классике: речь идет о сюжетообразующей роли лирического, а также о лирическом

движении как категории, выявляющей глубинные проявления лирической энергии. Основой здесь становится эстетически-концептуальная роль лирического в отношении к событию и действию.

О романе «Жизнь Арсеньева» как о произведении «еще не названного жанра» писалось с самого момента появления его в печати. Наиболее точно, на наш взгляд, усмотрел суть новизны художественного сознания Бунина в этом плане Вл. Ходасевич, опубликовавший свой восторженный и проникновенный отзыв еще во время продолжающейся публикации романа в журнале «Современные записки». По его убеждению, роман Бунина ближе всего к жанру автобиографии: «Автобиография есть единственная форма “свободного” романа, не стесненного ни логикой, ни экономикой обычного художественного произведения. Обычная эстетика, всегда подчиненная конечной идее романа, тут взрывается. Она уступает место той кажущейся безыскусственности, которая свидетельствует о совершеннейшем и чистейшем искусстве: не только о слиянии формы с содержанием, но и претворении формы в содержание»⁹.

Не ставя задачей анализ существующих точек зрения на жанровое своеобразие этого произведения, укажем лишь на то, что необычайная многосложность его обуславливает и возможность сосуществования самых различных толкований его жанровой специфики, ибо «общечеловеческий смысл “Жизни Арсеньева” неисчерпаем»¹⁰. При этом необходимо учесть следующее: «Здесь показано самое простое и самое глубокое, что может быть показано в искусстве: прямое виденье мира художником: не умствование о видимом, но самый процесс видения, процесс умного зрения. Иначе – пересоздание мира или создание нового, который не возникает ни из какой идеи, потому что сам по себе уже есть идея. Смысл этого мира – он сам. Из его образов могут быть извлечены идеи, но

каждая из них меньше его, и все они в совокупности тоже меньше его»¹¹.

Обратимся к проблеме художественно-го мифологизма Бунина, имея в виду несомненную мифологизацию воссоздаваемого им мира русской жизни, навсегда драматически ушедшего из истории и потому заслуживающего благодарного внимания. Справедливо замечено относительно зарубежной литературы, что в XX в. появляется «особый тип мифологизации: мифологизация отдельных исторических событий и исторических лиц, литературных персонажей...»¹². Подобный тип мифологизации был присущ и русской литературе, причем зачастую, особенно если иметь в виду эмигрантскую литературу, можно вести речь о мифологизации целой исторической эпохи – дооктябрьской жизни России.

Этот исчезнувший с лица земли мир обретает под пером Бунина новую жизнь, будучи преображенным по законам художественного творчества: «Вещи и дела, аще не написании бывают, тмою покрываются и гробу беспамятства предаются, написании же яко одушевлении...» (с. 265).

Уже первая фраза романа, являющаяся несколько измененной цитатой из рукописи поморского проповедника XVIII в. Ивана Филиппова, настраивает на «одушевление», одухотворение всего описываемого. Вторая фраза – тоже весьма знаковая: «Я родился полвека тому назад, в средней России, в деревне, в отцовской усадьбе» (с. 265). В ней важно все: и начало вольно текущего повествования «от первого лица», «обещающее» свободу субъективно-личностного восприятия действительности, и мерно сужающиеся пространственные локусы – от масштабного «в средней России» – до конкретно-географической точки пространства, отныне имеющей в автобиографическом повествовании совершенно особую функцию – быть его сакральным центром. Это отцовская усадьба.

Мифологема Дома у Бунина интересна прежде всего тем, какое значение имеет в ее трактовке именно отцовское начало, тоже заявленное автором буквально с пер-

вых же строк. Несомненно, символично в аспекте утверждения родовой памяти имя главного героя – Алексей – имя отца писателя. Символично и то, что фамилия главного героя «лермонтовского происхождения»: известно не только присущее Бунину с ранних лет ощущение глубокой духовной притяженности к творчеству Лермонтова, но и обусловленная географической близостью Кропотова, имения отца поэта, где неоднократно бывал будущий писатель, глубоко прочувствованная им семейная драма Лермонтовых: трагическая разлученность отца и сына¹³.

В первой, уже цитированной нами главке, являющейся экспозиционной, звучат интонации зачина, свойственного древнерусским сказаниям, что сразу же поднимает повествование над жизненной конкретикой, сообщая ему возвышенность, легендарность, идущую от осознания автобиографическим героем неразрывной кровной связи со своим древним родом. При этом родство здесь ощущается прежде всего не сословное, а духовное, связанное с чувством благодарной памяти о всех ушедших, – не случайно на первой странице своего самого лично-сокровенного произведения Бунин начинает приводить слова Божественной литургии, молитвы, возносимой в Духов день, когда сотворяется «память всем от века умершим», «послужившим» Богу. Арсеньев восхищается: «Разве случайно сказано здесь о служении? И разве не радость чувствовать свою связь, соучастие “с отцы и братии наши, други и сродники”, некогда совершавшими это служение?» (с. 266). Гордое стремление исповедовать завещанное пращурами учение о «чистом, непрерывном пути отца всякой жизни», быть достойным «во всем своего благородства» (благое родства!) свойственно Арсеньеву.

И конечно же представления о родовом «служении», о волнующем воображение рисунке на родовом гербе – рыцарские доспехи на лазурном фоне – связались у мальчика с образом отца. Первое

впечатление о нем передано в духе при-
сущего писателю экзистенциального вос-
приятия бытия (особенно это касалось у
него самых близких, дорогих жизненных
начал): «Вот я уже заметил и почувство-
вал отца, его родное существование...»
(с. 271). (Здесь и далее в цитатах курсив
мой. – В. З.) В этом созданном ранне-
детским воображением «экзистенциаль-
ном портрете» выделяется прежде всего
мужественность в облике и характере от-
ца, – что, собственно, и пленяет мальчика
более всего: «радостную нежность» он
испытывает к нему более всего оттого,
«что был он когда-то на войне в каком-то
Севастополе...» (с. 272).

Отныне на долгие годы в сознании
юного Арсеньева Севастополь станет го-
родом-мифом, в котором осталась, т.е.
долженствовала там пребывать во веки
воинская слава отца и его сотоварищей.
В глубинах души героя всегда жило же-
лание увидеть этот город. Так, находясь в
вагоне по дороге в Орел, впервые покинув
родной дом, Арсеньев признается себе,
что Орел, город, которого он никак себе
не представлял, «уже одним тем удивите-
лен, что там, вдоль вокзала, – великий
пролет по всей карте России: на Север –
в Москву, в Петербург, на юг – в Курск и
Харьков, а главное – в тот самый Сева-
стополь, где как будто навеки осталась
молодая отцовская жизнь...» (с. 415).

В огромных координатах страны, вы-
держивая конкуренцию даже с еще не
виданными юным Арсеньевым великими
столицами, Севастополь жил в его сердце
как некое сакральное пространство, при-
тягивающее к себе душу. Это вновь и
вновь возникающее желание попасть
«в молодость отца, в Севастополь» пере-
дано в романе лейтмотивно: «Но я шел на
всё – где-то там, вдали, ждала меня отцов-
ская молодость» (с. 424, 427). Характерно-
бунинская экзистенциальная простран-
ственно-временная устремленность: вперед,
в прошлое. А прошлое это – субъективно-

мифологизированная «земля обетован-
ная», прославленная воинским мужест-
вом, в ореоле которого привык сын вос-
принимать своего отца и всю мужскую
линию своего рода: ведь на Мамаевом
кургане погиб дядя Алексей Николай Сер-
геевич, память которого в их семье всегда
была окружена легендой.

Арсеньев признается: «Видение этой
молодости жило во мне с младенчества.
Это был какой-то бесконечно-давний
светлый осенний день. В этом дне было
что-то очень грустное, но и бесконечно
счастливое... А главное – был в этом дне
какой-то пустынный и светлый примор-
ский холм, а на этом холме, среди камней,
какие-то белые цветы вроде подснежни-
ков, что росли на нем только потому, раз-
умеется, что еще в младенчестве слышал
я как-то зимой слова отца:

– А мы, бывало, в Крыму, в это время
цветочки рвали в одних мундирчиках!»
(с. 426)

В этом признании поражает и кровная
духовно-эмоциональная связь различных
«эпох» человеческого существования –
младенчества и молодости – через вос-
приятие жизни взрослеющим сыном, уже
перешагнувшим молодость отца. И уди-
вительная поэтизация этой героической
молодости, которая воспринималась ре-
бенком как один бесконечно счастливый
день, в описании которого главными ока-
зываются белые цветы на каком-то холме;
и – немыслимое для литературы прошлых
эпох феноменологически-неразложимое
единство сознания героя-повествователя:
цветы росли на холме потому, что о них
как-то рассказал отец...

Конкретные же поиски отцовского бы-
лого в Севастополе ни к чему не привели,
ибо вновь отстроенный, нарядный белый
город давно жил другой, мирной жизнью.
Стоя на берегу моря, Алексей понял:
«Только там, за этой зеленой водой, было
нечто отцовское – то, что называлось Се-
верной стороной, Братской могилой; и

только оттуда веяло на меня грустью и прелестью прошлого, давнего, теперь уже мирного, вечного и даже как будто чего-то моего собственного, тоже всеми давно забытого...» (с. 428). Характерен здесь мифологический мотив водораздела, четко отграничивающего настоящее от прошлого – для многих, но не для бунинского героя. Интенциональность его сознания, о чем уже шла речь выше, обусловила «вечное» существование в его душе славного отцовского прошлого, воспринимаемого как свое, лично пережитое. «Оттуда», из этого легендарного прошлого, он чувствует веяние поэзии, которое тонко, но нерасторжимо связывает его с отцом в течение всей жизни.

«Мотив Севастополя» в восприятии бунинским героем своего отца оказывается доминирующим. В его героико-мифологизированном ореоле отец воспринимался им всегда, не исключая и горьких лет их семейного оскудения, случившегося во многом по вине отца. Так, Арсеньев признается, узнав о продаже батуринской земли: «Я никогда не мог спокойно видеть отца в грусти, не мог слушать его оправданий в том, что он “пустил нас по миру”, я в такие минуты всегда готов был кинуться руки его целовать даже как бы с горячей благодарностью именно за это самое. Теперь же, после Севастополя, едва удержался от слез...» (с. 430).

С отцом было связано в восприятии Алексея и столь целительное на протяжении всей его жизни чувство умиротворяющей гармонии мироздания, центром которого для мальчика, конечно, был родной дом. Когда в прекрасные летние ночи отец спал не в доме, а во дворе на телеге, ребенку казалось, что отцу «тепло спать от лунного света, льющегося на него и золотом сияющего на стеклах окон, что это высшее счастье спать вот так и всю ночь чувствовать сквозь сон этот свет, мир и красоту деревенской ночи, родных окрестных полей, родной усадьбы» (с. 283).

Лучшие отцовские черты старается в себе обнаружить и взрастить герой Буни-

на, – хотя с детства он знал, что отец много проиграл в молодости, что он «страшно беспечен», – и тем не менее любовное сыновье восприятие личности отца помогало увидеть и «с восторгом» почувствовать, «...как не похож он ни на кого во всем городе, какой он совсем, совсем другой, чем все прочие!» (с. 326). Это чувства маленького гимназиста. Взрослея, он с радостью замечал, как быстро стали развиваться в нем отцовские черты: «...его бодрая жизненность, сопротивляемость обстоятельствам, той чувствительности, которая была и в нем, но которую он всегда бессознательно спешил взять в свои здоровые и крепкие руки, и его бессознательная настойчивость в достижении желаемого, его своенравие» (с. 350).

Удивительно тонко чувствовал сына и отец. Когда скончался Писарев, отец, зная, что для юного Алексея это первые похороны в жизни, восклицает: «Знаю, знаю, душа моя, каково тебе теперь! Мы-то уж все обстреляны, а вот на пороге жизни да еще с таким несовременным сердцем, как у тебя... Воображаю, что ты чувствуешь!» (с. 368). В тяжелую минуту он сокрушается, обращаясь к Алексею: «Николай все-таки хоть немного обеспечен, у Георгия есть образование, а у тебя что, кроме твоей прекрасной души?» (с. 407).

В финале романа, сюжетно «окольного» мотивом «отчего крова», – теперь это «новое возвращение» под его защиту – образу отца уделено особое внимание, – собственно, только о встрече с ним и идет здесь речь. Притча о блудном сыне получает здесь новое художественное наполнение.

Воспоминания даны в туго скрученной спирали вневременного восприятия бытия, свойственного Бунину. Две эпохи человеческой жизни – молодость и старость – проникновенно сопоставлены художником. Благодарная и покаянная сыновья любовь умеет увидеть в отце удивительное соединение «живого сердца и быстрого ума», «редкую душевную прямоту и душевную сокровенность», «резвую зор-

кость глаза и певучую романтичность сердца» (с. 535). Вернувшийся домой 20-летний Арсеньев был пронзен страданиями любви, общей жизненной неустроенностью. И его поразило в отце: «...никто в ту зиму не понимал так, как он, что у меня на душе, и, верно, никто не чувствовал так этого соединения в ней скорби и молодости» (с. 535).

Отец, внушавший сыну с детства, что «нет беднее беды, чем печаль...», в финале романа наигрывает на старой гитаре «что-то свое любимое, народное, и взгляд его стал тверд и весел, что-то тая в себе в то же время, — в лад нежному веселью гитары, с грустной усмешкой бормотавшей о чем-то дорогом и утраченном и о том еще, что все в жизни все равно происходит и не стоит слез» (с. 408, 535).

Предфинальная сцена тонко интонирована Буниным: разговор происходит в отцовском кабинете, «миллом» Арсеньеву с детства своей «запущенностью и уютностью, неизменной простотой обстановки»; при разговоре, конечно же, «присутствует» природа: «Уже лежал снег, был тихий и скромный солнечный день, освещенный им снежный двор ласково глядел в низкое окно кабинета...» (с. 535). Нельзя не заметить, что только семантически близкие слова («любимый», «ласковый», «милый», «тихий») употребляет Бунин для передачи светло-гармоничного, умиротворяющего чувства, с которым связан столь важный разговор с отцом в родном доме. И нет противоречия в том, что любовь Арсеньева к Лике не забудется, останется с ним навсегда. Главное здесь — это заповеданные отцом бесконечно значимые нравственные постулаты: опасность для души уныния, целительность — смирения и стоицизма.

Трудно переоценить такое гармоничное звучание мотива возвращения под отчий кров, каким сюжетно заканчивается роман Бунина.

Справедливо утверждение: «Для чело- века мифологические времена, доисторическая эпоха — это и древнейшие стадии всего человечества, и его собственное раннее детство, воспоминания о котором мифологизируются и поэтому делаются значительными в формировании личностного мифа»¹⁴. В художественной мифологизации детства Ив. Буниным уникальная роль отводится матери, при том что главенствует в романе, как нами показано, отцовское начало. Не раз говорится в тексте об экзистенциальном чувстве младенческого одиночества, присутствующего ребенку, — об этом еще пойдет речь ниже. Однако именно чувством материнского присутствия в мире оно в первую очередь и избывается, ибо мать ощущается младенцем как часть его самого. «Что до матери, — признается Арсеньев, — то, конечно, я заметил и понял ее прежде всех. Мать была для меня совсем особым существом среди всех прочих, нераздельным с моим собственным...» (с. 272).

К. Паустовский писал, что «в этой удивительной книге поэзия и проза слились воедино» и что в «слиянии поэтического восприятия мира с внешне прозаическим его выражением есть нечто строгое, подчас суровое. Есть и в самом стиле этой вещи нечто библейское»¹⁵. Последнее Паустовский связывает с одним из замечательных фрагментов романа, посвященных матери, со строками, которые, как он пишет, «нельзя читать без душевного потрясения...»: «В далекой родной земле, одинокая, навеки всем миром забытая, да покоится она в мире, и да будет во веки благословенно ее бесценное имя»¹⁶.

С образом матери у писателя связано представление о любви-страдании, имеющей, по Бунину, экзистенциальные причины: «И не раз видел я, с каким горестным восторгом молилась в этот угол мать, оставшись одна в зале и опустившись на колени перед лампадкой, крестом и иконами. О чем скорбела она? И о чем вообще всю жизнь, даже и тогда, когда, казалось, не

было на то никакой причины, горевала она, часами молилась по ночам?... О том, что душа ее полна любви ко всему и ко всем, и особенно к нам, ее близким, родным и кровным, и о том, что все проходит и пройдет навсегда и без возврата...» (с. 285).

Чувство любви-страдания, связанное со страхом за жизнь и благополучие своей семьи, носило у матери, как показывает Бунин, активно-жертвенное начало. Поразительно ее подвижничество во имя сына, о котором скупое и строго сообщает писатель (речь идет об аресте и ссылке его старшего брата): «Мать в это время дала богу, за спасение брата, обет вечного поста, который она и держала всю жизнь, вплоть до самой смерти, с великой строгостью» (с. 347). Глубоко символично, что всю жизнь хранил Арсеньев образок, подаренный матерью: «темно-оливковая, гладкая, окаменевшая от времени дощечка в серебряном грубом окладе, означавшем своими выпуклостями трех сидящих за трапезой Авраама ангелов, наследие рода моей матери...» (с. 491). Так, мифологизированный образ матери усиливает тему родовой памяти, столь много значущую для бунинского героя.

С материнской иконой Святой Троицы сопряжено у Арсеньева ощущение сакральности собственно ухода (исхода!) из родительского дома как некоей знаменательной стадии человеческого бытия. Этот образок, признается он, – «ее благословение мне на жизненный путь, на исход в мир из того подобия одиночества, которым было мое детство, отрочество, время первых юных лет, вся та глухая сокровенная пора моего земного существования, что кажется мне теперь совсем особой порой его, заповедной, сказочной, давностью времени преображенной как бы в некое отдельное, даже мне самому чуждое бытие...» (с. 491).

Здесь выражено характерное для Бунина мифологическое восприятие детства и всей ранней поры жизни, проведенной в родном доме, как в сокровенном лоне, где таинственным образом происходило про-

растание, созревание личности, исходящей в мир, являющийся во всем уже иным, чужим пространством жизни. Верно отмечено, что «в конечном итоге, содержанием мифа является сам человек, его подсознание, его иррациональные и неосознанные желания, поступки и комплексы, его искание смысла жизни»¹⁷.

Ощущение легендарности детства и собственного «я» в прошлом передано автором лейтмотивно. Феноменом мироощущения Бунина-художника была одновременно и неведомая литературе прошлого теснейшая сращенность автора с автобиографическим героем и вместе с тем – остранный восприятие героя. Воскрешая образ того, кем он был когда-то, Арсеньев задается вопросом о себе: «Был ли в самом деле? Был молодой Вильгельм Второй... был Александр Третий, грузный хозяин необъятной России... И была в эти легендарные времена, в этой навсегда погибшей России весна, и был кто-то, с темным румянцем на щеках, с синими яркими глазами... день и ночь таивший в себе тоску о своем будущем, где, казалось, ожидала его вся прелесть и радость мира» (с. 401).

Как неслучайна в этом медитативном пассаже связь сокровенно-личностного и исторического! Как прозрачно высвечивается именно эмигрантская печаль! Невозвратимость навсегда ушедшей юности воспринимается здесь гораздо безысходней на фоне не только потери родины, но и глобально непоправимой утраты – трагической гибели былой России. Однако к «державной мифологизации» в романе мы обратимся несколько позднее, а сейчас вернемся к «заповедной» поре детства героя, ибо прежде необходимо рассмотреть тему Дома как тему природного лона у Бунина.

Арсеньев вспоминает: «Я родился и рос... совсем в чистом поле, которого даже и представить себе не может европейский человек. Великий простор, без всяких преград и границ, окружал меня: где в самом деле кончалась наша усадьба и начиналось это беспредельное поле, с кото-

рым сливалась она? Но ведь все-таки только поле да небо видел я» (с. 297). Детскому восприятию Арсеньевым такого необычайного простора была свойственна некая двойственность. С одной стороны, остро ощущаемое его душой экзистенциальное младенческое одиночество, как считает Бунин, определялось именно чувством затерянности и – чувством тайны бытия, также с ранних лет сопутствовавшим ему: «Пустынные поля, одинокая усадьба среди них... Зимой безграничное снежное море, летом – море хлебов, трав и цветов... И вечная тишина этих полей, их загадочное молчание...» (с. 267).

С другой стороны, показывает автор, эти пространства воздействовали на душу ребенка поэтически, вызвали в ней на всю жизнь чувство любви к миру, ощущение его гармонии и Божественной неслучайности его красоты. Прекрасные начала мира связаны для ребенка прежде всего с благодатной порой лета: «В общем... раннее детство представляется мне только летними днями, радость которых я почти неизменно делил сперва с Олей, а потом с мужичками ребятишками из Выселок...» (с. 274). Прозрачна здесь ассоциация с библейским мотивом «лета Господня»: для Бунина, как и для Шмелёва, вынесшего эту цитату в заглавие своего романа, а также для Зайцева и других эмигрантских авторов, детство и есть наипрекраснейшая, райская пора жизни. А русское лето, познанное в детстве, – это некая вневременная модель всеобщего благодатного состояния мира.

Для Бунина познать – это прежде всего увидеть – таково свойство его художнической интуиции. «И вот я расту, – пишет он, – познаю мир и жизнь в этом глухом и все же прекрасном краю, в долгие летние дни его, и вижу: жаркий полдень, белые облака плывут в синем небе, дует ветер, то теплый, то совсем горячий, несущий солнечный жар и ароматы нагретых хлебов и трав, а там, в поле... зной, блеск,

роскошь света, там, отливая тусклым се-ребром, без конца бегут по косогорам волны неоглядного ржаного моря. Они лоснятся, переливаются, сами радуясь своей густоте, буйности, и бегут, бегут по ним тени облаков» (с. 274).

Прекрасная в самой себе природа, тесно слившаяся с жизнью усадьбы (буквально: к задней стене людской избы «вплотную подступали хлеба и травы!» (с. 275)) дана в очерченном автором круге гармонического взаимопроникновения всех важнейших природных начал: неба, поля, облаков, хлебов, трав, ржаного моря, и – света. А довершало эту гармонию интуитивно постигаемое ребенком осознание Бога: «О, как я уже чувствовал это божественное величие мира и бога, над ним царящего и его создавшего с такой полнотой и силой вещественности!» (с. 276). Детски-мифологизированно воспринимает бунинский герой землю: описывая огородное «богатство» всякой земляной снеди, вспоминая необычайную радость от такой стихийной детской трапезы, он признает: «...мы за этой трапезой, сами того не сознавая, приобщались самой земли, всего того чувственного, вещественного, из чего создан мир» (с. 276).

Справедливо замечено о бунинском художественном мировидении, что «любые явления внешнего мира, любые его мельчайшие частицы, любые его будничные проявления – это именно “мировое пространство”, т.е. они имеют космический смысл. Это космическое мировое пространство переживается столь же интимно, как и сокровенные события души, и, обретая в этой душе экзистенциальную яркость, приближаются тем самым к своей онтологической сущности»¹⁸.

Детство у Бунина как некая природная метафизическая сущность рядоположно другим природным константам и живет согласно природным, космическим законам. Перед скорым отъездом в город на учебу, когда отец сказал, что «вот уже и грачи по-осеннему стали собираться на

советы, подумывать об отлете», маленький герой Бунина почувствовал: «...меня на минуту опять охватило чувство близкой разлуки не только с уходящим летом, но и со всеми этими полями, со всем, что было мне так дорого и близко во всем этом глухом и милом краю, кроме которого я еще ничего не видел на свете, в этой тихой обители, где так мирно и одиноко цвело мое никому в мире не ведомое и никому не нужное младенчество, детство...» (с. 308). Детство, цветущее в мире Бунина, как тихая трава, одиноким и ненужным представляется автору отнюдь не в житейских, бытовых параметрах, а, как уже говорилось, – в экзистенциальных. Не раз мы встретим у Бунина признание, подобное следующему, когда речь идет о русской тоске непогоды: «...первобытно подвержен русский человек природным влияниям! – и все на свете, равно как и собственное существование, томило своей ненужностью» (с. 332).

И так же воспринималось маленьким героем Бунина счастье как субстанция, прочно сращенная с природным бытием: «Там, за опушкой, за стволами, из-под лиственного навеса, сухо блестел и желтел полевой простор, откуда тянуло теплом, светом, счастьем последних летних дней» (с. 310). Лежа на траве, мальчик воспринимает себя в центре одухотворенного прекрасного мира, обещающе открытого человеку. Бунин так воспроизводит это его состояние: «я... лег на землю, на скользкую траву, среди разбросанных, как бы гуляющих вокруг меня светлых, солнечных деревьев (...) солнечные пятна вспыхивали, сверкали и на земле, и в деревьях, ветви которых гнулись и светло раскрывались, показывая небо» (с. 310). А поскольку контекст этого фрагмента связан с мотивом прощания и с детством, и с домом (вскоре предстоял отъезд в город на учебу), то ассоциативно-символический код его – это, несомненно, Лето Господне – осиянное Господней благодатью счастье детства, счастье Дома, еще не утраченного рая.

130

Присущее Бунину чувство целостности бытия обусловило ту особенность его повествования, когда различные мотивы, которые в обычном, плоскожизнейском восприятии могли бы показаться взаимоисключающими, в его мифологизированном тексте выглядят взаимодействующими. Это, к примеру, относится к мотивам экзистенциального одиночества и к идиллическому изображению детства. И одиночество, и ощущение спасительной связи человека с миром, по Бунину, – это чувства, с которыми человек постоянно идет по жизни. Избывть одиночество в различные эпохи жизни ему помогают разные жизненные начала, но прежде всего – любовь. И в детстве это, конечно же, любовь родного Дома. Есть в романе строки, в которых, как на живописном полотне, буквально запечатлен образ Дома, поэтически воплощающий семейное счастье: «Был июньский вечер, во дворе уже пахло холодеющей травой, в задумчивой вечерней красоте, как на старинной идиллической картине, стоял наш старый дом со своими серыми деревянными колоннами и высокой крышей, все сидели в саду на балконе за чаем... Это был один из счастливейших вечеров в жизни нашей семьи...» (с. 352).

Конкретность момента у Бунина, как точно подмечено Ю. Мальцевым, «лишь чувственно-воспринимаемая: она зрительная, слуховая, осязаемая и т.д., но не временная. Она вне реального времени («мифический аористон»)»¹⁹. (Здесь Мальцев пользуется терминологией структуралистов, под мифическим аористон, имея в виду, по М. Бютору, «прошрое, отрезанное от настоящего и уже более не отдаляющееся».)²⁰

Поразительная слиянность жизни юного Арсеньева с огромным природным миром даже в раннем возрасте вывела мальчика и на восприятие своей органической связи с исторической жизнью родины. Уже с первых страниц романа тема Дома постигается художником и как тема России. Так подчас герою Бунина достаточно

одного сильного эмоционального впечатления (это могла быть, к примеру, поездка с отцом в город, его рассказы о Мамае, татарах, разбойнике Митьке), чтобы почувствовать «поэзию забытых больших дорог», чтобы понять: «Несомненно, что именно в этот вечер впервые коснулось меня сознание, что я русский и живу в России, а не просто в Каменке, в таком-то уезде, в такой-то волости, и я вдруг почувствовал эту Россию, почувствовал ее прошлое и настоящее, ее дикие, страшные и все же чем-то пленяющие особенности и свое кровное родство с ней...» (с. 313).

Известный русский философ И. Ильин писал в эмиграции: «Россия одарила нас бескрайними просторами, ширью уходящих равнин, вольно пронизываемых взором да ветром, зовущих в легкий, далекий путь. И просторы эти раскрыли наши души и дали им ширину, вольность и легкость, каких нет у других народов. Русскому духу присуща духовная свобода, внутренняя ширь, осязание неизведанных, небывалых возможностей»²¹. Не одна парадигма взаимосвязи между природным и духовным в русском мире намечена Ильиным. В числе наиболее значимых – взаимозависимость между огромными природными богатствами России и русской душой. «...Знаем мы все, – пишет философ, –...что глубины наши – и внешние, и внутренние – обильны и щедры. Мы родимся в этой уверенности, мы дышим ею, мы так и живем с этим чувством... и часто не замечаем ни благодности этого ощущения, ни сопряженных с ним опасностей...»²². К этим мыслям философа многие страницы эмигрантской литературы могут быть не только прекрасной иллюстрацией, но и разносторонним их развитием.

В «Жизни Арсеньева» Бунин воссоздает свой «державно-ментальный» миф. Так, его герой, будучи гимназистом, нередко слышал от елецкого мещанина Ростовцева, в доме которого он жил, слова

гордости за Россию: «Гордость чем? Тем, конечно, что мы, Ростовцевы, русские, подлинные русские, что мы живем той своей особой, простой, с виду скромной жизнью, которая и есть настоящая русская жизнь и лучше которой нет и не может быть, ибо скромна-то она только с виду, а на деле обильна, как нигде, есть законное порождение русского духа, а Россия богаче, сильнее, праведней и славней всех стран в мире. Да и одному ли Ростовцеву присуща была эта гордость? Впоследствии увидал, что очень и очень многим, а теперь вижу и другое: то, что была она тогда даже некоторым знамением времени, чувствовалась в ту пору особенно и не только в одном нашем городе» (с. 317). И, подобно И. Ильину, видевшему в ощущении русского богатства и подстерегающие опасности («...не ценит русский человек своего дара...»), И. Бунин сокрушается: «Куда она (гордость. – В. З.) девалась позже, когда Россия гибла? Как не отстояли мы всего того, что так гордо называли русским, в силе и правде чего мы, казалось, были так уверены? Как бы то ни было, знаю точно, что я рос во времена величайшей русской силы и огромного сознания ее» (с. 317–318).

В числе иерархически-значимых констант в образе Родины Буниным выделяется и ее православно-державный характер. К герою «Жизни Арсеньева» «сознание русской силы», как показывает автор, приходило и через непосредственные впечатления уездной жизни, и через мир русской поэзии, в частности лирику Никитина, его строки: «Это ты, моя Русь державная, моя родина православная!» «И не один Ростовцев мог гордо поблуднеть тогда, повторяя восклицание Никитина... – пишет автор, – или говоря про Скобелева, про Черняева, про царя-освободителя, слушая в соборе из громовых уст златовласого и златоризного диакона поминовение “благочестивейшего, самодержавнейшего, великого государя нашего Александра Александровича”, – почти с

ужасом прозревая вдруг, над каким действительно необъятным царством всяческих стран, племен, народов, над какими несметными богатствами земли и силами жизни, «мирного и благоденственного жития», выситя русская корона» (с. 320). Справедливо замечено, что «историческое время воспринимается Арсеньевым не как ушедшее время или метафизически отвлеченное время, оно крепко вживается в сознание героя, преодолевающего временно-пространственную дистанцию между ними»²³.

Тема вечных заветов православной веры наших предков представлена в романе Бунина как органически прочное начало, связующее жизнь поколений. Мотив родного дома в его соотносении с мотивом веры можно считать одним из концептуально значимых мотивов в мифопоэтическом комплексе произведения. По нашему убеждению, именно в этом произведении Бунина наиболее глубоко отразилось его неизменное тяготение к осмыслению русского православного бытия как духовной основы русской национальной ментальности и своей кровной принадлежности к нему.

Жизнь в провинциальной дворянской усадьбе с ее традиционно-православным бытом дала мальчику много религиозных впечатлений; чувство родовой памяти, феноменально присущее ему, связало с ранних лет гордость за своих пращуров с идеей их служения Богу и людям, — о чем уже упоминалось нами. Алексей Арсеньев признается, вспоминая свое состояние во время всенощной в храме: «Как все это волнует меня! Я еще мальчик, подросток, но ведь я родился с чувством всего этого... все это стало как бы частью моей души, и она, теперь уже заранее угадывающая каждое слово службы, на все отзывается сугубо, с вящей родственной готовностью (...) «Благослови, душе моя, господя», — слышу я, меж тем, как священник, предшествующий диаконом со свечильником, тихо ходит по всей церкви и безмолвно наполняет ее клубами кадильного благоухания, поклоняясь иконам, и у меня застилает глаза слеза-

ми, ибо я уже твердо знаю теперь, что прекрасней и выше всего этого нет и не может быть ничего на земле...» (с. 330).

Именно это глубоко органическое чувство веры, переживаемое в детстве очень эмоционально, привело Бунина-эмигранта к такому признанию, передоверенному в романе его герою: «Нет, это неправда — то, что говорил я о готических соборах, об органах: никогда не плакал я в этих соборах так, как в церковке Воздвиженья в эти темные и глухие вечера, проводив отца с матерью и войдя истинно как в отчую обитель под ее низкие своды, в ее тишину, тепло и сумрак...» (с. 332).

Дабы полнее и глубже понять особенности восприятия Родины в среде русской эмиграции, приведем воспоминания о. С. Булгакова. Разумеется, домашнее религиозное воспитание Ив. Бунина и о. С. Булгакова очень разнились по степени воцерковленности их семей. Однако приведенные фрагменты из «Жизни Арсеньева», думается, позволяют сопоставить православное мироощущение его юного героя с поэтическим признанием известного философа, вспоминающего родной храм своего детства: «Но родина моей родины, ее святыня была Сергиевская церковь... Для нас она была чем-то столь же данным и само собой разумеющимся, как и вся эта природа. Она была прекрасна, как и эта природа, тихою и смиренною красотой... Как мы любили этот храм — как мать, как родину, как Бога — одной любовью, и как мы вдохновлялись им»²⁴. Замечательно это чувство, соединяющее все самые дорогие и легендарные для человека начала в глубоком преклонении перед ними, придающее восприятию бытия необыкновенную полноту и цельность, испытать которое дано далеко не всякому. Отцу Сергию Булгакову и Ивану Бунину оно было дано.

Не только храм ощущался Арсеньевым как отчая обитель, — мотив сакральной защиты звучит у Бунина и в связи с восприятием православной молитвы. В самом раннем детстве потрясенная смертью се-

стенки душа мальчика, показывает автор, «устремилась за помощью, за спасеньем к Богу»: «Вскоре все мои помыслы и чувства перешли в одно: в тайную мольбу к нему, в непрестанную безмолвную просьбу пощадить меня, указать путь из той смертной сени, которая простерлась надо мной во всем мире. Мать страстно молилась день и ночь. Нянька указывала мне то же убежище...» (с. 301).

В отрочестве дорога к храму уже оказалась для Алексея в тяжелую минуту жизни естественно-необходимой. Когда арестовали любимого брата Георгия, мальчик почувствовал, что для него «как будто весь мир опустел, стал огромным, бессмысленным» (с. 345). Но во время блужданий по городу он подходит к воротам древнего монастыря и поражается величию печальных ликов святителей с длинными, до земли развернутыми хартиями на огромных воротах закрытого монастыря: «...Сколько лет стоят они так – и сколько веков их уже нет на свете? Все пройдет, все проходит, будет время, когда не будет в мире и нас, – ни меня, ни отца, ни матери, ни брата, – а эти древнерусские старцы со своим священным и мудрым писанием в руках будут все так же бесстрастно и печально стоять на воротах...» (с. 346).

Как символична здесь мысль о силе русской иконы: закрытые ворота в монастырь для жаждущей утешения в вере души все же открывают для нее прекрасный и вечный мир надежды – древнерусские старцы своим буквально пластически выраженным стоянием в вере благодатно воздействуют на душу мальчика: «И, сняв картуз, со слезами на глазах, я стал креститься на ворота... горячо прося святителей помочь нам, ибо, как ни больно, как ни грустно в этом непонятном мире, он все же прекрасен и нам хочется быть счастливыми и любить друг друга...» (с. 346). Эта горячая молитва за своих родных, за свой Дом, будет на всю жизнь привычной для Арсеньева.

Дом под защитой молитвы – такая «формула жизни» не могла не сформироваться у бунинского героя в силу воздействия вековых традиций семейного уклада. К примеру, воспроизводя одно из обычных, мирных, но прекрасных своей весенней солнечностью майских утр в отцовской усадьбе, Арсеньев как бы мимоходом упоминает: «Я умылся, оделся и стал молиться на образа, висевшие в южном углу комнаты и всегда вызывавшие во мне свой арсеньевской стариной что-то обнадеживающее, покорное непреложному и бесконечному течению земных дней. На балконе пили чай и разговаривали» (с. 400). Здесь обращает на себя внимание сочетание слов, кажущееся парадоксальным в житейском, плоскостном восприятии, но у Бунина данное синонимически: «обнадеживающее, покорное». Вся эта фраза – проникновенное свидетельство органического присутствия в душе бунинского героя православных Истин, впитанных им в стенах родного Дома. Покорность непреложному в бытии, показывает здесь писатель, вселяет в человека надежду, ибо непреложное в православной аксиологии связано с радостью, в которую претворяется скорбь.

Ограниченность рамок данной работы ведет к необходимости подвести итоги проведенного исследования, далеко не исчерпавшего заявленную проблематику. Очевидно, что в формировании личностного мифа Ив. Бунин мифологеме Дома отводит главенствующую роль – как колыбели человеческого рода, его духовной родины, обладающей мощной центростремительной энергией и вследствие этого занимающей важнейшее место в иерархии космического всеединства. Верно замечено: «Если Толстой расширил единичную ситуацию до “срезов общей жизни”, то Бунин вывел ее за пределы сугубо человеческих проблем – на просторы Универсума»²⁵.

«Первым русским феноменологическим романом» назвал это произведение

Ю. Мальцев. Давая свое объяснение такому жанровому определению, он не ссылается на конкретные имена. Но философские источники в его подходе просматриваются вполне определено: феноменология, философское направление (принципы его были сформулированы в начале XX в. Э. Гуссерлем), для которого характерно исключение каких-либо утверждений о бытии и достижение неразложимого единства сознания. Ю. Мальцев имеет в виду следующее: «Жизнь Арсеньева» – это не воспоминание о жизни, а воссоздание своего восприятия жизни и переживание этого восприятия (т.е. новое «восприятие восприятия»)²⁶. Подобный ракурс исследований помог Ю. Мальцеву особым образом высветить своеобразие жанра, специфику образности этого произведения и сущность бунинского хроноса: «Жизнь Арсеньева» предстает здесь «не в своих разрозненных моментах, а во вневременном единстве, расширяющемся до вечности»²⁷. Основное отличие бунинского хроноса Мальцев справедливо видит в полном отрицании временных граней и различий, выходе в иное, *вневременное измерение*.

Полагаем, что феноменология эстетического осознания Ив. Бунина, глубоко и оригинально исследованная Ю. Мальцевым, во многом была связана с импрессионистическим типом художественного мышления, по нашему убеждению органично присущего Бунину. Однако проанализирован роман с этой точки зрения до сих пор не был. Здесь также не ставится задача полностью осветить эту проблему: мы намеренно сужаем ее до исследования одного ракурса, в котором ярко проявляется импрессионизм Бунина: это художественное время романа.

Уже первые страницы текста убеждают, сколь органично было присуще Бунину импрессионистическое восприятие жизни, восприятие времени: «У нас нет чувства своего начала и конца», – говорит он в своем произведении (с. 265). Таинственная динамика жизни увлекает его воображение в далекую глубь веков, к ощущению тон-

чайшей эмоционально-нравственной связи с древними пращурами, с жизнью бессмертной, «непрерывной», с проникновением в их заветы: «будь достоин во всем своего благородства» (с. 266). И тут же эта тема Вечности, бессмертия, высоких нравственных мерил существования, рождающихся из восприятия жизни как неостановимой и неуловимой динамики, сплетается с бунинским представлением о ценности собственно мгновений бытия, их яркой, чувственной силы, их порой неразгаданным значениям в дальнейшей жизни человека. В продолжение всего повествования Бунин дарит многие «чудные мгновения», запечатленные в его художнической душе, способной с живописной синоминутной яркостью воспроизвести их. И при этом – непременно соотносит с надмирным, вечным, духовным началом жизни.

Часто это ощущение рождается у Бунина от импульса, который дает конкретный, чувственно воспроизводимый момент прошлого. Так, воспоминание о старой ветле у большой дороги, переплетенное с памятным рассказом отца о Мамае, потом о легендарном разбойнике Митьке, привело Арсеньева к чувству своей личной причастности всем историческим явлениям, фактам, переживаемым с необыкновенной эмоциональной полнотой «в тамбовском поле, под тамбовским небом», к рождению естественного и органичного чувства глубокого патриотизма: «...несомненно, что именно в этот вечер (...) я вдруг почувствовал эту Россию, почувствовал ее прошлое, ее настоящее, ее дикие, страшные и все же чем-то пленяющие особенности и свое кровное родство с ней...» (С. 313). Так из одной точки-импульса-мгновения широкими концентрическими кругами бесконечно расширяется художественное пространство, углубляется художественное время романа.

Постижение сущности художественного осмысления Буниным проблемы хроноса ярче оттеняется сравнением с опытом русской классики XIX в. Приведем здесь лишь один пример: автобиографи-

ческую трилогию Л. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность». Упоминание о ней мы встречаем и в цитированной выше монографии Ю. Мальцева, – причем как раз в данном контексте. Так, Мальцев пишет: «“Жизнь Арсеньева” – это вовсе не автобиографическое произведение вроде трилогии Толстого или повести Аксакова (...), где повествуемое “я” не становится персонажем, а эпическое прошлое остается “абсолютным прошлым” (по терминологии Бахтина), не связанным и не взаимодействующим с настоящим»²⁸. С этим утверждением полностью согласиться трудно. Заметим, что термин «абсолютное прошлое», которым оперирует М. Бахтин, в частности в своей работе «Эпос и роман» (о методологии исследования романа), восходит к Гёте и Шиллеру, на которых он ссылается. Кроме того, Бахтин применяет этот термин сугубо к классической эллинской эпопее. «Абсолютным прошлым» Бахтин называет эпическое прошедшее: «...Эпический мир абсолютного прошлого по самой природе своей недоступен личному опыту и не допускает индивидуально-личной точки зрения и оценки. Он дан только как предание, священное и непререкаемое»²⁹.

В романе же нового времени, по М. Бахтину, в корне меняется временная модель мира: он становится миром, «где первого слова (идеального начала) нет, а последнее еще не сказано... время и мир... раскрываются... как становление, как непрерывное движение в реальное будущее, как единый, всеохватывающий и незавершенный процесс»³⁰. Полагаем, что к русской классической прозе, к каковой принадлежит трилогия Л. Толстого, понятие «абсолютное прошлое» не может быть применено.

Соотношение временных пластов у Толстого определенно наличествует, ибо как художник нового времени он не «отгораживает неприступной границей» прошлое и будущее от продолжающегося,

неоконченного настоящего. Образ рассказчика предстает у него в двух ипостасях. Да, Толстой отделяет видение мира, свойственное герою повести «раньше», в детские и юношеские годы, от его взглядов «теперь», по истечении ряда лет. И в структуре повестей это проявляется прежде всего в виде позднейшего комментария к описываемым событиям.

Прошлое не становится для героя Толстого «абсолютным прошлым» уже потому, что второе, взрослое, «я» рассказчика смотрит на него с точки зрения его значимости для формирования будущих нравственных устоев героя: что определило собой настоящее, вошло в него, как повлияло на него, а следовательно, и на будущее. И явления жизни, изображаемые в трилогии, хотя и соотносятся, соразмеряются с духовным развитием юного Николаеньки Иргеньева, но все же в полной мере картины мира не подчинены законам детского восприятия: они существуют и самостоятельно в своем богатстве красок, в своей многоликой конкретности.

Такова в самых общих чертах диалектика художественного времени у Толстого. У Бунина принципиально иной подход. Все изображаемое – и в прошлом, и в настоящем, и в тревожно проецируемом будущем – сливается в едином потоке очень личностно воспринимаемого бытия, – в его неповторимых разновременных мгновениях и их неразрывности. Например: «...я закрывал глаза и смутно чувствовал: все сон, непонятный сон. И город, который где-то там, за далекими полями и в котором мне быть не миновать, и мое будущее в нем, и мое прошлое в Каменке, и этот светлый, предосенний день, уже склоняющийся к вечеру, и я сам, мои мысли, мечты, чувства – все сон!» (с. 311).

Обратим внимание, что благодаря импрессионистической слитности, нерасчлененности восприятия рождается удивительный феноменологический эффект (новое восприятие восприятия): это вне-

временное и внепространственное единство, сливающее сиюминутное, животрепещущее настоящее и эмоционально «обозначаемое» прошлое и будущее. Так создается эффект сложного взаимопроникновения различных начал. Возникает таинственный и прекрасный мир живой жизни, воспринимаемой по законам неэвклидовой геометрии. Это открытие нового мира, новых путей в постижении бытия, которые прокладывал Ив. Бунин.

Итак, подводя итоги, заметим следующее. Традиционное для русской литературы «лирическое начало» становится у Бунина сюжетообразующим фактором, – и в рассказах, и в его феноменологическом романе «Жизнь Арсеньева», – что делает его повествование обращенным к эмоциональной сфере восприятия, «обеспечивающей» глубину и силу одухотворенно-трепетного поэтического захвата. Но «захват» этот касается необыкновенно широкого спектра эмоций, – как всегда у Бунина: индивидуально-личностное и общечеловеческое сливаются в неразрывном мощном потоке.

Небывалую значимость, по сравнению с классикой, приобретает у Бунина мифопоэтическая сфера текста. Это уже в

большей мере свойственно его эмигрантской прозе. Мифопоэтический «код» прочтения текстов Бунина обнаруживает в подтекстово-ассоциативной сфере ту приверженность писателя к архетипической основе народного мировосприятия, которая сообщала его произведениям ту онтологическую глубину, о которой и говорилось выше в связи с другими аспектами поэтики писателя.

Однако Бунин сотворил и свой прекрасный авторский миф о России ушедшей, – как это по-своему сделали и другие русские писатели в эмиграции: Иван Шмелёв, Борис Зайцев, Леонид Зуров.

Художественные открытия Ив. Бунина-прозаика еще осмыслены далеко не в полной мере. Однако уже исследованные аспекты его поэтики свидетельствуют не только о непревзойденном мастерстве писателя, но – и это главное – о духовной значимости его творческого наследия, обнаруживающей важнейшие для отечественной ментальности представления о красоте мироздания, Божественной предназначенности людей к счастью, об опасности разрыва с живым древом традиционных национальных основ бытия.

Примечания

- ¹ См. об этом: Захарова В.Т., Комышкова Т.П. Неореализм в русской прозе XX в.: Типология художественного сознания в аспекте исторической поэтики: учебное пособие. – Н. Новгород: НГПУ, 2008.
- ² Хализев В.Е. Теория литературы. – М., 1999. – С. 316.
- ³ Ничипоров И.Б. «Поэзия темна, в словах не выразима...»: Творчество И.А. Бунина и модернизм. – М., 2003. – С. 185.
- ⁴ Грехнев В.А. Мир пушкинской лирики. – Н. Новгород, 1994. – С. 163.
- ⁵ Там же. – С. 413.
- ⁶ Мальцев Ю. Бунин. – Франкфурт-на-Майне – М., 1994. – С. 305.
- ⁷ Бунин И.А. Жизнь Арсеньева // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 4 т. – М., 1988. – Т. 3. – С. 464. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страниц в круглых скобках.
- ⁸ Грехнев В.А. – Указ. соч. – С. 410.
- ⁹ Цит. по: Ходасевич В. О «Жизни Арсеньева» // Знамя. – М., 1991. – № 12. – С. 205.
- ¹⁰ Смирнова Л. Иван Алексеевич Бунин: Жизнь и творчество. – М., 1991. – С. 160.
- ¹¹ Ходасевич В. Указ. соч. – С. 205–206.
- ¹² Шарыпина Т. Проблемы мифологизации в зарубежной литературе XIX–XX вв. – Нижний Новгород, 1995. – С. 22.

- ¹³ См. об этом: Дякина А. Духовное наследие М.Ю. Лермонтова и поэзия Серебряного века. – М., 2001.
- ¹⁴ Телегин С. Жизнь мифа в художественном мире Достоевского и Лескова. – М., 1995. – С. 94.
- ¹⁵ Паустовский К. Иван Бунин // Бунин И.А. Собр. соч. в 4 т. – М., 1988. – Т. 3. – С. 583.
- ¹⁶ Там же. – С. 540.
- ¹⁷ Телегин С. – Указ. соч. – С. 94.
- ¹⁸ Сливичкая О. Сюжетное и описательное в новеллистике И.А. Бунина // Русская литература. – СПб., 1999. – № 1. – С. 101.
- ¹⁹ Мальцев Ю. Бунин. – Франкфурт-на-Майне – М., 1994. – С. 309.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Ильин И.А. О России // Ильин И.А. – Собр. соч.: В 10 т. – М., 1996. – Т. 6, Кн. 2. – С. 9.
- ²² Там же. – С. 11.
- ²³ Чой Чжин Хи. «Жизнь Арсеньева»: Проблема жанра: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – С. 134.
- ²⁴ Булгаков С. Моя родина // Русская идея. – М., 1992. – С. 367.
- ²⁵ Сливичкая О. Указ. соч. – С. 97.
- ²⁶ Мальцев Ю. Бунин. – Франкфурт-на-Майне. – М., 1994. – С. 304.
- ²⁷ Мальцев Ю. – Указ. соч. – С. 303.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Бахтин М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Вопросы литературы. – М., 1970. – № 1. – С. 103.
- ³⁰ Там же. – С. 107.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ

О.В. Быстрова

ПРОБЛЕМЫ ЦИКЛИЗАЦИИ В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ (на материале цикла И.С. Шмелёва «Сидя на берегу»)

Под литературным циклом обычно подразумевается «несколько художественных произведений, объединенных общим жанром, темой, главными героями, единым замыслом, иногда рассказчиком, исторической эпохой (в прозе и драматургии), единым поэтическим настроением, местом действия (в лирике)»¹. Литературный цикл, распространенный во всех родах художественного творчества, заставляет обратить внимание на проблемы циклизации – тенденцию к группированию художественных текстов в творчестве художника наряду с другими бытующими формами (например, сборников, книг стихов, антологий). Кажущаяся похожесть действующих форм заставляет задуматься о принципах отбора текстов и принципах их функционирования в едином художественном пространстве. В силу особого статуса лирического художественного произведения циклизация наиболее распространена в роде лирики².

В литературоведении русского зарубежья интерес к проблеме цикла (как принципа объединения) возник в связи с осмыслением специфики книги И.А. Бунина «Темные аллеи» (1943)³.

Цикличность должна и воспринимается как особая художественная возможность объединения «нескольких самостоятельных произведений в особое целостное единство»⁴. Каждый из собранных в единое целое текстов может существовать как самостоятельное произведение, но, тем не менее, извлеченный из него неизбежно будет терять часть своей художественной значимости. Иначе говоря, циклической формой можно считать ту, которая буквально испещрена «смыслами, возникающими на границах отдельных произведений, пронизанных идеей целого и воссоздающих динамический образ этого художественного целого»⁵. Говоря о структурном принципе организации цикла, следует выделить три типа: принцип орга-

БЫСТРОВА
Ольга
Васильевна,
кандидат
филологических
наук,
ИМЛИ РАН

низации по внутреннему переживанию и мироощущению, принцип организации внешней связи (т.е. хронологическая связь, жанрово-стилевое единство, общность адресата и др.) и принцип организации, совмещающий два вышеуказанных в своем построении.

Своеобразие циклически организованного текста в литературе русского зарубежья состоит в том, что в большинстве образующим структурным принципом является третий. При этом стоит подчеркнуть особую роль категории времени, точнее временной концепции в цикле. Речь идет о логической связи времен, позволяющей оценить событие с точки зрения его проявления в разных измерениях.

В 1938 г., в год 950-летия крещения Руси, отмечавшегося в русской эмиграции, Б.К. Зайцев опубликовал очерк «Слово о Родине» в газете «Возрождение»: «В нелегких условиях, причудливо, получудесно, но мы все-таки живем. Может быть, и бесправные, но нищи ли мы внутренне? Вот это вопрос. И ответ на него, мой: нет, не нищи. Святыни бывают различные, и различна их иерархия. Но бесспорно среди них место Родины. У кого есть настоящая Родина и чувство ее, тот не нищ. Одно дело – воспринимать изнутри. Другое – со стороны. Судьба поставила нас теперь именно как бы в сторону. Что же, может быть в облегченном виде зрение и верней. Многие видишь о Родине теперь по-иному, иначе оцениваешь»⁶.

Характерной особенностью циклического текста в литературе русского зарубежья становится рассказ о русском прошлом (или настоящем) с точки зрения осмысления библейской и православной тематики. В 1920 г. в берлинском «Голосе России» Саша Чёрный публикует первый текст («Отчего Моисей не улыбался, когда был маленький») из цикла «Библейские сказки». Публичное чтение первых сказок состоялось еще в начале 1920 г. в Вильно. В декабре 1921 г. берлинский

журнал «Театр и жизнь» проанонсировал отдельное издание этих сказок в издательстве «Грани». Однако это издание не состоялось.

Сохранившиеся тексты пяти библейских сказок («Отчего Моисей не улыбался, когда был маленький», «Сказка о лысом пророке Елисе, о его медведице и о детях», «Первый грех», «Праведник Иона», «Даниил во львином рву») свидетельствуют о переосмыслении истории. Сам повествователь, рассказывая о событиях древних, произносит: «А я думаю, что дело было не так»⁷. Показательна в этом отношении история о Моисее, композиционно строящаяся по принципу наложения текста библейского на текст, созданный автором и графически оформленный многоточием, отделяющим историю из «толстой книги» от ее современной интерпретации.

В цикле следование одного текста за другим нельзя рассматривать только как хронологическое движение событий во времени; это – переход от одной ступени к следующей, а от нее к последующей, и так дальше до бесконечности. Здесь нужно, вероятно, говорить о присутствии в циклических текстах двух уровней временного (т.е. исторического) и постоянного (т.е. внеисторического). Синтез этих двух уровней дает возможность постигнуть знание и мудрость жизни.

Цикл является вершиной знаний и устремлений художника, он выстраивается по следующей логической прямой: цикл – рассказ (т.е. повествование) – слово. Это триединство подтверждается и другим: цикл (самое будущее) – прошлое (т.е. воспоминание художника) – настоящее (т.е. правда, которую художнику необходимо донести до своего читателя).

Фундаментом «цикла» (как, впрочем, и самой литературы) является слово, которое «возносит человека на высоты, ближе к Богу. Литература всякого народа – его правда, его стремления и идеалы; его...

судьбы. Нет народа без литературы, как нет народа без Божества»⁸.

Это положение дает возможность говорить о восприятии сложной структуры цикла: это не только срез настоящего времени, это осмысление прошлого через призму настоящего, но и, самое главное, это возрождение привычной жизни (пусть в чужом мире) «на основе высококонтрастной – Евангельское учение деятельной Любви»⁹.

Эти принципы построения и осмысления современности прослеживаются в творчестве Б.К. Зайцева (три произведения: «Преподобный Сергей Радонежский», «Алексей Божий человек», «Сердце Авраама» – представляют собой своеобразный цикл и в содержательной конструкции, и в жанровой); К.Д. Бальмонта (его цикл «Славословие», состоящий из шести стихотворений, объединенных эпиграфами из Евангелия от Иоанна и Требника).

Наиболее четко они предстают в тексте И.С. Шмелёва «Сидя на берегу», впервые опубликованного в книге «Въезд в Париж: Рассказы о России зарубежной», вышедшей в Белграде в 1929 г.

Американская исследовательница О.Н. Сорокина предложила классификацию эмигрантского творчества И. Шмелёва; она выделила три группы, в которые укладываются все тексты писателя: те, которые описывают послереволюционную Россию; те, которые затрагивают тему русского человека в эмиграции; те, которые живописуют Россию в ретроспективе. «Сидя на берегу» она отнесла ко второй группе, назвав весь текст «Сидя на берегу» в целом серией и, соответственно, каждый входящий в него – очерком¹⁰.

Отчасти такая точка зрения на произведение оправдана. Используемая Шмелёвым цитата в последней главе «Вереск» – «Унылая пора, очей очарованье» – заставляет вспомнить «Осень» Пушкина. Возникающее созвучие двух произведений позволяет говорить о возможном продолжении (или о возврате к интересующей

авторов теме?) и потому о своеобразной незаконченности текста. Но это законченное произведение, это – именно цикл, – своеобразный по построению и глубинный для понимания творчества И.С. Шмелёва в целом.

Подтверждение этому можно найти прежде всего в композиции. Шмелёв использует здесь излюбленный свой прием – кольцевое построение текста. Первая глава «Океан» начинается фразой: «Иду на пустынный берег, к океану. Тропинка ведет лесами...»¹¹, а заканчивается: «Вон и вереск бурными пятнами покрылся! Вот и еще лето откатилось»¹². Перед читателем возникает картина ухода от океана, тем более что для такой переклички (аллюзия возникает через образ откатившегося лета, похожего на откатывающуюся волну от берега) есть подтверждение в тексте: «*Иду, считаю...*»¹³ (курсив мой. – О. Б).

Восприятию кольцевой композиции в немалой степени способствует образ безбрежного «океана», приобретающий символическое звучание. В 1924 г. в парижском «Звене» был опубликован «Закон Океана: Морская страница» К.Д. Бальмонта. С уверенностью можно говорить о том, что Шмелёв знал этот текст (об этом могут свидетельствовать дружеские отношения между писателями). Для символического ощущения Бальмонта океан был местом прилива и отлива душевных сил и переживаний: «Закон Океана – прилив и отлив. После полного оскудения вод, ушедших далеко от прибрежных песков, – так далеко, что я спокойно, часами, прохожу по океанскому дну, – так далеко, что не видно морской воды, и не слышно совсем ее голоса. И слушаешь только тишину – новый отдаленный шелест неустанно стремящихся притекающих вод, отдаленный подходящий говор волн, научающий мою человеческую душу твердо знать, что за покоем приходит волнение, что после отдыха оскудевших сил, с говором, с гомоном, с зовом, с возбуждением, придет и примчится неизбежный, полный силы, творческий прилив»¹⁴. Принимая этот образ «безбреж-

ного океана», реалист Шмелёв заставляет увидеть иной океан. Его океан – это три океана в одном: Атлантический, океан людей, океан памяти. Именно образ этого «безбрежного» и одновременно «составленного» океана подталкивает к обязательному прочтению в тексте буквенном – текста цифрового. Главную роль в тексте играют цифры: «1» (образ Ока), «3» (три дня, в которые укладывается весь сюжет цикла, и др.) и «7» (семь глав соответствуют семи остановкам Креста; упоминаемый Крест имеет семь значений; и др.).

Именно последняя цифра опять-таки подтверждает кольцевую композицию. В этом цикле, как, может быть, ни в каком другом, становится очевидной «принципиальная ориентация на православную духовную традицию»¹⁵, которая в большей степени проявляется именно в осмыслении гармонии чисел, влияющих на восприятие текста.

В цикле «Сидя на берегу» семь глав: «Океан», «Крестный ход», «Золотая книга», «Город-призрак», «Москва в позоре», «Russie», «Вереск». Эта цифра многократно повторяется в самых разных библейских сюжетах и ее символический смысл доступен пониманию человека. Эта цифра обозначает много понятий – совершенство, покой, благословение; эта цифра складывается из «3» (число духовности) и «4» (число устойчивости). В свой текст И. Шмелёв, думается, заложил иное понимание этой цифры – «седмицы», более того «Страстной седмицы», – тем самым обращая внимание читателя на круговорот самого текста и жизни, отраженной в нем. Страстная седмица – последняя неделя перед Пасхой. Такое название обусловлено воспоминанием последних дней земной жизни Спасителя: Его страданий, крестной смерти и погребения. Понедельник, вторник и среда этой седмицы посвящены воспоминаниям последних бесед Господа Иисуса Христа с народом и учениками; служба Великого Четверга по-

священа воспоминанию умовения Иисусом Христом ног ученикам, Тайной Вечери, молитвам Иисуса Христа в саду Гефсиманском и преданию Его Иудой; Служба Великой Пятницы посвящена воспоминанию крестных страданий Спасителя, Его смерти и погребения; Богослужение Великой Субботы посвящено воспоминанию пребывания Иисуса Христа «во гробе плотски» и затем наступает Светлое Воскресение Христово¹⁶. Каждая глава цикла «Сидя на берегу» соответствует по своему психологическому ощущению, восприятию и повествованию каждому дню седмицы. Для Шмелёва это было очень важно не только потому, что за воскресеньем наступал понедельник и это возвращало человеку надежду; но еще и потому, что кольцевой принцип композиции цикла заставлял вновь почувствовать, ощутить и увидеть связь, которую насильственно прерывали те, кому неведомы были (да и не под силу!) духовные искания могучей русской литературы.

Особенностью цикла «Сидя на берегу» является то, что здесь трудно выявить само сюжетное действие. Главным героем является не столько повествователь, вспоминающий о своем, родном, сколько *связь* между обретенным в прошлом и утраченным в настоящем (выделено мною. – О. Б.). Достаточно обратиться к главе «Москва в позоре»: из 66 абзацев (т.е. каждая мысль повествователя или реплика обозначена красной строкой) – 34 являются случайно подслушанными репликами, таким образом большая часть текста – это мнения разных людей. Их всех объединяет то, что они говорят о большой беде. На конкретный вопрос – о какой беде идет речь – не всегда можно ответить точно. Провидческое зрение художника позволяет увидеть не только Москву послеоктябрьскую, но одновременно – Москву в 1812 г., Москву в дни набегов татар, Москву во дни поражений и позора. Для Шмелёва Москва – это город

двух времен: прошлого и настоящего; прошлого, наполненного «дымным золотом и звоном», и настоящего, в котором только «воплъ православного народа».

Цикл «Сидя на берегу» можно назвать феноменальным явлением в русской литературе. Возникающие в воображении читателя два времени – прошлое и настоящее – иллюзорны. Уникальность цикла состоит в том, что здесь три времени: два названных и одно неназванное, но присутствующее и заставляющее говорить о себе. Это – будущее время; это время исполненной надежды; это время, когда «Ярое Око Его сожжет закрывшую Его тьму»¹⁷. И ради этого времени «укрылся бездной» Светлый Китеж, ради него теперь повествователь пытается унять думы бездумьем, «идти и считать без счету»¹⁸.

Присутствующее в каждой главе, но неназванное, будущее время позволяет говорить об уровнях построения текста. Для осмысления композиции цикла характерны два понятия: триединство как категория философская, и тройственность (вариант: троичность) как категория эстетическая. Разумеется, между ними нельзя проводить черту, ибо одна плавно перетекает в другую и наоборот. Ярким подтверждением тому является аллюзивность текста. Уже упоминаемый текст А.С. Пушкина «Осень: Отрывок» возникает в сознании автора, когда он идет по пустоши и видит желтеющий папоротник. Это кажется логичным, потому что приближается осень. Но это абсолютно нелогично – потому что автор идет и считает, так как «думы можно унять бездумьем, идти и считать без счету»¹⁹. И тем не менее это – логично, но через призму преемственности времен и знаний, которые для Шмелёва были естественны. Эпиграфом к своему произведению Пушкин взял цитату из Державина: «Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?», которая и объясняет состояние героя, пытающегося не думать о своей потере, но вновь и вновь возвращающегося к мысли о России. В качестве аналогичных примеров можно привести главы «Города-призрака»

(в которой эпиграфом взята строка из стихотворения Ф. Глинки «Москва») и «Russie» (которая посвящена И.А. Бунину).

Взаимопроникновение этих трех временных категорий позволяет вплотную подойти к разрешению вопроса о том, что из себя представляет в жанровом отношении каждый текст, входящий в цикл. По логике построения произведения – это рассказ о времени, размышление о себе. И тем не менее это – не рассказ. По своей сути, рассказ – это повествование о реально имевшем место событии или выдаваемом автором за таковое. Но в данном художественном тексте реальное событие не описывается, как таковое, это скорее ощущение после произошедшего ранее (реального) события. Каждый включенный в единое пространство цикла текст содержит в себе и тексты иных жанров: глава «Город-призрак» включает в себя тексты молитвы, стихотворения (Ф. Глинка «Москва»), воспоминание о прошлой, московской, жизни и мир, окружающей в настоящем.

Эта реальность (т.е. настоящее, в котором живет автор) повествователю невыносима – он пытается жить по другим правилам, которые сам себе устанавливает в этой другой, чужой, жизни: «слушаю – вижу – вспоминаю», «иду – считаю – вспоминаю». Воспоминания ведут его в мир, который еще недавно был так реален и близок. Он ведет за собой читателя по этому пути в мир, где царит покой и счастье, гармония и тишина. Рассматривая через эту призму тексты И. Шмелёва, можно с легкостью убедиться, что для него важно не столько пространство, сколько ощущение времени. Пространство всегда одно – Россия; даже в том случае если «земля – чужая». А вот время – всегда разное, но оно позволяет выйти на иной уровень осмысления событий, происходящих в настоящем: это Вечность, в которой сходятся все три времени. Здесь нет людей, но есть «Спас Темный», который «неусыпным взирает Оком»²⁰. Ему одному ведомо, что будет дальше. И автор, которому много открыто, ведет за собой

тех, в ком еще сохранилась вера. И потому – каждый текст, входящий в цикл, может и должен рассматриваться именно как «повесть», в которой рассказчик **поведет** читателя за собой <выделено мною. – О. Б>. Можно с уверенностью говорить о том, что в цикле Шмелёв пытался разработать особый тип повествования, созвучный времени. Осмысление поиска писателя важно тем, что в древнерусской литературе повесть не считалась жанром, этим словом обозначались разные типы повествования²¹, лишь после разделения литературы на светскую и религиозную, стал развиваться принятый в современном литературоведении вид «повести». Учитывая специфику отражения времени (особенно прошедшего) в текстах цикла «Сидя на берегу», думается, что именно этот тип повествования наиболее точно отражал замысел художника, и потому тексты имеют право называться повестями.

Анализируя текст цикла, нужно принять во внимание то, что Шмелёв «редкостный мастер русского многоцветного слова»²². Феномен художественного метода Шмелёва в том и состоит, что «через повседневную деталь просвечивает модель национальной жизни»²³. Слово для Шмелёва – не просто буквы, но глубинный смысл. И потому можно, чуть перефразируя одного из первых исследователей творчества писателя Л.А. Спиридонову, сказать: Шмелёв – редкостный мастер русского многогранного слова. Каждое слово, поворачиваясь гранью, к которой приготовлена душа, видит и осознает мир в его глубинной связи с временем прошлым и будущим.

И.А. Ильин в своей работе о творчестве Шмелёва сделал ценное открытие, утверждая, что «его слова прозрачны и в то же время насыщены. Иногда бывает так, что эта насыщенность делает самый стиль его не-сразу-прозрачным»²⁴.

Примером такой многогранности и «не-сразу-прозрачной» насыщенности может

служить название последней главы – «Вереск». Само по себе это растение представляет собой низкий вечнозеленый кустарник с мелкими листьями и лилово-розовыми цветами; для повествователя – это «тихий, сиротский, вдовий» цветок неплодной земли, пустынной, грустной; но для автора – это слово особое. Это слово веры. Простая разбивка на неправильные слоги позволяет выявить потаенный смысл: «вер-еск» (т.е. **вера-искать**). И в основе этого тоже лежит аллюзия, заставляющая читателя (особенно важного – современника писателя) доходить до самой сути в своем поиске Истины и Вечности.

Итак, каждая глава, входящая в состав цикла «Сидя на берегу», – повесть. Это подтверждается несколькими характеристиками. Прежде всего законченностью каждого отдельного текста, далее целостностью психологического ощущения текстов, указанием на реальность описываемых событий и состояний. Есть еще один характерный признак, к которому стоит присмотреться. Это – объем. Например, глава «Золотая книга» занимает всего одну страницу. Содержание этой главы заставляет вспомнить весь текст Книги человечества, его радость и скорбь. Малый объем главки объясняется прежде всего тем, что Шмелёв хотел каждого обратившегося к циклу отправить в путешествие по своей собственной памяти, заставить осознать глубину его собственного мира. Вот и получается, что объем этой главы огромен, ибо к авторскому тексту прилагается память читателя, с обязательным уточнением – память читателя-современника, которому есть что вспомнить из истории своих страданий и есть что дописать в будущее Святое Евангелие России.

Хронологически «Сидя на берегу» занимает срединное место между романами «Солнце мертвых» (1923) и «Лето Господне» (1927–1948). Но не только (вернее не столько) хронологией объясняется срединное место – скорее тут промежуточ-

ным оказывается поиск в построении и организации текста. Так, в романе «Солнце мертвых» нет прямых указаний на даты происходящего: «Какой же сегодня день? Месяц – август. А день... Дни теперь ни к чему, и календаря не надо. Бессрочнику все едино»²⁵. Первое впечатление, что это просто время послеоктябрьского Крыма. Но название Великого праздника – Преображение Господня – подталкивает ассоциативно читателя к осмыслению временного пространства, которое художник описывает внешне сдержанным, но внутренне клокочущим тоном. В последней главе эпопеи рассказчик задается вопросом: «Да какой же месяц теперь – декабрь? Начало или конец? Спутались все концы, все начала. Все перепуталось, и мой «кальвиль» на веранде – праздник Преображения! – теперь ничего не скажет. Было ли Рождество? Не может быть Рождества. Кто может теперь родиться?! И дни никому не нужны. А дни идут и идут»²⁶. Точка отсчета времени присутствует в изменившемся мире, но она не является теперь главной для осмысления тех событий, которые переживают обитатели еще недавно богатого полуострова. Новые хозяева Крыма отказались от ориентиров старого времени, но предложить взамен смогли только голод и смерть. И для людей, живущих в ожидании неотвратимого рока – смерти, остается только вера в чудо Великого Воскресения.

В цикле «Сидя на берегу» можно выделить дату, важную для осмысления композиционного центра всего художест-

венного цикла. Это – 14 сентября (по новому стилю 27 сентября) – праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Именно через эту дату происходит осмысление трехкратного упоминания в тексте слов из Молитвы и Тропаря Святому Кресту. Именно этот праздник лежит в основе осмысления автором понятия Креста Спасителя, Креста России, Креста русского народа, на долю которого выпали тяжелейшие испытания.

Композиция романа «Лето Господне» уже строится согласно хронологии годового круга²⁷. Этот роман можно назвать своеобразным завершением поисков писателя в организации временного пространства художественного произведения.

И еще – об одной проблеме, чрезвычайно важной в осмыслении данной темы. Это проблема читателя: он – не просто читатель, который живет за границей, а именно “русский” читатель, для которого предназначался этот цикл (как и все творчество). – «Мы – в испытаниях тягчайших. Мы многое познали: мир, культуру... умеем отличать ее подделки. На страшном опыте познали, что значит благородство, верность, честь, неблагодарность... Познали и важнейшее: какая это изумительная сила – любовь, братство, со-страдание, общность в горе... что значит – родина!»²⁸ Для Шмелёва это самое «со-страдание» было созвучно (точнее приравнялось) «со-творчеству», без которого немислим союз писателя и читателя.

Примечания

¹ Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Тимофеев Л.И., С.В. Турин С.В. – М., 1974. – С. 456.

² См. об этом: Долгополов Л.К. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – нач. XX века. – М.; Л., 1964; Сапогов В.А. Лирический цикл и лирическая поэма в творчестве А. Блока // Русская литература XX века: (Доктябрьский период). – Калуга, 1968; Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина (глава «Лирические циклы в поэзии Пушкина конца XX – нач. 30-х годов.». – Л., 1975; Фоменко И.В. О поэтике лирического цикла. – Калинин, 1984; Дарвин М.Н. Русский лирический цикл: Проблемы теории и анализа. – Красноярск, 1988; Ляпина Л.Е. Циклизация в русской литературе XIX века. – СПб., 1999 и др.

- ³ Одним из первых затронул ее В. Афанасьев в монографии: Афанасьев В.И. А. Бунин: Очерки творчества. – М., 1966; далее – к этой проблеме обращались исследователи И. Фигурновский, Н. Смирнов, О. Михайлов, Н. Кучеровский, М. Штерн, Н. Евстафьева и др.
- ⁴ См.: Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. Николюкина А.Н. – М., 2001. – Стлб. 1189.
- ⁵ Дарвин М.Н. Цикл. // Введение в литературоведение: Литературное произведение. – М., 1999. – С. 487.
- ⁶ Зайцев Б.К. Слово о Родине // Зайцев Б.К. Сочинения. – М., 1993. – Т. 2. – С. 6.
- ⁷ Чёрный С. Сказка о лысом пророке Елисее, о его медведице и о детях // Чёрный Саша. Собрание сочинений. – М., 1996. – Т. 5. – С. 457.
- ⁸ Шмелёв И.С. Удар в душу // Шмелёв И.С. Собрание сочинений. – М., 1999. – Т. 7. – С. 455.
- ⁹ Шмелёв И.С. Пути мертвые и живые // Шмелёв И.С. Собрание сочинений. – М., 1999. – Т. 7. – С. 329.
- ¹⁰ Сорокина О.Н. Творческий путь И.С. Шмелёва в эмиграции // Венок Шмелёву: к 15-летию Российского фонда культуры и 5-летию фонда «Москва – Крым» / Сост. Спиридонова Л.А., Шотова О.Н. – М., 2001. – С. 86.
- ¹¹ Шмелёв И.С. Сидя на берегу // Шмелёв И.С. Собрание сочинений. – М., 2001. – Т. 2. – С. 198; далее будут указываться после фамилии автора только страницы этого издания.
- ¹² Шмелёв. – С. 216.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Бальмонт К.Д. Где мой дом? [Худож. сб.] / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд В. – М., 1992. – С. 361.
- ¹⁵ Руднева Е.Г. Иконописная традиция в эмигрантском творчестве И.С. Шмелёва // Венок Шмелёву. – С. 179.
- ¹⁶ См.: Закон Божий / Сост. протоирей Серафим Слободский. – Репр. изд. – М., 1991. – С. 681–688.
- ¹⁷ Шмелёв. – С. 206.
- ¹⁸ Шмелёв. – С. 216.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Шмелёв. – С. 205.
- ²¹ См.: Ранчин А.М. Повесть древнерусская // Литературная энциклопедия терминов и понятий... – Стлб. 754.
- ²² Спиридонова Л.А. Феномен Шмелёва: Итоги и перспективы изучения // Венок Шмелёву... – С. 135.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин – Ремизов – Шмелёв // Ильин И.А. Собрание сочинений. – М., 1996. – Т. 6, Кн. 1. – С. 352.
- ²⁵ Шмелёв И.С. Солнце мертвых // Шмелёв И.С. Собрание сочинений. – М., 2001. – Т. 1. – С. 456.
- ²⁶ Там же. – С. 630.
- ²⁷ См.: Дунаев М.М. Духовный путь И. Шмелёва // Венок Шмелёву... – С. 148–149.
- ²⁸ Шмелёв И.С. Слово // Шмелёв И.С. Собрание сочинений. – М., 1999. – Т. 7. – С. 496.

Л.В. Суматохина

ПЛАСТИЧНОСТЬ ХАРАКТЕРА ГЕРОЯ В ПРОЗЕ ГАЙТО ГАЗДАНОВА

«Всякий писатель должен прежде всего создать в своем творческом воображении целый мир, который, конечно, должен отличаться от других – и только потом о нем стоит, быть может, рассказывать...», – писал Гайто Газданов в статье «О молодой эмигрантской литературе»¹. Создавая свой художественный мир, писатель конструирует необычное представление о человеке, которое и находит непосредственное отражение в образах персонажей. В процессе восприятия художественного текста происходит обратный процесс. Как пишет С.Г. Бочаров, «усваивая литературных героев, читатель «незаметно» усваивает отлившийся в них авторский взгляд на человека и мир»².

Важнейшая роль и сложная природа литературного характера заключается в том, что «он в то же время результат художественного познания и его инструмент». Так, «“диалектика души” у Толстого – не только функция каких-то определенных характеров, она – *метод* анализа *разных* характеров, качество творческого сознания писателя, она составляет особенность *художественного характера* у Толстого»³.

Пластичность характера в прозе Газданова мы можем рассматривать как особое, характерное качество художественного мира писателя, тесно связанное с его мировосприятием.

В «обычном» человеке и его жизни, по Газданову, заключены неограниченные возможности. «В каждом человеческом существовании, если вам удастся анализировать его до конца, есть тысячи потрясающих вещей. <...> В жизни почтового чиновника может быть заключен огромный поэтический смысл, в любви какого-нибудь еврейского коммерсанта удивительная лирическая глубина и так далее»⁴, – эта выбранная почти наугад цитата чрезвычайно характерна для писателя.

Герой Газданова может стать кем угодно и каким угодно в любой момент романного времени, «вчерашний герой может стать преступником или порядочный человек растратчиком чужих денег.

СУМАТОХИНА
Любовь
Валерьевна,
кандидат
филологических
наук,
ИМЛИ РАН

Я знал профессионального вора, который стал <...> знаменитым артистом, знал профессора философии, который стал нищим и бродягой, знал людей, которые, казалось, могли дать многое и не дали ничего, и знал других, над невежественностью которых все смеялись и которые стали учеными» (2, с. 670)⁵.

«Колебания» между противоположными, несовместимыми состояниями тела и духа могут происходить с героями на протяжении одних суток. Так, герой-повествователь романа «Призрак Александра Вольфа» утром кажется себе одним человеком, а вечером – совсем другим: «Каждое утро, когда я просыпаюсь, я думаю, что именно сегодня по-настоящему начинается жизнь, мне кажется, что мне немногим более 16 лет и что тот человек, который знает столько трагических и печальных вещей, тот, который вчера ночью засыпал на моей кровати, мне чужд и далек, и я не понимаю ни его душевной усталости, ни его огорчения. И каждую ночь, засыпая, я чувствую себя так, точно я прожил очень долгую жизнь и все, что я из нее вынес, это отвращение и груз долгих лет. И вот идет день, и по мере того как он подходит к концу, эта отравленная душевной усталости все глубже и глубже проникает в меня» (2, с. 57).

В прозе Газданова множество форм, в которых проявляется пластичность характеров. Среди них:

- постепенное и всегда неожиданное раскрытие ранее не известных читателю особенностей личности героя, событий его жизни;
- соединение в одном характере крайне противоречивых черт;
- «двойная жизнь» героев, их дар перевоплощения, способность вводить окружающих в заблуждение относительно своей личности;
- свойственная персонажам способность развивать, под влиянием людей или обстоятельств, абсолютно новые черты

характера, кардинально менять образ жизни и род занятий;

- а также способность смело выходить за рамки поведения, диктуемого окружением (например, криминальным).

Первое, что становится очевидным при попытке суммировать впечатления от произведений Гайто Газданова, – это изначальная дисгармония, некая душевная аномалия, которая мешает героям почувствовать себя счастливыми или кажется странной окружающим их людям. Таковы Николай Соседов в романе «Вечер у Клэр», Елена Николаевна из «Призрака Александра Вольфа», Роберт Бертье («Пилигрим»), Андрей («Эвелина и ее друзья») и другие: «Болезнь, создававшая мне неправдоподобное пребывание между действительным и мнимым, заключалась в неумении моем ощущать отличие усилий моего воображения от полных, непосредственных чувств, вызванных случившимися со мной событиями. Это было как бы отсутствие дара духовного озарения» («Вечер у Клэр», 1, с. 47); «В ней был несомненный разлад между тем, как существовало ее тело, и тем, как вслед за этим упругим существованием, медленно и отставая, шла ее душевная жизнь» («Призрак Александра Вольфа», 2, с. 63).

В романе «Эвелина и ее друзья» даже свое профессиональное занятие литературой герой-повествователь расценивает как некое отклонение от нормы: «Писатель, вообще говоря, это человек с каким-то глубоким недостатком, страдающий от хронического ощущения неудовлетворенности. Его личная жизнь не удалась и не может удалась, потому что он органически лишен способности быть счастливым и довольствоваться тем, что у него есть. Он не знает, что ему нужно, не знает, что он собой представляет, и не верит до конца своим собственным ощущениям. Вся его литература – это попытка найти себя, остановить это движение и начать жить как нормальные люди... Когда он пишет книгу, у него есть смутная надежда, что

ему удастся избавиться от того груза, который он несет в себе. Но эта надежда никогда не оправдывается» (2, с. 617).

Такая особенность характеров героев, как правило, становится отправной точкой их развития, пластичного изменения. В движении сюжета иногда трудно уловить кульминацию, особенно если сюжетных линий несколько, однако в нем явственно выделяется событие, которое вносит гармонию в душевный строй персонажа.

Сюжет в прозе Газданова следует за развитием характера, отбор событий и их последовательность в большой степени определяется необходимостью изменения, а часто и полной трансформации характера героя. Похожее соотношение сюжета и характера отметил С.Г. Бочаров в романах Ф.М. Достоевского, в которых «сюжет понимается как “поле действия”, необходимое, чтобы раскрыть характер»⁶.

«Случайное» событие в произведениях Газданова может неожиданно выдвинуться на первый план, поскольку оказывает решающее влияние на изменение жизни героя и его сознания. В качестве примера можно назвать «случайный литературный заказ», выполняемый одним из героев романа «Эвелина и ее друзья» – Артуром: «Впервые за все время Артур стал понимать, что в его несчастном и нелепом существовании было еще что-то, о чем он до сих пор думал только урывками и изредка, – какое-то гармоническое представление об искусстве и проникновение в то, что вдохновляло художников, поэтов и композиторов, о которых он писал. И то расстояние, которое было между его представлением о том, каким он был, и тем, каким он хотел бы быть, это расстояние теперь начинало сокращаться. И в этом был главный смысл его теперешней литературной работы» (2, с. 728).

Часто событием, в результате которого характер персонажа существенно изменяется, а герой обретает наконец собственно «я», становится долгожданная встреча с женщиной, воплощение мечты о подлинной любви (встреча Николая Соседова с Клэр,

рассказчика с Еленой Николаевной, Роберта с Жаниной и т.д.). Иногда, впрочем, к таким переменам внутреннего мира героев приводит изменение внешних обстоятельств, например, материальной стороны жизни персонажа – превращение нищего в богача в романе «Возвращение Будды».

Поведение и мировосприятие героя романа «Эвелина и ее друзья» Андрея резко изменяется после насильственной смерти его брата Жоржа. Это едва ли не единственное событие в сюжетной «линии», связанной с этим персонажем. Знакома читателя с ним, повествователь так характеризует Андрея: «Он был инженер, очень милый человек, отличавшийся необыкновенной чувствительностью... Он боялся всего – темноты, больших пространств, грозы, вида крови. То, что для других людей составляло обычное существование, было для него жестоким испытанием, и каждый поступок, который он должен был совершить, требовал от него особенного усилия» (2, с. 569). Смерть брата, которого он ненавидел, дает ему финансовую независимость и возможность «жить так, как хотел жить всегда» (2, с. 575). «Он очень изменился за эти дни, и от его прежней неуверенности в себе не осталось следа. Казалось, что смерть его брата подействовала на него так благотворно, как не мог бы подействовать никакой курс лечения» (2, с. 574).

Это первое по порядку «превращение» в романе «Эвелина и ее друзья». За ним последует еще несколько: каждую сюжетную линию, связанную с тем или иным героем, писатель доводит до изменения или полного преобразования его характера. Приведем еще один пример. «Она была по типу южанка – густые волосы, темные глаза, смуглая кожа. Но холодное выражение ее лица резко противоречило этому ее южному облику», – таково исходное описание героини романа «Эвелина и ее друзья» мадам Сильвестр, возлюбленной Мервилья (2, с. 630). Как только устранена смертельная опасность, угрожающая им обоим, героиня преобразается к изумлению окру-

жающих: «От прежней ее холодности не осталось и следа, я неоднократно слышал ее смех и никогда больше не замечал у нее того неподвижного взгляда, который раньше производил на меня такое тягостное впечатление» (2, с. 739).

Именно такие кардинальные и неожиданные изменения личности привлекают Газданова. В его произведениях встречается множество синонимов для их обозначения: превращение, изменение, метаморфоза, воплощение, перевоплощение и др.

От «диалектики души» и психологизма XIX в. газдановский художественный метод очень отличается тем, что перед читателем открываются лишь неожиданные результаты скрытых и загадочных душевных процессов. В прозе Газданова нет детального психологического анализа, большая часть промежуточных звеньев между принципиально отличающимися модификациями характера опускается. Человеческий характер предстает как загадочное явление, полное самых неожиданных потенциальных возможностей. Читателя держит в напряжении эта загадка характера, стремление понять причину и природу его пластичной трансформации.

К искажениям, дисгармонии в душе героя, о которых шла речь выше, приводит, как правило, намеренное или случайное отклонение от предназначенного пути или образа жизни.

Обстоятельства в художественном мире Газданова или благоприятствуют выявлению подлинного облика человека, или искажают его. Сверхзадача сюжета произведения, событий, в которые вовлечен герой, его поступков, – устранение дисгармонии, обретение возможности быть самим собой. К этому воплощению и ведет нас автор. Оно, как правило, становится развязкой сюжета или сюжетной линией.

«Объяснение заключается в том, что я всегда был по природе человеком уравновешенным и спокойным и всегда стре-

мился к той жизни, которая соответствовала бы моему характеру, – убежден Андрей. – ...Таким я был создан, понимаешь? Но все было против меня... я не мог быть самим собой» (2, с. 696–697).

О том же самом в романе «Пилигримы» говорит Фрэнк Роже: «Сейчас ты становишься таким, каким ты был бы всегда, если бы тебя не искалечили внешние обстоятельства» (2, с. 423). Роже помогает своему подопечному стать самим собой – таким, каким он был создан.

Настоящим чудом в романе «Пробуждение» названо возвращение человеческого облика Анны Дюмон – Мари; это чудо совершается усилиями одного, притом самого обычного, «среднестатистического» человека. При этом оба героя в своей «третьей жизни» обретают счастье и смысл существования: и Пьер, утративший его после смерти матери, и Анна, никогда не чувствовавшая себя счастливой в своей довоенной жизни – при полном материальном благополучии. Миф о Пигмалионе и Галатее не случайно становится одним из важнейших для Газданова архетипов, а происходящие с героями кардинальные перемены сравниваются с сюжетами греческих мифов.

В прозе Газданова наблюдается еще одно проявление пластичности характера героя: некоторые персонажи имеют склонность утрачивать четко очерченные границы своего «я». Их представление о своей жизни становится причудливым и неопределенным, как, например, у Анжелики в романе «Эвелина и ее друзья»: «Это представление смешалось в зависимости от степени ее опьянения – и тогда менялись города, названия стран, даты, события и имена, так что разобраться в этом было чрезвычайно трудно. То она была вдовой генерала, то женой морского офицера, то дочерью московского купца, то невестой какого-то министра, то артисткой, и если бы было можно соединить все, что она говорила о себе, то ее жизнь отличалась бы

таким богатством и разнообразием, которых хватило бы на несколько человеческих существований» (2, с. 595).

К таким же иллюзорным превращениям можно отнести впечатления влюбленного Мервиля о покоривших его воображение женщинах: «Ты встречаешь какую-то женщину, и через некоторое время она перестает быть такой, какой была до этого, с ней происходит необыкновенное превращение. Выясняется, что она всегда любила Рильке, что она предпочитала Ван Гога Гогену, что она как никто другой поняла гений Донателло, что она не может оторваться от книг Паскаля. Но все это результат твоего восторженного бреда... Ты награждаешь ее душевными качествами, которых у нее нет и никогда не было» (2, с. 618–619).

Писатель – герой, от имени которого ведется повествование в романе «Эвелина и ее друзья», – размышляет о перевоплощении в своих персонажей, «когда нужно было закрыть глаза, забыть обо всем, освободиться от ощущения своего тела и, погрузившись в далекую глубину чего-то потерянного бесконечно давно, вернуться к действительности – на несколько страниц – восьмидесятилетним стариком и хрустящими суставами или отяжелевшей женщиной, которая ждет ребенка» (2, с. 556).

Как собственный духовно-психологический опыт переживает подобные превращения герой-повествователь в романе «Возвращение Будды». Его душевная аномалия, психологическая странность связана с утратой границ собственного «я», с неконтролируемыми перемещениями в другие жизни, чужие тела, иную реальность.

Органичной составляющей художественного мира Газданова становятся буддийские понятия: нирвана, переселение душ, прошлые жизни, дхарма – предназначение, перевоплощение и др. В том или ином контексте они звучат в устах персонажей и находят выражение даже в заглавиях некоторых романов и рассказов: «Возвращение Будды», «Пробуждение»,

«Третья жизнь». Правда, каждое из этих понятий трактуется нетрадиционно, «обманывая» читательские ожидания, однако тень первоначально возникшей ассоциации сохраняется, и мы вовлекаемся в поиск иного смысла событий, разворачивающихся на «реальном» плане художественного мира.

Один из вариантов возможных психологических мутаций раскрыт в романе «Призрак Александра Вольфа» и рассказе «Превращение». Утрата душевного тепла и смысла существования в результате столкновения со смертью приводит к превращению человека в «призрак», выжженную оболочку, оставшуюся от полного жизни существа. В этом превращении нет почти ничего мистического, потустороннего, однако такой «призрак» оказывается не менее опасным для душевного здоровья и жизни других людей.

Налет мистики почти всегда в той или иной степени ошутим в романах Газданова. Однако чаще всего писатель останавливается на грани «реального» и «мистического», удерживая своих героев в рамках жизнеподобной действительности. И все же реальность эта, образно выражаясь, полупрозрачна, призрачна, сквозит возможностью иного бытия: «Необыкновенное, никогда до тех пор не испытанное им чувство охватило его. Ему вдруг показалось, что он живет бесконечно давно и знает очень много вещей, которые он неизвестно почему забыл почти безвозвратно <...>. Было не только воспоминание о забытом, было еще сознание того, что есть какой-то другой мир, чем-то, быть может, похожий – по своей тишине и вечности, по величественному его спокойствию – на этот лес, на эти миллионы и миллионы листьев, на это соединение света, земли и деревьев» («Пробуждение», 2, с. 456–457).

«Призрак», «неожиданные и необъяснимые... превращения» (2, с. 670), «пробуждение», возвращение Будды – всему этому дано вполне реалистическое объяснение, но при этом сохраняется налет

тайны, присутствие иррационального, его холодок. Пластичность характеров героев оказывается непосредственно связанной с элементами «магического реализма», которые включает в себя художественный метод Газданова.

Писатель нередко обращается к парадоксам человеческой психологии, к способности человека совмещать в своем характере причудливую комбинацию разнородных и противоречивых черт. Так, брат Андрея Жорж («Эвелина и ее друзья») – патологически скупой и мрачный человек – обладает тончайшим поэтическим даром: «Жорж, как никто из нас, чувствовал движение гласных, перемещение ударений и все оттенки смысла в каждом стихотворении. То, что он писал сам, мне всегда казалось замечательным» (2, с. 596). А, к примеру, у «старого преступника в отставке» может быть «душа бедной горничной, которая читает со слезами бульварные романы» (2, с. 705).

Пластичность характера в произведениях Газданова является особенностью не только главных героев. Второстепенные персонажи наделены ею не в меньшей степени. Иногда их история, не связанная, на первый взгляд, с магистральной линией сюжета, представляет собой рассказ о «превращении», удивительной метаморфозе. Так, на последних страницах романа «Пробуждение» автор знакомит нас с родственником и другом Анны, которому она рассказывает историю своего чудесного исцеления: «Бернар был любимым племянником отца Анны. В ранней своей молодости он не отличался примерным поведением, крупно играл в карты, водился с сомнительными людьми, пил, проводил ночи в кабаках и все никак не мог уюмониться – до того, как после очень крупного скандала он дал отцу Анны слово вести себя иначе, и с этого дня изменился: стал усердно учиться, сдал все экзамены и поступил на службу, где прекрасно себя зарекомендовал. – Вот говорят, что метаморфоз не бывает, – ска-

зал после этого отец Анны. – Очень даже бывают. То, что случалось с Бернаром, в своем роде не менее удивительно, чем то, о чем рассказывается в греческой мифологии» (2, с. 548).

Во всех своих многообразных проявлениях пластичность характера воспринимается как важнейшее свойство художественного зренья Газданова, сердцевина его представления о человеке и мире.

«Ночные дороги», например, содержат множество историй превращения вполне уважаемых людей в обитателей парижского «дна»: «Превращения, которые происходили с людьми под влиянием перемен условий, бывали настолько разительны, что вначале я отказывался им верить. У меня получалось впечатление, что я живу в гигантской лаборатории, где происходит экспериментирование форм человеческого существования, где судьба намеренно превращает красавиц в старух, богатых в нищих, почтенных людей в профессиональных попрошайек, – и делает это с удивительным, невероятным совершенством» (1, с. 491).

«Ночные дороги» – самая печальная книга Газданова, одним из главных объектов пристального авторского внимания в ней становится легкость, простота, с которой совершается деградация человека, его падение, превращение живого одухотворенного существа в убогое и ограниченное, влачащее свое существование на грани жизни и смерти. Знаком такого превращения становится, например, полупрозрачная пленка во взгляде проституток, напоминающая «беспощадную свинцовую пленку» (1, с. 581) на глазах умершей женщины. «И мне никогда не удалось никого спасти и удержать на краю этого смертельного пространства, холодную близость которого я ощущал столько раз», – с отчаянием констатирует повествователь (1, с. 581).

Газданова интересуют люди, в которых сохраняется искра жизни, столь заметная на фоне мутной парижской ночи,

как, например, «нежные глаза» Ральди или безупречный французский язык Платона и его интерес к «абстрактным» предметам. Ральди и Платон – единственные люди, к которым герой-повествователь относится с нескрываемой симпатией и сочувствием, несмотря на то что их жизнь разрушена, и они стали неотъемлемой частью ночного Парижа, вызывающего у повествователя отвращение.

Сам повествователь, работающий ночным таксистом, каждый день волевым усилием сбрасывает с себя оцепенение мутной ночной жизни, переживает обратное превращение, возвращение к другой жизни.

Такое превращение становится сюжетом послевоенных романов Газданова, что позволило исследователям находить в них элементы утопии (Красавченко Т.Н.⁷) и черты сказочной поэтики (Нечипоренко Ю.Д.⁸).

В системе образов романа «Пилигримы» свойственная Газданову пластичность в изображении персонажей проявилась, с нашей точки зрения, в наибольшей степени. Случайная встреча Роберта Берты с Жаниной становится завязкой романного действия. Для Газданова эта «счастливая случайность» – уникальная возможность для обоих героев изменить качество своей жизни. Жанина спасена от участи проститутки, Роберт – от душевной летаргии, чувства, что «жизнь проходила мимо него» (2, с. 282).

Ощущение полноты существования приходит к Роберту вместе с осознанием, что он может повлиять на судьбу Жанины, изменить, одухотворить ее существо. Миф о Пигмалионе и Галатее, ставший основой сюжета романа «Пробуждение», в «Пилигримах» оказывается в подтексте сюжетной линии, которая связана с отношениями Роберта и Жанины. Перед нами опять сюжет, связанный с чудесным возвращением из небытия.

Отметим как особенность стиля крайнюю неопределенность Газданова в описании изменений, переживаемых героями: это «новое выражение», которое замечает в лице Роберта его мать; ощущение Ро-

берта, что голос Жанины «стал звучнее, чем вчера» (2, с. 291). Неопределенность, неуловимость и вместе с тем глубина этих изменений особенно заметны в образе Жанины: «В те редкие часы, когда она оставалась одна и смотрела на себя в зеркало, она не узнавала своего собственного лица. У нее потемнели и углубились глаза, и в них появилось выражение, которого она не могла определить сама и которое, вероятно, показалось бы чужим и далеким для всех, кто так хорошо знал ее раньше...» (2, с. 304–305). «За эти несколько месяцев она совершенно изменилась во всем, вплоть до походки и интонаций ее негромкого голоса. Та природная мягкость, которая была в ней всегда, приобрела особый оттенок. (...) Она впитывала в себя как губка то, чему он ее учил, и следовала за ним с легкостью, которая его удивляла» (2, с. 416). Голос, глаза, их выражение, походка и пластика движений – вот те внешние черты, в которых проявляется перемена, произошедшая с духовной сущностью героини. Ключевыми в описании ее внешних проявлений можно считать слова с семантикой глубины: «глубокий», «глубина», «углубились».

Если, по словам Л.Я. Гинзбург, «психологический роман XIX в. показал человека, обусловленного исторически и социально»⁹, то человек как существо социальное интересует Газданова в малой степени. Его герой – человек как таковой, лишенный возможности найти надежную опору в своем социальном статусе, богатстве и других внешних признаках защищенности и стабильности. В основе такого понимания человека и его возможностей – жизненный опыт писателя, принадлежавшего, как пишет Т.Н. Красавченко, «к так называемому “незамеченному поколению”¹⁰, лишенному социальной миссии»¹⁰. В его подходе к художественному исследованию человека проявились и некоторые типологические особенности литературного характера в художественной прозе XX в.: «Современный реализм в целом основывается на изменяющемся

представлении о личности, законе ее судьбы и самой механике, внутреннем строении и организации. Роман XX в. берет обычного “среднего” человека, бывшего мелкой частицей буржуазной действительности, имевшего в ней более или менее определенное “место”, и лишает его этой определенности, устойчивости существования...»¹¹

Выстраивая систему образов персонажей, Гайто Газданов задействует лишь самую приблизительную стратификацию общества – «богатые – бедные», то и дело подчеркивая условность этого разделения. Более того, условность социальных границ, как и способность человеческого характера к внезапным трансформациям, становится предметом рефлексии автора-повествователя и персонажей, как, например, в рассказе «Панихида»: «Глядя на Володю, я нередко возвращался к мысли о том, насколько условны могут быть так называемые социальные различия: этому бездомному человеку следовало бы быть собственником крупного ювелирного магазина где-нибудь на rue du Faubourg St. Honore» (3, с. 584).

Гораздо более важным фактором, разделяющим людей, оказывается способность и желание овладеть «той совокупностью понятий, которая определялась словом “культура”»: это было то, чего нельзя было не знать» (2, с. 342). Именно это становится пробным камнем способности характера героя к благотворным переменам.

В «Ночных дорогах» непроходимая пропасть лежит не между социальными кланами, а между людьми, которым доступен мир человеческой культуры, и теми, кто не верит в свою возможность приобщиться к нему или вообще не знает о существовании мира красоты человеческого духа и отвлеченных понятий. Приведем выразительный диалог, состоявшийся в кафе – основном месте действия «Ночных дорог»: «Он заговорил о лотерее и сказал,

что она похожа на солнце; как солнце вращается вокруг земли, так крутится колесо лотереи.

– Солнце не вращается вокруг земли, – сказал я ему, – это точно; и лотерея не похожа на солнце.

– Солнце не вращается вокруг земли? – спросил он иронически. – А кто тебе это сказал?» (1, с. 474).

Повествователь в «Ночных дорогах» вновь и вновь приходит к мысли о тех непроходимых границах, которые разделяют людей одной эпохи, как если бы они относились к абсолютно разным временам и народам: «Я возвращался домой обычно в пятом или шестом часу утра, по неизвестным пустым и сонным улицам. Иногда я проезжал через Центральный рынок – и, я помню, меня особенно поразило, когда я впервые увидел людей, запряженных в небольшие тележки, в которых они везли провизию; я смотрел на обветренные лица и на особенные их глаза, точно подернутые прозрачной и непроницаемой пленкой, характерной для людей, не привыкших мыслить, – такие глаза были у большинства проституток – и думал, что, наверное, то же, вечно непрозрачное, выражение глаз у китайских кули, такие же лица были у римских рабов – и, в сущности, почти такие же условия существования. Вся история человеческой культуры для них не существовала никогда, – как не существовала история вообще, смена политических режимов, кровавое соперничество идей, расцвет христианства, распространение письменности... все великолепие культуры, сокровища музеев, библиотек и консерваторий, тот условный и торжественный мир, который связывает людей, причастных ему и живущих за десятки тысяч километров друг от друга, эти имена – Джордано Бруно, Галилей, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Моцарт, Толстой, Бах, Бальзак – все это были напрасные усилия человеческого гения – и вот прошли тысячи и сотни лет цивилизации, и снова, на рассвете зимнего или

летнего дня, запряженный системой ремней тот же вечный раб везет свою повозку» (1, с. 517–518).

Неизменность существования, дурная бесконечность, неспособность к малейшим изменениям – вот что гнетет повествователя, в представителях какого бы социального слоя он ни заметил их проявления.

Рабочие на фабрике, к которым он относится без всякой доли снобизма и чувства превосходства, неспособны ни в малейшей степени изменить обстоятельства своей жизни и не желают этого: «Я помню, мне никак не удавалось объяснить моим товарищам по работе, что я поступаю в университет, они не могли этого понять.

– Чему же ты будешь учиться? – Я отвечал, подробно перечисляя предметы, которые меня интересовали. – Ты знаешь, ведь это трудно, нужно знать много особенных слов, – говорили они. Потом один из них наконец заявил, что это невозможно; чтобы поступить в университет, нужно окончить среднее учебное заведение, лицей, в котором могут учиться только богатые люди. Я сказал, что у меня есть нужный аттестат. Они недоверчиво качали головами, и одна работница мне посоветовала бросить эти никому не нужные вещи, она говорила, что это не для нас, рабочих...» (1, с. 486). Столь же не способными изменить или откорректировать свои убеждения оказываются университетские профессора.

В «Пилигримах» приобщение к общечеловеческой культуре «запускает» процесс поразительного превращения героев в совсем других людей. Благодаря усилиям Роберта Жанина легко утрачивает манеру речи и поведения, «по которой можно было безошибочно определить ее социальное положение» (2, с. 342).

Еще более убедительным примером полной трансформации персонажа можно считать образ Фрэда – показательного для Газданова «криминального» героя. Психологический тип преступника Газданов характеризует посредством таких особен-

ностей, как «психология преследуемого и полное отсутствие отвлеченных понятий» (2, с. 742). Незаурядная натура Фрэда проявляет себя в сомнениях, «что жизнь, которую он ведет, действительно стоит той жестокой борьбы за нее, какую ему приходится выдерживать» (2, с. 349). Спор двух интеллектуалов о европейской культуре, который он однажды слышал, сидя на террасе кафе, пробуждает в нем недоумение и понимание, что есть какая-то другая жизнь, ему недоступная: «О чем спорили эти люди? Он ничего не понял из того, что сказал первый, ни из того, что ответил второй. И какое значение в жизни каждого из них могла иметь история европейской культуры? Чем они оба занимались? Каким ремеслом? Он повторял про себя: эллинское наследство, христианство, классификация, иррациональная область, – это звучало как непонятные слова иностранного языка. <...> То, что Фрэд не мог бы принять участия в их споре, было не так важно. Важно было другое: почему такие вопросы могли интересовать этих людей и в чем было значение этих вопросов» (2, с. 350).

Изменения, которые претерпевает этот герой, осмысляются в категориях «смерть» – «новое рождение». В романе «Пилигримы» это единственный персонаж, трансформация которого нарочито подчеркнута сменой имени. Полная, абсолютная трансформация характера героя, подлинное превращение в другого человека, как правило, сопровождается в художественном мире Газданова его переименованием. Новое имя символически закрепляет процесс перерождения и чаще всего является возвращением истинного, утраченного когда-то имени: мадам Сильвестр оказывается Лу Дэвидсон («Эвелина и ее друзья»), Мари – Анной Дюмон («Пробуждение»).

Кардинально меняя свою жизнь, Фрэд возвращает свое настоящее имя – Франсис. Таким образом, герой выходит за рамки собственного представления о мире, навязанного ему условиями жизни, и это чрезвычайно расширяет спектр его

возможностей. Преступник становится помощником собирателя трав.

Сила, разум, смысл, любовь – все таится в глубине человеческого сознания и поднимается на поверхность, когда человеку, замкнутому в ограниченном мире понятий и переживаний, бросается вызов. Таким вызовом для Роберта становится необходимость защитить жизнь Жанины и свою собственную от преступника, для Фрэда – неожиданное поражение в столкновении с Робертом, для Жанины – становление в новой среде и новом качестве, для сенатора Симона – осознание неизбежности смерти и бессмысленности прожитой жизни.

Важным моментом переживаемой героями духовной трансформации становятся воспоминания о прожитой жизни. Довольно пространные и многочисленные экскурсы в прошлое замедляют повествование, придают ему особый ритм и пластику.

Иррациональное, нестандартное поведение персонажей – характерный пластический прием Газданова, вынуждающий читателя постоянно корректировать сформировавшийся и уже «затвердевающий» в его сознании образ. Неожиданные свойства характера проявляет, например, Роберт Бертье. Его решение оставить Жанину у себя вызывает радостное удивление отца: «...Первый раз за все время ты поступил как живой человек, а не как ходячая библиотека» (2, с. 306–307). Не менее удивительно для «вялого» интеллектуала, каким кажется Роберт в начале романа, то, что, защищая Жанину от Фрэда, он оказывается способным дважды отправить вооруженного преступника в тюремную больницу. Совершенно неожиданно читатель узнает о том, что Роберт «немного» занимался боксом; не говорилось же об этом потому, что персонаж сам не придавал этому значения: эти навыки были не востребованы в его реальной жизни, так же как и книжные знания.

Пластичность характеров персонажей подчеркивается такой особенностью по-

этики романа, как система зеркальных образов. Две главные сюжетные линии, изредка соприкасаясь, развиваются параллельно: преобразование Жанины под воздействием Роберта, и Фрэда – Франсиса – под влиянием Роже. Сопоставляя эти сюжетные линии, мы находим несколько идентичных эпизодов (чтение книг, исповедь-воспоминание, пребывание в провинции – в изоляции от города и привычного окружения). Похожее влияние оказывает на судьбу Жерара Лазарис, прощая ему все долги и давая возможность начать другую жизнь.

Зеркально отраженными друг в друге становятся не сами образы, а те изменения, которые в них происходят или могут произойти, и которые обусловлены текучестью, пластичностью образа героя в прозе Газданова. Валентина Симон во многом копирует судьбу своей матери Анны. Мельком упоминаемая печальная история Марго – отражение судьбы, от которой Роберт Бертье спас Жанину.

Бессмысленность прожитой жизни становится очевидной для богатого сенатора Симона; столь же бессмысленно печальное превращение Соланж Бертье из очаровательной женщины в ограниченное и скучное существо.

Отметим еще одну параллель: зеркально отражаются друг в друге сюжетные линии Роберта, который стремится дополнить хорошо знакомый ему мир культуры реальным жизненным опытом, и Фрэда, расширяющего свои убогие и ограниченные представления о жизни при помощи книг. «Ты знаешь, я начинаю думать, что из тебя вышел бы неплохой гангстер», – замечает Жанина Роберту в ответ на рассказ о последнем «визите» Фрэда (2, с. 407).

Становление характеров и образа жизни героев «Пилигримов» изображается как непрерывное путешествие, направление которого необходимо вспомнить и затем следовать ему. Название романа

представляет собой метафору, смысл которой отчасти поясняет реплика Лазариса: «Мне кажется, Жерар, что мы все похожи на пилигримов, которые в пути забыли о цели их странствия» (2, с. 414).

Глубинная связь мотива странствия и пластичности характера героя в творчестве Гайто Газданова верно подмечена Т.Н. Красавченко: «Его персонажи – странники, они совершают чреватые непредсказуемыми поворотами и духовными метаморфозами, реальные и метафорические путешествия к конечному пункту назначения – смерти. Сущность человека часто не видна окружающим и не всегда ясна ему самому, нужна экстремальная ситуация, чтобы обнажить скрытое»¹².

В своей жизни Газданов имел возможность наблюдать легкость трагических превращений: людей социально благополучных в обитателей «дна». Жизнь его героев разворачивается в опасной близости к криминальному миру. В том мире,

который они населяют, нет никаких гарантий, нет надежных рамок, отделяющих одно сословие от другого, нет стабильности. Сам человек, как и его жизнь, могут измениться в мгновение ока. Но в этом и источник газдановского оптимизма.

Человек, способный противостоять сокрушительным обстоятельствам, оформить свой тяжелейший жизненный опыт в категориях общечеловеческой культуры, посредством утонченного, прозрачного, чистого языка, – таков образ автора и близкого ему героя-повествователя в произведениях Газданова.

В поздних романах в пластичных образах персонажей он создает модель жизненного поведения, которое позволяет им сознательно выбирать маршрут и направление своего жизненного путешествия. В этой особенности художественного мира Газданова – одна из причин обаяния, гармоничности и благотворного воздействия его прозы на сознание читателя.

Примечания

- ¹ Газданов Г. Черные лебеди / Сост., вступит. статья и примеч. Ст. Никоненко. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – (Ностальгия). – С. 375.
- ² Бочаров С.Г. Характеры и обстоятельства // Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении: Образ, метод, характер / АН СССР. ИМЛИ им. А.М. Горького. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. – С. 312–451; С. 321.
- ³ Там же, с. 321.
- ⁴ Газданов Гайто. <Когда я вспоминаю об Ольге...> // Возвращение Гайто Газданова. – М.: Русский путь, 2000. – С. 223
- ⁵ Произведения Гайто Газданова цитируются по изданию: Газданов Г. Собрание сочинений: В 3 т. – М.: Согласие, 1996.
- ⁶ Бочаров С.Г. Характеры и обстоятельства // Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении: Образ, метод, характер / АН СССР. ИМЛИ им. А.М. Горького. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. – С. 312–451; С. 444.
- ⁷ Красавченко Т.Н. Газданов // Русские писатели XX в.: Биографический словарь / Гл. ред. и сост. П.А. Николаев. – М.: Большая Российская энциклопедия: Рандеву-АМ, 2000. – С. 171–173.
- ⁸ Нечипоренко Ю.Д. Таинство Газданова // Возвращение Гайто Газданова. – М.: Русский путь, 2000. – С. 179–186; С. 181.
- ⁹ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. – М.: INTRADA, 1999. – С. 229.
- ¹⁰ Красавченко Т.Н. Газданов и масонство // Возвращение Гайто Газданова. – М.: Русский путь, 2000. – С. 144–151; с. 148.
- ¹¹ Бочаров С.Г. Указ. соч., с. 439.
- ¹² Красавченко Т.Н. Газданов // Русские писатели XX в.: Биографический словарь / Гл. ред. и сост. П.А. Николаев. – М.: Большая Российская энциклопедия: Рандеву-АМ, 2000. – С. 171–173; С. 172.

Т.Н. Белова

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РОМАНА В. НАБОКОВА «ЛОЛИТА»

В статье рассмотрены метафорический стиль, а также особенности поэтики романа В. Набокова «Лолита», в том числе художественные пласты и типы интертекстуальности, начиная от воплощения библейских образов-символов, развивающих тему грехопадения и параллели Лолита – Лилит (апокрифическая жена Адама) до постоянного соотношения образа Лолиты с прообразами знаменитых героинь мировой литературы, воспетых Данте (Беатриче), Петраркой (Лаура), Э.А. По (Вирджиния), Л. Кэрроллом (Алиса) и др. Подобная разветвленная интертекстуальность романа призвана изобразить неадекватное, мифологизированное сознание маргинального героя – Гумберта Гумберта, филолога, специалиста по романской литературе, воспринимающего все происходящее с ним как через призму известных библейских образов, так и образов мировой литературы и искусства, воспевая и поэтизируя свое влечение к американской девочке-подростку, ориентируясь на лучшие образцы любовной лирики и стремясь сравняться с ними в своем повествовании, в связи с чем слово в романе представлено во всем богатстве его семантических связей, поэтической выразительности и ритмической организованности.

Роман В. Набокова «Лолита» (1955) был создан в начале 1950-х годов, его литературной предтечей стала повесть «Волшебник», написанная во Франции в 1939 г. И в том и другом произведении автором изображен нетрадиционный маргинальный герой с его маниакальной страстью к нимфеткам – девочкам 10–12 лет, в которых он обнаруживает «демонскую, т.е. нимфическую» прелесть; в произведениях присутствует табуированная ранее тематика: изображение нетрадиционных любовных отношений, их физиологии, а также смерти, распада личности и дегуманизации отношений между людьми, когда на первый план выступают эгоизм, жестокость, равнодушие, вседозволенность.

*БЕЛОВА
Татьяна
Николаевна,
кандидат
филологических
наук,
МГУ*

Однако в художественном отношении роман сильно отличается от повести – подобно тому как симфоническое произведение или большое художественное полотно превосходят первоначальный этюд.

Парфразируя американского критика, который отметил, что «Лолита» представляет собой отчет автора о «романе с романтическим романом», Набоков пишет, что замена последних слов словами «с английским языком» уточнила бы эту изящную формулу¹.

Действительно, роман, написанный на английском языке – это совершенная поэтическая проза писателя, удивительно ритмизованная, музыкальная, чрезвычайно ассоциативная, насыщенная аллитерациями и звукописью, повторами на всех языковых уровнях: фонетическом, семантическом, синтаксическом и композиционном.

«Lolita, light of my life, fire of my loins. My sin, my soul. Lo-lee-ta: the tip of the tongue taking a trip of three steps down the palate to tap, at three, on the teeth. Lo. Lee. Ta»².

Такой музыкально-ритмической фразой открывается первая глава романа, в которой два первых слога имени героини и зрительно, и по созвучию ассоциируются со словами «life», «light», «fire», «loins», «sin», «soul», каждое из которых само ассоциативно и порождает следующее за ним во фразе, а последний слог «ta» то и дело возникает в продолжении фразы, где описывается движение языка при произнесении имени девочки, когда язык, как по ступенькам, сбегает от кончика неба до кончиков зубов.

Метафорический стиль повествования и различного рода пласты и типы интертекстуальности в большой степени позволяют говорить также о «романе» писателя с поэзией и прозой мировой литературы. Так, в основе сюжета произведения лежит ось бинарной оппозиции «добра и зла», «Рая и Ада» – ведь по своему жанру это роман-исповедь: его подзаголовок – «The Confession of a White Widowed Male», где слово «confession» переводится не только как «исповедь», но и как «признание ви-

ны», поскольку Гумберт Гумберт то и дело на протяжении романа обращается к ожидаемому им суду присяжных заседателей, каясь в содеянном и подробно объясняя причины своего аморального поведения. Ведь на протяжении всего сюжета романа возделующий к нимфеткам герой находится в постоянном боре с самим собой, причем эту ситуацию он и видит, и описывает сквозь призму знакомых библейских образов – ангела и дьявола, Ада и Рая. Так, именно дьявол Мак-Фатум, считает повествователь, своими кознями привел его в Рамздэль и помог там обрести Лолиту (пожар в доме семейства Мак-Ку, он же способствовал смерти ее матери под колесами автомашины, в то время как сам Гумберт Гумберт хотя и был на грани того, чтобы утопить ее в озере, но на это так и не решился. В своих записках он пишет, что в преддверии роковой ночи в отеле ангел за спиной Лолиты (причем, «изможденный ангел») советовал ему оставить ключ от номера у швейцара и покинуть гостиницу, потому что «ничего, кроме терзания и ужаса, не принесет ожидаемое блаженство» (3, с. 128)³. И действительно, гораздо позже, уже лишившись Лолиты, он познал этот «отвратный, неописуемый невыносимый вечный ужас», который тогда был «лишь черной точечкой в сиянии моего счастья» (3, с. 173).

Подобная триада: соблазн, грехопадение, изгнание из рая (с последующими адскими мучениями) – и легла в основу сюжета романа.

Тему грехопадения Гумберта Гумберта также продолжают и развивают ветхозаветные библейские образы-символы, проходящие через все произведение: образы змеи-искусительницы, райского сада, яблока («le fruit vert»), когда-то сорванного прародительницей Евой с древа познания по наущению Сатаны, которое она потом предлагает Адаму. Так, Шарлотта Гейз, мать Лолиты, при первой встрече с Гумбертом Гумбертом и в разговоре с ним подобно змее «как бы развертывала коль-

ца своего тела» (3, с. 35), и герой ясно чувствовал, что она готова соблазнить своего будущего постояльца. Однако обгрызенная коричневая середина яблока, лежащая на камине, намекает на то, что не она станет предметом его страстного обожания.

При осмотре своего будущего жилища Гумберт замечает в ванной предвиденные им «извивы резиновой змеи» (3, с. 36) – тонкого резинового шланга, натянутого на кран и используемого вместо душа. По пути в сад на зеленой веранде дома потрясенный герой видит в «яблочко-зеленом цветке» (3, с. 38) полуобнаженное дитя – Лолиту, внезапно напомнившую ему и слившуюся в его помраченном сознании с Аннабеллой Ли – его несчастной подростковой любовью. Таким образом, сад дома, куда попадает Гумберт, оказывается для него раем (3, с. 54). При первом близком контакте героя с Лолитой та ест «эдемски румяное» яблоко (3, с. 56), сидя на кушетке рядом с ним, листая иллюстрированный журнал, и ее случайные прикосновения рождают в нем бурю эмоций. Лолита вносит в жизнь Гумберта «аромат плодовых садов» (3, с. 99). Когда он забирает девочку из лагеря, она надевает «яркое ситцевое платье с узором из красных яблочек» (3, с. 113–114), а утром в гостинице дарит ему свой недетски утонченный поцелуй, и сама же провоцирует его на физическую близость. Их первый сексуальный опыт показан в романе эмоционально-метафорически – опять же с использованием библейских образов-символов: Гумберт в своем воображении рисует настенные фрески для столовой «Привала зачарованных охотников», на которых представляет озеро, «живую беседку в ослепительном цвету» (3, с. 137); тигра, преследующего райскую птицу; змею, заглатывающую зверька; тополя, яблоки, а также развлечения девочек в летнем лагере: «camp activities... Canoeing, Coranting, Combing Curls in the lakeside

sun... poplars, apples, a suburban Sunday» (2, с. 134), где настойчивое повторение звука («к») подчеркивает нарастающее эротическое возбуждение главного героя, ассоциативно созвучное слову “come”, означающему для англоязычного читателя приближение оргазма.

Сам образ Лолиты и влечение к ней Гумберта представлены многоаспектно-метафорически и интертекстуально. Неоднократно на протяжении романа Гумберт говорит о том, что вместе с Лолитой он жил «на самой глубине избранного... (им) рая – рая, небеса которого рдели как адское пламя, – но все-таки рая» (3, с. 170). Да и сама Лолита иногда сравнивается со змеей-искусительницей: «Почувяла бананы и раскрутила тело по направлению к столу» (3, с. 222). Используя подобные ветхозаветные образы-символы и лейтмотивы, развивающие тему грехопадения, В. Набоков продолжил традицию мифологизации текста, художественно разработанную писателями европейского модернизма в 20-е годы XX в. Дж. Джойсом и Т.С. Элиотом, обратившимися к мифу как к новому способу изображения действительности, передающему утраченное восприятие мира в единстве человека и природы, чтобы тем самым как-то упорядочить в своем сознании абсурд и хаос открывшейся человечеству новой реальности¹.

Последователь М. Пруста, воссоздавшего посредством ассоциативного потока сознания «огромное здание воспоминания», – навсегда утраченный, распавшийся мир, – и Дж. Джойса, который по аналогии с гомеровской «Одиссеей» создает свой эпохальный роман-миф «Улисс», желая воплотить в нем свое представление об универсальных законах жизни и бытия, В. Набоков, ориентируя свой роман на мифопоэтические модели, однако не пытаясь, как отмечал А. Долинин, жестко привязать сюжет своего произведения к какому-либо одному мифу, хотя сквозь современ-

ный бытовой план его романов и просвечивают его вековые прототипы. Вместо этого писатель использует принцип множественности тематического параллелизма, когда повествование отсылает нас к целому ряду мифологических и литературных претекстов, которые связаны с ним (и между собой) общей темой⁵.

На наш взгляд, это делается для того, чтобы максимально углубить тему повествования, придав ей устойчивость айсберга при помощи внесения в нее многочисленных ассоциаций, которые неизменно возникают у читателя, обладающего хорошим знанием библейских и литературных текстов.

В связи с вышесказанным можно выделить еще один пласт интертекстуальности – это исторические предшественники образов Лолиты и Гумберта Гумберта и их литературные прототипы.

Уже на первой странице своей исповеди герой-повествователь упоминает о своей полудетской любви к девочке по имени Аннабелла Ли (Leigh) «в некотором княжестве у моря... почти как у По» (3, с. 5), к сожалению вскоре оставившей этот мир, как и юная жена Эдгара По Вирджиния, воспетая в известном стихотворении «Annabel Lee», строку из которого цитирует Гумберт: «Когда я был ребенком, и она ребенком была», одновременно замечая, что «все – Эдгаровый перегар» (3, с. 14). А чуть ниже, пытаясь оправдать свою болезненную страсть к двенадцатилетней Лолите, он вспоминает любовь юного Данте к Беатриче, которой только минуло девять лет – «такой искрящейся, крашеной, прелестной, в пунцовом платье с дорогими камнями», – и любовь Петрарки к Лауре – «белокурой нимфетке двенадцати лет, бежавшей сквозь пыль и цветень... как летящий цветок» (3, с. 16).

Поллюбил я Лолиту, как Вирджинию По, и как Данте – свою Беатриче (3, с. 109), –

подводит своеобразный итог герой-повествователь.

В романе присутствует и менее очевидная, но несомненная параллель с Лилит (апокрифической женой Адама), воспетой Набоковым в одноименном стихотворении от 13 декабря 1930 г., которая в посмертном видении лирического героя оказывается нимфеткой и посланницей не Рая, как думалось ему вначале, а Ада. Она предстает перед ним в виде рыжеволосой зеленоглазой нагой девочки «с речной лилией в кудрях» и красноречиво приглашает его разделить с ней блаженство физической близости, которое издевательски прекращает на полпути:

Змея в змее, сосуд в сосуде,
к ней пригнанный, я в ней скользил,
уже восторг в растущем зуде
неописуемый сквозил –
как вдруг она легко рванулась,
отпрянула и, ноги сжав,
вуаль какую-то подняв,
в нее по бедра завернулась,
и, полон сил, на полпути
к блаженству, я ни с чем остался...
и ринулся, и зашатался...

Лирический герой данного стихотворения обречен на танталовы муки неутоленной страсти, как и Гумберт Гумберт по отношению к своей Лолите, казалось бы, заурядной школьнице, превращенной большим «воображением печального сластолюбца» в неземное «колдовское существо», что отметил сам Набоков в телеинтервью Бернару Пиво в программе «Апострофы» (6, с. 401)⁶.

Другой литературный прообраз Лолиты – это ветреная Кармен Проспера Мери, вероломно покинувшая влюбленного в нее Хозе, модная песенка о которой лейтмотивом проходит через несколько глав романа: именно благодаря ей Гумберт испытывает неописуемое наслаждение от близости с Лолитой, даже не вкушив еще запретного плода («le fruit vert»).

Решение Гумберта жениться на матери Лолиты – Шарлотте Гейз – вызвано не столько ее письмом – признанием в люб-

ви, представляющим собой очевидную пародию на письмо Татьяны к Онегину, но, по словам самого героя, отзывается «усмешечкой из Достоевского» (3, с. 70), под которой подразумевается ужасный циничный опыт его персонажей – Свидригайлова и Ставрогина; набокровский герой хочет жениться на матери лишь с одной целью – чтобы с полным основанием расточать ласки ее дочери. И очутившись наедине с Лолитой после смерти ее матери, Гумберт Гумберт вдруг ощущает себя в «фантастическом, только что созданном сумасшедшем мире, где все дозволено» (3, с. 136) – явная ассоциация с персонажами Достоевского. Таким образом, в «Лолите» просматриваются интертекстуальные связи с произведениями русской литературы, тем более что один из персонажей «Дара» (1937–1938) – романа Набокова, написанного задолго до «Лолиты», – Б.И. Щеголев, отчим Зины Мерц, тоже с пошлой усмешечкой предлагает Ф. Годунову-Чердынцеву похожий сюжет: «старый пес, – но еще в соку, с огнем, с жаждой счастья, – знакомится с вдовицей. А у нее дочка, совсем еще девочка...», и поэтому он женится на ней, и живет «с соблазном, вечной пыткой, зудом и безумной надеждой»⁷.

Эта тема уже в 1939 г. нашла свое воплощение в повести Набокова «Волшебник», опубликованной только почти полвека спустя после написания (1986). По словам автора, это была «первая маленькая пульсация Лолиты», которая «никогда не прекращалась совсем», и «в США у нее тайно выросли когти и крылья романа»⁸.

В этом произведении встречается много сюжетных ходов, которые затем появятся и в «Лолите»: это болезненная страсть героя к нимфеткам, женитьба на нелюбимой женщине с целью постоянно видеть и нежить падчерицу, смерть матери девочки, долгое утомительное странствие с ней на автомобиле, флиртовые мечты о совместной жизни, попытки фи-

зического сближения и трагический финал. И здесь и там символом страсти героя и обреченности, неутоленности его желаний является тема пожара: огонь, сжигающий сластолюбца, как бы находит свое материальное воплощение.

Портретное сходство маленькой героини повести с Лолитой очевидно: автор подчеркивает ее изящество, «дымчатость», «опаловость», «шелковистость», «фрозность» – всю прелесть нераскрывшегося цветка, – недаром сама Лолита постоянно ассоциируется у повествователя с розой: «Она состояла вся из роз и меда», – вспоминает Гумберт (3, с. 113). Вместе с тем и Лолита, и первая возлюбленная героя Аннабелла как бы сливаются воедино, ассоциируясь с музой Эдгара По: Лолита названа рассказчиком «моей и Эдгаровой душенькой» и в унисон с поэтом – «моей жизнью, невестой моей» (3, с. 45).

Впервые увидев Лолиту, Гумберт сравнивает ее с Аннабеллой Ли: «Это было то же дитя, те же тонкие, медового оттенка плечи, та же шелковистая, гибкая обнаженная спина, та же русая шапка волос» (3, с. 37).

В повести «Волшебник» очарованный девочкой герой подмечает «оживленность рыжевато-русых кудрей, недавно подровненных, светлость больших пустоватых глаз, напоминающих чем-то прозрачный крыжовник, веселый, теплый цвет лица, розовый рот, чуть приоткрытый, так что опирались два крупных передних зуба о припухлость нижней губы...»⁹. Столь подробный статичный портрет девочки детально совпадает с внешним описанием маленькой Алисы Лидделл, послужившей прототипом для образа Алисы в сказочной дилогии Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье», чья фотография дошла до наших дней. В какой-то степени схожая портретная характеристика достается и Лолите – «блестяще-русой с подровненными спе-

реди и волнистыми с краев, а сзади локонами свисающими волосами» (3, с. 43).

Маленькая муза Л. Кэрролла, Алиса Лидделл, вдохновившая его на создание сказочной дилогии, была для писателя идеалом девочки, характер и черты которой он так проникновенно описал в своей статье «Алиса на сцене», опубликованной в журнале «Театр» («The Theatre», April, 1887). Л. Кэрролл называет ее «любящей и нежной» – «любящей как собака... и нежной, словно лань» (заметим, что эти два очаровательных образа неоднократно встречаются как и в дилогии, так и в различных произведениях Набокова, например, в «Лолите», «Сказке» и др.). Кэрролл отмечает и такие черты Алисы, как учти-вость по отношению ко всем, доверчи-вость, «любопытность до крайности, с тем вкусом к Жизни, который доступен только счастливому детству, когда все ново и хорошо, а Грех и Печаль – всего лишь слова – пустые слова, которые ниче-го не значат!»¹⁰

Как бы по контрасту с Алисой Набоков создает образ юной Лолиты, у которой не было счастливого детства, она отнюдь не была учтивой, однако сохранила любопытность и вкус к жизни. Но Гумберта привлекает не столько ее внутрен-ний мир, жизнь ее души, сколько чисто плотское обаяние еще не сформиро-вавшейся девочки-подростка, и именно Лолите в полной мере достается извездать в соответствии с ее именем Долорес¹¹, что такое Грех и Печаль! В этом имени В. Набоков ощущает «розы и слезы», и само имя, по его мнению, хорошо переда-ет «душераздирающую судьбу... девочки вместе с ее очарованием и прозрачно-стью» (6, с. 134–135).

В своих интервью, в частности А. Ап-пелю и Н. Гарнхэму, В. Набоков упоми-нал о «трогательном сходстве Гумберта Гумберта и Льюиса Кэрролла в их «любви к маленьким девочкам», «о тяжком гре-хе», который последний «таил за стенами фотолаборатории» (6, с. 241), делая дву-смысленные снимки «в затемненных ком-

натах» (6, с. 197). Подобно ему Куильти, двойник Гумберта, также оборудовал в своем доме специальную студию для ки-но съемок обнаженных детей. Вместе с тем Набоков, высоко ценя сказочную ди-логию, называет Л. Кэрролла «великим детским писателем всех времен и наро-дов» (6, с. 241).

Важной художественной особенно-стью романа Набокова «Лолита» является присутствие в нем двойников – как чисто сюжетных, например, Гумберт – Куильти, так и пародийных. Роман пестрит второ-степенными персонажами, имена которых взяты либо из великих произведений ми-ровой литературы, либо заимствованы у знаменитых писателей: это доктор Купер и доктор Байрон, начальница лагеря «Кувшинка» Шерли Хольмс; имена уча-щихся рамзельской гимназии взяты из пьес Шекспира: Антоний и Виола, Дун-кан, Розалина, Миранда; кроме того, в списке присутствуют Скотт, Байрон, Ше-ридан. С этими, как и с другими именами, в роман входит пародийно-гротескный модус повествования, который достигает своей кульминации в конце, когда Куиль-ти, увозя с собой Лолиту, ведет бесконеч-ную игру с Гумбертом, зашифровывая в регистрационных книгах мотелей, куда постояльцы вписывают адреса и фамилии, свои послания к нему. Например, запись «Адам Н. Епилинбер, Есноп, Иллиной» содержит в себе и вопрос, и утверждение: «Адам не пил, пил ли Ной?», – отсылая читателя к прародителям Ветхого завета; запись «П.О. Темкин, Одесса, Техас» от-носится к известному советскому кино-фильму С. Эйзенштейна; «Д. Оргон, Эль-мира, Нью-Йорк» – два героя Мольера; Фратер Гримм – имеется в виду один из немецких сказочников – братьев Гримм, а Эртурар Ромб – это анаграмма имени Ар-тура Рембо.

Как справедливо отмечает Б. Бойд, один из наиболее пронительных иссле-дователей жизни и творчества В. Набокова: «Происходит нечто странное и зловещее: Куильти словно бы полностью овладевает

волей Гумберта, как если б тот был не более чем персонажем одной из пьес Куильти, плодом его воображения»¹²; добавим от себя – как и Поэт в пьесе «Зачарованные охотники», написанной Куильти под влиянием Ленормана и Метерлинка, который утверждает, что все остальные персонажи – порождение его воображения. Однако Диана, деревенская девушка, роль которой должна была играть Лолита, убеждает его в обратном.

С другой стороны, вводя в текст ироничный, подчас пародийно-гротесковый стиль повествования, насыщенный каламбурами, словесной игрой, шутками, ребусами и загадками, Набоков тем самым намеренно снижает трагический накал романа, в котором словно в пьесах Шекспира («Гамлет», «Макбет», «Ромео и Джульетта», «Король Лир») погибают все главные герои; вместе с тем, он сводит «на нет» сочувствие читателя Гумберту Гумберту – незадачливому детективу – отнюдь не Арсену Люпену, – который до самого последнего момента не мог понять, кто же именно увез от него Лолиту, хотя имя Куильти легко можно было выявить в письме Моны Даль, в котором в русском тексте она специально для Лолиты

подчеркнула наиболее трудные для произношения буквенные сочетания (3, с. 231), а в английском – его имя дважды звучит в сочетании французских слов: «qu'il t'u» (2, с. 221).

Таким образом, роман В. Набокова «Лолита» с его разветвленной многослойной интертекстуальностью изображает неадекватное мифологизированное сознание героя, который, будучи эрудированным филологом, специалистом по романской литературе, воспринимает все происходящее с ним не только сквозь призму библейских образов, но образов мировой литературы и искусства, воспевая и поэтизируя свое влечение к американской девочке, при этом ориентируясь на лучшие образцы любовной лирики и даже стремясь сравняться с ними. Поэтому в романе художественное слово представлено во всем богатстве его семантических связей, поэтической выразительности и ритмической организованности. Вместе с тем автор, вводя пародийно-гротескный модус повествования, подчеркнуто дистанцируется от своего маргинального героя, демонстрируя в романе беспредельную свободу художника-творца и свое новое поэтическое видение мира.

Примечания

- ¹ Набоков В. О книге, озаглавленной «Лолита» // В.В. Набоков: Pro et Contra. Антология. – СПб.: РХГИ, 1997. – С. 89.
- ² Nabokov V. Lolita. – L.: Penguin Books, 1997. – P. 9.
- ³ Цитаты из текста романа «Лолита» на русском языке даются по: Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 5 (доп.), в тексте статьи в круглых скобках, где первая цифра – ссылка на том данного собрания сочинений, а второе число указывает номер страницы.
- ⁴ См. об этом: Корнилова Е.Н. Мифопоэтическое сознание и мифопоэтика западноевропейского романтизма. – М.: Наследие, 2001.
- ⁵ Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина // Набоков В. Собр. соч. русского периода в 5 т. – СПб.: Симпозиум, 2000. – Т. 3. – С. 26.
- ⁶ Набоков о Набокове и прочем. Интервью. Рецензии. Эссе / Ред.-сост. Н. Мельников. – М.: Независимая газета, 2002.
- ⁷ Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 3. – С. 167.
- ⁸ Набоков В. О книге, озаглавленной «Лолита» // В.В. Набоков. Pro et Contra. Антология. – СПб.: РХГИ, 1997. – С. 82–83.

- ⁹ Набоков В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. – СПб.: Симпозиум, 2000. – Т. 5. – С. 46.
- ¹⁰ Цит. по изданию: Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье. – М.: Наука, 1991. – С. 11.
- ¹¹ Dolores – от лат. dolor – боль, страдание, скорбь; отсюда – Via Dolorosa – путь скорби, страдания – Крестный путь Христа на Голгофу.
- ¹² Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы: Биография / Пер. с англ. – М.: Независимая газета. – СПб.: Симпозиум, 2004. – С. 297.

В.В. Сорокина

ТЕМА ВОЙНЫ В ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Среди нескольких сотен литературных произведений, вышедших за границы в 20–30-е годы XX в., можно насчитать не более десятка книг, в которых так или иначе затрагивается тема войны. И все это на фоне огромного количества публицистических и документальных изданий, мемуаров, дневников, справочников, энциклопедий, занимающих лидирующие позиции в зарубежных издательствах. Очевидно, что события Первой мировой войны получили довольно скромное художественное осмысление в литературе зарубежья – и в силу относительной близости события к современникам (они были или очевидцами военных действий, или их судеб война так или иначе коснулась), и по причине определенных затруднений, связанных с историческим значением этого события для судьбы России (в зарубежье и в советской России поэтому больше произведений о Гражданской войне и Белом движении, чем о Первой мировой). Тем не менее в этих немногочисленных произведениях отразился взгляд эмиграции на недавние события прошлого.

Одни произведения повествуют лишь об отдельном эпизоде войны, повлиявшем на судьбы героев, как, например, в романе Н. Брешко-Брешковского «Дикая дивизия» (1930), где речь идет о Галицийской битве в августе-сентябре 1914 г. Она рассматривается как крупная военно-стратегическая победа России. Русская армия продвинулась на 230–300 км и захватила Львов. Судьба литературных героев тесно переплетается с судьбами военных и политических деятелей – это командующий Дикой дивизией великий князь Михаил Александрович, генерал Корнилов, Троцкий, Керенский, Родзянко. Действие романа начинается в ставке великого князя Михаила Александровича в Тлусте-Място, когда туда под видом нового хозяина цукерни «Под тремя золотыми львами» прибывает австрийский шпион, участник убийства Франца Фердинанда в Сараево, барон Сальвитичи-Руммель, для физического уничтожения командующего.

*СОРОКИНА
Вера
Владимировна,
доктор
филологических
наук,
старший
научный
сотрудник МГУ*

Формирование Дикой дивизии проходило на Кавказе с целью объединения горских народов в борьбе за Россию. При выборе людей командование руководствовалось незаурядными кавалерийскими способностями кавказцев, их преданностью идее, обостренным чувством свободы и независимости. Все эти качества наряду с правильным руководством дивизией сделали ее неуязвимой и, как представлено в романе, легендарной.

Автор пунктирно намечает еще одну тему тех лет – формирование Добровольческой армии, у истоков которой стояли генералы А. Деникин, Л. Корнилов, М. Алексеев, бегство с разбитыми остатками войск последнего главкома Добровольческой армии барона Врангеля из Крыма и первые годы русской эмиграции в Париже. К лету 1917 г. многие офицеры и солдаты Дикой дивизии во главе с новым командующим князем Дмитрием Петровичем Багратионом оказываются под Петроградом в Гатчине. Отсюда генерал Корнилов рассчитывает бросить ее на Смольный с целью разгрома революционных сил и установления военной диктатуры. После неудачи под Петроградом Дикая дивизия начала постепенно распадаться и разъезжаться по своим домам. Ингуши, черкесы, кабардинцы, чеченцы, дагестанцы помогали русским офицерам скрываться во Владикавказе. Через десять лет, в конце романа, все герои встречаются в эмиграции.

В рассказе А. Несмелова «Короткий удар» (1936) также описывается только один эпизод из военных будней Особой армии, действовавшей на Владимировольнском участке фронта: штабу понадобился контрольный немецкий пленный для перепроверки данных разведки. Солдаты, понимая невыполнимость приказа, отказались ползти к германским позициям, за что часть роты была расстреляна, а другая с огромными потерями вернулась из вылазки ни с чем.

В «Древнем пути» (1934) Л. Зурова отмечен только финальный эпизод войны –

возвращение вольноопределяющегося Назимова после похорон ротмистра Николаева домой, в запустевшую усадьбу под Псковом.

В других произведениях нет изображения ни военного быта, ни военных действий – война является в них чем-то отвлеченным, далеким, но постоянно напоминающим о себе голодом, дискомфортом, наплывом раненых, разорением имений. В «Сивцевом Вражке» (1928) М. Осоргина война приходит в особнячок профессора-орнитолога продовольственными карточками, искалеченным обручком Стольниковым, дезертиром Колчагиным, сделавшим впоследствии неплохую карьеру, мешочниками Васей Болтановским и Протасовым, выступлениями внучки Танюши ради пайка перед ранеными в лазарете. Однако благодаря проходящим где-то военным действиям в романе создается атмосфера некоего мирного уголка на Сивцевом Вражке, противостоящего всему злу на свете.

В схожей манере передается ощущение войны в романе Б. Зайцева «Золотой узор» (1926), написанном в форме воспоминаний певицы Наталии Николаевны, прошедшей через мобилизацию мужа и работу в лазарете. Однако, по сравнению с вышеупомянутыми произведениями, на судьбы героев здесь война не сильно повлияла. Как отмечает рассказчица: «Конечно, наша жизнь мало с войной переменялась. По-прежнему вставали поздно, сытно ели, вечером ждали газет и с тревожностью глядели на военные известия, но тревожления все эти пусты, праздны: кто куда продвинулся, кто сколько пленных взял – потом мы ужинали и ложились спать – с волнением или спокойно, это безразлично. Мне казалось, что душой я со своим народом, готова разделить его страдания и героизм. Да как-то вот не разделялось!»¹

Мотив отчужденности от судеб страны звучит и в «Романе с кокаином» (1930) М. Агеева: «За две недели до начала выпускных экзаменов, в апреле, когда война с Германией бушевала уже полтора с

лишним года, все близко окружавшие меня гимназисты, а в том числе и я, потеряли к ней решительно всякий интерес»².

Совершенно по-иному война представлена в романах А. Толстого, М. Алданова и П. Краснова. Произведение «От Двуглавого Орла к красному знамени» (1921) П. Краснова по форме представляет огромное эпическое полотно, сопоставимое – по объему, масштабу событий и переплетенности их с судьбами героев, знанию реалий армейского быта, способу выражения авторской позиции через многочисленные отступления – с эпопеей Л. Толстого, хотя значительно уступает ей по содержанию. В этом произведении П. Краснова – сниженный психологизм, интерес не к сути явлений, а к подробному воспроизведению их (маневры в Гатчине, Распутин, джигитовка казаков, бой пехотного полка с отборной венгерской кавалерийской дивизией, конная атака австрийской тяжелой батареи и прорыв русских войск у Костюхновки). Главный герой – Александр Саблин, дворянин, гвардейский офицер, бегущий от политики и всего того, что находится за пределами его профессиональных интересов, аристократ армии. Его глазами в основном и передаются события 1894–1921 гг. в России. С третьей по пятую части второго тома посвящены именно событиям Первой мировой войны – от ее начала до Февральской революции.

Вышедший в Берлине первый вариант романа-эпопеи А. Толстого «Хождение по мукам» (1922), позднее, уже в России в 1928 г., в сильно отредактированном виде был превращен в роман «Сестры», ставший первой частью трилогии, представляет собой небольшое произведение, но отразившее занимаемую в то время позицию автора по отношению к войне.

Оба романа, П. Краснова и А. Толстого, объединяет стремление героев разобраться в том, что происходит. Саблин, герой П. Краснова, старается оградить

себя от решения многих философских и политических вопросов, но постоянно натывается на неприятие этой действительности, спорит с ней. Преданность императору и императрице оборачивается для него потерей сына на войне и жены, обесчещенной Распутиным. «В нем (Саблине. – В. С.) убили царя и семью»³, – заключает автор романа. Воскрешение героя к жизни связано с образом отца Василия, читавшего ему, выздоравливавшему после тяжелого ранения, «Заповеди Христовы», однако отчуждение от людей и родного Петрограда не проходит.

Для большей полноты картины военной прозы зарубежья следует упомянуть также и произведения, в которых события Первой мировой войны никак не связаны с судьбами героев, но определяют общественно-политический климат эпохи.

Романы Г. Иванова «Третий Рим» (1930) и М. Алданова «Ключ» (1930) типологически сходны, но если реалии войны щедро представлены на страницах романа М. Алданова, то в «Третьем Риме» образ войны имеет символическое значение. В названии закреплена связь начального и конечного этапов петербургской истории: блестящее начало обернулось позорным концом. Война, а затем революция – трагический итог петербургской эпохи – похоронила надежды на продолжение славных традиций «Третьего Рима». Роман задумывался как отрицание представлений о войне, якобы способной упрочить величие Российской империи – Третьего Рима. Автор в своих рассуждениях приходит к выводу о том, что война – трагический финал петербургского периода русской истории и пролог «нового века».

Книга «Тайна Запада: Атлантида – Европа» (1930) Д. Мережковского продолжает размышления автора о судьбе человечества. В ней на материале мифов и мистерий древних культур, соединяемых с недавними научными открытиями в области археологии и геологии, писатель проро-

чествует о судьбах Европы: «Семя второго человечества спас первый ковчег; второй – спасет семя третьего. Если же второе человечество не исполнит своего назначения, так же как первое, то его исполнит третье: разрушит царство дьявола – войну, созиждет Царство Божие – мир»⁴.

В литературный контекст эмигрантской литературы о Первой мировой войне довольно органически вписывается роман Курбана Саида «Али и Нино», вышедший в Вене в 1937 г. Эта книга написана родившимся в Киеве, проводившим юношеские годы в Баку, эмигрировавшим в 1921 г. в Берлин, а в 1933 г. вынужденным переехать в Вену, а затем в Италию Лео Нусенбаумом (1905–1941), сыном хозяина одного из крупнейших нефтеперерабатывающих заводов Баку. Роман этот связан с русской эмигрантской литературой не только в силу схожести судьбы его автора с судьбами людей, покинувших Россию в начале 20-х годов. Прежде всего обращает на себя внимание решение темы войны. Но не только это.

С романом и личностью его автора связаны многочисленные легенды, которые многие годы, с начала 1990-х годов, когда книга впервые появилась на русском и азербайджанском языках, подогревали интерес публики к ней⁵. По преданию, рукопись этого произведения случайно попала в издательство, а после издания бесследно исчезла, оставив открытым вопрос не только авторства, как в случае с «Романом с кокаином» М. Агеева (Марк Лазаревич Леви), но и языка, на котором произведение было написано. Это дало основание азербайджанским исследователям причислить творчество Лео Нусенбаума к азербайджанской литературе («Предположительно роман был написан в начале века. И с целью его популяризации переведен на немецкий язык... И хотя вопрос авторства остается открытым, этот роман, продукт азербайджанской литературы и действительно-сти»⁶) и выстраивать на этом собственную концепцию творчества писателя. Но дело

не в национальной принадлежности художественного произведения.

Роман посвящен истории любви грузинки Нино и мусульманина Али, начавшейся в Баку в первые годы XX в. и трагически закончившейся гибелью героя на войне. События мировой войны, изображаемые в романе, перекликаются с тем, что описывается и в других русских романах. В частности, по сюжету большинство друзей Али уходят в Дикую дивизию, о которой пишет Брежко-Брежковский и отмечает именно те свойства кавказцев, которые привлекали российское правительство. Один из вооруженных охранников Али, гочу, предвкусывая отправку на фронт, говорит: «Война – это хорошо. Я повидею мир. Услышу свист ветра на Западе и увижу слезы в глазах врага. Верхом на коне и с переброшенной через плечо винтовкой я буду скакать с друзьями по завоеванным селам. Я привезу с собой много денег, и все будут восхищаться мною как героем»⁷.

А в «Хождении по мукам» А. Толстого в 25-й главе рассказывается, как в начале зимы 1916 г. русские взяли турецкую крепость Эрзерум и продолжали наступление в Месопотамию, Армению, Азиатскую Турцию: «Над Германией, над всей Европой нависла древним ужасом туча азиатских полчищ»⁸.

Разворачивание военных действий в двух направлениях – западном и южном – отразилось и на восприятии войны в Баку – городе между Европой и Азией. Двойственность положения города и неопределенный статус войны породили в героях романа разноречивые суждения о ней. Как только война вторглась в идиллический быт богатых семей города и стала угрожать самой возможности наслаждаться красотой и любовью – вынужденное возвращение из карабахского имения в Баку, – герой сразу попытался от нее оградить себя: «Но войны в стране не было, война была объявлена в России, до которой ни мне, ни Нино не было дела. Но даже и при таком раскладе я был вне себя от ярости – на

войну, на старика Кипиани, который так торопился попасть домой, на гимназию святой Тамары, где девушек не учили правилам поведения, и больше всего на Нино, которая уехала, бросив все, пока я, забыв о долге и достоинстве, думал, как быстрее добраться до нее»⁹.

В отличие от своего слуги, мечтавшего скорее попасть на войну, и от друзей по гимназии Ильяс-Бека и Мухаммеда Гейдара, которые все-таки испытывали необходимость выполнить свой долг и поступили в военное училище, Али принимает решение не участвовать в *этой* войне, так как не считает эту страну своей. В споре с отцом, призывавшем его не позорить имя Ширванширов, Али заверяет его: «Нам еще долго придется воевать. Мой меч еще понадобится стране»¹⁰. А пока Али, как и герои «Романа с кокаином» М. Агеева и «Золотого узора» Б. Зайцева, был совершенно равнодушен к происходящему: «Меня не волновало, кто выиграет войну»¹¹.

В передаче ощущения войны героем Курбан Саид следует традиции тех русских романов, в которых нет изображения ни военных действий, ни военного быта. Али — гимназист, так же как и Вадим Масленников, герой «Романа с кокаином» М. Агеева. Для них война отодвигалась на задний план мыслями о другом: была весна, оба героя были влюблены. «Я ходил по ювелирным, цветочным и книжным лавкам в поисках подарков для Нино. При виде нее мысли о войне, великом князе и нависшей над Полумесяцем угрозе оставляли меня»¹², — вспоминал Али.

Но вот выясняется, что его Величество Султан Великой Османской империи Мехмед Рашид решил объявить войну неверным, его войска движутся, чтобы освободить мусульман от русского и английского ига, и стали говорить о священной войне. В сознании героя заканчивается процесс переориентации. С детства считая себя представителем европейской культуры, влюбленный в христианку, семья кото-

рой осознавала себя европейской, дружащий с армянином и желающий продолжать образование в Москве, Али Хан Ширваншир на протяжении всего романа, но особенно после вынужденного бегства в Тегеран, все больше проникается восточной, мусульманской, тюркской традицией и становится сторонником создания собственного мусульманского государства на своей земле. Заседание бакинских магнатов, на котором он присутствовал, закончилось идеологическое воспитание героя. Теперь он точно знает, чего нужно добиваться, за что сражаться, и, если нужно, погибать. «И чем больше ослабнут после войны великие державы, тем ближе мы будем находиться к свободе. Эта свобода станет результатом нашей нерастратченной мощи, наших денег и нашей нефти»¹³.

Процесс переосмысления событий войны нашел отражение и в романе П. Краснова «От Двуглавого Орла к красному знамени». Герои спорят о войне, смысле и сути патриотизма, о родине, о народе и его отношении к войне. В берлинской редакции романа А. Толстого также можно найти споры о ведении войны до победного конца (полковник Солнцев — статья Арнольдова), о смысле понятия «родина» (Телегин — Рошин), рассуждения о стремлении народа к войне, о полном равнодушии к причинам и целям этого события: «Население городов, пресыщенное и расхлябанное обезображенной нечистой жизнью, словно очнулось от душевного сна. В грохоте пушек был освежающий голос мировой грозы. Стало казаться, что прежняя жизнь невыносима далее. Население со злорадной яростью приветствовало войну. В деревнях много не спрашивали — с кем война и за что, — не все ли было равно»¹⁴.

В том же направлении проходят душевные искания Али. Герой начинает сомневаться в том, что является его родиной — вся Россия, Баку или весь мусульманский мир. После объявления войны герой срочно возвращается в Баку. Он одержим общим по-

рывом туда отправиться: «Война – какое же это прекрасное слово, мужественное и сильное, словно удар копья»¹⁵. Однако постепенно приходит осознание своей принадлежности восточному миру: «Какое мне дело до остального мира за этими горами? До этих европейцев с их войнами, городами, царями, кайзерами и королями?.. Пусть поезд мчится на Запад. Мое сердце и душа принадлежат Востоку»¹⁶.

Изображение натуралистических подробностей войны в романе П. Краснова («Сын его Коля с изуродованным туловищем и оторванной головой, исковерканный до неузнаваемости стаканом шrapнели, валялся в луже дымящейся крови в двух шагах позади него»)¹⁷ и жестокости ее последствий в романе М. Осоргина (судьба Обрубка Стольников, которому оторвало и ноги, и руки на войне) служит развенчанию кумиров и идеалов героев. Для автора «Али и Нино» подчеркнутая жестокость войны усиливает в сердце героя ненависть к людям, совсем недавно бывшим ему друзьями: «Под моим ударом раскололся череп какого-то русского солдата. Мозг брызнул наружу, смешиваясь с пылью. Я, спотыкаясь, шел на врага и краем глаза заметил, как Арслан Ага вонзает кинжал в глаз неприятеля... Мы лежали за углом, беспорядочно обстреливая армянские дома»¹⁸.

Изображение политических сил, направляющих течение войны, представлено в романе Курбана Саида собранием нефтяных магнатов и политиков, выражающих волю крупного капитала. Один из них – Фатали Хан Хойский, лицо историческое: впоследствии он возглавил в 1918 г. Азербайджанскую республику, – представлен как идеолог, провозгласивший политику выжидания, устраивающую всех.

Как и в романе «Ключ» М. Алданова, через отношение к войне показаны основные политические силы эпохи. Диаметрально противоположные оценки перспектив войны высказывали представители либерально настроенной интеллигенции. Адвокат Кременецкий, лидер партии Го-

ренский, выступавшие сторонниками войны до полной победы; в необходимости мира, общего, сепаратного, «какого угодно», был убежден глава департамента полиции Федосьев, имевший репутацию крайнего реакционера. По мнению автора, есть события – и мировая война относится именно к таковым, – постижение которых лежит за пределами человеческих возможностей, искать их смысл – значит увеличивать бессмысленность.

По своей структуре и идейному замыслу роман «Али и Нино» сильнее всего включен в контекст русской военной прозы, созданной в эмиграции и затронувшей проблемы становления героя, переосмысления им прежних ценностей, расстановку политических сил. Органично эти вопросы переплетаются с любовной линией, сближающей этот роман с «Хождением по мукам» А. Толстого, «Сивцевым Вражком» М. Осоргина, «От Двуглавого Орла к красному знамени» П. Краснова.

По своей художественной форме «Али и Нино» вполне уместно поставить в контекст романов М. Агеева «Роман с кокаином» (1930) и Б. Зайцева «Золотой узор» (1926). Всех их объединяет стиль дневниковой прозы с особым акцентом на передачу тонких переживаний героев. Вадима Масленникова из «Романа с кокаином» и Наталью Николаевну из «Золотого узора» отличает непостижимое равнодушие к внешней жизни и ревностное оберегание своей внутренней жизни от посягательств на нее извне. Поэтому события войны в этих произведениях доносятся до читателя с помощью сильно опосредованного и невнимательного взгляда героев. Гимназист Вадим смутно вспоминает молебен в актовом зале гимназии, сбивчивые суждения товарищей о том, что война никому не нужна, что она губительна и прибыльна только генералам и интендантам, что духовенство всего мира, исходя из принципов христианства, должно бороться против ведения войны; но для одного из них это стоило золотой медали.

Наталья Николаевна – певица, увлеченная концертами и литературными клубами. Весть о войне застала ее в Риме, и она тотчас отправилась домой, по пути невольно отмечая перемены внешние: «Навстречу шла Россия – поезда с солдатами, гармоника, хохот и плач на вокзалах, погоны, лошади, орудия, лафеты, белые вагоны санитарные, хмурые облака, бездомный ветер»¹⁹.

В отношении войны в романе «Золотой узор» довольно отчетливо проступает общая славянофильская ориентация писателя – православно-патриотическое восприятие конфликта, поэтому известная оппозиция «война / мир» преломляется у Б. Зайцева в оппозицию «Россия / Италия». Для Али Шинваршира эта оппозиция заключена в противостоянии «Запад / Восток». Недаром уже в первой главе профессор географии Санин высказывает разные точки зрения на географическое положение Баку: «Некоторые ученые относят южные склоны Кавказских гор к Азии, другие же полагают, что страну следует рассматривать как часть Европы, учитывая культурное развитие Закавказья. Поэтому, дети мои, можно сказать, что отчасти и вы ответственны за то, будет ли наша страна принадлежать к прогрессивной Европе или реакционной Азии»²⁰. Эти слова служат своеобразным ключом к пониманию идейного замысла романа и направления развития личности героя. Взгляд Али Шинваршира близок позиции героев М. Агеева и Б. Зайцева: герой

также занят переживаниями своего сердца, но постепенно в нем происходит движение от личного к общественному, происходящее на фоне русско-европейской переориентации азербайджанского общества, нуждающегося в прогрессивно мыслящих гражданах.

Таким образом, очевидно, что опубликованный в 1930-е годы на немецком языке в Европе роман российского эмигранта о проблемах современного ему азербайджанского общества должен обладать довольно широким художественным контекстом. Сопоставление «Али и Нино» с военной прозой русской эмиграции дало возможность увидеть и более близкие схождения: роман создан в русле классической традиции и соединяет в себе многие жанровые формы русского романа – любовный, авантюрный, философский, психологический и роман воспитания.

Очевидно, что тема Первой мировой войны не занимала значительного места в творчестве писателей-эмигрантов. Однако, судя по немногочисленным примерам, можно отметить, что война в произведениях писателей зарубежья представлена как место действия, как трагическая жизненная ситуация, вынуждающая принимать решения. Авторы передают отношение человека к войне, от равнодушно отстраненного до страстно желаемого, вводят читателей в суть споров о целях и задачах войны, переворачивающей судьбы героев.

Примечания

- ¹ Зайцев Б.К. Золотой узор: Романы, повести. – М.: Эксмо, 2010. – С. 225.
- ² Агеев М. Роман с кокаином. – М.: Издательский Дом Мещерякова, 2007. – С. 39.
- ³ Краснов П. От Двуглавого Орла к красному знамени, 1894–1921: В 4 т. – Берлин, 1921; М., 1996. – С. 119.
- ⁴ Мережковский Д.С. Тайна Запада: Атлантида – Европа. – Белград: Русские писатели, 1930. – С. 21.
- ⁵ Race T. The Orientalist: Solving the mystery of a strange and dangerous life. – N.Y.: Random House, 2005. – 297 p.

- ⁶ Фейзуллаева А. Азербайджанские писатели в России. Роль контактных связей в историческом развитии национальной литературы. – Баку, 2006. – С. 225–226.
- ⁷ Курбан Саид. Али и Нино. – Баку: Ганун, 2010. – С. 99.
- ⁸ Толстой А. Хождение по мукам. – Берлин; Москва, 1922. – Ч. 1. – С. 189.
- ⁹ Курбан Саид. – Указ. соч. – С. 91.
- ¹⁰ Там же. – С. 108.
- ¹¹ Там же. – С. 111.
- ¹² Там же. – С. 190.
- ¹³ Там же. – С. 196.
- ¹⁴ Толстой А. – Указ. соч. – С. 175.
- ¹⁵ Курбан Саид. – Указ. соч. – С. 103.
- ¹⁶ Там же. – С. 196.
- ¹⁷ Краснов П. От Двуглавого Орла к красному знамени, 1894–1921: В 4 т. – Берлин, 1921. – С. 163.
- ¹⁸ Курбан Саид. – Указ. соч. – С. 103.
- ¹⁹ Зайцев Б. – Указ. соч. – С. 195.
- ²⁰ Курбан Саид. – Указ. соч. – С. 5–6.

А.А. Ревякина

«ЛЮБИТЕ РОССИЮ!» – ГЕНЕРАЛ П.Н. КРАСНОВ (ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЭМИГРАЦИИ)

Современные исследователи и критики признают высокий патриотический пафос литературной деятельности писателя-воина; об этом ярко свидетельствует и его публицистический очерк «Любите Россию!»¹, опубликованный в 1919 г. (именно с этого года его автор – в эмиграции).

С 1990-х годов белый генерал-эмигрант П.Н. Краснов (1869–1947) вызывает все больший интерес как писатель². К настоящему времени переизданы все основные его художественные произведения разных жанров (военные очерки, рассказы, мемуары, исторические, приключенческие, утопические романы); вышло 10-томное Собрание сочинений³.

«Открыв для себя мир творений Петра Николаевича Краснова, не перестаешь удивляться простоте, красоте и богатству его языка, точности его образов, а главное – неподдельной искренности автора. В его произведениях – ... правда русской трагедии и вера в возрождение России», – читаем в православной газете «Воздвижение» от 22 сентября 2014 г. – в день 145-летия со дня рождения писателя-воина⁴.

Однако предыдущие несколько десятилетий эмигрант П.Н. Краснов прежде всего воспринимался как белогвардейский генерал, ярый противник советской власти, руководитель казачьего восстания 1918 г. на Дону, глава (Атаман) независимого Донского правительства, объявившего бойкот Советам, ближайший сподвижник вождей Белого движения⁵. С началом Второй мировой войны он стал руководителем казачьих соединений, входивших в вермахт, занимал пост начальника Главного управления казачьего войска Германии.

В своем стремлении любым путем отстоять «самостийность» донских казаков, их право на автономию, на создание «Юго-

РЕВЯКИНА
Алина
Александровна,
кандидат
филологических
наук,
ведущий
научный
сотрудник
ИНИОН РАН

Восточного союза» как «самостоятельно-го самоуправляемого целого»⁶ П.Н. Краснов «делал ставку» на «германскую ориентацию» – и в 1918, и в 1941 г. «В изломе двух эпох» Дону нужно было – *«впредь до восстановления России – стать самостоятельным государством»*, где перво-степенной остается *«вера христианская православная»*, а построение власти основано *«на любви к ближнему и к родной земле»*⁷. Однако, полагая использовать немецкую агрессию для освобождения России от советского режима, Атаман Всевеликого войска Донского отнюдь не мыслил в дальнейшем связывать судьбу Дона с тем или иным иностранным государством (будь то Германия или Украина). Дон видел себя в составе будущей Великой России.

Таковы, коротко говоря, определяющие идейные установки, которыми руководствовался П.Н. Краснов в самые яркие периоды своей жизни – Гражданской войны и «протестного движения во время Второй мировой войны», служившего продолжением Белого дела за освобождение России от большевиков. «Можно констатировать, – обобщает историк О. Игорев, – что в противоположность тоталитарной несвободе советской системы протестное движение выражало в первую очередь стремление к свободе – и гражданской, и духовной. Старая белая эмиграция, в том числе П.Н. Краснов, никогда этой внутренней свободы не теряла»⁸. Возросший интерес исторической науки к Белому движению стимулирует потребность дать всестороннюю оценку деятельности каждого из его вождей⁹.

Судьба П.Н. Краснова в высшей степени трагична: преисполненный высоким чувством сыновней любви к родине, он оказался в одном ряду с русскими коллаборационистами и был по приговору советского суда казнен в 1947 г. за контрреволюционную деятельность и сотрудничество с гитлеровцами.

В разные годы возникала тема реабилитации белого генерала, а в 2008 г. она

переросла в острую дискуссию. Одни задавались вопросом, не схожа ли идея оправдания Краснова в России с реабилитацией Бандеры на Украине и эсэсовской дивизии «Галичина», с реабилитацией эсэсовских карателей в Эстонии и в Латвии?¹⁰ Другие полагали, что «сознательный борец с советской властью не нуждается в реабилитации»¹¹, поскольку этот вопрос входит в круг компетенции более широкой проблемы – правовой, юридической оценки «политики репрессий в отношении миллионов советских людей»¹².

Проникновенные слова осознания бед своего народа и родины опальный генерал, христианин и патриот, успел сказать внучатому племяннику Николаю во время последней их встречи на Лубянке: «Что бы ни случилось – не смей возненавидеть Россию. Не она, не русский народ – виновники всеобщих страданий. Не в нем, не в народе лежит причина всех несчастий... Россия была и будет. Может быть, не та, не в боярском наряде, а в сермяге и лаптях, но она не умрет... Все переменится, когда придут сроки... Воскресение России будет совершаться постепенно, не сразу. Такое громадное тело не может сразу выздороветь. Жаль, что не доживу...»¹³

Стенограмма последнего слова подсудимого Краснова П.Н. (в 12-м томе следственного «дела» № Р-187 686) отразила его глубокое чувство раскаяния: «...Я осужден русским народом... Но я бесконечно люблю Россию... За мои дела никакое наказание не страшно, оно заслуженно... Я высказал все, что сделал за тридцать лет борьбы против Советов... и я не нахожу себе оправдания»¹⁴.

Трагедия этого «неоднозначного человека» нашла многоплановое отражение и в его литературном творчестве.

Родился Петр Николаевич Краснов в Санкт-Петербурге; его отец Николай Иванович Краснов (1833–1900) – генерал, военный историк и писатель. От своих предков Петр Николаевич воспринял любовь (до фанатизма) к военному делу, но и писательский талант. Первым в их роду

воином-литератором был дед Иван Иванович Краснов (1800–1871), известный стихами о Тихом Доне, историко-этнографическими очерками о казачьей службе; отец – генерал-лейтенант Войска Донского Николай Иванович Краснов (1833–1900) – стал историческим писателем, а старший брат Платон Николаевич Краснов (1866–1924) – писателем, переводчиком, критиком, публицистом¹⁵.

С 1891 г. очерки и рассказы П.Н. Краснова постоянно появляются в газетах «Русский инвалид», «Петербургский листок» «Биржевые ведомости», «Петербургская газета», а также в журналах «Отдых» и «Нива», в «Военном сборнике». Тема казачества оставалась центральной и в его первых книгах: «На озере» (1893), «Донцы: Рассказы из казачьей жизни» (1896; 1909), «Донской казачий полк сто лет тому назад», исторический роман «Атаман Платов», «Казаки в начале XIX в.» (все – в 1896), «Ваграм: Очерки и рассказы из военной жизни» (1898), «Казаки в Абиссинии: Дневник... 1897–1898 гг.» (1899; 1900; 1909), «Генералиссимус Суворов: Жизнеописание для войск и народа» (1900), «Борьба с Китаем: Популярный очерк столкновений России с Китаем в 1901 г.» (1901), «По Азии: Очерки Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии и Индии 1901–1902 г.», «Любовь абиссинки и другие рассказы» (оба – в 1903) и др.

Очерки, предназначенные для чтения в семье, школе и войсковых частях, отличались занимательностью. В ранних произведениях – «Картины былого Тихого Дона» (1909; 1913), «Российское победоносное воинство: Краткая история русского войска от времен богатырей до Полтавской победы» (1910), «Донцы и Платов в 1812 г.» (1912) – определились главные особенности творчества Краснова: «...офицер и литератор идут в них рука об руку»; его «стилевая манера» отличалась «непрерывной опорой на действительные факты и документальные источники»; у автора «всегда с собой

блокнот, в который он заносит свои наблюдения и размышления о войне и мире»¹⁶. Достоверность и объективность – эти качества сообщили исследовательский характер его прозе о гражданской войне; таковы его заметки «На внутреннем фронте: Очерки боевых действий» (1926; 1928). Мемуары генерала вошли в узкий круг оппозиционных советскому режиму произведений, изданных на родине.

С 1919 г. П.Н. Краснов – в эмиграции; с марта 1920 г. – в Германии; в ноябре 1923 г. переехал во Францию, поселился в Сантени, в окрестностях Парижа; в 1936 г. вернулся в Германию.

В 1921–1943 гг. он опубликовал не один десяток книг. «С особой силой имя П. Краснова зазвучало на страницах эмигрантской печати. Г. Щепкин (1919), С. Денисов (1922), В. Амфитеатров-Кадашев (1922), К. Каклюгин (1924), В. Орехов (1929), Е. Тарусский (1930), К. Попов (1934), В. Крюков (1937) и некоторые другие обращали внимание читателя прежде всего на духовную, душевную необходимость явления Краснова», – пишет М.С. Зайцева, современная исследовательница его творчества¹⁷. По ее мнению, романы «От Двуглавого Орла к красному знамени, 1894–1921» (1921; 2-е изд., перераб. 1922), «Единая-неделимая» (1925), «Понять-простить» и «Белая свитка» (оба – 1928) «поистине сделались необходимыми» и в нашу эпоху «тотального забвения русским народом своих исторических корней, в эпоху очередного переписывания нашей истории». М.С. Зайцева отмечает положительные акценты в откликах эмигрантских писателей – И. Бунина, А. Куприна, Р. Гуля; напоминает существенное наблюдение А. Амфитеатрова о Краснове как основателе новой науки – «военной психологии». Противоречивые оценки характерны для откликов Г. Адамовича: он признал «очевидность беллетристического дарования» у автора романа «От Двуглавого Орла к красному знамени»,

но после прочтения романа «Единая-неделимая» разочаровывался в писателе, назвав его «самоуверенным и ограниченным человеком»¹⁸.

Самым известным стал четырехтомный роман-эпопея «От Двуглавого Орла к красному знамени: 1894–1921» (многократно переиздан¹⁹; переведен на все европейские языки). В периодике роман был встречен благожелательно²⁰. В нем находили правдивое отражение главные события царствования Николая II и первых пореволюционных лет, свидетелем и участником которых был сам автор: будни армии и жизнь петербургского света, русско-японская война, германская кампания 1914–1918 гг., Февральская и Октябрьская революции, разложение армии, гражданская война, красный террор. В эпопее русская революция представлена «с белой стороны». Гибель бесстрашного генерала-патриота Саблина изображена в торжественно-патетических тонах: будучи христоролюбивым православным человеком, он далек от желания мстить мучителям. Этот Георгиевский кавалер, генерал свиты Его Величества, не изменивший своему государю, – «испытал то светлое чувство, какое испытывали первые христианские мученики», – читаем в романе. Создавая в эпопее галерею русских воинов из «белого» стана – стойких, нестигаемых, верных заветам рыцарства, писатель стремился к максимальной правдивости изображения (но оставался явно тенденциозным мыслителем).

Роман «От Двуглавого Орла к красному знамени» – один из серии произведений о «русской смуте» на разных ее исторических этапах. Сам писатель так разъяснял свой замысел: «Я решил... изобразить жизнь различных классов Русского общества, и эта работа вылилась в четыре романа. В первом – “От Двуглавого Орла к красному знамени” – я изображал, как жили до войны, как воевали и как пережили смуту люди высшего общества. Во втором и третьем – “Опавшие листья”²¹ и “Понять – простить”²² – я беру

интеллигентную, среднюю семью Кусковых и семью бедного чиновника Лисенко... В романе “Единая-неделимая”²³ я изображаю... жизнь южнорусского крестьянина. Здесь... пытаюсь найти пути, по которым могла бы выйти Россия из кровавого тупика...

Все четыре романа... связывает в главных очертаниях: единство времени – последняя историческая эпоха Императорской России, война и смута; единство места – С.-Петербург и Юг России, и единство быта – русский военный и мирный быт... Я буду счастлив... если читатель поймет, где скрывается та единая-неделимая, спаянная братскою любовью Россия, которая... озарит святым учением Христа народы Запада, погибающие в материализме... Когда воссияет над Россию снова тот Тихий Свет, что был над нею в дни ее славы, когда мы Бога боялись и Царя чтили, тогда снова встанет она: Великая, Единая и Неделимая». Последний роман тетралогии получил ряд откликов в прессе²⁴.

И в других, примыкающих к этой серии романах – «С нами Бог» (1927), «Largo» (1930), «Выпашь» (1931), «Подвиг» (1931), «Ненависть» (1934), «Домой! На льготу» (1936), – читателей впечатляли красочные подробности русского быта, характеры героев, высокие свойства «русской души». Вместе с тем П. Краснов озвучивал здесь и свое отношение к государственному строю России до революции и после нее, резко критикуя большевизм.

В эмигрантской периодике произведения П. Краснова получали по преимуществу краткие сочувственные оценки²⁵. На этом фоне выделяется труд К.С. Попова «“Война и мир” и “От Двуглавого Орла к красному знамени”» (Париж, 1934), где сопоставлению двух эпопей посвящено 100 страниц.

У читателей современной России одним из самых популярных в жанре исторического повествования стал неоднократно переизданный роман «Цареубий-

цы: (1-е марта 1881 г.)»²⁶, где автор изобразил тип революционера, воплотившего в жизнь то, что некогда проповедовали герои «Бесов» Ф.М. Достоевского. В наше время роман включен в комплект из 56 книг «Россия державная»²⁷.

В основе повествования – три поколения фамилии Разгильдяевых, а через них – жизнь петербургского света в конце XIX в., участие русских войск в Балканской войне 1877–1878 гг. (переправа через Дунай, третий штурм Плевны, портрет 35-летнего генерала М.Д. Скобелева, государь-император на войне), а также любовь и мученическая смерть Александра II. В романе также нашли отражение история трагических заблуждений и преступление Софьи Перовской и Андрея Желябова, перипетии жизни сопутствовавших им Н.И. Кибальчича (изобретателя, которому не терпелось испытать свой снаряд на людях «во имя науки»), Геси Гельфман, Льва Тихомирова, В.Г. Плеханова (покинувшего народолюбцев, как только они объявили, что переходят к террору) и т.п. И все-таки духовный центр романа в ином: его составляют две романтические фигуры, две русские души, мятущиеся в поисках правды, – Вера Ишимская («тургеневская девушка», живущая у Разгильдяевых, их дальняя родственница, сирота) и князь Болотнев (проклятый отцом, изгнанный из родительского дома). Первая оказывается в стане террористов-революционеров; второй приходит к полному безверию, скептицизму, отрицанию России. Через их судьбы, «пересекающиеся и навсегда разошедшиеся», писатель стремился раскрыть свое понимание психологических особенностей ключевого для России периода – царствования Александра II как освободителя и мученика, павшего жертвою своего доверия к людям, своего человеколюбия»²⁸. Краснов воссоздал в романе разоблачительные картины кровавого террора, развязанного народолюбцами. Концепция про-

изведения прочитывается в самом его названии: «Цареубийцы».

Эту тему разрабатывали известные советские писатели – О. Форш («Одеты камнем», 1924–1925), Ю. Давыдов («Глухая пора листопада», 1968), Ю. Трифонов («Нетерпение», 1973); но, в отличие от Краснова, они в основном романтизировали народолюбцев, рисовали их героями-одиночками, самоотверженно жертвовавшими собой ради высоких идей.

В эмиграции П. Красновым были написаны также романы: «Белая свитка» (1928; 2006) – утопическое повествование о Москве XVII в., «С Ермаком на Сибирь» (1929; 2012); «Цесаревна: 1709–1762» (1933; 2012; 2013) – о жестоком времени правления и судьбе императрицы Елизаветы Петровны, дочери Петра I; «Екатерина Великая: 1729–1796» (1935)²⁹ – хронологическое продолжение предыдущего романа, суммирующее размышления автора о бремени царской (верховой) власти, об ответственности перед потомками. Главной «героиней» всех произведений является Россия, которой П.Н. Краснов служил всю жизнь, в том числе и своими историческими романами.

* * *

Работоспособность и плодовитость П.Н. Краснова особенно поражают, если напомнить, что он все время, пока находился в эмиграции, был активным сотрудником газеты «Русский инвалид» (Париж, 1924–1940), где не только публиковал серьезные статьи на военные темы, но и печатался в разделах «Библиография», «Литературные заметки», выступая в качестве литературного критика. Эта часть творческого наследия Краснова может рассматриваться как отдельная страница его литературной деятельности.

«В единении наше спасение, в расколе – наша гибель» – этот бессменный девиз «Зарубежного союза русских военных ин-

валидов» и газеты «Русский инвалид» (Париж, 1924–1940, 1960–1978) был провозглашен в статье А.И. Деникина «Искание родины», опубликованной в первом однодневном выпуске «Русского инвалида» (1924, ноябрь). Газета явилась одним из периодических изданий, стремившемся на своих страницах воссоздавать и сохранять исторический, военный, бытовой колорит и самый дух утерянной родины. Поддерживалась память о дореволюционной России, насаждался культ прошлого («хранилища национального духа»). Защита России велась по разным направлениям – как гражданским, так и военным. Разрабатывалась постсоветская концепция национально-государственного развития России и ее Вооруженных сил, новое понимание патриотизма³⁰.

П.Н. Краснов был сотрудником и того «Русского инвалида», который выходил в Петербурге в 1813–1917 гг.; его первая публикация появилась здесь 17 марта 1891 г. И с тех пор статьи П. Краснова не сходили со столбцов «Русского инвалида», который после закрытия в 1917 г. возобновил свою деятельность в Париже. Здесь в 1924 г. «Русский инвалид» стал сначала ежегодной однодневной газетой, а в 1930 г. – еженедельной военно-научной и литературной газетой русской эмиграции³¹.

7 мая 1931 г. в № 1 «Русского инвалида» печаталась редакционная статья «Генерал П.Н. Краснов: (К 40-летию его военно-литературной деятельности)», где рассказывалось о его работе в газете с 1891 г.³²

Свои литературно-критические публикации П. Краснов подписывал псевдонимом «Гр. А.Д.». Этот графский псевдоним отсылает к имени его строевой лошади, служившей ему под седлом 23 г.; скакуна звали Град. Такой псевдоним неслучаен, ибо для Краснова лошадь была еще и воплощением красоты, а «красота зовет на подвиг», – писал он, противопоставляя грацию коня аэропланам и танкам с их неизменными спутниками – «уродливыми масками противоголов, керосином, бензином, всяческой химией»³³.

178

В петербургском, а затем в парижском, издании газеты П.Н. Краснов опубликовал огромное количество статей; его называли «примадонною» «Русского инвалида». Не случайно поэтому материал, которым в газете открывался раздел «Библиография», был посвящен П.Н. Краснову; рецензировался роман «Largo»³⁴ – первый в его трилогии о русской интеллигенции. Знаменитая композиция Генделя в темпе *largo* исполняется в романе на скрипке, виолончели и рояле на званом вечере (в доме Тропарёвых в Петербурге) и несет определенную смысловую нагрузку – имеется в виду широкое, величественное и неспешное течение жизни в России в довоенное время.

Однако, по мнению рецензента Н. Чебышева, этот замысел писателю не удался: бросается в глаза «отсутствие “сцепки” между людьми и делами, выведенными в романе»; много выдуманного (особенно фигуры революционеров). К тому же характеры психологически не выдержанны; утомительны неловкие «переклички» с Достоевским (атмосфера убийства Якова Тропарёва – прозектора, члена муниципального совета Министерства внутренних дел) и с Л. Толстым (офицер Брянский напоминает Вронского); не к месту (и с антисемитской окраской) вводится в повествование киевское дело Бейлиса (под псевдонимом дела Дреллиса). К достоинствам романа критик отнес его «кинематографическую» увлекательность; сцены военного быта «насыщены правдой подлинных наблюдений»; удачен тип русского кавалериста-офицера Ранцева (Петрика).

По мнению современных критиков, рисуя офицерскую среду и жизнь различных слоев общества, писатель дает беспощадный анализ причин и следствий происходящего, и вместе с тем лирические страницы романа заставляют вспоминать лучшие образцы прозы А.И. Куприна и И.А. Бунина.

В рецензии на второй роман трилогии – «Выпашь» (1931) – Н. Алексеев отмечал, что писатель развернул перед читателем

«грандиозную и глубоко захватывающую картину падения и крушения нашей Великой Родины, душа которой (весьма образно уподобляется выпашке – выпашанному, усталому полю) не выдержала тяжких и длительных испытаний, вызванных мировой войной»³⁵. В романе нашли отражение события гражданской борьбы, а также жизнь военных в эмиграции (тут и Общевоинский союз, и Высшие военно-научные курсы, и непривычная для офицеров работа на заводе, таксистами и т.п.).

Рассматривая третий роман трилогии – «Подвиг» (1932) – Н. Алексеев цитировал предисловие самого автора. П. Краснов указывал, что ставил своей целью «нарисовать читателю картину жизни русских людей толпы, без имени, без исторического значения, тех маленьких добросовестных ротных командиров, профессоров, врачей... кто был... вольными или невольными пособниками революции и разрушения России... кто за своими ежедневными работами и заботами, за своей *службой* проглядел страшное дело темных сил, по своему простодушию... ему не поверил, а когда понял и увидел совершившееся – не принял новой власти, ополчился на нее, боролся с ней, не победив, удалился за границу, чтобы тяжким трудом зарабатывать горький хлеб изгнания и накапливать силы в твердой вере в неизбежность борьбы за Россию»³⁶. Трилогия охватывала жизнь целого поколения в течение 20 лет (1911–1931), воспроизводя «живые картины действительной жизни в мире, на войне и за границей»³⁷, – обобщал рецензент. Роман «Подвиг» кончается утопией об освобождении России от большевиков.

Критик, выступавший под псевдонимом Карабин, отметил ключевые моменты в содержании романа «Ненависть»: патриархальная, дружная, проникнутая духом религиозности, любви, труда жизнь мелкобуржуазной служилой семьи (Жильцовых в Петербурге, Антонских в Гатчине, есаула

Вехоткина на Дону); война, революция, большевистское владычество (убийства, расстрелы, смерти от голода и т.п. выводят героев из жизни одного за другим); гибель патриарха семьи – Матвея Жильцова; превращение его хутора, когда-то богатого, в обнищавший колхоз имени К. Маркса; дикий расстрел хуторян по приказу его сына Володи Жильцова, ставшего Гранитовым, видным большевистским деятелем; зверское убийство полковника Вехоткина; смерть главной героини – Жени Жильцовой. «Дьявольскою ненавистью проникнуто все учение и властвование коммунистов, и единственным ответом им может быть только жгучая ненависть»³⁸, – заключал рецензент, обобщая идейное содержание романа. Другой критик писал о романе «Ненависть»: «...картинно представленная параллель» – предбольшевистской Святой Руси и красной России под тиранической властью большевиков – «производит неизгладимое впечатление»³⁹.

В разделе «Библиография» рецензировались также романы «Цесаревна: 1709–1762» и «Екатерина Великая: 1729–1796». В романе о дочери Петра I Елизавете Петровне «мастерски выполнены зарисовки цесаревнинных развлечений, охоты, карусели, дворцовых интриг», – писал рецензент, подчеркивая, что Краснов вдохновлялся событиями, решающими для последующих судеб молодой Российской империи. «Лишь дворцовый переворот, выполненный цесаревной, сохранил России тот исторический путь, на который она была поставлена великим отцом»⁴⁰. Говоря о романе «Екатерина Великая», критик (под псевдонимом Карабин) напомнил слова самого Краснова: он полагал главной «только одну сторону жизни Екатерины II – ее роман, где героем – Екатерина Алексеевна, а героиней – ...Россия, которую она полюбила со всею страстностью своей не женской, но мужской натуры, обладания которой добивалась и всех соперников своих устраняла с холодной жестокостью»⁴¹.

В рубрике «Литературные заметки» П. Краснов сам выступал как рецензент (неизменно подписываясь псевдонимом «Гр. А.Д.»). Он положительно отозвался о романах «Защита Лужина» В.В. Сирин и «Бегство» М.А. Алданова, отметив их своеобразие и связь с русской классической литературой⁴².

Роман А.И. Куприна «Юнкера» (1933) он оценил в художественном плане на уровне толстовских «Казачков»⁴³. Эту рецензию, а по сути статью, можно считать программной, поскольку в ней выразились мировоззренческие установки писателя. Пересказывая роман, Краснов не только выявлял достоинства произведения, воспринимаемого как «поэма в прозе, звучная песня о далекой нашей молодости... о домовитой, крепкой в любви и привязанностях, семейной, радушной, гостеприимной и патриархальной Москве», но и утверждал свою позицию в отношении к царской армии. Для Краснова в этой области не могло быть и тени критики. С негодованием он обрушился на рецензента газеты «Часовой»⁴⁴, осмелившегося напомнить, что А. Куприн в повести «Поединок» (1905) «с мужеством хирурга вскрыл те гнойные раны, которые были на теле армии».

П. Краснов резко обрывает критика: «Я гнойных этих ран не видел...» И далее выступает безоговорочным защитником царской армии от любых обличителей – будь то А. Куприн или А. Деникин в его очерках «Старая армия» (1929; 1931), или кто-либо иной: «Дело в том, что все мы, и Куприн в том числе, часто впадаем в “интеллигентскую” ошибку и становимся, отдаваясь духу времени, несправедливыми и жестокими в оценке людей и событий»⁴⁵.

По убеждению Краснова, в «Поединке» Куприна «печать нелюбви к армии» объясняется тем, что писатель «посмотрел на окружающую его офицерскую среду глазами литературно-актерской богемы, либерализма»; Деникину же либо просто не везло, и он постоянно наталкивался на беспорядки и гнусности, либо «по складу

своего характера он умел и хотел подметить... только теневые стороны, опуская светлое». П. Краснов же в соответствии со своими наклонностями и приоритетами, напротив, видел в прошлом старой армии много «красоты... чести и... славы»⁴⁶.

В другой рецензии – на книжку С. Гребенщикова «Родина», вышедшую в Сербии, – П. Краснов утверждал: «Быт старой русской императорской армии временами был так красив и поэтичен, что многие русские большие поэты им вдохновлялись»⁴⁷. Критик выделил «больших певцов воинской жизни» – Д. Давыдова, Лермонтова, Фета, Августейшего поэта К.Р. (Константина Романова); но и менее известные поэты русской армии оказались способными, продолжал он, создавать «прекрасные сны» о великом прошлом родины.

Краснов представил в рецензии всех постоянных поэтов «Русского инвалида», воздавая должное их патриотизму: таковы поэт-воин (Семеновец) кн. Ф.Д. Касаткин-Ростовский, Изюмский гусар В.А. Петрушевский (обосновался на о-ве Ява), Н. Туровцев (Атаманец) и, наконец, поэт С. Гребенщиков, на войне командовал Драгунским полком, а потом стал певцом «державной красоты Петербурга и меланхолической прелести Версаля русского – Петергофа». Стихи из его книжки «Родина» были об императоре Николае I, о Суворове, о русском храме в Белграде, о радости молитвы под старыми знаменами, о славе своего полка и т.д. Но в целом все они – о России: «... Русь необъятная / Всем непонятная, / Вечно жива ты во мне»; «Родина дальняя / Многострадальная – / Сколько в тебе красоты...». Всем, кому дорого и мило незабвенное прошлое, писал Краснов, «эта маленькая тетрадка доставит тихое удовольствие милого воспоминания»⁴⁸.

В «Русском инвалиде» публиковались главы некоторых произведений писателя. В 1935–1936 гг. из номера в номер печатался роман из жизни пограничного гарнизона «Накануне войны», вышедший отдельным

изданием в Париже в 1937 г. Рецензия тоже публиковалась в газете⁴⁹.

Краснов создал несколько автобиографических документальных книг; среди них «Павлоны» – описание жизни и быта юнкеров Павловского военного училища, которое он окончил в 1888 г.; фрагменты воспоминаний печатались в «Русском инвалиде» в 1931–1940 гг. (отд. изд. – 1943). Очерки «Старая Академия» (об учебе в Петербургской академии Генерального штаба) опубликованы в № 41–48 газеты за 1932 г. – в преддверии торжественного празднования в Париже 100-летия Императорской военной академии⁵⁰. Главы автобиографической книги «На рубеже Китая» печатались в течение 1937 г. (отдельное издание – Париж, 1939); Краснов рассказывал здесь о командовании 1-м Сибирским полком на китайской границе в Туркестане.

В 1939 г. газета отмечала 50-летие со дня производства П.Н. Краснова в первый офицерский чин⁵¹. И вместе с этим подчеркивалось, что он был 48 лет постоянным сотрудником «Русского инвалида», воспитывая в увлекательной форме не только офицеров, но «целые поколения... русских людей в преданности Престолу и Отечеству».

Показательно, что когда в 60-е годы «Русский инвалид» был возобновлен в Париже, на его страницах снова оказался П.Н. Краснов. В № 135 за 1961 г. сообщалось, что еще в 1943 г., в разгар мировой войны, писатель передал Главному правлению «Зарубежного союза русских военных инвалидов» два своих произведения: роман «В житейском море» и повесть «Погибельный Кавказ». Глава из романа «В житейском море» публиковалась в 1962 г. (№ 136); в том же году вышло его отдельное издание⁵². Рецензентом выступил главный редактор газеты генерал С. Позднышев. «Философия книги, – писал он, – жизнь как море. Мы в ней – щепки, несомые волнами. Иногда море бывает бурным. Иногда море бывает умиротворенным... Книга рассказывает о судьбе трех офицеров-товарищей,

жизненные дороги которых по окончании военного училища разошлись в разные стороны... П.Н. Краснов – певец старой России, в особенности той среды, в которой протекала его военная служба и карьера... На имперское, блистательное величие России он молился повсюду: в царственном Санкт-Петербурге и на бесконечно далекой от столицы сибирской окраине государства Российского. Для каждого места он находил соответствующие краски и восторженные слова. В книге разлито сыновнее любованье русских людей своей Родиной, ее мощью, величием и пространственной беспредельностью...»⁵³

* * *

Особенностью современного этапа более углубленного изучения наследия П.Н. Краснова является пристальный интерес к раскрытию идейно-художественного своеобразия его произведений. В таком ракурсе представляются актуальными: комплексная проблема изучения «национально-исторического характера» и «литературно-социологических аспектов» прозы П.Н. Краснова⁵⁴, а также анализ свойственной писателю «художественной концепции личности»⁵⁵. При этом, естественно, возникает разговор о традициях, на которые опирался писатель. В первую очередь речь идет о романе-эпопее «От Двуглавого Орла к красному знамени» (1922), изначально ориентированной на эпопею Л. Толстого. Вместе с тем повествование самого П. Краснова является ближайшим предтечей по отношению к «Тихому Дону» (1925–1940) М. Шолохова⁵⁶, где уделено определенное внимание личности и деятельности казачьего Атамана.

Свидетельства признания самим П. Красновым «безусловной» правдивости его изображения в эпопеи Шолохова содержатся в статье Б. Ширяева «Воля к правде» (1966), где на вопрос автора П. Краснов подтверждает: «...факты верны, а освещение этих фактов... вполне соответствует истине». По

убеждению Краснова, создатель «Тихого Дона» – «исключительный, огромный по размерам своего таланта писатель», который заслуживает столь высокой оценки, «потому что он написал правду»⁵⁷.

Критики полагают, что есть основания говорить о заимствовании Шолоховым у Краснова сюжетов и образных приемов. Так, приемы изображения в «Картинах былого Тихого Дона» (1918) и в повести «Степь» (1922), а также некоторые эпизоды воспоминаний Краснова под названием «Всевеликое Войско Донское» (1922) заметно сказались в творчестве М. Шолохова – в его «Тихом Доне» и в повести «Лазоревая степь» (1926).

Произведения П. Краснова в его время читали и на родине, хотя здесь они были доступны немногим. При работе над своими самыми значительными романами М. Булгаков и Б. Пастернак черпали фактический материал в творчестве П. Краснова как непосредственного участника революционных событий, отмечает М.С. Зайцева⁵⁸. Исследуя «художественную концепцию личности» в исторической прозе, она раскрывает своеобразие и крайности, собственные взглядам названных писателей.

Аналитический подход М.С. Зайцевой к исследованию проблем личности определяется методологией южнорусской литературоведческой школы, основанной Ю.М. Павловым⁵⁹. Разработанную ученым типологию героев – их градацию по принципу разделения на «православный, амбивалентный и эгоцентрический типы личности» – М.С. Зайцева применяет при рассмотрении романа П.Н. Краснова «От Двуглавого Орла к красному знамени». В качестве основного назван «духовно-метафизический критерий» оценки художественной концепции личности, предполагающий опору «на традиционные ценности русской литературы, в основе которой лежит православная вера». Анализ произведения осуществляется в контексте романов «Белая гвардия» М. Булгакова, «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Тихий Дон» М. Шолохова. Все названные романы «объединяет православный подход

к рассмотрению личности». В разной художественной манере писатели осмысливают судьбу человека в вихре истории. Их взаимовлияние с учетом христианских исходных позиций позволяет ставить «вопрос о национальной идентификации и самоидентификации» героев, раскрыть специфику понимания тем или иным писателем «категорий, определяющих духовно-нравственный мир личности», выявить и оценить разные типы личности с точки зрения авторской концепции и русской христианской философии.

По мнению М.С. Зайцевой, «идеологическая направленность в романе долее над художественным мастерством П.Н. Краснова. Главное для писателя – стремление убедить читателя в том, что монархия – единственно возможный государственный строй для России в силу особенностей национального характера. Только мощная централизованная власть, освещенная Верой в Бога и глубокой любовью к Отечеству, способна обуздать, с точки зрения автора, буйство русского нрава. Монархический строй во главе с Царем – помазанником Божьим – ценностная система, воспитываемая Православной Монархией, пробуждала к жизни, как показывает П. Краснов, то лучшее, что есть в русской душе, – силу любви к ближнему, самоотверженность, способность на самопожертвование, подвиг. Стремление исследовать в первую очередь не людей, а идеи в целом, тот или иной государственный строй резко отличает произведение П. Краснова от большинства отечественных романов XX в.»⁶⁰

С наибольшей очевидностью их различие проявляется в подходах к созданию отрицательных персонажей. Именно в таком аспекте в его романе «От Двуглавого Орла...» предстают образы «вершителей революции». Рассматривая систему персонажей в романе, И.И. Шлыгин отмечает ее предельную поляризованность; при этом на первом плане у него всегда трагедия России и русского народа, а «конкретная личность и ее судьба осмысливаются как элемент общего историко-бытового полотна»⁶¹.

В общей структуре «геройного» мира романа действующие лица разделены на тех, кто служит «Богу, Царю и Отечеству», и тех, кто служит злу: это и «новые политические лидеры (Троцкий, Ленин и др.), и люди, связанные с царской семьей, и близкие к власти (Распутин, например), и нелюди из “чрезвычайки” (Коржилов, Гайдук, Бродман и др.)...»⁶². В портретах подобных героев намеренно подчеркнута нечто непривлекательное: у Ленина были «коротенькие ножки и длинное туловище с ясно обозначенным круглым животом», «маленькие косые глаза», «ничего русско-го», «идиотская, бессмысленная улыбка», следы вырождения от «умственной не по разуму работы, сытой, спокойной, неподвижной жизни философа» и т.п.

Одним из ключевых образов «вершителей революции» стал Виктор Коржилов – «убийца, любящий свое дело, предатель, перебежчик». Создавая его образ, автор стремился запечатлеть «явленность», открытость и торжество зла «под красным знаменем», для чего использует также «прием многократных самохарактеристик героя». Показательно, что темное начало в Викторе Коржилове отражается прежде всего в его делах, а внешне он привлекателен, как и его отец Александр Саблин – бесстрашный генерал-патриот. «Встреча Александра Саблина и Виктора Коржилова, отца и сына, царского генерала и садиста из “чрезвычайки”, палача и жертвы, – это прежде всего поединок, столкновение светлых и темных сил». В этом поединке Коржилов проиграл, так как Саблин «сознательно выбрал путь мученичества и выдержал все искушения достойно»⁶³. Другая встреча Верцинского («посредника темных сил») с Коржиловым – интеллигента-атеиста и революционера-садиста – служит раскрытию двух главных, с точки зрения писателя, пороков русской интеллигенции – это «постоянная болезненная рефлексия» и «стремление всегда оставаться в стороне», перекладывать свою вину на

кого угодно – царский «режим», Бога, сионских мудрецов и т.п. Для П.Н. Краснова, обобщает И.И. Шлыгин, «представители демократической интеллигенции» – важная составная часть того зла, которое поглотило Россию. Они исподволь готовили революцию, ведя при этом разговоры о свободе и «гнилом» царском режиме, «лицемерно отрицая насилие»⁶⁴. Работа писателя над романом сопровождалась увлеченностью, желанием разобраться в произошедшем и найти приемы изображения, позволяющие показать неоднозначность трагедии России, случившейся при переходе «от Двуглавого Орла» к «красному знамени».

* * *

Особое место в творчестве П.Н. Краснова занимает роман «За чертополохом» (1922); писатель назвал это произведение «фантастическим романом»⁶⁵. Знаменательно, что последние его републикаторы выносят на обложку еще менее определенное, но, вероятно, более действенное (с рекламной точки зрения) жанровое обозначение «роман-фэнтези»⁶⁶.

Однако В. Амфитеатров-Кадашев, один из первых его критиков, дал другое определение жанра: «утопический роман приключений, ибо с внешней стороны он – ряд небывалых событий, а его внутренний смысл – попытка нарисовать русскую идеальную монархию»⁶⁷. Современные исследователи, по сути, уточняют это жанровое определение романа, называя его утопией о будущем «постбольшевистской России»⁶⁸, «фантастической утопией»⁶⁹, действие которой разворачивается приблизительно в 1960–1970-е годы, своеобразным поджанром «альтернативной» истории⁷⁰.

Напомним, что еще в 1990-х годах акцент ставился преимущественно на реакционности «консервативно-изоляционистской утопии»⁷¹ Краснова; подчеркивалось также присутствие в последующем творчестве

писателя той же темы возвращения «от красного кошмара» к патриархальной отчизне в романе «Белая свитка», в трилогии («Largo» – «Выпашь» – «Подвиг», 1930–1932) о судьбах русской интеллигенции.

В контексте современной истории роман может быть прочитан как социальная сатира, раскрывающая не только бессмыслицу коммунистического «рая-ада» (по замыслу автора), но и как «сатира на западные демократические институты», которым в романе противопоставляется объемная панорама «светлого будущего» как «реконструкция погибшей, но воскресшей Российской империи»⁷². На примере Германии (действие «европейской» части романа происходит в Берлине) Краснов показывает «торжество» демократии, обернувшееся «полной вседозволенностью». В странах Запада «пришли к власти повсеместно коммунистические и либеральные режимы... Свобода привела к падению нравов, развалу экономики, нищете, высокой смертности, снижению рождаемости»⁷³.

Роман Краснова – первое произведение в русской литературе, в котором предпринята попытка воссоздать картину будущей жизни России подробно, во всех аспектах – политическом, экономическом, культурном. Определяющие причины благополучия страны обозначены в романе отчетливо: восстановление самодержавия и православия; Россия – империя, и это, по убеждению Краснова, единственно возможная форма ее политического устройства.

Что же произошло в России, отгородившей в силу трагических обстоятельств от всего остального мира на 45 лет непродоходимой стеной чертополоха? После кровопролитной Гражданской войны и массового голода здесь чудесным образом была восстановлена монархия. «Народ дошел до отчаяния... Нужна была единая воля надо всей Россией...», – читаем в романе⁷⁴. И новым *самодержцем* стал «подлинный Романов», скрывавшийся в неизвестном месте «юноша пятнадцати лет, с царственной осанкой»⁷⁵. При поддержке казачества

царю из романа Краснова удалось объединить страну, создав новую систему управления, при которой владельцы земли и собственности не могут занимать руководящих должностей; таким образом, по логике писателя, «пресечено желание обогатиться, уничтожено желание брать взятки; этим люди власти всецело отданы на служение государству»⁷⁶. В России будущего решен и «рабочий вопрос»: «...нет спекуляции, нет банков, нет адвокатов, нет профессий, где бы можно было без труда иметь деньги... фабрики разбросаны среди природы, у каждого рабочего есть свой кусочек земли, свой сад, огород, животные. Рабочих случайных, бродяг, пролетарията... нет»⁷⁷.

В империи разъезжают на лошадях, но пользуются «дальнозорами»–«светодарами» (телевизоры) и «дальносказами» (радио, телефон, видеофон), «веди-лучами» (лазар). Сорокапятилетняя абсолютная изоляция России от внешнего мира пошла, по мнению утописта, ей только на пользу: расцвет науки и культуры, платное, но доступное всем образование, отсутствие частных банков, валютных и иных финансовых афер, компактные сверхпередовые армия и флот.

Большое внимание уделяется сохранению народных традиций. «Вся жизнь... зиждется на семье», возрождены «все старорусские допетровские обычаи: смотрины и сватовство, и сговор, и девешник... Случись с кем-нибудь несчастье, болезнь, пожарное разорение... всегда поможет родня. В родне самой скромной семьи – сотни членов»⁷⁸. Хотя Россия отгорожена от всего мира, но «в перспективе предполагается выйти на международную арену», установив дружеские отношения, в первую очередь с Германией. «Восстановлена цензура, но ликвидирована смертная казнь, а тюрьмы заменены на работные дома»⁷⁹.

Чертополоховая стена в романе является своеобразным «оберегом» новой России от сил «европейского зла», – отмечает П.С. Глушаков, указывая на «функциональный» смысл растения в системе

фольклорного миропонимания (чертогон – народное название травы, которая гонит бесов, порчу, всякие болезни). Семантика заглавия, считает автор, «достаточно многозначна, включает как фольклорно-мифологическую (обрядовую в своей основе), так и литературную основу» (стоит упомянуть аналогичный символ непреклонной жизнестойкости из толстовского «Хаджи-Мурата») ⁸⁰.

В утопически преображенной России осуществляется государственная языковая политика; литературное образование поставлено «на широкую ногу». Все заняты «придумыванием русских слов на смену иностранным». В романе традиционно для утопии выделены физическая красота и совершенство обитателей («населенников») «дивной земли». Обильный мир вещей, яств создан для блага прекрасных душой и телом людей. Не случайно первая пейзажная картина, представшая перед путешественниками («за чертополохом», намеренно пасторальна: «Холмы волнистыми, мягкими, зелеными грядками спускались к реке...») Речь героев перенасыщена прославлением русского национального образа жизни; однако избыточная категоричность их поведения не ощущается автором романа: «Быть русским – это все, о чем можно только мечтать» ⁸¹.

Закрытость, «непроницаемость друг для друга исторического и утопического миров» подчеркнута в романе через «мотив Стены»: имеется в виду не только физическая преграда (заросли чертополоха), но различие идеологических укладов. Утопия П.Н. Краснова – историческая «сказка» и, как таковая, она обязательно имеет счастливый конец; будучи наполнена «силой национального оптимизма, она преодолевает реальность, раздвигает рамки эмигрантского мира». Завершает роман страстная речь великой княжны Радости Михайловны: «Я довольна, всем довольна...

Я справлюсь... снесу свое личное горе во имя счастья своего народа!...» ⁸²

На современном этапе, обобщает П.С. Глушаков, роман «За чертополохом» воспринимается именно как «фантастический» – так он был охарактеризован и самим писателем. Примечательно, полагает В.Л. Гопман, что при всех недостатках романа, он по масштабности, «искренне-обостренной боли автора за свою страну, за ее будущее», может быть единственная в русской литературе 1920-х годов книга, которая способна встать в один ряд с романом-антиутопией Е. Замятина «Мы» (1920) ⁸³. И сейчас становится более очевидно, что без этого романа П.Н. Краснова изучение утопической линии в русской литературе будет неполным.

Через всю жизнь в эмиграции П.Н. Краснов пронес высокую патетическую тональность чувств, выразившихся в его очерке 1919 г. «Любите Россию!»; в нем есть слова, звучащие удивительно современно: «Вся история России – ...такое величие духа русского народа, что слезы навертываются на глаза, когда читаешь, как обороняли Русские Псков, как сражались под Нарвой, как побеждали под Полтавой, как из ничего создали великий флот. А Суворовские походы, а Русская армия, с венком свободы идущая в далекий заграничный поход к самому Парижу, а освобождение сербов и болгар, освобождение армян... С ядовитым шипением гады русской земли, бесы-разрушители счастья русского ищут только темные страницы русского быта. Описывают крепостное право, кивают на ошибки прошлого. Но разве не было этих ошибок у соседей?.. Мы молчим об этом. Потому что... выгоднее мутить народную душу коварными сомнениями и несбыточными мечтами, ибо в мутной воде легче плавать и проходить в люди...» ⁸⁴

Сегодня это высказывание воспринимается как напоминание об исторических уроках и как предостережение...

Примечания

- ¹ Краснов П.Н. Любите Россию! // Приневский край. – Нарва, 1919. – 3 дек.; То же // Казачий сборник. – Германия: Издание Лихтенгоретской казачьей станицы, 1922. – № 1. – Режим доступа: <http://krasnov-don.narod.ru/staty/lubiterossii/lubiterossii.html>; То же // Кубань. – Краснодар, 1992. – № 7–9. – С. 42–43; То же // Казачье зарубежье / Сост. Хохульников К.Н. – Ростов н/Д.: Терра, 1999.
- ² См.: Русанов А. О чем писал царский генерал?: (О литературной деятельности генерала П.Н. Краснова) // Россия молодая. – М., 1991. – № 11. – С. 64–65; Очирова Т. Писатель и воин // Байкал. – Улан-Удэ, 1994. – № 2. – С. 26–30; Сухих И. Генерал Краснов: Пером и шашкой // Нева. – СПб., 1994. – № 3. – С. 263–275; Сидоров В.С. Генерал, политик, писатель Пётр Николаевич Краснов, (1869–1947) // Донской временник: Краеведческий библиотечно-библиографический журнал. – Ростов н/Д., 1994. – Вып. 2. – Режим доступа: <http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/08/742/51.html>; Михайлов О.Н. Краснов П.Н. // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). – М.: РОССПЭН, 1997. – Т. 1: Писатели русского зарубежья. – С. 220–223; Ревякина А.А. П.Н. Краснов (1869–1947) как романист // Русское зарубежье – духовный и культурный феномен: Материалы Международной научной конференции: В 2 ч. – М., 2003. – Ч. 1. – С. 193–197; Ганин А.В. Пётр Краснов: Писатель и Атаман // Казачество великое, бесстрашное. – СПб., 2008. – С. 592–593; Юдин Вл. Пётр Краснов – генерал и писатель // Молодая гвардия. – М., 209. – № 3. – С. 273–284; Зайцева М.С. Жизнь и творчество П.Н. Краснова в журналистике, критике, литературоведении // Парус [Электронное издание]. – [Б. м.], 2013. – № 24. – Режим доступа: <http://parus.ruspole.info/node/4031>. Статья перепечатана на сайте ЛитБук: То же // ЛитБук [Электронный ресурс]. – [Б. м.], 2013. – 04.07. – Режим доступа: <http://litbook.ru/article/4218/>
- ³ Краснов П.Н. Собрание сочинений: В 10 т. – М.: Книжный клуб Книгобек, 2012.
- ⁴ сентября – 145 лет со дня рождения Петра Николаевича Краснова: Летопись прихода Крестовоздвиженского храма // Воздвижение (газета). – СПб., 2014. – Режим доступа: <http://krest-sobor.ru/?view=25910606>
- ⁵ См.: Деникин – Краснов – Врангель: Мемуары. – М.; Л., 1928. Они же: Гражданская война глазами Белогвардейцев. – М.; Л., 1928. – Т. 5: Переизд.: Белое движение: Мемуары А.И. Деникина, П.Н. Краснова, П.Н. Врангеля. – М.: Вагриус, 2006. См. также: Гречушкина Н.В. Белое движение в оценке русской эмиграции (Первая глава) // Гречушкина Н.В. Белое движение в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» и военно-исторической прозе русского зарубежья (А.С. Лукомский, А.И. Деникин, П.Н. Краснов): Дис... канд. филол. наук. – Елец, 2012.
- ⁶ Краснов П.Н. Казачья «самостийность» // [www.krasnov-don.narod.ru: интернет-сайт, посвященный П.Н. Краснову]. – [Б. м.], [б. д.] – Режим доступа: <http://www.krasnov-don.narod.ru/staty/ks/ks.html>; Первая публикация: То же // Двуглавый Орел. – Берлин, 1922. – № 25. – С. 1. См. также: Краснов П.Н. Предисловие // Синекоков В. Казачество и его государственное значение. – Париж, 1928.
- ⁷ Игорев О. Любите Россию: П.Н. Краснов в изломе двух эпох // Белое дело: Мемориально-просветительский и историко-культурный центр [Электронный ресурс]. – СПб., 2014. – 16.01. – Режим доступа: <http://beloedelo.ru/researches/article/?236>
- ⁸ Там же.
- ⁹ См.: Гражданов Ю.Д., Зимина В.Д. Союз орлов: Белое дело России и германская интервенция в 1917–1920 гг. – Волгоград, 1997; Смирнов А.А. Атаман Краснов. – М., 2003. – 368 с.; Тучапский А.К. Пётр Николаевич Краснов – судьба русского офицера: (Автореф. канд. дис.). – СПб., 2006. – 23 с.; Цурганов Ю.С. Белоэмигранты и Вторая мировая война: Попытка реванша, 1939–1945. – М., 2010. – 287 с. – (На линии фронта. Правда о войне).
- ¹⁰ Бондаренко В.Г. Не бел Краснов // Завтра. – М., 2008. – № 6. – Режим доступа: <http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/08/742/51.html>
- ¹¹ Интервью с кандидатом исторических наук К.М. Александровым «Генерал Краснов: Сознательный борец с советской властью не нуждается в реабилитации», сайт «Радио Свобода», 25.01.2008 г.
- ¹² Там же.

- ¹³ Краснов Н.Н. (мл.). Незабываемое, 1945–1956: Воспоминания: Материалы по трагедии казачества накануне, во время и по окончании Второй мировой войны / Предисл. П. Стрелянова (Калабухова). – М.: Рейттаръ – Станица, 2002. – 252 с. – Режим доступа: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=author&i=378>
- ¹⁴ Лабораторная страница Петра Краснова – биография, библиография, перечень изданий, рейтинг произведений, отзывы пр. // Лаборатория фантастики. – Режим доступа: <https://fantlab.ru/autor14461>
- ¹⁵ См.: Михайлов О.Н. Краснов П.Н. // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). – М.: РОССПЭН, 1997. – Т. 1: Писатели русского зарубежья. – С. 220.
- ¹⁶ Юдин В. «...услышите до последних земли...»: (Пётр Краснов – генерал и литератор) // Подъем. – Воронеж, 1913. – Вып. 4. – Режим доступа: <http://podyom.ruspole.info/node/4484>
- ¹⁷ Зайцева М.С. Жизнь и творчество П.Н. Краснова в журналистике, критике, литературоведении // Парус [Электронное издание]. – [Б. м.], 2013. – № 24. – Режим доступа: <http://parus.ruspole.info/node/4031>. Статья перепечатана на сайте ЛитБук: То же // ЛитБук [Электронный ресурс]. – [Б. м.], 2013. – 04.07. – Режим доступа: <http://litbook.ru/article/4218/>
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ См.: Краснов П.Н. От Двуглавого Орла к красному знамени, 1894–1921. – Берлин, 1921; То же. – 2-е изд., перераб. – Берлин, 1922; То же. – Рига, 1930–1931; То же // Нью-Йорк, 1971; То же: В 3 т. – Екатеринбург, 1994–1995; То же: В 2 кн. – М.: Айрис-Пресс, 2005; Краснов П.Н. От Двуглавого Орла к красному знамени: Гл. из кн. // Кубань. – Краснодар, 1991. – № 4. – С. 38–50; № 5. – С. 20–32; № 6. – С. 22–33; № 7. – С. 19–28; № 8. – С. 21–34; № 9. – С. 7–17; 1992. – № 1. – С. 5–18.
- ²⁰ См.: [Без подписи]. [Рец. на кн.:] Краснов П.Н. От Двуглавого Орла к красному знамени // Русская книга. – Берлин, 1921. – № 3; Куприн А. [Рец. на кн.:] Краснов П.Н. От Двуглавого Орла к красному знамени // Общее дело. – Париж, 1921. – 9 мая; Василевский И. [Рец. на кн.:] Краснов П.Н. От Двуглавого Орла к красному знамени // Последние новости. – Париж, 1921. – 31 июля; [Без подписи]. [Рец. на кн.:] Краснов П.Н. От Двуглавого Орла к красному знамени // Последние известия. – Ревель, 1921. – 5 авг.; [Без подписи]. [Рец. на кн.:] Краснов П.Н. От Двуглавого Орла к красному знамени // За свободу! – Варшава, 1924. – 6 мая.
- ²¹ Краснов П.Н. Опавшие листья. – Мюнхен, 1923; переизд.: Екатеринбург, 1995; М.: Книга по требованию, 2011. См. отклики: [Без подписи]. [Рец. на кн.:] Краснов П.Н. Опавшие листья // Звено. – Париж, 1923. – 26 марта; [Без подписи]. [Рец. на кн.:] Краснов П.Н. // Сегодня. – Рига, 1923. – 22 апр.; [Без подписи]. [Рец. на кн.:] Краснов П.Н. Опавшие листья // Руль. – Берлин, 1923. – 6 мая; Сломим М.. [Рец. на кн.:] Краснов П.Н. Опавшие листья // Дни. – Париж, 1923. – 27 мая.
- ²² Краснов П.Н. Понять – простить. – Мюнхен, 1924; переизд.: М.: Книга по требованию, 2011.
- ²³ Краснов П.Н. Единая-неделимая. – Берлин, 1925; переизд.: М.: Айрис-Пресс, 2004; 2014.
- ²⁴ См.: [Без подписи]. [Рец. на кн.:] Краснов П.Н. Единая-неделимая // За свободу! – Варшава, 1925. – 11 мая; [Без подписи]. [Рец. на кн.:] Краснов П.Н. Единая-неделимая // Русское время. – Париж, 1925. – 5 сент.; [Без подписи]. [Рец. на кн.:] Краснов П.Н. Единая-неделимая // Возрождение. – Париж, 1925. – 21 сент. См. также: Марыняк А.В. Писатель Петр Николаевич Краснов // Краснов П.Н. Единая-неделимая. – М., 2004. – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/krasnow_p_n/text_0230.shtml
- ²⁵ См.: Галич Ю. [Рец. на кн.:] Краснов П.Н. Выпашь // Сегодня. – Рига, 1931. – 9 июня; Пильский П. [Рец. на кн.:] Краснов П.Н. Домой! // Сегодня. – Рига, 1936. – 13 мая.
- ²⁶ 1Краснов П.Н. Цареубийцы: (1-е марта 1881 г.). – Париж, 1938; То же / Послел. Михайлова О., Лупырева А. – Ростов н/Д., 1992; То же / Послел. Новикова К. – М.: Панорама, 1994; То же. – М.: Прозерпина, 1994; То же. – М.: Современник, 1995; То же. – М.: АСТ: Астрель, 2010; 2011; То же. – М.: Мир книги: Литература, 2011.
- ²⁷ Россия державная (комплект из 56 книг). – М.: Мир книги: Литература, 2009. – Кн. 43: Цареубийцы. – (Сер. Россия державная). – Режим доступа: <http://www.ozon.ru/context/detail/id/32793776/?cid=dm68231&bid=1317425171>

- 28 Михайлов О., Лупырев А. Атаман войска Донского и его роман «Цареубийцы» // Краснов П.Н. Цареубийцы. – М., 1991. – С. 333–334.
- 29 См. переизд.: Краснов П. Императрицы [«Цесаревна» и «Екатерина Великая»]. – М.: Вече, 2010; То же: 2011.
- 30 См.: Ревякина А.А. «В единении наше спасение, в расколе – наша гибель!»: По страницам парижской газеты «Русский инвалид» // Проблемы литературы XX в. в поисках истины. – Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2003. – С. 338–347.
- 31 Русский инвалид: Военно-научная и литературная газета. – Париж, ноябрь 1924–5 июня 1940, май 1960–1978. Периодичность: ежегодно (1924–1929. № 1–5), ежемесячно (1930 – март 1931. № 1–13), раз в две недели (апрель 1931–5 июня 1940. № 14–133), ежегодно (1960–1974. № 134–164).
- 32 Русский инвалид: Военная газета. – Санкт-Петербург, 1813–1917; М., 1992 —
- 33 Краснов П.Н. Традиции // Русский инвалид. – Париж, 1930. – № 3.
- 34 Чебышев Н. [Рец. на кн.:] Краснов П.Н. Largo. – Париж, 1930 // Русский инвалид. – Париж, 1930. – № 5.
- 35 Алексеев Н. [Рец. на кн.:] Краснов П.Н. Выпашь. – Париж, 1931 // Русский инвалид. – Париж, 1932. – № 33.
- 36 Цит. по: Алексеев Н. [Рец. на кн.:] Краснов П.Н. Подвиг // Русский инвалид. – Париж, 1932. – № 48.
- 37 Там же.
- 38 Карабин. [Рец. на кн.:] Краснов П.Н. Ненависть. – Париж, 1934 // Русский инвалид. – Париж, 1934. – № 72. См. также: Гончаренко О.Г. Ненависть как двигатель революций... // Краснов П.Н. Ненависть: [роман]. – М., 2007. – С. 3–9.
- 39 [Без подписи]. [Рец. на кн.:] Краснов П.Н. Ненависть. – Париж, 1934 // Русский инвалид. – Париж, 1934. – № 74.
- 40 [Без подписи]. [Рец. на кн.:] Краснов П.Н. Цесаревна. – Париж, 1933 // Русский инвалид. – Париж, 1933. – № 57.
- 41 Карабин. [Рец. на кн.:] Краснов П.Н. Екатерина Великая. – Париж, 1935 // Русский инвалид. – Париж, 1935. – № 80.
- 42 Гр. А.Д. [Рец. на кн.:] Сирин В.В. Защита Лужина; Алданов М.А. Бегство // Русский инвалид. – Париж, 1932. – № 35.
- 43 Гр. А.Д. [Рец. на кн.:] Куприн А.И. Юнкера // Русский инвалид. – Париж, 1933. – № 51.
- 44 [Без подписи]. [Рец. на кн.:] Куприн А.И. Юнкера // Часовой. – Париж, 1932. – № 92.
- 45 Гр. А.Д. [Рец. на кн.:] Куприн А.И. Юнкера // Русский инвалид. – Париж, 1933. – № 51.
- 46 Там же.
- 47 Гр. А.Д. [Рец. на кн.:] Гребенчиков С. Родина // Русский инвалид. – Париж, 1932. – № 36.
- 48 Там же.
- 49 Позднышев С. [Рец. на кн.:] Краснов П.Н. Накануне войны. – Париж, 1937 // Русский инвалид. – Париж, 1937. – № 100.
- 50 А. Торжественное празднование в Париже 100-летия основания Императорской военной академии // Русский инвалид. – Париж, 1932. – № 50.
- 51 Головин Н.Н. Генерал Краснов: К 50-летию в офицерских чинах // Русский инвалид. – Париж, 1939. – № 138.
- 52 Краснов П.Н. В житейском море. – Париж, 1962.
- 53 Позднышев С. [Рец. на кн.:] Краснов П.Н. В житейском море // Русский инвалид. – Париж, 1962. – № 136.
- 54 См.: Канашкин А.В. Литературно-социологические аспекты прозы Петра Краснова и национально-исторический характер как комплексная проблема: Дис... кандидата филол. наук: 10.01.08. – Краснодар, 1997; Павлова О. Утопия генерала П.Н. Краснова «За чертополохом» в контексте размышлений В.В. Кожина о русском национальном характере // Наследие В.В. Кожина и актуальные проблемы критики, литературоведения, истории, философии в изменяющейся России: Материалы 4-й Международной научно-практической конференции. – Армавир, 2005. – Ч. 2. – С. 19.

- ⁵⁵ Зайцева М.С. Художественная концепция личности в историческом повествовании П. Краснова «От Двуглавого Орла к красному знамени» в контексте отечественного романа XX в.: Дис... канд. филол. наук. – Армавир, 2010. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/v/37632/d>
- ⁵⁶ Гречушкина Н.В. Белое движение в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» и военно-исторической прозе русского зарубежья (А.С. Лукомский, А.И. Деникин, П.Н. Краснов): Дис... канд. филол. наук. – Елец, 2012.
- ⁵⁷ Ширяев Б. Воля к правде // Часовой. – Брюссель, 1966. – № 476 (2), февраль. – С. 18.
- ⁵⁸ Зайцева М.С. Указ. дис.
- ⁵⁹ Павлов Ю.М. Художественная концепция личности в русской и русскоязычной литературе XX в. – М., 2003. – 204 с.
- ⁶⁰ Зайцева М.С. Указ. дис.
- ⁶¹ Шлыгин И.И. Вершители революции в романе «От Двуглавого Орла к красному знамени» П.Н. Краснова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – М., 2010. – Вып. 1. – С. 22–30. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/vershiteli-revolutsii-v-romane-ot-dvuglavogo-orla-k-krasnomu-znamenii-p-n-krasnova>
- ⁶² Там же. – С. 23.
- ⁶³ Там же. – С. 25.
- ⁶⁴ Там же. – С. 28, 30.
- ⁶⁵ Краснов П.Н. За чертополохом (фантастический роман). – Берлин, 1922; 2-е изд., перераб. – Рига, 1928. См. перензд.: Краснов П.Н. Соч.: В 2 кн. – М., 2000. – Кн. 1: За чертополохом; Краснов П.Н. За чертополохом: Роман-фэнтези / Биогр. предисл. Галенина Б. – М.: Фавор-XXI, 2002.
- ⁶⁶ Краснов П.Н. За чертополохом: Роман-фэнтези / Биогр. предисл. Галенина Б. – М.: Фавор-XXI, 2002.
- ⁶⁷ Амфитеатров-Кадашев В. О романе П.Н. Краснова «За чертополохом» // Руль. – Берлин, 1922. – № 453, 14 мая.
- ⁶⁸ Вагеманс Э. Постбольшевистская Россия: Утопический роман П.Н. Краснова // Театр. – М., 1992. – № 8. – С. 46.
- ⁶⁹ Пригодич В. Утопия, или Казнь через повешение // Русский переплет: Обзорение. – 14.06.2002. – Режим доступа: <http://www.pereplet.ru/kot/54.html>
- ⁷⁰ Глушаков П.С. Между утопией и историей: Историко-фантастический жанр в литературе русского зарубежья // Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX вв. – М., 2011. – С. 154.
- ⁷¹ А.Л. [Лукашин А.] Краснов П.Н. // Энциклопедия фантастики: Кто есть кто. – Минск, 1995. – Режим доступа: <http://scifi.spb.ru/authors/k/krasnov.p/krasnovp.htm>
- ⁷² Пригодич В. Утопия, или Казнь через повешение // Русский переплет: Обзорение. – 14.06.2002. – Режим доступа: <http://www.pereplet.ru/kot/54.html>
- ⁷³ Гопман В.Л. Роман П.Н. Краснова «За чертополохом» и традиция русской литературной утопии // Русское зарубежье – духовный и культурный феномен: Материалы Международной научной конференции. – М., 2003. – Ч. 1. – С. 199–200.
- ⁷⁴ Краснов П.Н. Соч.: В 2 кн. – М., 2000. – Кн. 1: За чертополохом. – С. 319.
- ⁷⁵ Там же. – С. 317.
- ⁷⁶ Там же. – С. 322.
- ⁷⁷ Там же. – С. 336–337.
- ⁷⁸ Там же. – С. 357–358.
- ⁷⁹ Гребёнкин И.Н., Репников А.В. Краснов Пётр Николаевич (краткая биографич. справка) // Общественная мысль русского зарубежья: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 360–364. – Режим доступа: <http://krasnaia-gotika.livejournal.com/164013.html>

- ⁸⁰ Глушаков П.С. Между утопией и историей: Историко-фантастический жанр в литературе русского зарубежья // Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX вв. – М., 2011. – С. 146–164.
- ⁸¹ Там же. – С. 158.
- ⁸² Там же. – С. 159.
- ⁸³ Гопман В.Л. Роман П.Н. Краснова «За чертополохом» и традиция русской литературной утопии... – С. 202.
- ⁸⁴ Краснов П.Н. Любите Россию! Режим доступа: <http://krasnov-don.narod.ru/staty/lubiterossiu/lubiterossiu.html>

В.В. Агеносов

ЛИТЕРАТУРА ДИ-ПИ И ВТОРОЙ ЭМИГРАЦИИ О ВОЙНЕ

Тема Второй мировой войны вполне органично присутствует в творчестве писателей Ди-Пи (Displaced Persons) и второй эмиграции, хотя и не является для них ведущей. Довольно серьезное внимание ей уделили 15 авторов из 41, вошедших в «Антологию писателей Ди-Пи и второй эмиграции»¹. Наиболее полное представление об отражении темы войны дают прозаические произведения, в том числе романы, хотя их было немного.

Талантливо и многосторонне тема войны 1941–1945 гг. воплотилась в романе «Между двух звезд» (1953) *Леонида Ржевского* (1905–1986). Роман вырос из повести «Девушка из бункера» (1949)², которая была весьма положительно оценена таким взыскательным критиком, как И.А. Бунин. Позднее автор, обогатив повесть эпическим описанием драматических событий, создал роман под названием – «Между двух звезд» (1953)³. А незадолго до смерти он существенно отредактировал произведение, добиваясь большей строгости и лаконичности, что и посоветовал ему в свое время Бунин. Роман с последней авторской правкой вышел в России в составе однотомника произведений Л. Ржевского⁴.

Композиционно роман состоит из двух неравных частей. Большая, в свою очередь, включает две части: «Дулаг ...надцатый» и «Девушка из бункера». Это – подробный рассказ о судьбах лейтенанта Алексея Заряжского и санинструктора Милицы; они встретились в окружении, прошли ад плена, теряли и находили друг друга в сумятице войны. Такой сюжет позволял писателю с максимальной полнотой показать драматические стороны войны, а с другой – начать освоение главной темы всех будущих его произведений: любовь как высшее проявление человечности. Вторая часть романа – «Дневник Володи Заботина» – лишь формально связана с первой: Заботин когда-то выступал в организованной Заряжским концертной бригаде. По сути же это вполне самостоятельная повесть, зна-

*АГЕНОСОВ
Владимир
Вениаминович,
заслуженный
деятель науки РФ,
доктор
филологических
наук,
профессор
Института
международного
права и экономики
им. А.С. Грибоедова*

чимостью которой состоит в возможности показать, во-первых, духовные поиски 22-летнего юноши-патриота и, во-вторых, его трагическую судьбу (Заботин оказывается в лагере «Платлинг», откуда союзники силой репатриировали 1500 бывших граждан СССР). Наконец, здесь присутствовала и тема любви (Володи и Таси), завершившаяся отнюдь не столь благополучно, как роман Заряжского и Милицы.

Заслугой Л. Ржевского стала объективность изображения той стороны войны, которая вошла в советскую литературу много позже – с рассказом М. Шолохова «Судьба человека», с повестями К. Воробьева («Это мы, Господи!») и В. Семина («Нагрудный знак “Ост”»). В своем романе Л. Ржевский показал многочисленные примеры бесчинств и зверств эсэсовцев в лагерях для военнопленных. Здесь и рассказ о том, как избивали пленных за вынутую из пайкового пакета щепотку табака, и упоминание о том, как охрана расстреливала пленных, приближавшихся к изгороди, чтобы взять продукты, принесенные окрестными сердобольными крестьянами.

Колоритно выписано поведение эсэсовца Франца, который появлялся в бараках «боксировать» с обессиленными заключенными, а по сути он использовал их как «грушу» для битья. Страшные подробности воссоздают облик и судьбу красавицы-еврейки Руфь, изнасилованной фашистами и отправленной в лагерь смерти. От главы к главе разрастаются скудные сообщения о голоде, холоде, эпидемиях тифа, о тысячах умерших: «К полудню выползали из барачков люди, с закопченными баночками в руках тянулись к кухне, за баландой, иные – к проволоке: искать “своих” или “поручителей”. Санитары тем временем выбирали по баракам “мертвяков”, по двору погрохатывала их тачка: из-под плаща-палатки торчали грязно-желтые, похожие на муляжи, ступни»⁵.

При этом писатель не щадит тех русских, кто, став лагерным полицейским, старостой барака или санитаром, ведет

себя подобно эсэсовцам: издевается над пленными, доносит немцам на своих, берет взятки за помещение в теплый барак и вместо ухода за больными жирует за их счет.

Писатель отдает дань глубокой признательности *другим русским* – тем, кто по советским законам считался бы коллаборационистом за сотрудничество с немецкими властями; однако именно благодаря им удавалось облегчить, а то и сохранить жизнь тысячам пленных. Таковы в романе два коменданта лагеря (Кожевников и Плинка) и два самоотверженных врача (Камский и Моталин). Таким образом, Ржевский утверждал, что даже в невыносимых условиях продолжалась жизнь, с ее мелкими радостями, повседневными заботами и с любовью – непобедимой в любых обстоятельствах.

Многосторонне показаны в романе и немцы: «они разные» – утверждает простая русская женщина Анна Ильинична. И автор с этим вполне согласен. Заметим, что лишь в 1966 г. в повести В. Быкова «Мертвым не больно» появилось подобное утверждение центрального персонажа повести: «Мое представление о немцах поколеблено. Я уже склонен думать, что среди них бывают разные. И так себе. И ничего. Впрочем, как у нас. И, пожалуй, как всюду. Люди есть люди. И в общей своей массе – не плохие и не хорошие – разные»⁶.

Характерно, что, как следует из публикации «Вопросов литературы» (2004, № 6)⁷, даже в 1960-е годы это мнение вызвало резкое возмущение Отделов культуры и пропаганды ЦК КПСС.

Однако вернемся к изображению немцев у Л. Ржевского. Выше говорилось о беспощадном отношении писателя к эсэсовцам. Но и «любезность» немецких офицеров вызывала у Заряжского недоверие. Ирония просвечивает при описании начальника дулага; увлеченно беседуя с образованными русскими пленными об археологии, он, однако, резко обрывает аудиенцию, как только речь заходит о насущных нуждах лагеря. Более сложные чувства вызывает образ идеолога-пропа-

гандиста Бриллинга. Этот «энтузиаст», хотя и не одобряет жестокого отношения фашистов к населению оккупированных территорий, вместе с тем он не видит в русских людей цивилизованных. Его образ удачно дополняется (в сниженном плане) его «двойником» – майором, унижающим своими «теориями» достоинство русских: «У вас нет порядка и нет гм... должного опыта и гм... гм... врожденных качеств для налаживания своей государственности. Вы все-таки не достигли еще высокого уровня еврпейской культуры... Мы вам поможем. ... А взамен... Взамен поделитесь и вы с нами излишками громадного вашего пространства. Оно у вас в избытке. Мы – задыхаемся в тесноте...»⁸

Примерно так же думают и ведут себя немцы, жившие до войны в России, но так и не понявшие своеобразия ее национального духа.

Есть в романе и *другие* немцы. Как правило – рядовые солдаты, младшие офицеры; в отличие от начальников, подвижных «теориями», они живут чувствами, сердцем. Таковы три немца – Курт, Эрих и Вебер, поселившиеся в доме Анны Ильиничны. Эти немцы понимают патриотические чувства русских хозяев дома и сами предлагают слушать Москву через их радиоприемник. Ни слова не сказав, молчаливый Вебер, попробовав пустые щи, приносит Анне Ильиничне кусок копченой грудки из своего пайка. Немецкий врач Шустер принимает больных крестьян и отказывается от приносимых ими в оплату продуктов, хотя другие немцы ходят по дворам и отбирают продукты силой.

Это разделение персонажей на живущих *по доводам ума* и *по велению сердца* проведено и в системе образов русских героев – и главных, и второстепенных.

Наиболее дороги писателю герои, чье сердце проникнуто христианскими нравственными принципами, сочувствием к людям независимо от их социальной и национальной принадлежности. Любимица авто-

ра Милица одинаково сопереживает и немецкому часовому («беденький»), убитому партизаном Стёпкой, и расстрелянному дезертиру, оставленному на дороге в назидание другим («все-таки человек... ваяться на улице не должен», – развивает ее мысль Заряжский). Милица отчетливо различает «варварство немцев», вырубивших на кладбище деревья, и других – «славных» (Эриха, Курта, Вебера, вечно пьяного Капста). В равной степени для нее неприемлемы расстрелы, проводившиеся НКВД и гестаповцами: «У Милицы никогда не проскальзывало казенной затверженности в высказываниях. Она решала все сердцем и, как казалось Заряжскому, всегда верно, без каких-либо натяжек»⁹.

Запоминается эпизодическая фигура священника: он отдает свой хлеб раненому летчику, спасает мальчишку-пленного, а сам умирает от дистрофии. В его поступках тоже нет ничего *умственного*; он живет по велению *сердца*.

Напротив, наименее симпатичны писателю фанатики, не способные к восприятию сложностей жизни. В повести несколько таких персонажей из русских; это Стёпка Буц – он убил немецкого часового, а в результате немцы расстреляли 10 человек, ни в чем не повинных; это юная комсомолка Настя с ее угрозами «повесить» всех, кто не участвует в «борьбе» с оккупантами. Впрочем, и у нее иногда проявляются человеческие чувства, как они возникают и в сложном мирознании Духоборова – убежденного борца с советским строем в союзе с любым антикоммунистом.

Однако при всей любви к героям, которые в решении всех жизненных проблем исходят из велений сердца, в центре внимания писателя-интеллигента остаются персонажи рефлексирющие, обеспокоенные вечными русскими вопросами «Что делать?» и «Чем жить дальше?» Перед его героями встает драматический выбор *между двумя звездами*: «Ну, хоро-

шо, большевики – враги. Но что все-таки за попутничество между ним, например, Заряжским, и – Геббельсом? До каких пор им – по пути? И вообще по пути ли? Что делать? Какая в самом деле головоломка – найти себе место в этом немыслимом лабиринте событий и отношений»¹⁰, – вот мысли, которые мучают Загряжского как руководителя ансамбля «Карусель», пусть и формально, но принадлежащего к отделу пропаганды Геббельса.

«Пятиконечная белая – с одной стороны, пятиконечная красная – с другой. Красная несет смерть, а белая...»¹¹ – так размышляет о противоречивости своего положения другой герой – Ф.Ф. Плинка, и многообразие здесь весьма характерно.

«Мир придет к страшному кризису, к столкновению двух систем: коммунизма и демократии... Мы, как ничейные по своей беспризорности, окажемся между двух звезд»¹², – настаивает третий персонаж, казак Сомов. Он предлагает пойти своим путем – создать русскую освободительную армию (РОА), на что Заряжский совершенно справедливо замечает, что немцы на это никогда не пойдут, а потому мысль Сомова – утопия.

Быть может, и Володя Заботин с его мечтой о служении отечеству в РОА понадобился автору именно для того, чтобы показать нереальность и – более того – недееспособность власовского движения. Задолго до Г. Владимова, в романе которого «Генерал и его армия» (1994) немецкий генерал Гейнц Гудериан обходит город и не встречает сочувствия у русских, как ему кажется, «освобожденных» от большевиков, Л. Ржевский показывает, что война породила чувство патриотизма даже у тех, кто не любит большевиков. «Вот оно духовное упрощение, – рассуждает Заряжский, – или немцы, или большевики. Патриотизм сбрасываем со счетов, а он – на тебе – возрождается»¹³. Нашествие, по Ржевскому, было оскорбительно для русского народа. По мере пребывания немцев в России росла неприязнь к ним среди населения и – соответственно – патриотизм.

194

Писатель мастерски передает это через противопоставление суеты передвижения немецких войск и спокойного, по-русски своевольного, пейзажа Старгорода: «Заряжский долго стоял на мосту, перекинутом от монастыря к другому берегу оврага. Грохотно прокатывались по досчатому насту колеса, цокали кованые солдатские каблучки, сыпались возгласы на чужом языке, – все это было так суетно и тревожно в сравнении с лежащей напротив солнечно-акварельной тишиной.

Старая Русь угадывалась все же в городе, дремала не в старине зданий, а в том, как просторно, в вековом своевольном беспорядке рассыпался он кривыми улочками по холмам и прибрежным скатам...»¹⁴ Собственно говоря, идея патриотизма и трагедии патриотов, оказавшихся *между двух звезд* и составляет содержание романа Л. Ржевского. В политической жизни писатель не видит выхода из этой ситуации. Как всегда у Ржевского, конфликт переходит в любовную сферу, а социально-нравственная проблема выбора между неприятием советского строя и русским патриотизмом остается неразрешенной.

С 1954 по 1959 г. в журналах «Возрождение» (Париж) и «Грани» (НТС)¹⁵ публикуются произведения *Бориса Ширяева* (1889–1959): «Последний барин»¹⁶, «Ванька Вьюга»¹⁷, «Овечья лужа»¹⁸, «Кудеяров дуб»¹⁹, «Хорунжий Вакуленко»²⁰ (повесть незавершена, посмертно опубликованы отрывки). По замыслу писателя, все эти вещи составляют цикл «Птань» (сам автор называл его «хроникой») из пяти повестей о жизни казаков села Масловка (под Тулой) преимущественно в период Второй мировой войны, но с экскурсами в историю.

Трагично и ярко нарисован сквозной для всего цикла образ Ивана Евстигнеевича Вьюги; подобно легендарному Кудеяру он прошел путь от конокрада до раскаявшегося страдальца за русских людей. И хотя мечта героя о создании исключительно национального движения, равно противостоящего сталинизму и фа-

шизму, утопична, автор восхищается мужеством этого человека, отдавая дань уважения и тем людям, которые шли за идеей на верную гибель. В разных повестях цикла автору удалось характеры сельских интеллигентов (учительница Клавдия Изотиковна; священник о. Иван; молоденькая девушка с ее внезапной любовью к немцу Августу Вертеру, нарисованному объемно, многопланово). Правдиво изображены и персонажи немецкой стороны, лучшие из которых безнадежно пытаются понять русский национальный характер.

В романе «Кудяров дуб» неоднократно высказывается мысль о духовных силах внешне неказистого русского человека и народа в целом. Автор и его персонажи твердо уверены, что никаким планам нацистов о расчленении России на немецкие колонии, о превращении русского народа в раба не суждено сбыться. В этом смысле интересен исторический диалог русского патриота и немецкого интеллигента о русификации всех пришедших на русскую землю немцев (гл. 19).

С большой долей уважения и с юмором описаны сотрудники местной газеты – Котов, Шершуков, две женщины с одинаковой фамилией – Зерцалова, но противоположные по характеру, фельетонист Змей-Крымкин, циник-полиглот Пошел-Вон и др. Убедительно и тоже не без юмора показана эволюция от догматических взглядов к признанию общечеловеческих ценностей бывшей комсомольской активисткой Галиной Смолиной и избалованной дочерью врача Мирочкой Дашкевич.

Значительно меньше удалось писателю такие образы, как доцент Всеволод Сергеевич Брянцев, тоже выбирающий путь «между звездами», и юный Миша Вакуленко – своего рода антипод фадеевским молодогвардейцам: став активным борцом с советской системой, он решил пойти в казачье войско, обреченное на гибель. Явной неудачей писателя, из-

бравшего жанр социально-психологического романа, стали противопоставленные этому жанру карикатурные портреты комсомольцев – Васи Плотникова и Константина Прилукина. Свою негативную роль здесь сыграла идейная ангажированность Б. Ширяева.

В романе *Михаила Соловьёва* (1908–1979) «Когда боги молчат»²¹ показан путь потомственного революционера Марка Сурова от большевистской убежденности в праве пользоваться насилием во имя коммунизма к сомнениям, тот ли коммунизм строится. Совершая героические подвиги во время Отечественной войны, он замечает, что народ ждет не только изгнания оккупантов, но и возвращения общечеловеческих ценностей. Картины народной жизни, яркие портреты многочисленных персонажей чередуются с превосходно выписанными пейзажами, с авторскими лирическими отступлениями и философскими рассуждениями героев²².

Значительный интерес вызывает другая книга М. Соловьёва – своеобразная мозаика воспоминаний «Записки военного корреспондента»²³, где рассказывается о Малой войне с Финляндией. Это пока единственное художественное произведение, затрагивающее военные события 1939–1940 гг. Повествование о мужестве бойцов сочетается с трагическими (порой натуралистическими – «В замороженном мире») подробностями о потерях советских войск. Трагикомические истории («Пермский полк») соседствуют с рассказом «Жизнь и смерть Сергея Стогова» о расстрелянном по приказу Мехлиса бойце: будучи доведен до отчаяния письмами о голодной смерти всей семьи в колхозе, он убил политрука, не пожелавшего ему помочь.

Автор доводит свое повествование до первого года Большой войны. Подробно описаны первые месяцы войны в столице («Москва моя»), когда в ополчение призывали ученых, стариков, подростков и безоружных отправляли на верную

смерть. М. Соловьёв рассказывает о панике, охватившей москвичей, о безобразном положении с продовольствием. В подглавках «Западный маршрут» и «Лесная сторона» повествуется о попытках свалить вину Верховного командования на рядовых командиров, которых отправляли в штрафные батальоны, а то и приговаривали к расстрелу за принятое решение отступить во имя спасения солдат. Тем не менее автор с проникновенным сочувствием показывает, как хотели верить в *чудо победы* рядовые бойцы и младшие командиры (в войсках то не выполнялись бессмысленные приказы, то снималось минирование с церквей, например в Филях, то вспоминалась стойкость солдат Суворова и Кутузова, то поговаривали о союзнике русских – морозе и т.п.).

Особое место в ряду произведений второй эмиграции о войне занимает тетралогия *Юрия Слепухина* (1926–1998): «Перекресток» (1962), «Тьма в полдень» (1968), «Сладостно и почетно» (1985), «Ничего, кроме надежды» (2000). Бесспорно перекликаясь с эмигрантской прозой, эти произведения порой превосходили тенденции изображения войны, присущие прозе В. Гроссмана, В. Быкова, К. Воробьёва²⁴. Задуманный в эмиграции лучший, на мой взгляд, роман тетралогии «Тьма в полдень» дает широкую картину жизни русской и украинской молодежи в условиях оккупации и на фронте. Особый интерес представляет сравнение романа с первой редакцией «Молодой гвардии» А. Фадеева. Но Ю. Слепухин дал более глубокую, многогранную, реалистичную картину деятельности молодежной подпольи.

Тема войны присутствует и в произведениях малых жанров прозы, и в стихотворных жанрах. Как и в романах, бросается в глаза и кажется неожиданным для не принимавших советскую власть эмигрантов отсутствие негативного отношения к русскому солдату (что, впрочем, не исключало отображения некоторых теневых сторон поведения бойцов).

196

Это особенно ярко проявилось в решении темы «эмигрант-белогвардеец и солдаты Советской армии» в рассказе «При взятии Берлина» (1954) одного из самых активных членов НТС *Геннадия Андреева* (1904–1984). Герой его рассказа – бывший капитан царской армии, а потом шофер берлинского такси Борис Васильевич Обухов, выдавая себя на немца, прячется в бомбоубежище, куда приходят мародерствующие советские солдаты. Обухов не выдерживает этого и тем самым обнаруживает себя как русского эмигранта. Вызванный из бомбоубежища, он ожидает расстрела, видит гибель русских воинов от немецких пуль и с винтовкой в руках ведет солдат на штурм дома, где засели фашисты. После завершения операции «Борис Васильевич чувствовал себя усталым... Но усталость была приятной, освежающей, и схватка – часть превращения. В ней он еще раз увидел, что он среди своих. Сколько у солдат ловкости, смелости, но и умения, осторожности! Как просто они шли в бой, этот последний для них бой, которым они были разгорячены до опьянения, и не жалели себя, не страшились смерти, но и как они были ловки и умелы! Такими же были его солдаты 30 лет назад, таким же был и он сам. И Борис Васильевич чувствовал, что будто бы нашел завершение своим тяжелым многолетним думам, оправдание своей доселе безответной любви»²⁵.

Совершенно иначе рисует финал подобной встречи участника Белого движения с чекистом князь *Николай Кудашев* (1905–1979) в стихотворении «Этаких мы ищем!» (1946). Гордый русский эмигрант не захотел назвать себя сербом:

– «Я русский офицер!» – раздалось в тишине.

«Ага! Ты русский! Эдаких мы ищем!»

Финал этого признания драматичен:

Казалось людям – время не идет...

Гремели выстрелы, работали приклады...

Пропавших без вести за сорок пятый год

Ни забывать... ни ожидать не надо!²⁶

Еще один пример изображения русско-го национального характера является собой рассказ «Закон сердца» (1953) поэта, прозаика, мемуариста, публициста, артиста-песенника *Родиона Берёзова* (псевд. Р.М. Акульшина, 1896–1988). Его главный герой – советский офицер Николай Кораблёв, потерявший в войну всю семью; он дает себе зарок: «Убью первого живого человека на немецкой земле, кто бы он ни был! Пусть девушка, пусть старуха, – все равно! Немцы убивали наших родных матерей и жен... Какое мы имеем право на милосердие?». Первым встреченным им в Германии человеком оказывается немецкий мальчишка Иоганнес – Иван. «Как же я тебя убью? – думает Николай. – Не подымается рука... Двухлетний накал – впустию... Ну, ничего, может быть, это даже к лучшему... Есть хочешь?.. Вот тебе сухари, копченая колбаса, шоколад...

Подбежали красноармейцы.

– Товарищ командир! Это что же значит? Хотели убить, а вместо этого отдали весь неприкосновенный запас?

– Мало ли чего болтает язык?... У сердца свои законы и приказы...»²⁷

Как и в романах Л. Ржевского, все персонажи произведений писателей второй волны, даже сотрудничавшие с немцами, тем не менее говорят о бойцах Красной армии, о ее продвижении – «наши».

Думается, не случайно в свой роман «Показавшему нам свет...» (1960) Л. Ржевский вставил не имевшую прямого отношения к сюжету главу об умирающем в немецком госпитале русском солдате, в недавнем прошлом колхознике-печнике Селезнёве, который «каждое утро, во время обхода, умоляет главного врача отправить его на родину: “Доеду, не сомневайтесь... Домой и хромя лошадь здоровей бежит”...»²⁸

Такого же простого русского человека, «белесого и курносого», «слегка мечтательного, слегка ленивого», «чем-то на Есенина похожего», пишущего наивные стихи, рисует *Александр Неймирок* (1911–1973), сам

прошедший немецкие концлагеря. Персонаж его стихотворения «Он был откуда-то из-под Орла» (в цикле «Ди-пи») живет мыслями:

... не здесь, в концлагере, а там,
Где нынче, почитай, скирды убрали
И благодать ползать по садам.

В финале стихотворения говорится:

Однажды, лежа со своей печалью
На утлой койке, как ненужный хлам,
Он умер...²⁹

Если русский национальный характер орловского парня поэт связывает с сельскими образами, то в стихотворении «Берлин 1942» (июнь 1945) русскость самого лирического героя-интеллигента передана через его отношение к немецкой культуре. Автор, нарочито не упоминая в нем о фашистах, называет истинные ценности величественного Берлина: Бранденбургские ворота; кирхи, чьи колокольни пронзают облака; тень Гегеля. И даже «полицейский здесь, – не полицейский, / А философски зримый Абсолют».

И все же А. Неймирок утверждал:

...логике пудовой непокорный,
Я об иной мечтаю с т о р о н е...
С душой многоголосой и вздорной
Куда бежать и где сокрыться мне?³⁰

Значительный интерес представляет рассказ Б. Ширяева «Я – человек русский» из сборника с таким же названием³¹. Формально к военной теме он имеет косвенное отношение: повествователь рассказывает о некоем никогда не унывающем артисте-эмигранте, попавшем в Германию по недоразумению (не зная языка, он согласился, что является фольксдойче). По его словам, он так и не выучил немецкий: «На какого это чорта? Я – человек русский и всех немцев там русским песням выучил. Куда их-ним Бетховенам со своими “Лили Марлен”

до нас! Как выйду на эстраду, весь зал орет: “Тройка! Тройка!” Это я их “Гайда тройке” и “Тройка мчится” обучил – их с глухими бубенцами исполняю, а вся солдатня подпеваает. Вот как!»³²

Не пропал он и после окончания войны: сбежал со всей семьей из ди-пийского лагеря. Оказался в Неаполе, пел русские песни («портовая матросня во как меня встречает – мировой успех!»), а на предложение ехать в Америку отвечал: «На чорта мне этот океан с его Америкой? Зато здесь я человек русский, хоть на плакат меня ставь...»³³

Тема русского человека на чужбине и его духовная связь с родиной объединяет две волны эмиграции – тех писателей, кто, не получив гражданства других стран, стал ди-пийцами, и тех, кто, оказавшись вне России только в годы войны, причислял себя к лицами без гражданства. Однако восприятие военных событий и оценка XX столетия у писателей, казалось бы одной судьбы, значительно отличается.

Для писателей первой волны ужасы мировой войны стали обозначением конца света, богооставленности человечества. Одним из таковых стал А. Неймирок. Он подробно рассказал о сжигаемых в фашистских концлагерях (о «костлявых трупах, исчезающих в черном дыме»), об угнанных в Германию русских («Вон тусклой вереницей / Бредут, о хлебе тихо говорят. / Их тоже помню. В валенках, босые... / По улицам Берлина шла Россия» – «Октавы») и в частности утверждал:

Я побывал в преддверьи преисподней.
Я видел смерть, и смерть меня отвергла.
Но память жгучая не стерлась,
не померкла.
Я помню все. Мне дышит свободней,
Но не избыть немилости Господней...

И хотя некая надежда теплилась в лирическом герое, общий пафос стихотворения пессимистичен:

Но в теле вновь живая кровь струится,
И снова мир картонной панорамой,

Нелепо склеенный, передо мной
теснится,
И падает душа замерзшей птицей
На прах и щебень городскогохлама³⁴.

В этом контексте стоит сопоставить описание налетов авиации двумя поэтессами – юной *Агнией Шишковой* (1923–1998) и представительницей первой волны *Лидией Алексеевой* (1909–1989).

А. Шишкова увлечена внешним рисунком события: текст ее стихотворения «Налет» пронизан метафорами и организован звукописью:

Прожектор нацепил на палец облака
(Чтобы видней была пропеллеру дорога),
Гудок завыл издадека:
Трево-о-га...
.....
И вот уж небосклон из края в край
Проштопали светящиеся нитки,
Отчаянно затаивали зенитки:
– Дай, дай, дай, дай!

И, словно рассердясь, что смята тишина,
Что встречен огненной порошей,
Швыряет он во мрак губительную
ношей:
Дер-ж-ж-и... Нн-а!!³⁵

В стихах Л. Алексеевой «После налета», напротив, переданы главным образом детали, бытовые подробности:

Ударом срезана стена –
И дом торчит открытой сценой...
Отбой... Но лестница назад –
Лежит внизу кирпичной грудой,
И строго воспрещен возврат
Наверх, в ушедшее, отсюда...³⁶

И еще:

Старый кот с отрубленным хвостом,
С рваным ухом, сажай перемазан,
Возвратился в свой разбитый дом,
Посветил во мрак зеленым глазом.

И, спустясь в продавленный подвал,
Из которого ушли и мыши,
Он сидел и недоумевал,
И на зов прохожего не вышел...³⁷
*(Старый кот с отрубленным
хвостом, 1959)*

Однако самое главное в стихах Л. Алексеевой – переход бытовых деталей в философские обобщения.

Так, в первом стихотворении «Налет»:

Мне не войти туда, как встарь,
И не поправить коврик смятый,
Не посмотреть на календарь
С остановившеюся датой...
...А здесь, внизу, под кирпичом,
В сору стекла, цемента, пыли,
Квадратный детский башмачок,
Который ангелы забыли..

Во втором стихотворении кот

...свернулся, вольный и надменный,
Доживать звериную тоску,
Ждать конца – и не принять измены.

Выделенные мною слова перерастают свой прямой смысл и выражают мысль поэтессы об остановке истории. Несколько позже в стихотворении, не имеющем отношения к военной теме, поэтесса скажет об этом прямо:

В наш стройный мир, в его чудесный лад,
Мы принесли разбой, пожар и яд.

И ширится земных пожарниц дым,
Обуглен сук, где все еще сидим...
Прости нам, Боже! – Хоть
нельзя простить³⁸. *(После 1971)*

Нечто похожее присутствует в стихотворении еще одного ди-пийца первой эмиграции – *Александра Перфильева* (1895–1973) – с характерным названием «Бессмыслица»:

Я начал жить в бессмыслицу войны,
Едва лишь возмужал, расправил плечи.
Как будто для того мы рождены,
Чтобы себя и всех кругом калечить!
.....
*Вслед за войной война другая шла...
Жизнь кончилась. Бессмыслица³⁹.*

Анализ стихотворений в контексте дальнейшего творчества писателей старшего поколения показывает, что от доминирующего трагического мировосприятия они не уйдут никогда. Некоторым исключением является творчество Л. Алексеевой: примирение с трагизмом действительности она находит в единении с природой.

А вот молодежь послевоенной эмиграции, начав с отражения того же пессимистического взгляда на бытие, лишь постепенно излечивалась от ужасов войны. Это характерно и для *Евгении Димер* (род. 1925). В своем стихотворении «Вагон на свалке» (1946) она не только отразила конкретные события («Евреев вез ты в Аушвиц...»; «тащил снаряды из Берлина»; вез «из Киева рабов, картины, / и мебель доставлял назад», а позже – в «дальний путь / В Сибирь, в Москву на эшафот», вез людей из немецких лагерей), но и увидела в этом *вагоне* символ жизни:

...Ты говоришь нам, что напрасно
Прошел наш век, и кровь лилась,
Вагон товарный, грязно-красный,
Где не понять, где кровь, где – грязь⁴⁰.

Однако в стихах последних лет поэтесса использует совершенно другую метафору: «Жизнь – песня. Она то грустна, то беспечна»⁴¹.

В еще большей степени подобная метаморфоза произошла с *Иваном Буркиным* (1919–2011). Сразу после войны бытие русского человека представляется поэту как «Лагерь военнопленных 1941»:

«На белом свете побывали, / Все в общей яме, все Иваны...»⁴²

Однако позднее творчество И. Буркина – каскад жизнерадостных стихов, то веселый, то философский эксперимент с формой, о чем говорят и названия его сборников⁴³.

Наиболее сложно сочетаются апокалиптические картины со строками надежды в произведениях 40-х годов *Ивана Елагина* (1918–1987). XX столетие воспринимается поэтом как трагическое, «выжженное гневом Божиим»:

Бомбы истошный крик –
Аэродром в щель!
Подъемного крана клык –
На привокзальном небе –

Ты, мое столетие!

Поле в рубцах дорог:
Танки прошли по полю.
Запертое в острог,
Рвущееся на волю –

Ты, мое столетие!..

Конец войны у Елагина связан с тем, что

Уже последний пехотинец пал,
Последний летчик выбросился в море,
И на путях дымятся груды шпал,
И проволока вянет на заборе...⁴⁴

Тем не менее не только «проволока вянет на заборе», а «мост упал на колени», но и «становятся дома на костыли», «города залечивают раны» – словом, земля «очнулась». А в позднем творчестве поэта присутствуют совершенно другие настроения: «Здесь чудо все: и люди, и земля...», «мне теперь от красоты не спится, / Как не спалось когда-то от тоски»⁴⁵.

Можно заметить, что выделенная еще Достоевским черта русского национального характера – никогда не доходить до вершины неверия – проявляется в творчестве многих писателей послевоенной эмиграции, особенно христиански настро-

200

енных. Так, *Родион Березов* (1896–1988) в 1949 г. пишет (курсив мой. – В. А.):

В войну, когда нас посылали в бой,
Веления Творца позабывая,
Как и всегда над нашей головой –
То звезды, то лазурь небес без края...

Где б ни был я, с какими бы людьми
Судьба меня в скитаньях ни сводила,
Я слышу глас неведомый: «Вонми,
Тебя ведет Божественная сила!»
(«*Чужие страны, люди, города...*»)⁴⁶.

Одно, если не единственное из найденных мною стихотворений о солдате *на войне* – «Перед атакой» *Владимира Юрасова* (1914–1996) – по сути тоже посвящено вере в торжество жизни:

Если меня сейчас убьют –
Атака привстала, ракетой выгнув шею, –
Последним желаньем последних минут
Что на земле пожелаю?

Вас, небеса, под которыми я не лежал,
Вас, города, которых еще не видел,
Вас, народы, говора которых не слышал,
Звери, которых еще не ласкал,
Цветы, которых не целовал,
Вас, книги, еще не прочитанные,
Книги, еще не написанные,
Вас, о женщины, которых любить
не успел!

Но больше всего пожелаю
О милой старой Земле,
Которая станет такой прекрасной
После другой, последней войны⁴⁷.

Сказанное в полной мере относится к стихотворению (некоторые критики называют его маленькой поэмой) *Ольги Анстей* (1912–1985) «Кирилловские яры»⁴⁸, где задолго до Е. Евтушенко было рассказано о трагедии Бабьего Яра (другое название Кирилловских яров).

В четырех частях стихотворения нарастает количество строк (в первой части – 10,

во второй – 11, в третьей – 12, в последней, четвертой, – 18) и вместе с ними тревога и боль. В первой и второй частях «тоненькая девочка», «смуглая дриада» идет в «приволье» по «влажной тропинке», по «теплым зарослям» сопровождаемая «дождинками» и «первыми звездами». «Ясный полдень», разливающаяся «терпкость» полыни, чебрика; шмель, осознаваемый «желанным крохотным братом» и, наконец, «синяя в яр наплывала теплынь... / Пригоршнями стекала окрест / В душистое из душитых мест».

Эти описания в равной степени можно считать и воспоминаниями лирической героини, и проекцией сознания еврейской девушки, ведомой по родным местам на гибель. Идиллическая картина прерывается описанием кладбища, мимо которого идет рассказчица (и, быть может, все та же убитая девушка, на что намекает строка, что движется она «из притихшего милого дома»), упоминанием ангела смерти Азраила и 3 раза повторяющейся оценкой места конечного пути: «Страшное место из страшных мест! / Страшный коричневый скорченный крест!»

Характерно, что и все стихотворение завершится этими же словами («Страшное место из страшных мест»), контрастными по отношению к картине «ликующей дремотно природы» первых двух глав, предваряемых величественными и трагическими библейскими образами: «чаша последняя» (чаша страданий), «роковой народ», «Голгофа, подножье креста», старики названы «старцами», похожими на «величавого Авраама», а дети похожи на вифлеемских младенцев. Характерно, что трагедию киевских евреев поэтесса связывает как с иудейскими, так и с христианскими образами, многократно упоминая *крест*.

Особого внимания заслуживает изображение немцев и тех русских, которые в силу тех или иных причин с ними сотрудничают. Как было показано выше, наиболее полно эта тема освещена в романе Л. Ржевского «Между двух звезд». При-

сутствует она и в рассказах *Бориса Филиппова* (1905–1991), мучительно рефлектировавшего по поводу своего сотрудничества с оккупантами. Речь идет о двух ранних его произведениях из книги «Кресты и перекрестки»⁴⁹.

В одном из первых рассказов «Духовая капелла Курта Пёрцеля» (1946) показана более чем сложная картина войны, созданы многомерные характеры немцев, ставится проблема нравственной ответственности каждого человека. Беззлобные и даже слегка юмористически нарисованные немецкие оркестранты послевоенной Германии напоминают автору отряд СС, квартировавший в псковской деревне во время Второй мировой войны. «Добродушный баварец» Курт Пёрцель не только завел себе русскую возлюбленную по имени Любка, но и с удовольствием играл с ее сыном, переименованным «из Вовки в Петера». «Пёрцель носился по избе с Петером на руках... качал, подбрасывал, подпевая» себе про Лорелею. Люба «жила с ним душа в душу» и даже «носила в себе маленького Вилли или Фрица»⁵⁰. Немцы пичкают Вовку-Петера конфетами, вспоминая своих детей. Но это не мешает им чувствовать себя высшей расой, холодно-кровно и равнодушно избивать пленного партизана и затем повесить его. И осуществляет казнь валторнист опереточной группы из Верхней Баварии, «синеглазый плотный мужчина, хорошо и ладно скроенный и достаточно интеллигентный». Он сильно интересовался Россией, читал в немецких переводах «Войну и мир» и романы Д. Мережковского. В финале «добрые немцы» сжигают эту самую деревню, а трудоспособных отправляют в Германию (Курт, правда, предупредил «свою» Любу, и она с сыном бежала).

Сцена, натуралистически нарисованная писателем, впечатляет: «Вначале нехотя, с отвращением, приступили солдаты к окружению деревни... По мере того как загорались одна за другой избы – вместе с за-

гнанными в них мужичками, подозрительными или нетрудоспособными, — росли ожесточение и какой-то азарт точного исполнения приказа. Выволакивали девок, часто своих вчерашних подруг, выхватывали парней и баб — и под конвоем гнали их к грузовикам, а погрузив на пятитонки, везли к теплушкам, чтобы гнать их дальше на Запад. Многих же загоняли прикладами и штыками в горящие дома, били, стреляли и зверели все больше и больше»⁵¹.

Писатель не принимает то объяснение, которое в конце рассказа дает войне один из побывавших в русском плену немцев: «Виноват международный империализм. И наш, и советский, и капитал Америки, Англии»⁵². Б. Филиппов убежден, что каждый должен нести в себе нравственные понятия. Не случайно среди вакханалии убийств в псковской деревне нашелся «хмурый Ганс Герман», сознательно «не заметивший, когда у него из-под носа ушли какой-то статный парень со садиной на лбу и молодайка с девчонкой-двухлеткой на руках»⁵³. (Замечу, что столь же многогранное изображение немцев на войне присутствует практически во всех романах Ю. Слепухина.)

Мысль о нравственной ответственности каждого человека столь важна для Б. Филиппова, что он повторил ситуацию с казнью в рассказе «Gott mit uns» (1948). В то время как «интеллигентный» доктор философии Хельмут Гальске и примитивный унтер-офицер Клаус Штейнхейм соревнуются за право повесить несчастного военнопленного, укравшего с немецкого склада немного продуктов, чтобы не умереть с голоду, их коллеги (кадровый офицер фон Шлиппе и переводчик — немец Бергфельд, всю жизнь проведший в России) называют палачей «сволочами» и решают не подавать им руки, хотя бы этим выражая свое презрение.

Творческая удача писателя — сложная фигура Эльмара Мортимеровича Бергфельда, офицера царской армии, в свое время отказавшегося эмигрировать. От его имени в рассказе излагается глубоко

русская мысль о долге интеллигента быть с народом (то, что Бергфельд — немец, для автора абсолютно несущественно: в рассказах Филиппова не раз приводится евангельское «несть еллина, ни иудея»).

«Я остался страдать и радоваться, умирать и воскресать со своим родным народом, на своей родной земле... Я скитался по самым глухим углам родины, скрывался под чужим именем, жил как затравленный волк. И мы, советские, не допустим, чтобы нас пришли учить те, кто в это самое время спокойно отсиживался в относительном благополучии»⁵⁴, — такие слова бросает Бергфельд эмигранту Ключаренко, вернувшемуся в Россию с испанскими частями.

Впрочем, однозначность и здесь чужда писателю. Ключаренко не только извиняется перед стариком, но и рассказывает, что и его жизнь «не была так отраднa и легка. Мне так и не удалось закончить университет. Работал полотером, электромонтером, маляром... Я был всегда “грязным иностранцем”»⁵⁵.

Писатель настойчиво проводит мысль, что самые бесчеловечные догмы фашизма или коммунизма не могли развить русский народ. Тот же Ключаренко, на чьих глазах были расстреляны красными отец и дядя, сохранил любовь к родине и сумел увидеть и оценить жизнестойкость и патриотизм русских людей. «Мне казалось, — рассказывает он, — что все мужики должны быть какими-то особенными, насквозь озверелыми большевиками или сплошными мучениками... И вдруг люди как люди: веселые, радужные, простые... И еще: встреча с... пленными... Первый, с кем я разговаривал, был молодой парень, из рабочих, видать коммунист. И — мне стыдно вам признаться, господа, — мне было трудно отвечать ему: выходило так, что не я его, а он меня допрашивает, а я оправдываюсь: — “Да не против России мы пошли, поймите вы”, — кричу я ему. А сам думаю: — а ну, как он прав? А что если, действительно, против родины? А?»⁵⁶

Проблема совместимости войны и нравственности ставится и в рассказе *Сер-*

гея Максимова (1916–1991) «Темный лес»⁵⁷. Автор берет в качестве сюжета драматичнейшую ситуацию. Бывший студент Ириков, став лейтенантом и партизанским разведчиком, по дороге на диверсионное задание вместе с бывшим бандитом Ваской Тузом берет в плен немецкую девушку-медсестру. Отпустить ее нельзя (ситуация, почти в точности повторяет эпизод из «Звезды» Эм. Казакевича). Командир приказывает Васке расстрелять пленную, но тот решает прежде воспользоваться девушкой. Ириков не прощает совершенного зверства и убивает негодя. Финал рассказа выводит его из нравственной ситуации в экзистенциальную – война как трагедия человеческого бытия: «Жизнь как темный лес». Над всем происходящим – вечность: «Лес, лес, лес» и луна – «безразличная и чужая, безмерно далекая»⁵⁸.

Итак, тема Второй мировой войнышла наиболее развернутое, эпическое отра-

жение в романистике Л. Ржевского, Б. Ширяева, М. Соловьёва и Ю. Слепухина.

Значительная часть писателей Ди-Пи и послевоенной эмиграции обратилась к теме войны в стихах и прозаических произведениях малых жанров.

Можно выделить ряд аспектов изображения войны: эмигрант и советский человек; русский национальный характер в условиях войны; ситуация «между двух звезд».

Война понимается писателями эмиграции как экзистенциальная катастрофа. Это мировосприятие у старших эмигрантов – ди-пицев – сохраняется на протяжении всего их дальнейшего творчества; у младшего поколения с годами оно изживается.

Изображение немцев в творчестве писателей-эмигрантов послевоенного поколения отличается многоаспектным подходом, который в советской литературе проявился только в 1960-е годы.

Примечания

- ¹ См.: Агеносов В. Восставшие из небытия: Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетей, 2014. – 736 с.
- ² Ржевский Л. Девушка из бункера // Грани. – Франкфурт-на-Майне, 1950 – № 8, 9, 11.
- ³ Ржевский Л. Между двух звезд. – Нью-Йорк.: Изд-во им. Чехова, 1953.
- ⁴ Ржевский Л. Между двух звезд: Роман. Повести. Рассказы / Сост. Агеносов В.В. – М., 2000. Далее роман цитируется по этому изданию.
- ⁵ Ржевский Л. Между двух звезд ... – С. 81.
- ⁶ Быков В. Альпийская баллада. Мертвым не больно. Карьер // Новый мир. – М., 2009. – № 1. – С. 157.
- ⁷ См.: Мертвым – не больно, больно – живым / Публикация А. Новикова, В. Телицына; Вступ. заметка и коммент. В. Телицына // Вопросы литературы. – М., 2004. – № 6. – С. 120–123.
- ⁸ Ржевский Л. Между двух звезд... – С. 254.
- ⁹ Там же. – С. 230.
- ¹⁰ Там же. – С. 225.
- ¹¹ Там же. – С. 293.
- ¹² Там же. – С. 257.
- ¹³ Там же. – С. 178.
- ¹⁴ Там же. – С. 223.
- ¹⁵ НТС – Народно-трудовой союз российских солидаристов – политическая организация русской эмиграции. Издаёт журналы «Посев» и «Грани», а также газету «За Россию».
- ¹⁶ Ширяев Б. Последний барин // Возрождение. – Париж, 1954 – № 33–36.
- ¹⁷ Ширяев Б. Ванька Вьюга // Возрождение. – Париж, 1955 – № 37–41.
- ¹⁸ Ширяев Б. Овечья лужа // Грани. – НТС, 1952 – № 16.
- ¹⁹ Ширяев Б. Кудеяров дуб // Грани. – НТС, 1956. – № 6; 1958. – № 37.

- ²⁰ Ширяев Б. Хорунжий Вакуленко // Грани. – НТС, 1959. – № 42.
- ²¹ Соловьёв М. Когда боги молчат. – Н-Й., 1953.
- ²² Анализ романа см.: Бабичева М.Е. Писатели второй волны русской эмиграции: Биобиблиографические очерки. – М.: Пашков Дом, 2005. – С. 245–266.
- ²³ Соловьёв М. Записки военного корреспондента. – Нью-Йорк.: Изд-во им. Чехова, 1954.
- ²⁴ Анализ тетралогии см.: Бабичева М.Е. Война и мир XX столетия: Тетралогия Ю.Г. Слепухина: Романы «Перекресток» (1962), «Тьма в полдень» (1968), «Сладостно и почетно» (1985), «Ничего кроме надежды» (2000) // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество: Сб. ст. и материалов. – СПб.: Фонд Слепухина: ООО ИПП «Ладога», 2012. – С. 252–272; Бабичева М.Е. Судьба остарбайтеров в тетралогии Ю. Слепухина о Второй мировой войне // Там же. – С. 272–283.
- ²⁵ Восставшие из небытия: Антология... – С. 93.
- ²⁶ Там же. – С. 364.
- ²⁷ Восставшие из небытия: Антология... – С. 139.
- ²⁸ Там же. – С. 528.
- ²⁹ Там же. – С. 484–485.
- ³⁰ Там же. – С. 481.
- ³¹ См.: Ширяев Б. Я – человек русский. – Буэнос-Айрес, 1953.
- ³² Восставшие из небытия: Антология... – С. 684.
- ³³ Там же. – С. 686.
- ³⁴ Там же. – С. 481–482.
- ³⁵ Восставшие из небытия: Антология... – С. 699–700.
- ³⁶ Там же. – С. 70.
- ³⁷ Там же. – С. 72–73.
- ³⁸ Восставшие из небытия: Антология... – С. 78.
- ³⁹ Там же. – С. 500–501.
- ⁴⁰ Там же. – С. 256.
- ⁴¹ Там же. – С. 262.
- ⁴² Там же. – С. 192.
- ⁴³ См.: Буркин И. Заведую словами. – Филадельфия, 1978; Буркин И. 13-й подвиг. – Филадельфия, 1978; Буркин И. Голубое с голубым. – Филадельфия, 1980; Буркин И. Луна над Сан-Франциско. – СПб., 1992; Буркин И. Путешествие поэта на край абсолютного сна. – СПб., 1995; Буркин И. Не бойся зеркала. – Донецк, 2005; Буркин И. Берег очарованный: Стихи. – М., 2006; Буркин И. Здравствуй, вечер! – СПб., 2006 и др.
- ⁴⁴ Восставшие из небытия: Антология... – С. 277.
- ⁴⁵ Там же. – С. 284, 282.
- ⁴⁶ Там же. – С. 134.
- ⁴⁷ Там же. – С. 719.
- ⁴⁸ Там же. – С. 114–115.
- ⁴⁹ Филиппов Б. Кресты и перекрестки: Рассказы. – Вашингтон, 1957.
- ⁵⁰ Филиппов Б. Духовая капелла Курта Пёрцеля // Восставшие из небытия: Антология... – С. 653–654 и др.
- ⁵¹ Там же. – С. 656–657.
- ⁵² Там же. – С. 658.
- ⁵³ Восставшие из небытия: Антология... – С. 657.
- ⁵⁴ Филиппов Б. Избранное. – Лондон, 1984. – С. 158.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же. – С. 153.
- ⁵⁷ См.: Максимов С. Голубое молчание. – Нью-Йорк, 1952. – С. 14–28.
- ⁵⁸ Там же. – С. 28.

Т.Г. Петрова

**ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ФОН ГЁТЕ
(1749–1832)
В РЕЦЕПЦИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
(по страницам парижской газеты
«Последние новости», 1920–1940)**

Рецепция творчества Гёте в литературной критике русского зарубежья – тема весьма мало исследованная. Начало ей было положено в статьях Г.В. Якушевой¹ и позднее намечено В.В. Сорокиной², обратившейся к берлинской периодике. Задача настоящей статьи – выявить и рассмотреть отзывы русской литературной критики о жизни и творчестве великого немецкого писателя, публиковавшиеся в наиболее влиятельной эмигрантской газете «Последние новости» за весь период ее издания. Эта самая читаемая эмигрантская газета выходила в Париже ежедневно с 27 апреля 1920 по 11 июня 1940 г. Всего вышло в свет 7015 номеров³. С 1 марта 1921 г. газета стала органом Республиканско-демократического объединения и начала выходить под редакцией П.Н. Милюкова⁴. «Последние новости», поставившие задачу объединения демократических слоев эмиграции, быстро стали большой газетой европейского типа, продолжавшей в то же время лучшие традиции дореволюционной русской печати – не только ежедневно сообщать новости, но и уделять большое внимание вопросам публицистическим, просветительским и литературно-критическим.

Постоянное внимание в газете уделялось классическому наследию – и не только русской литературы. С именем И.В. Гёте (1749–1832), как нам удалось установить, во всем комплекте номеров газеты связано около 40 материалов. При этом подавляющее большинство их приходится на 1932 г. – когда во всем мире отмечалось 100-летие со дня смерти великого писателя. Только за этот год в газете опубликовано 16 различных материалов, связанных с Гёте.

*ПЕТРОВА
Татьяна
Георгиевна,
старший
научный
сотрудник
ИНИОН РАН*

Они шли в газете с января по август. Это рецензии новых книг о Гёте, информационные материалы, связанные с проведением торжеств, и большие статьи. 19 марта 1932 г. литературное объединение молодых эмигрантских поэтов Парижа – «Перекресток» – провело вечер, посвященный Гёте. С докладами выступили Владимир Вейдле «Гёте и всемирность» и Илья Голенищев-Кутузов «О „Фаусте“»⁵, а Нина Берберова читала стихи Гёте. В день смерти – 22 марта – в «Последних новостях» были опубликованы: стихотворение А. Чёрного «Гёте», информационная заметка «Столетие со дня смерти Гёте (1832 – 22 марта – 1932)» и статья В. Вейдле «Гёте и всемирность»⁶. В следующих номерах газета информировала о том, как отмечают гетевские дни памяти в Германии (Веймар, Берлин), за границей во всем мире⁷, в Москве⁸. Рассмотрим наиболее характерные материалы за весь 20-летний период существования газеты и наметим здесь определенные темы.

Первым из этих материалов, обозначивших свой сюжет (или тему), оказалась статья М. Цетлина «Толстой и Гёте»⁹. На страницах газеты было отмечено 10-летие со дня смерти Л.Н. Толстого. В этой статье М. Цетлин заметил, что оба писателя были «великими язычниками»: Гёте – сознательным поклонником классической древности; Толстой – бессознательным, более «древним» (как доказывал это еще Мережковский). М. Цетлин усматривал сходство творчества Толстого и Гёте в «крайнем субъективизме их произведений»: оба «говорили только о *своей* душе, но бесконечная *объективная* значительность души делала это *субъективное* творчество таким универсальным, таким нужным для всего человечества». «Из этого же сосредоточия на своей душевной жизни, – по мнению критика, – вытекала общая им обоим любовь к дневникам и автобиографии, по-немецки систематизированная и культивируемая у Гёте, и несколько хаотическая у борющегося со всем слишком личным в себе Толстым». Но «основное

русло их душевной и творческой жизни коренным образом различно»: если у Гёте, полагает М. Цетлин, вся его лирика, драмы и романы – «это история души, жаждущей абсолютной полноты познания и переживания», то основа толстовского творчества такая же по напряженности и силе жажда, но не познания, а «абсолютной праведности, царства Божия на земле». Общая им, как художникам, особая правдивость и простота, чуждость романтики, риторики, сентиментальности. Но в этой высокой правдивости «они полярны: Толстой в изображении душевной жизни стремился разоблачить всякую ложь, разбить всякие условные формы, дойти до голой правды, сбросить все оболочки».

И если Гёте «познал великую гармонию, погрузив душу в холодное бесстрашие, то, отдавшись единой страсти, достиг Толстой своего великого просветления»¹⁰, – заключал М. Цетлин.

В течение всей своей жизни Толстой читал и перечитывал Гёте, отношение к которому у русского писателя со временем менялось. И в конце жизни Толстой так сформулировал свое неприятие немецкого гения: «Гёте чужд и враждебен мне, ибо он – язычник»¹¹.

Эта проблема «Толстой и Гёте» волновала в эти же годы не только русского эмигрантского критика, но и немецкого писателя – Томаса Манна. 11 сентября 1921 г. в Любеке состоялась ставшая знаменитой лекция Т. Манна «Гёте и Толстой», многократно повторенная затем в других городах Германии. Перевод текста этого доклада был опубликован в пражском еженедельнике «Воля России»¹². В преамбуле сказано, что «помимо своей чисто литературной ценности, он особенно интересен для русского читателя, как образец преломления творчества и философии великого русского художника и мыслителя в сознании и понимании западно-европейского писателя»¹³.

Десять лет спустя к анализу основных положений этого доклада Т. Манна, вышедшему отдельным изданием, на страни-

цах газеты «Последние новости» обратилась Августа Даманская¹⁴. Немецкий гений черпал в юности из того же источника, к которому позднее жадно принимал и русский писатель. Источник этот – Жан-Жак Руссо. Но все то, что, по замечанию Т. Манна, Толстой, педагог-реформатор, отвергал, – дисциплину, порядок, верность традициям, культ долга, почитание заслуженных авторитетов, культ классической древности, – Гёте считал основными, существеннейшими принципами воспитания, и в утверждении их видел залог величия Германии, устоя мировой культуры.

Толстой, по мысли Т. Манна, европейский опыт отверг, полагая его не нужным России; достижения европейской культуры счел не отвечающими ее историческому уделу. Гёте французскую революцию, прозвущую изменить тот духовный климат, в котором он мог жить, т.е. работать, творить, «встретил, как часовой на посту»; при этом «не права чьи-либо, не привилегии он охранял, а величайшую из всех свобод, свободу духа, свободу личности», – пишет А. Даманская. Подчеркивая свой пиеет к художественному гению Толстого, Т. Манн не без полемической страсти противопоставлял «анархизм» русского писателя аполлонической ясности, уравновешенности Гёте; «азиатизм» Толстого – «европеизму» Гёте.

И хотя Гёте и Толстого роднит величие их души, мощь их гения, но все же пропасть между ними Т. Манну кажется бездонной. Послевоенные события в России убедили Т. Манна, что там кончился европейский период, «эпоха Петра», оказавшаяся неудачным великолепным опытом, и опять «обратилась Россия лицом к Азии», одно видение которой повергает в ужас Гёте. «Европеец Т. Манн не высмеивает, не злобствует, не клеймит Россию за показанный ею “азиатский лик”. Но как европеец, в духе Гёте, он страстно настаивает на том, что Германии, что Европе с Россией наших дней – не по пути...», – заключает А. Даманская¹⁵.

С другими великими русскими писателями-классиками Гёте сравнивали в эмигрантской критике П.Б. Струве «Гёте и Пушкин»¹⁶ и А.Л. Бем «“Фауст” в творчестве Пушкина»¹⁷ и «“Фауст” в творчестве Достоевского»¹⁸.

Литературный критик Владимир Вейдле открыл на страницах «Последних новостей» тему – «Гёте и всемирность». Он отметил, что «не европейцем только почитал себя Гёте», как и не был ограничен Европой его литературный кругозор. Недаром именно он создал, как пишет Вейдле, знаменитое слово «Weltliteratur». «Пусть в некотором тумане, но за европейским единством, он предвидит единство всего человечества. Зато с самого начала дает он понять, что единство это никак не должно быть однообразием, а наоборот, сочетанием своеобразий»¹⁹. Одна из задач этой литературы, по мысли Гёте, – «научить понимать чужое раньше, чем пытаться заменить его своим. Высшая же ее задача – образовать из отдельных голосов – хор, в котором каждый голос найдет наилучшее свое место. Европейское или мировое ни в коем случае не должно мешать национальному, наоборот: оно должно ему помочь»²⁰. Читая «Фауста» во французском переводе, а «Валленштейна» Ф. Шиллера по-английски, Гёте с наслаждением «проверял близкое далеким и в давно знакомом находил неожиданную новизну». Однако, как ни высок был идеал, заключавшийся в созданном им понятии, ему было ясно, что понятие, осуществленное на деле, могло идеалу отнюдь не отвечать, полагает В. Вейдле. В бумагах писателя после его смерти нашли запись, относящуюся к 1829 г. и озаглавленную словом «Возражение». Это было возражение самому себе. Затем Гёте успокаивает сам себя; за «возражением» в его записи следует «утешение», но слишком общего характера.

«Всемирность всегда была для него далекою мечтой, а не насущной потребностью, не ближайшей целью. Он никогда не мыслил ее независимо, отдельно от Евро-

пы, в обход европейской идее и тысячелетней европейской традиции, – размышляет В. Вейдле. – Идея всемирности, как и идея человечества не представлялась ему отвлеченным постулатом. (...) Всемирность была достижимой и желанной для него целью, при условии органического вырастания ее из уже данного, т.е. из Европы. Европейское сознание создается по образцу национального, а по образцу европейского создается мировое. И как никакой отвлеченный постулат, никакая самая разумная цель недостойны того, чтобы национальное *погибло* в европейском, так и европейское никогда не погибнет и не должно погибнуть в мировом»²¹, – пишет В. Вейдле. Размышляя о человечестве, «Гёте мыслил европейского человека, а не отвлеченное существо», а думая о всемирности, «он не изменял ни родной своей Европе, ни своей стране, ни сознанию целостной человеческой личности».

Европейскую культуру в ее прошлом и будущем критик видит не как «унисон одинаковых инструментов», а в виде гармонии, сложной полифонии «противоречивых, враждующих, расходящихся и сближающихся голосов», ибо богатство, полнота и само существование целого зависит от индивидуальности частей. «Англичанин, русский, немец, француз все менее могут обойтись без определения своего места в европейском целом; творческий человек каждой страны все более стремится понять европейский смысл своего творчества», поэтому и должно усиливаться сближение, однако «сближение не есть смешение», при котором опасно «лишь насилие, лишь система, убивающая живую жизнь, да еще вот эта вялая беготня в погоне за своевременным и всеобщим»²², – подводил итог В. Вейдле.

К теме «Гёте и музыка» на страницах газеты обратился Борис Шлёцер, регулярно выступавший в «Последних новостях» со статьями о музыке. Высоко оценив книгу «Гёте и Бетховен» Романа Роллана, обвинившего старую тему и разрушившего установившиеся взгляды на отношение

Гёте к музыке, Б. Шлёцер утверждал, что «духовный мир Гёте не был созвучен той именно музыке, которая на глазах его творилась и праздновала свои триумфы. Гёте любил Моцарта, Генделя, итальянскую оперу, французскую комическую оперу (в частности, Гретри), немецкую народную песнь... С точки зрения музыкальной Гёте всецело принадлежал XVIII веку; он оказался поэтому в эпоху Бетховена и нарождающегося романтизма среди консерваторов»²³. Этим Б. Шлёцер объясняет столь странный на первый взгляд факт, что Гёте дружил исключительно с музыкантами второстепенными, которые в мощном движении начала XIX в. не принимали никакого участия, и что «советником его и авторитетом по всем музыкальным вопросам оказался ученый, умный, но посредственный Целлер, относившийся враждебно и к Бетховену, и к романтикам». Вкусы их во многом совпадали. Поэту импонировали теоретические и исторические знания Целлера, который, как подчеркивает Б. Шлёцер, и познакомил Гёте с музыкой Баха, в те времена почти совсем забытой; Целлер также привел к поэту молодого Мендельсона, «умеренный и аккуратный романтизм которого оказался для Гёте и Целлера более приемлемым, чем гениальное новаторство Шуберта»²⁴. Если писатель не ответил последнему на присылку «Лесного царя» и не любил его песен, даже возмущался ими, то потому, акцентирует внимание Б. Шлёцер, что «связь между текстом и музыкой поэт мыслил совершенно иначе, чем романтики, и, в частности, Шуберт. По мнению Гёте, музыка должна была быть на службе у текста; он требовал от музыки полного подчинения поэту. Оттого-то он и любил песни Целлера, что последний скромно соглашался на эту подчиненную роль (на большее ему и не хватало силы), тогда как Шуберт, исходя из текста, строил совершенно самостоятельное произведение, в котором Гёте не узнавал себя, своих ритмов, своих образов, своей мелодии»²⁵. По этой же причине, как отмечает Б. Шлёцер, оперные либретто, написанные Гёте,

были положены на музыку (та часть из них, которая была-таки положена) исключительно композиторами второго ряда (Кайзер, Рихардт и др.), покорно следовавшими его указаниям, «ибо Гёте, получивший довольно основательное музыкальное образование и в молодости владевший приятным голосом, принимал самое деятельное участие в сочинительстве и в разучивании опер, написанных на его сюжеты», тогда как ни один из крупных музыкантов того времени не согласился бы на подобное ограничение своих прав.

Газета «Последние новости» обычно отводила много места публицистическим и литературно-критическим выступлениям эмигрантских литераторов, которых всегда интересовал вопрос отношения известных писателей к войнам и революциям. Так, Марк Алданов, размышляя на страницах газеты на тему «Писатели и революция»²⁶, обратил свой взор именно на Гёте. Алданов заметил, что «художникам и философам революции обычно нравятся *издали*», в пространстве или особенно во времени. Одни восхищаются ею авансом, до момента ее наступления, другие восхищаются ею ретроспективно, – и таков, по мнению Алданова, был Гёте, который долгое время «искренно ненавидел французскую революцию», он боролся с нею, писал на нее памфлеты и был явным сторонником интервенции европейских монархов. Но гораздо позже, когда революция давно кончилась, он признал, что в ней было, в сущности, «много хорошего». «Революция почти всегда сопровождается таким страшным и отвратительным процессом частью сознательного, частью стихийного разрушения исторических, культурных, моральных ценностей, – не говоря уже о людях, – что трудно а priori предположить безоговорочное увлечение ее картинами в художнике, т.е. в человеке, обладающем от природы повышенной чувствительностью. На старости лет Гёте, по мысли критика, пришел к заключению, «будто во

всякой революции всегда виновато только правительство, а народ никогда и ни в чем не виноват». Кроме того, он признал, и это главное, полагает Алданов, что в оценке революции необходимо отделять «чистое золото от грязной руды». К таким же мыслям, по его мнению, пришел в конце концов и Ф. Шиллер, если «Вильгельм Телль» его последнее слово. И далее Алданов polemически замечает, что к сходным взглядам начинают склоняться и современные виднейшие представители западно-европейской мысли: период «одурелого восторга» перед русской революцией, как ему кажется, понемногу проходит.

Новый поворот темы – «свобода и культура». Б. Миркин-Гецевич, в статье написанной в дни 100-летия со дня смерти Гёте, обратил внимание на то, что великий немец разглядел в Наполеоне подлинно «фаустовские» черты. Да и вообще, Пушкин, Байрон и Гёте, на его взгляд, понимали Наполеона лучше, чем Бенджамен Констан или мадам де Сталь. Однако, признавая Наполеона, Гёте отвергал революцию. Взятие Бастилии, провозглашение республики, вся не только политическая, но подлинно всемирно-историческая драма французской революции для него «лишь дело черни; и Гёте осуждает своих современников, которые в первые годы французской свободы так восторженно и страстно приветствовали “обезбашенный Париж”»²⁷.

Творчество Гёте «аполитично», считает Б. Миркин-Гецевич, как аполитичны сокровища искусства, гексаметры Гомера, краски Рафаэля. Вспоминая о Гёте, думают о страницах «Фауста», а не об осуждении Конвента; вспоминая Данте, думают о «Божественной комедии», а не о трактате о монархии. При этом аполитичный Гёте «выше радикального Шиллера». Но все-таки нельзя отделять культуру от свободы, полагает автор статьи, ибо в исторической перспективе свобода и культура неотделимы. «Культура, не связанная с идеалом политической свободы, может достичь вершин

совершенства, полного цветения, но, исторически, она не поможет человечеству обрести тот «новый завет», который Гёте разглядел в лагерной ночи под Вальми», когда там, у немецких костров, сказал, что началась новая страница истории. Культура и свобода — два элемента исторического процесса человеческого освобождения. При этом «культура без свободы имеет свою абсолютную и самостоятельную ценность, но лишь в сочетании со свободой культура ведет человечество к “Фаусту” второй части», — полагает Б. Миркин-Гецевич и подчеркивает, что сочетание культуры и свободы — это и есть новый завет человеческой истории.

Заслуживает внимания и такой аспект, как «Гёте и политика». Газета всегда пристально следила за мировой (особенно европейской) прессой и, конечно же, за советской печатью. Еще в 1930 г. в «Последних новостях» появилась заметка «Гитлер — о Гейне, Геббельс — о Гёте», в которой со ссылкой на немецкую прессу было отмечено, что Гитлер очень неодобрительно отзывался о Гейне, а ближайший соратник Гитлера — Геббельс — осуждает Гёте, но не за литературу, а за политику и называет его «подлинным политическим нулем», так как «в эпоху величайшего унижения Пруссии и в эпоху освободительной войны он был занят исключительно своим творчеством»²⁸. В заметке «Сталин — и ...Гёте»²⁹ рассказывалось о советском «бессовестном и отвратительном подхалимстве», когда в критических статьях пытаются обосновать известную фразу И.В. Сталина о сказке М. Горького «Девушка и Смерть»: «Эта штука сильнее, чем “Фауст” Гёте», доказать, как глубоко-правильно оценил «штуку» этот новый «авторитет» в мировой литературе.

Много материалов в газете «Последние новости» посвящено самому Гёте³⁰: здесь находки документов, новые переводы его на иностранные языки, музеи, выставки, даже его гонимые, материалы о семье, и прежде всего — о матери, жене, о городах, с ним связанных (Веймар, Карлсбад, Мариенбад).

Так, например, в одной заметке сообщается, что появился новый французский перевод «Вертера» Гёте, который сделал Жозеф Энар³¹, а в другой — о найденных письме и стихах Гёте³². Здесь ссылка дается на московскую «Красную газету», которая сообщила об исключительной находке, имеющей общеевропейский литературный интерес: в Геологическом комитете найдена пачка бумаг, содержащая в себе подлинное письмо и два пожелтевших листка бумаги, на которых рукой Гёте написано шесть стихотворений. Найденные стихотворения поэт адресовал в период 1825–1830 гг. своему другу и товарищу, как и он интересовавшемуся горным делом, проф. Дерптского ун-та Гебелю. Находка передана в дар Академии наук (сын Гебеля служил в Академии наук и состоял ученым-хранителем Минералогического музея).

В заметке о Музее Гёте во Франкфурте³³ сообщается о том, что вся Германия готовится к столетию со дня смерти Гёте (1932). Образован комитет (писатели, художники, ученые, политики) для достойного увековечения его памяти. Предполагается постройка во Франкфурте большого гётевского музея, рядом с домом, где родился поэт, и город уже выделил место и деньги, отмечается, что дом будет сохранен в неприкосновенности, а сзади его, в парке, будет построен музей, в который и войдет существующий уже гётевский музей во Франкфурте. Предполагалось, что новый музей будет хранить рукописи Гёте и его современников, гётевские архивы, все его сочинения и литературу о нем.

В газете регулярно появлялись рецензии и заметки, а иногда и обзоры новых книг и исследований о жизни Гёте и его творчестве. Так, Владимир Вейдле рассказал о выходе из печати книги польского ученого Фердинанда Гезика «Гёте и самые прекрасные дни его жизни»³⁴. Благодаря ей выступает в новом свете одна из встреч, сыгравшая наибольшую роль в жизни поэта и в его творчестве. Имя Марианны фон Виллемер было и ранее известно, как и ее стихи, помещенные Гёте в

«Западно-Восточном диване» почти без исправлений, что «стало неслыханной честью». Знали и то, что Гёте называл ее «маленьким Дон-Жуаном» за умение кому угодно вскружить голову. Но «только теперь, — пишет критик, — стало ясно, что Марианна фон Виллемер была самой одаренной из женщин, которых любил Гёте, не исключая даже и г-жи фон Штейн». В. Вейдле повествует о ее судьбе, встрече с Гёте, который работал в это время над подготовкой 40-томного собрания сочинений, дописывал стихотворный цикл «Западно-Восточный диван», в котором «Книгу Зюлейки» «целиком ответит Марианне»; книга «украшена ее стихами, овееяна ее горячей любовью, подаренной ему так неожиданно, так щедро — в последний раз». Зюлейка писала Гатему письма и стихи. Но осенью 1815 г. Гёте приехал к Виллемерам и целый месяц оставался там. Об этом времени и вспоминает он как о счастливейшем в своей жизни. И далее В. Вейдле говорит об истории их встреч (приезды Гёте и его неприяезды). «Книга Зюлейки» была закончена; там были ему одному до конца понятные ее прошлогодние призывные стихи. Она ждала его и сейчас, но он не ехал. Больше они не виделись»³⁵. Переписка, однако, возобновилась и не прерывалась до конца, ей не помешала и последняя любовь поэта, «не вернувшая ему того счастья, которое дала Марианна». Из этой любви «родился не сладостный персидский “Диван”, а трагическое отречение “Мариенбадской элегии”»³⁶. За три недели до смерти Гёте отослал Марианне все ее письма, сопроводив их прощальным стихотворением. После смерти поэта Эккерман написал ей на следующий день письмо о последних его днях и часах. Умерла она в 1860 г. в возрасте 76 лет. На могильном кресте начертано: «Любовь не иссякает никогда». В «Книге Зюлейки» есть стихотворение, «в котором одна строка кончается именем Гатем, но рифма

к этому концу стиха подходит только к имени Гёте. «Читать эти строки надо не так, как напечатано, а так, как читали их про себя Гёте и Марианна. Единственный раз, хоть и тайно, произнес Гёте свое имя в стихах, как бы желая прорваться из поэзии в жизнь, из поэта обернуться человеком — тем, чья живая кровь одна питает, одна животворит поэзию»³⁷, — заключает критик.

Владимир Вейдле также написал обзор новых книг о Гёте, куда вошли новые работы немецких, английских и французских исследователей³⁸. Р. Словоцов (Н.В. Калишевич) опубликовал обширную рецензионную статью об исследовательских работах, посвященных творчеству Гёте, вышедших в Советской России³⁹. Рецензент С. (Словоцов?) подробно рассмотрел юбилейный гётевский том «Литературного наследства» (вып. 4–6), «отлично изданный и богато иллюстрированный», и оценил его как «первостепенный вклад в русское “гётеведение”»⁴⁰, хотя там и «не обошлось без статей, где великий поэт оценивается с классово-вой точки зрения». Рецензент особо выделяет вошедшие туда исследование С.Н. Дурьлина «Русские писатели у Гёте в Веймаре», где собран огромный печатный и архивный материал, и автор «впервые дал обширную интереснейшую картину встреч и отношений русских литераторов с Гёте», и большую работу В. Жирмунского «Гёте в русской поэзии». Рецензент также отметил помещенные там неизданные переводы из Гёте — А. Востокова, В. Кюхельбекера, Е. Розена, Ф. Тютчева, Н. Огарёва, Н. Чернышевского, А. Толстого и пятый акт второй части «Фауста» в переводе В. Брюсова. Особый интерес рецензента вызвала публикация всех до сих пор обнаруженных в России автографов Гёте, ценных и сами по себе, и для истории русских связей поэта. Отмечена была и впервые собранная более или менее исчерпывающая библиография русской литературы о Гёте (913 номеров) и русской музыки на тексты поэта.

Критик Р. Словцов (Н.В. Калишевич) дает еще две больших рецензионных статьи по работе С. Дурылина, вошедшей в том «Литературного наследства», – «Гёте и русский двор»⁴¹ и «Русские знакомства Гёте»⁴², где кратко изложил основные положения его работы.

В 1804 г. наследник престола Карл Фридрих женился на русской великой княжне Марии Павловне, сестре императора Александра I. Этот союз сохранил крошечное герцогство от покушений со стороны Наполеона, с легкостью перекраивавшего карту Европы. «Веймарский двор стал как бы отделением русского. В течение долгих лет слава Веймара как немецких Афин, где царил Гёте, поддерживалась на русские деньги. Театр, библиотека, художественная школа, украшение города, благотворительные учреждения – имели постоянные субсидии Марии Павловны»⁴³. Поэт чрезвычайно ценил эти благодеяния «добротного ангела для страны». Гёте как министр, дипломат, «убежденный монархист, – все делал, чтобы укрепить связи маленького Веймарского двора с большим петербургским». Второй двор, который был тогда в Веймаре, был связан с великим Гёте и имел несравненно большее европейское значение, чем первый дворик великого герцога. Гёте, замечает Р. Словцов, никогда не был враждебен императорской России, «как были враждебны ей Байрон, Гюго, Беранже, Гейне». Мария Павловна окружала поэта исключительным вниманием. И «достигла того, что Гёте видел в русском дворе, правительстве и верхнем слое общества равноправных с ним обладателей наследия европейской культуры, а совсем не то, что видел в них, например, Байрон – полуазиатскую деспотию с французским языком и гримасами полупросвещения»⁴⁴. Гёте лично знал двух русских императоров (Александр I наградил его орденом Анны I-й степени; Николай I – подписал диплом на избрание Гёте почетным членом Академии наук), трех императриц, Великих князей, многих русских придворных, дипломатов, военных. Кроме

того, он знал многих людей культурного круга: писателей, художников, просто паломников, для которых Веймар был прежде всего городом Гёте. Он также собирал материалы (интересовался) кончиной Павла, а декабрьские события 1825 г. оставили его равнодушным.

Русские посетители Веймара занимали привилегированное положение, так как Мария Павловна, придворные и светские связи Гёте увеличили его интерес к России⁴⁵. Поэт вел переписку с графом С.С. Уваровым, принимал и обласкал будущего декабриста В. Кюхельбекера. Поэта навещали и княгиня Зинаида Волконская, и начальник 3-го отделения граф Бенкендорф. Сам Гёте интересовался русской церковной живописью и шире – русским искусством, О. Кипренский сделал два его портрета (большой из них не уцелел).

Рассуждая о проблемах войны и культуры, межнациональных отношений, антисемитизма, С. Поляков-Литовцев в статье «Последний опыт» писал, что «культура есть не что иное, как волевая фильтрация чувств, осознание их и медленное преодоление. Культура есть приближение к идеалу благородства и духовной высоты. Гёте в самое время войны немцев с французами говорил, что не питает вражды к французам. А он был хороший немец. В чем же дело? – задается вопросом Поляков-Литовцев. – Был ли он равнодушен к судьбам отечества»⁴⁶. Дело в том, что Гёте, как подчеркивает автор статьи, достиг высочайшей ступени культурного развития, когда «чувство темной злобы сознанием отвергается, как чувство звериное». Он *не питает вражды к французам*, но где-то в глубине, возможно, что-то могло его тревожить, чтобы окончательно это победить в себе, Гёте, по мнению автора статьи, и «должен был высказать свою знаменитую фразу. Высказал, и это стало правдой».

С.Л. Франк рассматривал личность Гёте в ее «значении для самой *идеи* духовной культуры». Основным *фактом* духовного бытия немецкого гения, по мысли

С. Франка, было «сознание мучительной, трагической *дисгармонии* между упованиями личности и мировым порядком»⁴⁷. Этот роковой трагизм человеческой жизни и есть «основная тема и духовного творчества, и жизни Гёте. «Именно эта тема, – полагает философ, – воплощена в величайших образах, созданных Гёте», а основная *цель*, к которой он шел – «гармоническое единство личного духовного бытия и бытия соборно-вселенского, – в той или иной форме стоит перед каждым человеческим духом»⁴⁸.

Тему «Гёте и война» Марк Алданов рассматривает, отталкиваясь от книги похожих очерков Гёте «Кампания во Франции», которая, по мнению критика, никогда не пользовалась успехом ни у читателей, ни у литературоведов, хотя по своей правдивости и является образцовой. «Кампания во Франции» написана без всякой заботы о литературном блеске. «Однако немногие до Стендаля так описывали войну. На войну Гёте попал случайно: в мыслях не имел воевать. Его покровитель герцог Карл-Август Веймарский был назначен командиром 6-го прусского кирасирского полка. По настойчивой просьбе герцога Гёте отправился с ним в поход. Просьба была именно настойчивой: Гёте не хотелось уезжать из Веймара. Он был поглощен работой...»⁴⁹ Гёте уехал, в сердцах «проклиная обе воюющие стороны», т.е. революционную Францию и контрреволюционную Германию. Там он делал иногда записи, но потом словно забыл о них на 30 лет – «случай в истории литературы весьма редкий». Вспомнил о них в 1820 г., когда поход 1792 г. никого уже не интересовал, разыскал, привел в порядок записи, сверил и выпустил книгу. История кампании известна: прусский штаб был убежден, что война будет «молниеносной», так как французская революционная армия «никуда не годится», но союзная армия потерпела поражение и спешно покинула Францию.

Литературная критика XX в., отмечает М. Алданов, положила конец легенде об «олимпийце» Гёте. Она впала в другую крайность: «поэт теперь обычно изображается совершенным неврастеником. Верно то, что высказывал он часто мысли, исключаящие одна другую». О политике Гёте в книгах высказывался неохотно; у него можно найти совершенно различные мысли и о французской революции, как оправдывающие ее, так и осуждающие. Он относился иронически и к революционерам, и к принципам. Гёте отказался войти в «лигу, организуемую монархами для борьбы с революцией и для спасения мира от анархии», но лившийся из Парижа поток революционных фраз вызывал у него отвращение, перешедшее в ужас после начала террора.

В «Кампании во Франции» писатель о революции почти не говорит, однако, в отличие от своих товарищей по лагерю, он говорит о французских революционных офицерах и солдатах с большим уважением. Важно, по мнению М. Алданова, и другое впечатление писателя: война отвратительна. Отвратителен ее повседневный быт и общее лицемерие. Ничего не скрывая и не замалчивая, Гёте описывает, как после взятия Вердена немецкое воинство грабит город, причем «на память» берут кто что может. Все на войне неискренни. Одни играют «суровых завоевателей», другие – «великодушных победителей». Все говорят пышные фразы – и все лгут. «Трудно понять, – пишет М. Алданов, – как совмещался с этим у него культ Наполеона», сохранившийся до последнего дня жизни. Гёте «остался равнодушен к борьбе своей родины с завоевателем». И года за два до смерти, вспоминая это время в разговоре с Эккерманом, сказал: «Сочинять военные песни, сидя у себя дома, мое ли это было дело! Я человек не военный, не люблю войну. Если бы я стал ее воспевать, то это было бы маской мне не к лицу. Я никогда в искусстве не притворялся (...). Для меня

в мире имеет значение только культура и варварство. Как же я мог ненавидеть одну из культурнейших наций мира. Нацию, которой и столь многим обязан в моем собственном образовании. Национальная ненависть вообще сильна на низших ступенях культуры»⁵⁰. Тогда как «высшим» для него могли быть только «общие интересы цивилизации», и лишь в той мере, «в какой они отвечали, благоприятствовали духовному творчеству человека, в частности человека гениального. Конечно, он имел в виду самого себя. Кроме Шекспира, Спинозы, Наполеона да, может, еще Гердера и Байрона, никого гением не считал», — пишет М. Алданов. На старости лет, когда с Гёте сравнивали модного в ту пору Людвиг Тика, он без малейшей обиды, — «не все ли мне равно?» — «просто для восстановления истины, говорил, что это совершенное

неприличие: “Это как если бы я сравнивал себя с Шекспиром: он был высшим существом, и я могу смотреть на него только снизу вверх”».

В глубокой старости Гёте, заключает М. Алданов, «принял» решительно все (...). Так, во 2-й части “Фауста” Линцей говорит: “Вы, счастливые глаза, — будь что будет, — ведь то, что вы видели, было так прекрасно”».

Это был последний материал, напечатанный в газете 9 января 1940 г. о Гёте, а 14 июня 1940 г. немецкие войска вошли в Париж и довоенная эмигрантская пресса Парижа прекратила свое существование. С исчезновением газеты, как отмечал позднее Андрей Седых, в русском Париже образовалась громадная пустота, которая уже никогда не была заполнена.

Примечания

- ¹ Якушева Г.В. Гёте Иоганн Вольфганг // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. / Гл. ред. и сост. Николокин А.Н. — М.: РОССПЭН, 2006. — Т. 4: Всемирная литература и русское зарубежье. — С. 80–84; Якушева Г.В. Образ и мотивы Гёте в отечественной словесности XX в. (Россия, СССР, русское зарубежье) // Гёте в русской культуре XX в. / Отв. ред. и сост. Якушева Г.В. — М.: Наука, 2004. — 2-е изд. доп. — С. 11–44.
- ² Сорокина В.В. Литературная критика русского Берлина 20-х годов XX в. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. — С. 191–192.
- ³ Подробнее о газете см.: Петрова Т.Г. Последние Новости // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. / Гл. ред. и сост. Николокин А.Н. — М.: РОССПЭН, 2000. — Т. 2: Периодика и литературные центры. — С. 319–329.
- ⁴ О литературно-критической деятельности П.Н. Милокова см.: Петрова Т.Г. П.Н. Милоков о русской классике и современной литературе // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милоков (1859–1943). — М.: Дом рус. зарубежья им. А. Солженицына, 2010. — С. 280–289.
- ⁵ Голенищев-Кутузов И. Гёте и Фауст // Возрождение. — Париж, 1932. — 24 марта.
- ⁶ Вейдле В. Гёте и всемирность // Последние новости. — Париж, 1932. — 22 марта.
- ⁷ Гётевские дни // Последние новости. — Париж, 1932. — 24 марта.
- ⁸ Гётевские торжества в СССР // Последние новости. — Париж, 1932. — 25 марта.
- ⁹ Цетлин М. Толстой и Гёте // Там же. — 1921. — 5 янв.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Цит. по: Цетлин М. Толстой и Гёте...
- ¹² Манн Т. Гёте и Толстой // Воля России. — Прага, 1922. — 10 мая; 19 мая; 27 мая.
- ¹³ Там же. — 10 мая.
- ¹⁴ А.Д. Гёте и Толстой // Последние новости. — Париж, 1932. — 31 марта.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Струве П.Б. Гёте и Пушкин // Россия и славянство. — Париж, 1932. — 29 окт.
- ¹⁷ Бем А.Л. «Фауст» в творчестве Пушкина // Slavia. — Рос. 13. — 1934/1935. — С. 2/3; Републикация: Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе / Сост. Бочаров С.Г. — М., 2001. — С. 179–208.

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ФОН ГЁТЕ (1749–1832) В РЕЦЕПЦИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

- ¹⁸ Бем А.Л. «Фауст» в творчестве Достоевского // Записки научно-исследовательского объединения. – Прага: Русский свободный университет, 1937. – Т. 5. – С. 1–33.; Републикация: Бем. А.Л. Исследования. Письма о литературе / Сост. Бочаров С.Г. – М., 2001. – С. 209–244.
- ¹⁹ Вейдле В. Гёте и всемирность // Последние новости. – Париж, 1932. – 22 марта.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Шлёцер Б. Гёте и музыка // Последние новости. – Париж, 1932. – 11 авг.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Алданов М. Писатели и революция // Там же. – 1921. – 25 мая.
- ²⁷ Миркин-Гецевич Б. Свобода и культура // Там же. – 1932. – 1 апр.
- ²⁸ Гитлер – о Гейне, Геббельс – о Гёте // Там же. – 1930. – 28 сент.
- ²⁹ Старый Земец, Сталин – и... Гёте // Там же. – 1938. – 14 авг.
- ³⁰ Д.М. Выставка Гёте // Последние новости. – 1932. – 2 июня; «Год Гёте» // Там же, 1932. – 3 февр.; Гонорары Гёте // Там же. – 1931. – 7 февр.; Волконский Сергей, кн. Мать Гёте. // Там же. – 1931. – 2 авг.; Парчевский К. Фрау фон Гёте // Там же. – 1932. – 6 мая; Цетлин М. Карлсбад // Там же. – 1936. – 24 сент.; Даманская А. Вне сезона [Мариенбад] // Там же. – 1931. – 25 авг.
- ³¹ Хроника иностранной литературы // Там же. – 1927. – 6 янв.
- ³² Найдены письмо и стихи Гёте // Там же. – 1927. – 27 апр.
- ³³ Музей Гёте во Франкфурте // Там же. – 1930. – 11 февр.
- ³⁴ Вейдле В. Гатем и Зюлейка // Там же. – 1932. – 23 мая.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Вейдле В. Книги о Гёте // Там же. – 1932. – 14 янв.
- ³⁹ Словцов Р. (Калишевич Н.В.) От Гёте до Кропоткина // Там же. – 1933. – 9 февр.
- ⁴⁰ С. Гёте и Россия // Там же. – 1933. – 4 мая.
- ⁴¹ Словцов Р. (Калишевич Н.В.). Гёте и русский двор // – Там же. – 1933. – 9 мая.
- ⁴² Словцов Р. (Калишевич Н.В.). Русские знакомства Гёте // – Там же. – 1933. – 11 мая.
- ⁴³ Словцов Р. (Калишевич Н.В.). Гёте и русский двор // – Там же. – 1933. – 9 мая.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Словцов Р. (Калишевич Н.В.). Русские знакомства Гёте // – Там же. – 1933. – 11 мая.
- ⁴⁶ Поляков-Литовцев С. Последний опыт // Там же. – 1931. – 30 июня.
- ⁴⁷ Франк С.Л. Гёте и проблема духовной культуры // Путь. – Париж, 1932. – № 34. – С. 89.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Алданов М. Гёте и война // Там же. – 1940. – 9 янв.
- ⁵⁰ Цит. по: Алданов М. Гёте и война...

С.Л. Франк

ГЁТЕ И ПРОБЛЕМА ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья печатается по изданию: Журнал «Путь», – Париж, 1932, – № 35.

К столетней годовщине смерти Гёте Германия и весь европейский мир пытались в бесчисленных докладах и статьях отдать себе отчет в духовном наследии Гёте и в особенности уяснить в нем и извлечь из него то, что может и должно служить руководящим началом для современной жизни. Определить и оценить духовное наследие Гёте – то, что он дал миру в своих художественных, научных и философских творениях, как и то, что содержится в его обширной переписи и в записанных современниками устно выражаемых мыслях – есть, по почти неизмеримому богатству этого наследия, задача, вряд ли сполна осуществимая для отдельного человека. Наследие это продолжает жить и действовать лишь в соборной памяти европейского человечества. Его невозможно без остатка резюмировать в какой-либо системе идей.

Независимо от этой, чисто внешней, трудности, мы наталкиваемся здесь на одну существенную внутреннюю трудность, в силу которой даже самая всеобъемлющая оценка *объективного духовного наследия* Гёте не может исчерпать того, что ценно в памяти о Гёте, в понимании Гёте, и даже неизбежно проходит мимо самого существенного. Значение Гёте для духовной культуры отнюдь не исчерпывается тем, что он имел и выразил некое целостное *миросозерцание*; это значение определено прежде всего реальностью самой *духовной личности* Гёте – не тем, что он дал, а тем, *что он был*. То, что мы должны разуть под «философией Гёте» – как это тонко выразил немецкий философ Зиммель – никак не может означать только «философию», которую имел и выразил Гёте; неизмеримо более существенна «философия Гёте», как философия *о Гёте*, философское осмысление *личности Гёте*, – той духовной реальности, которая дана нам в этой личности. Проблематика жизни и духовного развития Гёте подводит нас к самым значительным и практически насущным проблемам общечеловеческой, а потому и нашей собственной духовной

ФРАНК
Семен
Людвигович
(1877, Москва –
1950, Лондон),
философ,
критик

жизни. Дело идет, конечно, не о размышлениях над эмпирической биографией Гёте, а об уяснении общих духовных начал его жизни.

Здесь, в этой краткой заметке, мы хотели бы наметить лишь один, на наш взгляд наиболее существенный – и вообще, и в частности для переживаемой нами эпохи – момент из этой проблематики: личность Гёте в ее значении для самой *идеи* духовной культуры.

О духовной личности Гёте распространены доселе самые поверхностные и превратные представления... Трафаретный образ представляет его «великим язычником», «эпикурейцем» или – с легкой руки поверхностного Гейне – «олимпийцем» – существом, подобным равнодушному, духовно-уравновешенному, удовлетворенному своим собственным величием божеству античного мира. Все эти довольно туманные определения хотя в конце концов выразить одно – мысль, будто Гёте сумел преодолеть для себя обычный, роковой трагизм человеческой жизни, достигнуть абсолютной гармонии между строем мира и запросами своего личного духа и будто в силу этого достижения он был чужд всем слабостям, несовершенствам и мукам человеческой жизни.

Это ходячее представление о Гёте не только поверхностно, как все общепринятые формулы, но и положительно ложно, ибо проходит мимо самого существенного в духовной личности Гёте. Бесспорно, конечно, что последней целью, идеалом жизни для Гёте было действительно достижение равновесия, гармонии между внутренними личными потребностями человеческого духа и связью человека с мировым целым. Но именно потому, что это равновесие было конечной *целью* его духовного стремления, оно никак не могло быть абсолютной и неизблемой основой его духовного существа. Напряженность, с которой Гёте стремился к этой цели, свидетельствует, напротив, о том, что основным *фактом* его духовного бытия

было сознание мучительной, трагической *дисгармонии* между упованиями личности и мировым порядком. Этот роковой трагизм человеческой жизни и есть, вопреки ходячим представлениям, *основная тема* и духовного творчества, и жизни Гёте. Именно эта тема воплощена в величайших образах, созданных Гёте: в образе Вертера, в котором впервые в мировой литературе, среди господства идиллического оптимизма, было выражено трагическое мироощущение, овладевшее позднее, с начала XIX в., человеческим сознанием – в образе обреченной на гибель чистой, невинной девичьей души (Гретхен, Миньон), в образе титана Прометейя, бросающего вызов Зевсу, равнодушному и холодному владыке мира; свое завершение эта тема находит в центральном для мироощущения Гёте и – по верному указанию Шпенглера – символическом для всего духовного строя новой европейской культуры образе Фауста. Фауст есть символ человеческого духа, который по самому существу своему не может удовлетвориться никаким земным достижением, ибо единственная цель его стремления есть абсолютная, всеобъемлющая, божественная полнота бытия.

Своеобразие духовной установки Гёте заключается, однако, в том, что это сознание бесконечных притязаний человеческого духа (которое в раннем, юношеском периоде творчества Гёте принимало форму культа титанизма, духовного анархизма и аморализма) в эпоху зрелости сочетается в нем с религиозной идеей божественного порядка и божественной иерархии вселенского бытия. Субъективизм, культ духовных прав личности, сочетается в духовной жизни Гёте с религиозным объективизмом, с верой в сверхиндивидуальную, абсолютную ценность соборно-вселенского начала. Правда, подчиненность мировому порядку в его эмпирическом бездушии и слепоте и связанность им есть для личности только горькая необходимость, которой и определяется роковой трагизм человеческой личности («die Pein des engen Erdenlebens»). Но, с дру-

гой стороны, именно последнее удовлетворение глубочайших и бесконечных упований человеческого духа возможно не в форме анархического индивидуализма и титанизма, а только через добровольное подчинение личности божественно-вселенской иерархии, через внутреннее соучастие и служение личности в божественном всеединстве. Так утверждается в мирозерцании Гёте идея служения, творчества, практической работы, идея *объективно-ориентированного прагматизма* как единственно нормального пути совершенствования личности¹. Здоровая духовная жизнь есть не самоуслаждение и не самоанализ, ей должен быть чужд всякий эгоцентризм, она должна опираться на бескорыстное и самоотверженное служение объективным началам, должна быть самозабвенным творчеством объективных ценностей. Это Гёте называет «классической» и «здоровой» установкой духа, в отличие от всего «романтического» как «больного».

Этим определено значение для мирозерцания и существа Гёте идеи духовного творчества и тем самым идеи *духовной культуры*. Духовная культура как объективное, сверхличное единство духовного бытия, в котором человек соучаствует одновременно пассивно и активно, воспринимая его и творя его, есть как бы единственная живительная атмосфера, в которой может жить и расцветать человеческая личность. Но самое замечательное и поучительное в Гёте есть та идейная широта и полнота, с которой он сознает эту идею духовной культуры и умеет преодолеть присущую ей антиномию.

Люди гениальные (не в количественном, а в качественном смысле этого слова) — люди, имеющие призвание, и потому неспособные жить просто для удовлетворения своих субъективных потребностей, как бы варясь в собственном соку, а в остальном приспособляясь к данным условиям жизни, — люди, нуждающиеся в осуществлении какой-либо заветной *творческой* задачи, — могут быть разделены на два основных типа. Одни — и таковые среди творческих

натур составляют преобладающий тип — целиком, безраздельно устремлены в какой-либо объективно-сверхличной цели — будь то искусство, или наука, или государственно-общественные задачи. О себе самих, о своей личной жизни и о самом неповторимо-своеобразном моменте индивидуальной личности в себе они при этом совершенно забывают; себя самих они сознают только как безличный медиум или орудие высших сверхиндивидуальных сил; и если они, как люди, сверх того имеют личную жизнь и личные духовные запросы, то эта чисто личная сторона жизни воспринимается ими самими — а потому и другими людьми — как нечто несущественное, — как некое «бесплатное приложение» к основной, объективно определенной задаче их жизни, или даже как ненужное усложнение и помеха в их призвании. Но есть и другой тип творческих натур. Для них конечная цель творчества и духовной работы заключается именно в обнаружении, формировании и совершенствовании личности, личной духовной жизни. Сюда относятся все религиозные гении и, шире говоря, гении, которых мы называем «мудрецами» и «наставниками жизни», люди, призванные быть знатоками и наставниками в *искусстве жизни*. Объективные ценности духовной культуры имеют для них значение только служебных средств для самоосуществления и совершенствования личной духовной жизни — своей и чужой. В этих двух типах обнаруживается два соотносительных, но в известном смысле антиномично противостоящих друг другу момента духовного мира, в котором и которым живет человек. Духовный мир есть великая всеобъемлющая сверхличная *родина*, к бескорыстному и самоотверженному служению которой призван человек; и отдельная личность есть сын и слуга этой родины, которая безмерно превосходит его по своей объективной ценности. И, с другой стороны, духовный мир есть атмосфера и питательная среда для живого индивидуального человеческого духа и не имела бы никакого смысла, если бы она в свою очередь не служила сохране-

нию и расцвету личной духовной жизни. Поэтому духовная культура есть всегда *личная культура* не только в том смысле, что она творится личностями, но вместе с тем и в том смысле, что она должна служить *культуре личности*.

Но в этой двойственности заключена, как указано, и роковая антиномия духовной культуры – антиномия между личным и объективным началом культуры. *С одной стороны*, мы стоим перед тем загадочным и грозным фактом, реально ощутительным именно в наше время, – что культура как объективное духовное единство может в течение некоторого времени продолжать существовать и даже развиваться, одновременно теряя свои корни в живых личностях. Страна может иметь богатейшую духовную культуру – художественные музеи, научные библиотеки, утонченную литературу, культурное законодательство – и одновременно, отчасти именно вследствие бесконечного усложнения культуры, отчасти вследствие имманентного упадка личного духа, может в ней все уменьшаться число *людей*, которые способны быть живыми участниками этого духовного богатства. Получается парадокс какого-то отрешенного, самодовлеющего как бы гипостатированного бытия объективной духовной культуры одновременно с варварством живых людей, среди которых она существует. Но, конечно, по мере разрушения этого своего живого фундамента, величественное здание объективной культуры становится все более шатким и обречено на гибель. Не таково ли современное культурное состояние европейского человечества (не говоря уже о советской России)? *И, с другой стороны*, односторонняя забота о субъективной *культуре личности* – все равно, есть ли это религиозно-этический аскетизм, забота о совершенствовании и спасении души, или эпикуреизм и эстетизм, угрожает подорвать творчество объективной культуры и тем в свою оче-

редь обходным путем привести к обеднению и ослаблению личной культуры.

Личность Гёте именно тем и поучительна для нас, что она выражает собою попытку синтеза, заранее преодолевающего эту антиномию. По Гёте и у Гёте жизнь ориентирована сразу на *оба* соотносительных начала духовной культуры – и на творчество объективных ценностей, и на культуру личности. Наблюдая прежде всего личную жизнь Гёте в ее эмпирическом содержании, вдумываясь в его биографию, мы получаем впечатление какой-то сверхчеловеческой полноты и многосторонности, какого-то совмещения несовместимых, казалось бы, интересов и духовных устремлений. Эта жизнь полна неутомимого творческого труда. Когда мы обозреваем одно лишь литературное наследие Гёте – художественное, научное и философское, – когда мы сознаем, что этот человек был одновременно и вдохновенным поэтом, и ученым естествоиспытателем (во всех отраслях естествознания), и историком, и мыслителем-философом, и во всех этих областях был изумительно производительным, – нам кажется, что жизнь такого человека должна была без остатка пройти в уединенной кабинетной работе. И когда мы думаем, что Гёте, сверх того, был и государственным деятелем, и инженером (создателем горного дела в Тюрингии), и живописцем, и значительным режиссером, – то нам преподносится образ жизни, целиком посвященной объективному творчеству – жизни, в которой не остается времени и места ни для чего личного. Мы знаем, однако, что, в отличие от многих других гениев, которые оставались бедными личным опытом, или имели лишь убогую и банальную личную жизнь, Гёте был безмерно богат и личной жизнью. Всем известно обилие его романтических увлечений, от ранней юности до глубокой старости. Мы говорим не о поверхностных и легкомысленных увлечениях, а о тех отношениях к женщинам, которые переживаются им с величайшим драматизмом и обогащают его

душу новым духовным опытом. Одна юношеская любовь вдохновляет его на «Вертера», другая – на образ Гретхен; многолетнее отношение к Шарlotte фон-Штейн он сам сравнивает по его действию с безмерным плодотворным влиянием на него Шекспира; любовь старика Гёте к Марианне Виллемер имеет своим плодом величайшее создание его философской лирики – «West-östlicher Divan»; и последняя, предсмертная, любовь 60-летнего старца к Ульрике Левецов вдохновляет его на «Марисенбадскую элегию», в которой дано классическое выражение религиозного чувства и его сродства с романтической любовью.

Менее известно *принципиальное* отношение Гёте к личной жизни. Принципиально отвергая, как мы видели, всяческий субъективизм, всякую замкнутость личности в самой себе, требуя, чтобы жизнь была посвящена объективному творчеству, бескорыстному служению, чтобы она была практически плодотворна, Гёте *вместе с тем* видит высшую и основную задачу духовного творчества в формировании, совершенствовании и облагораживании *личного духа*. В центре всего его мирозерцания стоит идея, выражаемая непередаваемым немецким словом *Bildung*, – идея формирования личности, или идея культуры как культуры личности. Личная жизнь не есть для него что-то просто данное; она есть объект – и притом конечный объект – напряженного духовного творчества. В личной жизни должна идти неустанная борьба против внешних сил мира, стремящихся совлечь нас с нашего собственного пути; нашу жизнь мы должны формировать так, чтобы конец ее гармонически согласовался с ее началом, чтобы она была законченным выражением энтелехии нашей духовной личности, чтобы она сама стала *художественным произведением* (*des Leben ein Kunstwerk*). На вопрос Эккермана, неужели Гёте не было жаль терять свое драгоценное время на такое сравнительно ничтожное и суетное дело, как театральная режиссура, Гёте отвечает: «В конце концов, всякую дея-

тельность я рассматривал только символически, как испытание личных сил, как повод для внутреннего духовного развития; с таким же увлечением я мог бы заниматься и обжиганием горшков».

Гёте, таким образом, в своей жизни и вере дает нам образец синтетического сочетания двух типов гения, о которых мы говорили выше: гения объективного творчества и гения воспитания личности. И его завет есть именно завет неразрывного единства между творчеством объективной культуры и творческим формированием личного духа, – между самоотверженным, бескорыстным служением общим началам и работой над личным духовным обогащением и просветлением.

Многие думают, что личность Гёте не может иметь для нас образцового значения, во-первых, потому, что она вообще есть что-то совершенно исключительное, и, во-вторых, потому, что наша эпоха не имеет ничего общего с эпохой Гёте. Конечно, никто не может ставить своей задачей стать Гёте или даже уподобиться ему – это было бы просто глупо; но этим ничуть не устраняется принципиальное воспитательное значение для нас намеченного выше идеала, воплощенного в личности Гёте – идеала синтетического единства объективного служения и индивидуального духовного саморазвития. И, конечно, наша эпоха во многом и существенно отлична от эпохи Гёте; но не нужно думать, что основной мотив нашей эпохи – чувство непрочности культуры и привычного строя жизни, чувство надвинувшейся на нас катастрофы и близости конца – был чужд Гёте. Напротив, центральная часть его жизни совпадает с эпохой французской революции и наполеоновских войн, потрясших весь европейский мир; и творчество Гёте развивается именно на фоне основополагающего для него сознания катастрофичности жизни. Он ищет в «West-östlicher Divan» первозданную мудрость Востока именно потому, что на Западе «трещат троны и колеблются царства» (*Throne bersten, Reiche*

zittern). И стариком он высказал мысль: «Умнее и искуснее люди еще станут; но никогда уже они не станут счастливее, лучше и плодотворнее; я предвижу время, когда Бог снова не будет больше иметь радости от человечества и опять разрушит его, чтобы дать место новому творению».

Именно в такие эпохи, как наша – которая в этом отношении похожа на эпоху на рубеже XVIII и XIX вв., – становится особенно насущной проблема духовной культуры, как ее осознал и воплотил Гёте, – проблема двуединства культурного творчества и совершенствования личного духа.

Не каждому может быть внутренне близок духовный тип Гёте; и во многом и существенном мы можем и должны объективно разойтись с Гёте, признать его идеи и его творческий путь, при всей их полноте и плодотворности, все же неадекватным всей глубине трагической проблематики человеческой жизни и в этом смысле неудовлетворительным.

Но основная *цель*, к которой он шел, – гармоническое единство личного духовного бытия и бытия соборно-вселенского – в той или иной форме стоит перед каждым человеческим духом.

Примечания

- ¹ Лишь такое символическое значение – а отнюдь не значение буквальное, как это часто думают – имеет заключительный эпизод жизни Фауста, в котором Фауст имеет предвкушение высшего, абсолютного удовлетворения в практическом служении человечеству (в «осушении болот»). – Прим. С. Франка.

М.Г. Талалай

У ИСТОКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО КРАСНОГО КРЕСТА: СУПРУГИ ФЕРДИНАНДО ПАЛАШАНО И ОЛЬГА ВАВИЛОВА

Фердинандо Палашано¹ (Palasciano, 1815–1891), почетный гражданин Неаполя, сенатор Итальянского королевства, военный хирург, автор многих научных трудов, прославился также и как медик-гуманист, чьи принципы предвосхитили идеи Международного Красного Креста. В Италии за ним практически официально утвердился титул «предшественник Красного Креста». Благородной и многообразной деятельности Палашано способствовала его супруга, русская дворянка Ольга Павловна Вавилова. Овдовев, она посвятила остаток жизни сбору и публикации трудов покойного мужа, а также их пропаганде через Итальянский Красный Крест, с которым Вавилова-Палашано установила самое тесное сотрудничество².

Жизнь супругов Палашано – это жизнь людей с высокими гуманистическими идеалами, на основе христианских традиций и классической европейской культуры. Они прекрасно выразили общий дух второй половины XIX столетия, с его убеждениями о поступательном прогрессе человечества, еще не перечеркнутыми Первой мировой войной и тоталитарными режимами XX в.

Фердинандо (полное имя: Фердинандо-Антонио) Палашано родился под Неаполем, в старинном городке Капуя, 13 июня 1815 г.³ Его отец происходил из Апулии, из города Монополи, и переехал в Кампанию из-за профессиональных интересов. Ради учения Фердинандо переселился из Капуи в Неаполь, тогда столицу Королевства Обеих Сицилий, где получил университетские дипломы по трем специальностям – сначала как филолог, что, вне сомнения, сформировало его широкие гуманитарные интересы, затем как ветеринар, и, наконец, в 1840 г., как хирург.

Молодой медик нашел в Неаполе работу врача в государственном госпитале, открыл свою практику и даже собственные курсы.

*Михаил
Талалай,
кандидат
исторических
наук,
Милан
(представитель
ИВИ РАН
в Италии)*

Однако в 1848 г. его призвали в Королевскую армию в качестве военного врача и сразу же отправили на театр боевых действий – на Сицилию, охваченную революционными движениями той поры, «весны народов». Бурбонская армия на Сицилии, под командованием известного генерала Карло Филанджери, разбила повстанцев; при этом произошел эпизод, ставший судьбоносным – не только для Палашано, но и для европейского гуманитарного развития.

Военный медик еще во время боевых действий ревностно взялся за лечение пленных солдат вражеской стороны. На строжайший запрет генерала Филанджери он ответил фразой, ставшей впоследствии знаменитой: «Мой долг врача выше, чем долг солдата». Палашано был арестован и по законам военного времени должен был быть приговорен к расстрелу, однако в дело вмешался сам король Фердинандо II, знавший лично врача⁵, и смертную казнь заменили одним годом тюремного заключения. Отсидев срок в Калабрии и вернувшись в Неаполь, Палашано пережил непростые времена: его поставили под полицейский надзор, медицинские курсы закрыли, практику всячески ограничили. Вне сомнения, именно тогда сформировались политические взгляды Палашано – неприятие косной бурбонской монархии и поддержка Рисорджименто, движения за объединение Италии. Вероятно, тогда же Ф. Палашано вступил в масонскую ложу (одна из современных итальянских лож носит его имя)⁵.

Патриотическая позиция молодого врача была замечена северными вождями Рисорджименто, и когда в 1860 г. в Неаполь вошли гарибальдийские войска, Палашано смог наконец применить свои таланты и знания. Гарибальдийское правительство Южной Италии назначило его директором одной неаполитанской больницы, затем доверило реорганизацию местного здравоохранения. Вероятно, по представлению Гарибальди, в 1861 г. он получил из рук

короля-объединителя Виктора-Эммануила II высшую награду Итальянского (прежде Савойского) королевства – орден святых Маврикия и Лазаря.

В 1865 г., в 50-летнем возрасте, Палашано возглавил кафедру хирургии в Неаполитанском университете.

К 1862 г. относится участие Палашано в лечении Гарибальди после ранения в сражении при Аспромонте. Это был печальный эпизод в истории Рисорджименто: шедших из Калабрии на Рим гарибальдийцев встретили огнем пьемонтские войска короля-объединителя, который в тот момент предпочитал не противостоять Ватикану и поддерживавшей его тогда Франции. Несколько пленных краснорубашечников даже казнили, а раненому Гарибальди грозил военный суд (позднее отмененный).

Неаполитанский врач несколько раз навещал героя и осмотрев его рану, диагностировал нахождение там застрявшей пули; между Гарибальди и Палашано установились дружеские отношения и многолетняя переписка⁶. Заметим, впрочем, что врачебный совет Палашано – срочно прооперировать раненого ради извлечения пули и даже ампутировать ногу – не был принят, в том числе и из-за противоположной позиции Н.И. Пирогова. Великий русский хирург, имевший во время Крымской войны возможность изучить воздействие пьемонтского огнестрельного оружия на человеческий организм, утверждал, что такая пуля сама покинет простреленную плоть, что и произошло спустя несколько недель. Лечение раненого Гарибальди получило европейский резонанс, и Палашано написал специальный очерк о своем опыте, под названием «Пуля в ране генерала Гарибальди»⁷.

Вскоре началась и успешная политическая карьера Палашано: в 1867 г. он был избран депутатом Национального парламента – в тот момент, когда столица объединенной Италии еще находилась во Фло-

ренции, в ожидании окончательного падения папского Рима. В общей сложности его последовательно избирали на три срока, а в 1876 г. он получил почетное звание сенатора Итальянского королевства. Одновременно он был назначен советником и ассесором муниципалитета Неаполя.

Вместе с тем бескомпромиссная позиция Палашано в области здравоохранения и его твердый характер зачастую вызвали трения и конфликты с коллегами, в частности по Неаполитанскому университету. В итоге его профессорская деятельность продолжалась там недолго: он подал в отставку, протестуя против ряда решений университетских медиков.

Последние годы жизни Фердинандо Палашано были омрачены тяжелой болезнью: ясный ум отказывался ему более служить – судя по описанию, это была болезнь Альцгеймера, тогда еще так не названная. В 1888 г., за несколько лет до кончины Палашано, его супруге ради продолжения разных дел, в том числе публикаций, пришлось пойти на суровую юридическую меру и объявить мужа недееспособным⁸.

Что касается гуманитарных идей Палашано, то после рассказанного выше сицилийского заявления 1848 г., за которое он чуть не поплатился жизнью, медик смог заняться их воплощением после падения неаполитанских Бурбонов (1860) и после своего полнокровного вхождения в политическую и общественную жизнь объединенной нации. Уже в 1861 г. он выступил с яркой речью в неаполитанской Академии «Понтаниана» с призывом не только улучшить медицинское обслуживание войск, но и «применить к раненым или больным противоположных воюющих сторон принцип нейтральности на все время их лечения». Палашано перевел речь на французский язык, разослав ее в заинтересованные инстанции разных стран, в том числе в Швейцарию и Францию.

Ольга Павловна резюмировала так: «Идея нейтралитета, выдвинутая перед генералом Филанджери в 1848 г., отверг-

нутая под угрозой смертной казни Бурбонским королевством, смогла вновь возникнуть только после 1861 г., когда в освобожденной Италии стали свободными мысль и слово. Эта идея стала движущей для образования того учреждения, что ныне называют “Красным Крестом”»⁹.

Заметим, что официально отцом-основателем Красного Креста заслуженно считают швейцарца Анри Дюнане, свидетеля битвы при Сольферино (1859) между пьемонтскими и австрийскими войсками. Опубликованная им в 1862 г. в Женеве книга-призыв «Воспоминания о Сольферино» («Un souvenir de Solferino») произвела такой широкий резонанс в Европе, что уже в следующем году в Швейцарии прошла международная гуманитарная конференция, закончившаяся созданием Красного Креста и подписанием в 1864 г. соответствующей конвенции. К подготовке конференции в Женеве подключился и Палашано, но сам лично не участвовал в ней.

Врач-гуманист деятельно включился в процесс становления Итальянского Красного Креста, учрежденного в том же 1864 г. и всю свою оставшуюся жизнь посвятил этому делу, в том числе и на европейской арене.

Приоритет Палашано, по крайней мере как автора *идеи* Красного Креста, особенно ревностно защищала его вдова, выпустившая после смерти мужа ряд медицинских и публицистических книг, снабженных ее предисловиями. Важное место среди них занимает исследование Дж. Маццони (1895), инициированное Ольгой Павловной и посвященное предложениям Палашано относительно нейтрального статуса раненых¹⁰.

Она внимательно следила за правильным представлением истории Красного Креста на своей родине, в России. Когда известный московский профессор медицины И.Ф. Огнѣв¹¹ изложил российской публике деятельность Международного Красного Креста без упоминания имени Ф. Палашано, Ольга Павловна опубликовала (на французском) открытое письмо с красноречивым названием – «Ради истины: по поводу Красного Креста»¹². В ка-

честве приложения она дала полный французский текст фундаментальной речи Палашано о нейтралитете раненых, произнесенной в неаполитанской Академии «Понтаниана» 28 апреля 1861 г.

Ольга Павловна постоянно информировала своего супруга о новостях в области российского здравоохранения. Особое внимание Палашано уделит опыту передовой Голицынской «больницы для бедных», открытой в Москве в начале XIX в. в соответствии с завещанием князя Дм.М. Голицына. В своей статье, посвященной русской больнице, он цитирует ее замечательный статус: принимать на бесплатное лечение «и русских, и иностранцев, всякого пола, звания, вероисповедания и национальности»¹³. Основным источником для статьи Палашано послужила книга И.И. Сейделера «Московская Голицынская больница в ряду европейских больниц»¹⁴, с которой его, вне сомнения, познакомила Ольга Павловна: Палашано обильно цитирует монографию, ссылаясь как на русское издание, так и на его французский перевод. Рассказывая о восторженном приеме книги в парижском Хирургическом обществе (известный хирург Леон Лефор тогда заявил: «Вот пример либерализма, который дает Россия Европе»), Палашано-патриот не преминул рассказать читателям, что «больницы для бедных» Италия уже знала в эпоху Ренессанса¹⁵.

Большое значение Палашано придавал циркулярному посланию российского правительства (октябрь 1868 г.), разосланному европейским странам накануне принятия Санкт-Петербургской декларации 1868 г., которая была призвана цивилизовать ведение войн. Особенно подробно он разобрал интересовавшие его три параграфа циркуляра — 5, 6 и 7, где рассматривались гуманитарные проблемы — соблюдение Женевской конвенции (Россия присоединилась к ней в 1867 г.) и насущные предложения расширить ее компетенцию на морские войны («нейтралитет транспортных спасательных судов» и проч.). Палашано горячо

подчеркивал необходимость подобного расширения, однако в тот момент этот призыв не разделили некоторые страны¹⁶.

Вероятно с помощью Ольги Павловны Фердинандо, говоря по-современному, мониторил российскую медицину, используя ее новости для своих научных и публицистических статей. Так, в одной своей обширной статье, где он доказывал преимущества для анестезии эфира, а не хлороформа, он рассказал своим читателям о смерти в Одессе госпожи Френкель во время операции Н.И. Пирогова¹⁷.

Пристально следил медик, с помощью супруги, за гуманитарными аспектами русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в первую очередь о военной медицине и обращении с военнопленными. Отмечая профессиональные преимущества русских врачей и в целом человеческого отношения россиян к пленным туркам, Палашано указывал и на серьезные недостатки в России и на слишком высокую смертность среди раненых и пленных¹⁸.

Отдельного рассказа заслуживает необыкновенный особняк супругов Палашано. Поставленный на холме Каподимонте, он прекрасно виден из разных мест Неаполя и запоминается своей высокой башней, представляющей собой уменьшенную копию ратушной башни Флоренции (Палаццо Веккио). Подобным стилистическим выбором владелец дома подчеркнул свои устремления к объединенной Италии и к общенациональным ценностям. Работы по сооружению особняка — в городе его прозвали «Башня Палашано» (Torre di Palasciano) — начались по проекту зодчего Антонио Чиполла в 1867 и закончились в 1868 г., когда Флоренция являлась столицей объединенного Итальянского королевства (до перенесения ее в Рим в 1871 г.). В Палаццо Веккио был устроен парламент новой страны, членом которого был избран Палашано. Тем самым Палашано даже в зримых формах выражал приверженность Рисорджименто и свое политическое участие в государствен-

ном строительстве Италии. Вокруг этой башни-символа сложились городские предания: местные жители утверждали, что подобную высокую башню пожелала Ольга Павловна, которая беспокоилась за мужа, возвращавшегося поздними вечерами по улицам холма Каподимонте (район пользовался дурной славой из-за грабителей).

Видным неаполитанским скульпторам Онофрио Буччини и Томмазо Солари вдова заказала мраморную скульптуру мужа, изображающего его сидящим в кресле с книгой. Ее верхняя часть, бюст, была установлена в 1895 г. внутри Неаполитанского университета от лица Регионального комитета Красного Креста. По этому случаю Ольга Павловна опубликовала специальную брошюру¹⁹. Собственно памятник был установлен на главном городском кладбище Неаполя, «Поджореале», на Площадке именитых людей. Надгробная статуя сидящего медика водружена на удивительно высоком постаменте: существует еще одно предание, что это было сделано по воле вдовы, желавшей видеть могилу супруга из окон своего дома на соседнем холме. Внизу постаumenta стоит монограмма Ольги Вавиловой на латыни – OW, и древний девиз «QUOD DEUS CONIUNXIT HOMINO NON SEPARET» (лат.: Что соединил Господь, человек разделить не может).

Профессиональную библиотеку мужа и его хирургические инструменты вдова передала в его родной город, Капую, где в настоящее время они находятся в составе Кампанского музея (Museo Campano).

Следует отметить, что Ольга Павловна занималась не только увековечиванием памяти мужа: она активно помогала становлению Итальянского Красного Креста, а также занималась пропагандой гуманитарных идей.

Сведений о ней на данный момент обнаружено мало: у супругов не было детей и, следовательно, потомства, хранящего семейные сведения²⁰. Но удалось установить точную дату смерти – 8 февраля 1904 г. (ее рождение – это рубеж 1830–1840 гг.). Однако невозможно пока разыскать ее могилу –

странным образом она не похоронена рядом с мужем (возможно, из-за того, что Фердинандо Палашано погребен на Площадке именитых людей, имеющей особый статус). Неизвестно, когда и при каких обстоятельствах познакомились будущие супруги, но – не в России, так как Палашано никогда там не был (он не участвовал и в Крымской войне, будучи тогда подданным Неаполитанского королевства, отказавшегося от агрессии против России, несмотря на давление европейских держав). Вероятно, встреча будущих супругов произошла в Неаполе, на рубеже 1850–1860-х годов, когда россияне вновь, после окончания Крымской войны и восстановления дипломатических отношений с итальянскими государствами, стали посещать Апеннинский полуостров. Потомки Палашано по боковой линии рассказывают семейное предание, что молодая русская путешественница в Неаполе обратилась к местному врачу из-за повреждения колена...

В середине 1860-х годов Фердинандо Палашано уже затеял строительство своей флорентийской «башни», для семейной жизни с Ольгой Павловной.

В Италии Вавилова приняла написание фамилии Wavilov, ставив перед ней приставку «de», свидетельствующую о дворянском происхождении. Уже после ее смерти Ольгу Павловну стали часто в разных публикациях неправомерно титуловать графиней, «contessa»: итальянцам странно иметь дело с аристократами, не имевшими титулов, – так тут возникали вымышленные русские князья, бароны, графы.

Отец Вавиловой-Палашано – Павел Иванович Вавилов, дворянин Херсонской губернии, отставной капитан 2-го ранга²¹; мать – Екатерина Осиповна, урожд. Бурачкова, дочь надворного советника. Известно, что у Ольги было две сестры: Екатерина (1836-?) и Анна (1839–1896). Последняя вышла замуж за Николая Петровича Ренненкампа, также дворянина Херсонской губернии. Дети от этого брака считались самыми близкими родными для Фердинандо Палашано – в его официальной

анкете сенатора в графе родственники указаны Наталья и Михаил Ренненкампы, племянники Ольги Вавиловой.

Она была также породнена с семьей дворян Ростовских: мать российского консула Аркадия Николая Ростовского (1860–1903), была ее кузиной, из рода Бурчковых. Александр Ростовский со своей супругой, Екатериной, урожд. княжной Дабжицей, до своей гибели на Балканах, неоднократно бывал гостем в «Башне Палашано»: будучи в конце XIX в. российским консулом на Юге Италии, в Бринди-зи, он часто приезжал в Неаполь. Когда же

Екатерина Ростовская в начале 1923 г. приехала эмигранткой в Неаполь, она естественным образом сперва остановилась в доме Палашано²².

Вне сомнения, Ольгу Павловну Вавилову-Палашано, нашу замечательную соотечественницу, следовало бы вспомнить и ранее, но разрыв связей между Западной Европой и Советской Россией этому не способствовал, так же как и господствовавшая на ее родине идеология мировых революций, классовой борьбы и отрицания «буржуазного» гуманизма.

Примечания

- ¹ Иногда эта фамилия транслитерируется как Палашано, однако если следовать ее произношению, то должно быть Палашано.
- ² Посмертное собрание сочинений Ф. Палашано, под редакцией его вдовы, вышло в 1896 г. в Неаполе в 5 т. под общим названием «Memorie ed osservazioni» [Воспоминания и наблюдения], хотя текстов мемуарного характера в нем практически нет: это научные, научно-популярные и публицистические статьи.
- ³ О Ф. Палашано см.: Garofano-Venosta F. Ferdinando Palasciano. – Aversa, 1965; De Luca C., Palasciano G. Ferdinando Palasciano. Il precursore della Croce Rossa [Предшественник Красного Креста]. – Fasano, 1992; Cannonero M. Un'idea senza fine. Così nacque la Croce Rossa: il Risorgimento italiano e oggi [Идея без границ. Так родился Красный Крест: Итальянское Ринсорджименто и сегодняшний день]. – Novi Ligure, 2014; Palasciano M. Un souvenir di Capua. – Capua, 2015.
- ⁴ Неаполитанскому королю приписывают шутливую фразу: «Не могу поверить, что сей маленький Палашано есть большой революционер».
- ⁵ Можно предположить, что масоном позднее стала и его супруга; на надгробии Палашано, водруженном вдовой, присутствует масонская символика – циркуль, круг.
- ⁶ Оба были к тому же членами масонских лож.
- ⁷ Статья «La palla nella ferita» включена Ольгой Павловной в посмертное издание трудов Ф. Палашано: Palasciano F. Memorie ed osservazioni. – Napoli, 1896. – Vol. 2. – P. 34–47.
- ⁸ См.: Archivio di Stato di Napoli. Sez. Procura Generale. Affari civili. B. 17 997. F. 597. Anno 1888.
- ⁹ Цит. по: Baudel F. Ferdinando Palasciano: il precursore della Croce Rossa // La Croce Rossa Italiana – Roma, 1927. – №№ 2–4. – P. 18.
- ¹⁰ Mazzoni G. Neutralità dei feriti in guerra [Нейтралитет раненых на войне]. – Napoli, 1895. – Это издание Ольга Павловна посвятила королеве Маргарите.
- ¹¹ Иван Флорович Огнёв (1855–1928), гистолог, доктор медицины (1884), профессор Московского университета. См. о нем: Огнев С.Н. Заслуженный профессор Иван Флорович Огнёв. Страницы из жизни медицинского факультета Московского университета конца XIX и начала XX века. – М., 1944.
- ¹² Wavilow Palasciano O. Ad veritatem: à propos de la Croix Rouge: lettre à son excellence monsieur Jean Ognew, professeur à l'université de Moscou. – Napoli, 1897.
- ¹³ L'ospedale dei principi Galitzin a Mosca e suo ragguaglio con altri ospedali ospedali di Europa [Больница князей Голицыных в Москве и ее сопоставление с другими больницами в Европе]. // Palasciano F. Memorie ed osservazioni. – Napoli, 1896. – Vol. 2. – P. 271.

- ¹⁴ Сейделер И.И. Московская Голицынская больница в ряду европейских больниц. – М., 1865. – Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003108638#?page=1>
- ¹⁵ Там же. – Р. 275–278.
- ¹⁶ Palasciano F. Per gli articoli 5, 6 e 7 della circolare pel disarmo generale proposta dall'imperatore di Russia alle potenze di Europa [О параграфах 5, 6 и 7 циркулярного послания к европейским державам об общем разоружении, предложенном российским императором]. – Napoli, 1899 (отдельный оттиск статьи, включенной в 5-й том собрания сочинения Ф. Палашано «Memorie e osservazioni», (Napoli, 1896. – Р. 369–381). Вероятно, Ольга Павловна решила переиздать этот очерк в 1899 г., в год Гаагской мирной конференции, созданной не без участия императора Николая II.
- ¹⁷ Un recente caso di morte per cloroformio avvenuto in Odessa nelle mani di Pirogoff [Недавний случай смерти от хлороформа в Одессе, произошедший у Пирогова] // Palasciano F. Memorie ed osservazioni. – Указ. соч. – Vol. 2. – Р. 145–146. – Нельзя исключить, что подобное выпячивание этого прискорбного случая явилось отголоском полемики Палашано с Пироговым по поводу лечения Гарибальди.
- ¹⁸ Ammaestramenti della guerra turco-russa sul servizio sanitario degli eserciti belligeranti [Уроки турецко-русской войны по санитарной службе воюющих сторон] // Palasciano F. Memorie ed osservazioni. – Указ. соч. – Vol. 5. – Р. 335–376.
- ¹⁹ Wawilow Palasciano O. Per l'inaugurazione del busto del defunto Prof. Palasciano fatta dal Comitato X regionale della Croce Rossa a Napoli. – Napoli, 1895.
- ²⁰ Ничего не смог сообщить об Ольге Павловне и Марко Палашано (г. Капуя), внучатый племянник медика-сенатора, главный организатор торжеств в честь 200-летия Фердинандо Палашано (июнь 2015 г.).
- ²¹ «В службу [П.И. Вавилов] вступил гардемарин в 1810 г., произведен мичманом 16.2.1812, лейтенантом 30.3.1816, капитан-лейтенантом 6.12.1817, кампании 6-месячных в Чёрном море сделал две, награжден орденами Св. Владимира 4-й ст. – 15.4.1826, Св. Анны 2-й ст. – 13.2.1829, за значительную пользу, сделанную казне, объявлено монаршее благоволение 29.1.1830. В штрафах и под судом не был, аттестовался всегда хорошо, 14.1.1832 г. высочайшим приказом уволен за болезнью от службы капитаном 2-го ранга с пенсионом 1/3 получаемого им жалования из оклада 780 руб. по 260 руб. в год, равно и с мундиром» // РГИА.Ф. 1343. Оп. 18. Д. 7. Дело о дворянстве рода Вавилова. Начато 15 марта 1837 г. Решено 11 января 1875 г. – Сообщено Юлией Гавриленко (Москва).
- ²² Екатерина Васильевна Ростковская-Дабига – героиня нашей книги, где упоминаются О.П. Вавилова и ее супруг Ф. Палашано; см.: Бордато Э., Талалай М. Под чуждым небосводом. – СПб.: Алетея, 2009. – С. 44.

СУДЬБЫ И МИФЫ

Н.А. Родионова

ГАЙТО ГАЗДАНОВ – ВЫПУСКНИК ШУМЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ

Газданов¹ (1903–1971) – автор девяти романов, создавших ему репутацию, наряду с В. Набоковым, самого талантливого прозаика молодого поколения послереволюционной эмиграции. В 1919 г. 15-летним юнцом Г. Газданов, не закончив Харьковскую гимназию, вступил в Добровольческую армию «без убеждения, без энтузиазма», исключительно «из стремления к новому и неизвестному» и из собственного интеллигентам желания сочувствовать гонимым: «Всё-таки пойду воевать за белых, так как они побеждаемые», – объясняет герой его автобиографического романа «Вечер у Клэр» свое участие в братоубийственной войне в стане белых. «Мысль о том, проиграют или выиграют войну добровольцы, меня не интересовала... Я поступил в Белую армию, потому что находился на ее территории, потому что так было принято; и если бы в те времена Кисловодск был занят красными войсками, я поступил бы, наверное, в Красную армию»². Исследователи творчества Г. Газданова признают автобиографичность его прозы. Для творческой манеры Газданова было характерно повествование от первого лица, наделение рассказчика не только особенностями своей внешности и биографии, но и своими мыслями, глубоко личными переживаниями и впечатлениями, поэтому отождествление автора и рассказчика вполне правомочно³.

Пройдя весь трагический путь с армией генерала Врангеля до последней перекопской катастрофы в ноябре 1920 г., Гайто Газданов вместе с остатками врангелевской армии эвакуировался из Феодосии в Константинополь. В Турции в беженском военном лагере среди унылых безлесных холмов Галлиполийского полуострова, в «голом поле», как называли свой лагерь его обитатели, Газданов провел в вынужденном изматывающем бездействии больше года. Мрачное «галлиполийское сидение» закончилось в январе 1922 г., когда ему улыбнулась удача: появилась возможность закончить об-

*РОДИОНОВА
Надежда
Александровна,
кандидат
исторических
наук,
доцент
НИУ – ВШЭ*

разование и изменить жизнь. В Константинополе была создана гимназия для русской молодежи, чье образование было прервано революцией и гражданской войной. Мест в гимназии было значительно меньше, чем желающих учиться, но Г. Газданову повезло. В Константинополе оказалась его кузина, Аврора Газданова, первая балерина Осетии, входяжая в высшие круги русской эмиграции. В апреле 1922 г. гимназия была передислоцирована в болгарский город Шумен. В списке учащихся Константинопольской гимназии, намеченных к отправке в учебное заведение в Болгарию (март 1922 г.), 19-летний учащийся 6-го класса Константинопольской гимназии Г. Газданов назван сыном белоэмигранта⁴.

Болгария, потерпевшая поражение в Первой мировой войне, сама еще платила в то время репарации французам и англичанам, однако болгары в знак благодарности русским «братушкам», избавившим их родину в 1878 г. от 500-летнего турецкого ига, помогали, чем могли. В 1924 г. Болгария занимала третье место после Королевства СХС и Чехословакии по размерам финансирования русской школы за рубежом, что составляло около 1 млн франков, или 8% всех получаемых русскими беженцами от иностранцев средств⁵.

Город Шумен, или Шумла, – старый турецкий город с крепостью Шумла, обильно политый русской кровью во время многочисленных русско-турецких войн еще со времен императрицы Екатерины Великой, Николая I и Александра II. В 20-е годы это был большой город с многочисленным турецким населением. Два-три православных храма терялись среди десятка мечетей. На окраине города в турецкой его части, на подъеме в горы, окружавшие Шумен с северной стороны, была гимназия – постройка квадратом с большим внутренним двором. Здание, по-видимому, некогда было одним из укреплений вокруг города, стены сооружения были метровой толщины. В первом этаже вместо окон были бойницы, второй этаж был перестроен и приспособлен под жилье. Перед фасадом к главному входу

поднимались с двух сторон широкие лестницы. Директором гимназии был А.А. Бейер⁶, выпускник Михайловского Артиллерийского училища, генерал-лейтенант артиллерии, участник гражданской войны, в прошлом преподаватель физики, химии и математики в Константиновском артиллерийском училище, «человек совершенно особенный». Все выпускники Шуменской гимназии, оставившие воспоминания, отзываются о нем в превосходной степени: «Авторитет его, справедливость, глубочайшие знания прямо покоряли всех нас, и мы готовы были ради его очень редкой улыбки или еще более редкой похвалы на любые испытания»⁷. Г. Газданов считал «немчуру – директора» «человеком огромной гуманитарной культуры, одним из лучших представителей интеллигенции, каких ему приходилось встречать», «исключительный ум которого был совершенно лишен высокомерия, на которое имел право. Он разговаривал с каждым учеником как равный, и эффект получался безошибочный – было слишком стыдно потом не оправдать его доверие»⁸.

Подранки, «подстарки» (так З. Гиппиус называла состарившееся раньше времени молодое поколение эмигрантов), примерным поведением не отличались. Психика молодых людей, прошедших сквозь ад братоубийственной войны, была глубоко травмирована. Устами Александра Вольфа, героя романа «Призрак Александра Вольфа», Г. Газданов описывает присущее и ему самому состояние израненной войной души: «Я знал по собственному опыту и по примеру многих моих товарищей то непорочно разрушительное действие, которое оказывает почти на каждого человека участие в войне. Я знал, что постоянная близость смерти, вид убитых, раненых, умирающих, повешенных и расстрелянных (...) – все это никогда не проходит безнаказанно. Я знал, что безмолвное, почти бессознательное воспоминание о войне преследует большинство людей, которые прошли через нее, и в них всех есть что-то сломанное раз и навсегда. Я знал по себе, что нормальные человеческие представле-

ния о ценности жизни, о необходимости основных нравственных законов – не убивать, не грабить, не насиловать, жалеть, – все это медленно восстанавливалось во мне после войны, но потеряло прежнюю убедительность и стало только системой теоретической морали. И те чувства, которые должны были во мне существовать и которые обусловили существование этих законов, были выжжены войной, их больше не было и их ничто не заменило»⁹. О социальном составе своих одноклассников Г. Газданов писал: «...это были бывшие солдаты, офицеры, матросы, спекулянты, только что вырвавшиеся из ада гражданской войны...»¹⁰

А.А. Бейер, чтобы обеспечить нормальное функционирование гимназии, поспешил освободиться от неуправляемых «подранков», многим из которых «скорее нужны были исправительные учреждения, а не гимназическая скамья»¹¹. В 1923 г. в гимназии было сразу два выпуска. Первый состоялся в январе 1923 г. – 57 человек, второй – в сентябре 1923 г. – 43 ученика¹². Возраст выпускников варьировал от 16 до 25 лет. Во втором выпуске под номером 7 записан Г. Газданов. «Занимался я очень неохотно, но учился хорошо...»¹³, позднее напишет о себе Г. Газданов. Он обнаруживал явные склонности к гуманитарным предметам, в его аттестате отличные оценки по русскому, французскому, латыни, психологии, истории, космографии, естествознанию, законоведению, географии и рисованию; по немецкому языку и физике – хорошие, а по алгебре, геометрии и тригонометрии – удовлетворительные¹⁴. От результатов экзаменов зависела жизнь. Окончание гимназии с медалью давало возможность получить стипендию, чтобы учиться дальше. В выпуске 1923 г. таким счастливым оказался Вл. Сосинский¹⁵. Лучший друг Г. Газданова – Н.С. Муравьев¹⁶ – в 1923 г., после окончания гимназии, уехал во Францию, был студентом в Пуатье, Клермон-Ферране и Тулузе, где в 1928 г. получил

диплом инженера-химика. Тем, кто остался без стипендии и связей, предстояли тяжелые работы на угольных шахтах Перника, на виноградниках болгарских крестьян, на постройках дорог, на рубке леса в Балканских и Родопских горах, на фермах по разведению шелковичных червей. Большинство выпускников по рабочим контрактам потянулись на фабрики и заводы Франции и Бельгии в надежде впоследствии как-то устроиться учиться. Стипендию для продолжения образования Г. Газданов не получил. Помимо отсутствия медали у всегда державшегося особняком неуживчивого и гордого осетина было много других грехов. В его аттестате отсутствует оценка по Закону Божию – «питая неприязнь к людям духовного звания»¹⁷ и «неприязненное отношение к религии»¹⁸, на занятия он принципиально не ходил. «Детского страха перед преподавателями» он никогда не испытывал и «свои чувства по отношению к ним он не скрывал»¹⁹. Свидетельством тому является письмо, написанное Г. Газдановым директору гимназии А.А. Бейеру спустя два месяца после окончания гимназии²⁰.

Вопреки предостережениям директора Бейера, отговаривавшего Газданова от отъезда в Софию, чтобы не «очутиться в один прекрасный день под забором»²¹, упрямый выпускник, веря в свой талант писателя, отправляется в Париж, который в 20-е годы стал не только политической, но и литературной меккой русской эмиграции. За два месяца пребывания в Париже Г. Газданов успел поработать на разгрузке барж в Сен-Дени, мойщиком паровозов на железнодорожной станции, потом – тяжелая работа на автомобильном заводе Рено в Биянкюре. Его «материальное положение было сносным», о чем А.А. Бейера мог проинформировать доктор П.К. Дылёв, бывший врач гимназии²², однако удручала «печальная необходимость ходить каждый день на фабрику»²³, что не давало возможности учиться и заниматься любимым делом. Тяготы жизни

провоцировали депрессивные состояния, неврозы, раздвоение личности. Постоянная раздвоенность была, несомненно, свойственна и Г. Газданову, а не только героям его произведений. Оказавшись на дне, зарабатывая себе кусок хлеба самым тяжелым трудом, он наблюдал, анализировал жизнь оком писателя.

Возвращаясь к прошлому в письме к А.А. Бейеру, он вспоминает обиды, тяжело переживаемые им в гимназии, поскольку «всегда считался в гимназии элементом отрицательным, пожалуй даже вредным, атеистом, безбожником, убежденным противником гимназической конституции и нарушителем ее правил»²⁴. На педагогическом совете решался вопрос о снижении ему оценки за поведение, однако в аттестате зрелости по поведению поставлена все-таки отличная оценка²⁵. Отношение к себе со стороны педагогического коллектива Г. Газданов считает несправедливым, но это не вызывает его негативных ответных чувств, и он «вспоминает о гимназии, как об одном из самых милых периодов своей жизни»²⁶.

Считая гимназию своей семьей (в письмах многие воспитанники гимназии обращаются к своим педагогам, называя их «мама» и «папа»), Г. Газданов выражает сожаление об утрате «того климата доверия и теплоты», который существовал в гимназии раньше и опасается, что «то, что составляло раньше смысл гимназии, ядро ее сплоченности и сравнительной общности интересов педагогов и учеников, в последнее время начало растворяться и сходиться на нет», и «через полгода ученики будут разговаривать с преподавателями как с совершенно чужими людьми»²⁷. Противоречия себе, он заявляет, что «шуменское братство» существует и вне стен гимназии. Шуменские связи были испытаны им на прочность в Париже: «...если бы не мои шуменские друзья, я бы, вероятно, не доехал бы до Парижа и был бы лишен удовольствия писать Вам сейчас письмо»²⁸. Г. Газданов обращается к уважаемому и любимому им директору гимназии с просьбой разубедить его в своих опасениях. Он называет фами-

лии любимых преподавателей гимназии, «совершенно фантастических людей», как Розмарица²⁹, Папа Фёдоров³⁰, Г.П. Кобылко³¹ Валерьян Валерьянович (Лашкевич)³², и служащих гимназии А. Рождественского³³ и Т. Колесникова³⁴, «от недостатка общения с которыми никто бы не пострадал». Упоминания об этих людях и их краткие характеристики позволяют расширить наши знания о функционировании этого образовательного института в эмиграции и сделать сведения о преподавателях, работавших в нем, более полными.

Критический настрой и независимость суждений Г. Газданова отнюдь не способствовали завоеванию расположения руководства гимназии, от которого не в последнюю очередь зависело получение стипендии. В ГАРФ отложились письма бывшего врача гимназии П.К. Дылёва к А.А. Бейеру, в которых он информирует директора гимназии о судьбах выпускников гимназии в Париже и упоминает о Г. Газданове. Документальных свидетельств о первых, самых тяжелых годах пребывания Г. Газданова в эмиграции сохранилось так мало, что ценны даже фрагменты писем, дополняющие наше представление о его жизни и характере, его окружении, трудностях социализации и особенностях его становления как писателя. П.К. Дылёв характеризует Г. Газданова негативно: «Я хорошо знаю пустоту Газданова»³⁵, упоминает «весьма пустословное письмо Газданова о стипендии» и сообщает, что «его кандидатура не имела, конечно, оснований быть выдвинутой»³⁶. В 1924 г. Газданов обращался в Земгор с просьбой предоставить ему стипендию, но ему было отказано.

В Париже воссоединились три друга – шуменцы Вл. Сосинский, Д. Резников и В. Андреев, сын Леонида Андреева. Три друга впоследствии женились на трех дочерях лидера эсеровской партии В.М. Чернова. Четвертым в этой «команде вроде четырех мушкетеров»³⁷ Г. Газданов не был – слишком велика была разница в социальном статусе этой тройки и оказавшегося на дне Г. Газданова. Друзей особенно

не было. «При совершенном дружелюбии он держался особняком и несколько в стороне», возможно сказывалась «принадлежность к другому культурному коду»³⁸. Свойственная Г. Газданову «назойливая, перманентная ирония: опустошенный и опустошающий скептицизм»³⁹ и независимость поведения симпатии не внушали, портрет Г. Газданова в 20-е годы В. Яновский рисует явно не в комплиментарных тонах: «Газданов, маленького роста, со следами азиатской оспы на уродливом большом лице, широкоплечий, с короткой шеей, похожий на безрогого буйвола»⁴⁰.

Чаше всего в Париже Г. Газданов общался с Н.С. Муравьевым, своим лучшим другом из Шуменской гимназии. В Париже он также обращался за помощью к доктору Дылёву, который, не считая Газданова другом, этой помощью тяготился: «Тяжелое было связано с Газдановым, который, кажется, гораздо больше ко мне привязан, чем я к нему. Он был снова без работы, оборвался, опустился, грустно на него смотреть. Но за работу не брался. Я его слегка поддерживал, приспособив к своему заработку с рекламами. ...Последнее время он присутствовал при мне почти неотступно, и это нелегко»⁴¹. В письмах Дылёва к Бейеру упоминается о конфликте с Газдановым: «Тяжелый крест Газданов. Вы пишете, что его отношение ко мне было подлым, но судить его я не хочу»⁴². Возможно, конфликт произошёл еще в стенах гимназии, в связи с чем «большинство от Газданова отвернулось», и именно конфликтом объясняется его быстрый отъезд из гимназии после выпускного акта. Не объясняя причин конфликта, о котором Бейер, по-видимому, знает, Дылёв, «по мотивам чисто эгоистическим», «пошел за большинством» и «совсем от него (Г. Газданова. – *Н. Р.*) отсекся», «быть может, в самый тяжелый для него (Газданова. – *Н. Р.*) момент жизни» («сейчас встречи могут быть только случайными»), и отказал ему в помощи. Считая себя неправым («в душе кошки скребут»), он пытается оправдать себя

тем, что не считает Газданова другом: «Я знаю, что в совершенно аналогичном положении, если бы место Газданова занимал человек, мною любимый, я пошел бы в разрез с общим осуждением, со своими личными интересами, а друга бы не бросил. Но ведь Газданов не друг мне, хоть, кажется, и немного любит меня»⁴³. Не питая симпатий к своему подопечному, Дылёв все же эпизодически оказывал ему помощь, хотя и тяготился этим. Спустя несколько дней в письме к М.А. Бушуевой, жене А.А. Бейера, Дылёв сообщает: «Газданов, Слава Богу, уезжает в Страсбург, на какие-то работы. Как-то легче вздохну и я. Я так-таки не совсем бросил его, хоть и тяжело было»⁴⁴.

В 1925 г. в связи с заключением контракта и отъездом доктора Дылёва в Конго Газданов совсем лишился его помощи и жил клошаром, ночевал на тротуарах и под мостом.

Письмо будущего писателя Г. Газданова директору гимназии А.А. Бейеру и письма доктора Дылёва, отложившиеся в ГАРФе, позволяют уточнить некоторые факты биографии выпускника Шуменской гимназии Г. Газданова, его личностные характеристики и трудности его социализации в Париже в первые годы после окончания гимназии. Несмотря на конфликты, о которых мы узнаем из писем, непонимание людей, ближе которых в то время никого не было – одноклассников, с которыми были пережиты тяжелейшие годы «галлиполийского сидения», Г. Газданов всегда ощущал свою принадлежность к «шуменскому братству», и спустя годы теплые чувства к шуменской семье не ослабели. В 1938 г. лучшие слова о директоре гимназии А.А. Бейере были сказаны не самым любимым его учеником: «Я хотел бы написать об Анатолии Аполлоновиче самые верные, самые лучшие слова, которые я знаю, – пишет Г. Газданов. – Я хочу надеяться, что он знал всегда, до последних дней своей жизни, что наша благодарность ему и наша преданность его памяти неизменны»⁴⁵.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Письмо Гайто Газданова А.А. Бейеру от 18 ноября 1923 г.
Париж. – ГАРФ Ф. 6089 Оп. 1. Д. 14. л. 42. Рукопись.**

Многоуважаемый Анатолий Аполлонович! Я не писал Вам до сих пор только потому, что все никак не смог стать человеком с определенной профессией и устойчивым положением. И на каждом шагу мне угрожала перспектива, которую Вы мне предсказывали еще в Шумене перед отъездом, когда не хотели отпустить меня в Софию, – очутиться в один прекрасный день под забором. Я не думал, признаться, что Ваше предсказание имеет достаточно реальные основания, но было несколько случаев, когда человек с менее беспокойным характером, чем у меня, мог очутиться под забором в самом буквальном смысле.

Я подробно писал о моем материальном положении доктору. Оно почти сносно. Единственный его недостаток – печальная необходимость ходить каждый день на фабрику.

Я долго думал – в Софии и здесь – о гимназии и моем отношении к ней и о ее отношении ко мне. И, чтобы проверить правильность моих выводов, я обращаюсь к Вам.

Я всегда считался в гимназии элементом отрицательным, пожалуй, даже вредным, атеистом, безбожником, убежденным противником гимназической конституции и нарушителем ее правил. Такое мнение обо мне выяснилось на последнем Совете, когда меня – в смысле моей нравственной ценности – поставили на одну доску с удивительным Серёжей Орлом и настаивали на уменьшении моей отметки по поведению. Ибо, за что же еще, как не за мою «отрицательность» мне могли поставить «4»?

Такое отношение ко мне со стороны гимназии должно было предполагать с моей стороны приблизительно тождественные чувства. Но это было бы ошибкой. Я до сих пор вспоминаю о гимназии, как об одном из самых милых периодов моей жизни и то, что я говорил со сцены вечером 15 сентября – было вполне искренним и, вероятно, поэтому получилось не так гладко и эффектно, как этого следовало ожидать от речи неискренней.

Я на опыте проверил прочность шуменских связей здесь, в Париже. И если бы не мои шуменские друзья, я бы, вероятно, не доехал бы до Парижа и был бы лишен удовольствия писать Вам сейчас письмо.

Что касается моего экстренного отъезда из гимназии, то к нему меня побуждали исключительно соображения материального характера.

Но, как это ни печально, мне кажется, что за последнее время в гимназии начало происходить что-то неладное, – я говорю, конечно, не о внешних проявлениях этого процесса ухудшения, хотя и они довольно выразительны. То, что составляло раньше смысл гимназии, ядро ее сплоченности и сравнительной общности интересов педагогов и учеников, в последнее время начало растворяться и сходить на нет. И я боюсь, что еще через полгода ученики будут разговаривать с преподавателями как с совершенно чужими людьми.

Я не говорю, конечно, о всех преподавателях. Я не упоминаю таких совершенно фантастических людей, как Розмарица, Папа Фёдоров, Г.П. Кобылко. Если ученикам будет не о чем говорить с А. Рождественским или Т. Колесниковым – это тоже не беда, это совсем не важно.

Но как-то незадолго до нашего акта (выпускного вечера) мы, комиссия по его устройству, говорили очень долго с Валерьяном Валерьяновичем. И мы не понимали друг друга – это было очень грустно и достаточно понятно.

Пассажиру, комфортабельно едущему в хорошей каюте хорошего парохода, очень неприятно узнать или, что еще хуже, – догадаться, что в судне образовалась течь.

И в последнее время в гимназии я стал чувствовать себя приблизительно как этот пассажир. За себя я не боялся, мне крушение не угрожало ничем, мы – птички Божии, эмигранты российские, для нас нет трудностей и препятствий. Но за пароход, который в продолжение полутора лет безмятежно качался на болгарской зыби, – мне становилось обидно и печально.

Мне очень хотелось бы надеяться на то, что я ошибаюсь. Я был бы рад узнать, что я принял за черта маскарадную маску. И если Вы мне прямо и просто, как Вы всегда это делаете, напишете, что мои взгляды лишены основания, – я буду искренно рад.

Всегда Ваш
Гайто Газданов⁴⁶.

Примечания

- ¹ Газданов Г. (1903, Петербург – 1971, Мюнхен). Происходил из семьи срединной российской интеллигенции, отец – осетин, лесник. Учился в Харьковской гимназии, не закончив ее, вступил в Добровольческую армию. С 1920 г. – в эмиграции. Закончил Шуменскую гимназию (Болгария, 1923). Первый рассказ – «Гостиница грядущего» (1926). Первый роман – «Вечер у Клэр» (1929). Член масонской ложи «Северная звезда». Участник французского Сопротивления. С 1952 г. работал на радио «Свобода».
- ² Газданов Г. Вечер у Клэр. – М., 2012. – С. 103.
- ³ Петина Е. «I, Il Come Tomorrow» Предисловие // Газданов Г. Призрак Александра Вольфа – М., 2009. – С. 9.
- ⁴ ГАРФ. – Ф. 5982. Оп. 1. Д. 196. Л. 2 об.
- ⁵ Руднев В.В. Финансовое положение и перспективы беженской школы (Доклад на Втором педагогическом съезде 10 июля 1925 г.) Прага. 1925. с. 7.
- ⁶ Бейер Анатолий Аполлонович (10.11.1875–06.04.1938) – выпускник Михайловского артиллерийского училища, генерал-лейтенант артиллерии, участник гражданской войны, директор гимназии в Шумене (1923–1927), уехал в Парагвай, где жил его приятель, друг президента этой страны. В Буэнос-Айресе служил в газовой компании. Вел большую культурную работу среди русских эмигрантов, основал кружок «Наука и техника», с чтением докладов, затем переименованный в кружок «Наука и искусство». Участвовал в войне с Боливией, в результате которой Парагвай присоединил огромную боливийскую территорию Гран-Чако. Бывший директор получил звание героя Парагвая, и ему установлен там памятник. Скончался в 1940-х годах. См.: Щербатов А., Криворучкина-Щербатова А. Право на прошлое. – М., 2005. – С. 113.
- ⁷ Воспоминания выпускника гимназии 1928 г. Р.Г. Жукова. (Из личной коллекции автора).
- ⁸ Газданов Г.А. А. Бейер. Некролог. // Газданов Г. Соч.: В 5 т. – М., 2009. – Т. 1. – С. 758.
- ⁹ Газданов Г. Призрак Александра Вольфа. – М., 2009. – С. 145–146.
- ¹⁰ Газданов Г. На острове. // Соч.: В 5 т. – М., 2009. – Т. 2. – С. 325.
- ¹¹ Долгоруков П.Д. Русская беженская школа. // Русская школа за рубежом. – Прага, 1923. – № 1. – С. 64.
- ¹² Зарубежная русская школа, 1920–1924. – Париж, 1924. – С. 52.
- ¹³ Газданов Г. Вечер у Клэр. – М., 2012. – С. 50.
- ¹⁴ Рупчева Г. Георги Газданов – ученик в руската гимназия в Шумен. Един подсказан сюжет // Неуморният търсач. – Шумен, 2005. – С. 229.

- ¹⁵ Сосинский Владимир Брониславович (Владимир Бронислав Рейнгольд Брониславович Сосинский-Семихат) (1900–1987). В 1918 г. призван в Белую армию воевал, был ранен, награжден орденом Николая Чудотворца лично генералом Врангелем. С 1920 г. в эмиграции. Закончил гимназию в Шумене (1923). Стипендиат проф. Д. Уиттмора. Учился в университете в Берлине. С 1924 г. в Париже. Активно печатался в русских журналах. Участник французского Сопротивления. В 1960 г. вернулся в Советский Союз.
- ¹⁶ Муравьев Н.С. (1904, Харьков – 1965, Луганск) Принадлежал к известному роду Муравьевых, из которого вышло несколько декабристов, а также Николай Николаевич Муравьев-«Карский» – наместник Кавказа во время Крымской войны. Со стороны матери – внук драматурга А.Н. Островского, поэт и художник, воевал в составе Добровольческой армии. В 1920 г. эмигрировал. Выпускник Шуменской гимназии 1923 г. В 1958 г. репатриировался. Предложено было поселиться в г. Рубежном Луганской обл., где ему предоставили работу по специальности (инженер-химик). Умер в 1965 г. от последствий чахотки и тяжелой экологической обстановки, где ему пришлось жить.
- ¹⁷ Газданов Г. Вечер у Клэр. – С. 98.
- ¹⁸ Газданов Г. Вечер у Клэр. – С. 49.
- ¹⁹ Газданов Г. Вечер у Клэр. – С. 50.
- ²⁰ ГАРФ. – Ф. 6089. Оп. 1. Д. 14. л. 42. Письмо Гайто Газданова А.А. Бейеру от 18 ноября 1923 г. Париж. См. Приложение.
- ²¹ ГАРФ. – Ф. 6089. Оп. 1. Д. 14. л. 42.
- ²² Пётр Константинович Дылёв (1888 – ум. Женваль ок. Ватердоо в 1978 г.) – врач Шуменской гимназии в 1922–1923 гг., большую часть жизни проработал в Бельгийском Конго. На заработанные в Африке деньги обеспечивал стипендии выпускникам Шуменской гимназии. См. о нем: Родионова Н.А. П.К. Дылёв – доктор Швейцарского Рурского Зарубежья // Россия и современный мир. – М., 2012. – № 2 (75). – С. 205–212.
- ²³ ГАРФ. – Ф. 6089. Оп. 1. Д. 14. л. 42.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ ДА – Шумен, Ф. 570 к, оп. 1. а. е. 13, л. 7–10. // Рупчева Г. Георги Газданов – ученик в руската гимназия в Шумен. Един подсказан сюжет // Неуморният търсач. – Шумен, 2005. – С. 229.
- ²⁶ ГАРФ. – Ф. 6089. Оп. 1. Д. 14. л. 42 об.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ ГАРФ. – Ф. 6089. Оп. 1. Д. 14. л. 42.
- ²⁹ Розмарица – бывш. жандармский полковник, воспитатель гимназии.
- ³⁰ М.Н. Папа-Фёдоров (1869) выпускник Николаевской Акад. Генерального Штаба (1894), генерал от артиллерии, в гимназии имел кличку «пахан», преподаватель математики и воспитатель Шуменской гимназии, член РОВСа.
- ³¹ Г.П. Кобылко (1884) – бывш. Полковник Алексеевского пехотного полка Первого армейского корпуса. Воспитатель русской гимназии г. Шумен.
- ³² Лашкевич Валериан Валерианович (1876) – присяжный поверенный. Депутат IV Гос. Думы от Харьковской губ., к.-д. В 1902 г. окончил университет, проживал в г. Харькове. Участник русско-японской войны, за храбрость был награжден тремя орденами. Гласный Харьковской городской думы. Член Священного Собора Российской Православной церкви 1917–1918 гг. После революции эмигрировал. В 1921 г. – член Карловацкого Всеаграрного церковного собора, преподаватель русского языка и литературы Шуменской гимназии.
- ³³ А. Рождественский – бывш. унтер-офицер Алексеевского пехотного полка, член пед. Совета гимназии г. Шумен.
- ³⁴ Т.Ф. Колесников – бывш. подпоручик саперной роты, служащий интерната гимназии.
- ³⁵ ГАРФ. – Ф. 6089. Оп. 1. Д. 16. л. 81.
- ³⁶ Там же. – Л. 94.
- ³⁷ Орлова О. Газданов. – М.: Мол. гвардия, 2003. – С. 63. – (ЖЗЛ).
- ³⁸ Земсков В.Б. Писатели цивилизационного «промежутка»: Газданов, Набоков и другие // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: Писатель на пересечении традиций и культур. – М., 2005. – С. 8.
- ³⁹ Яновский В. Поля Елисейские: Книга памяти. – М., 2012. – С. 285.

⁴⁰ Яновский В. Поля Елисейские: Книга памяти. – М., 2012. – С. 285.

⁴¹ ГАРФ. – Ф. 6089. Бейер А.А. Оп. 1. д. 16. Л. 129. от 12.02.1925.

⁴² ГАРФ. – Ф. 6089. Бейер А.А. Оп. 1. д. 16. Л. 91 об.

⁴³ ГАРФ. – Ф. 6089. Бейер А.А. Оп. 1. д. 16. Л. 129. от 12.02.1925.

⁴⁴ ГАРФ. – Ф. 6089. Бейер А.А. Оп. 1. д. 16 Л. 57–58 об. Письмо Дылёва Марии Александровне, жене Бейера и Н.Д. Ридигер от 21.02. 1925. Париж.

⁴⁵ Газданов Г.А. А. Бейер. Некролог.// Указ. Соч. в 5 т. – М., 2009. – Т. 1. – С. 760.

⁴⁶ ГАРФ. – Ф. 6089. Оп. 1. Д. 14. л. 42

БУНИН И НАБОКОВ

РЕЦ. НА КНИГУ: ШРАЕР М. БУНИН И НАБОКОВ: История соперничества. – М.: Альпина нон фикшн, 2014. – 222 с.

Книга русско-американского писателя Максима Д. Шраера вскрывает целые пласты неизвестных архивных материалов, включая переписку И.А. Бунина (1870–1953) и В.В. Набокова (1899–1977). В центре этой книги – «захватывающий сюжет многолетних и сложных отношений между Буниным и Набковым – история “любви и ревности”, взаимно влекущих противоположностей и опасного родства, история восхищения и горького разочарования. Этот сюжет венчает литературная дуэль» (с. 6).

Письма, дневниковые записи, газетные и журнальные публикации, художественные тексты обоих авторов М. Шраер изучал в течение почти 20 лет.

Впервые на творческое взаимоотношение Бунина и Набокова обратил внимание Г. Струве. В 1926 г. в рецензии на роман «Машенька» он утверждал, что в произведении Сирина, «если не считать Тургенева, больше всего сказалось влияние Бунина»¹.

Важным фактом, означающим постановку вопроса о Набокове как литературном сопернике Бунина, М. Шраер считает критическую статью К. Зайцева «“Бунинский” мир и “Сиринский” мир», опубликованную в газете «Россия и славянство» в 1929 г.²

В начале 1930-х годов уже целый ряд писателей и критиков, включая В. Вейдле, А. Куприна, Г. Струве, Г. Федотова и В. Ходасевича, увидели в Набокове литературного соперника Бунина. Момент сравнения прозвучал также в контексте более масштабного противопоставления «старшего» и «младшего» поколений писателей русской эмиграции.

Получение Буниным Нобелевской премии в 1933 г. оказало электризирующее воздействие на культурный климат русского зарубежья. И тогда Набокова, занявшего к середине 30-х одно из ведущих мест среди писателей эмиграции, стали еще чаще сравнивать с Буниным; его воспринимали как «нового лидера литературы рус-

ской эмиграции и потому одновременно наследника и соперника старого мастера» (с. 15).

Однако сам писатель в автобиографиях и в интервью сознательно преуменьшал роль русской эмиграции и особенно Бунина в своем развитии, смог «повлиять на первого биографа, доверчивого и падкого до сенсаций Эндрю Филда (Andrew Field)»³. Труднее объяснить тот факт, что Брайен Бойд (Bryan Boyd), автор монументальной набоковской биографии, упоминая некоторые встречи писателей, не рассматривал их литературный диалог и «архивное наследие этого диалога»⁴, — выражает недоумение М. Шраер (с. 17).

Между тем сопоставительный анализ творчества обоих авторов в сочетании с архивными исследованиями позволяют восстановить сложную гамму их отношений — переход от содружества к соперничеству. Автор монографии наблюдает в этом процессе три этапа: с 1920-х до 1933 г. (в этом году в Берлине состоялась первая встреча писателей); следующий этап — примерно до переезда Набокова в Новый Свет в 1940 г. (Набоков как литературная звезда затмил «даже славу Бунина») (с. 18); центром третьего этапа стали бунинские «Темные аллеи», а завершением смерть писателя (1953).

18 марта 1921 г. кембриджский студент В. Набоков пишет свое первое письмо Бунину, «единственному писателю», который, по его словам, «в наш кошунственный и косноязычный век спокойно служит прекрасному, чуя прекрасное во всем, — в проявлениях духа человеческого и в узоре лиловой тени на мокром песке, — причем несравненны чистота, глубина, яркость каждой строки»⁵. А в следующее письмо, датированное ноябрем 1922 г., он включает текст стихотворения «Как воды гор, твой голос горд и чист», посвященного Бунину, где звучат такие строки: «Твой стих роскошный и скупой, холодный / и жгучий стих, один горит, один... / Безвестен я и

молод, в мире новом, / кошунственном, — но светит все ясней / мой строгий путь: ни помыслом, ни словом, / не согрешу пред музою твоей»⁶. В последней строфе Набоков присягает бунинской музе.

М. Шраер отмечает, что в эклектичной поэзии Набокова нелегко проследить отчетливо бунинскую ноту, тем не менее в его раннем периоде заметны отголоски стихов из сборника Бунина «Листопад» (1901), заимствования характерных образных и тематических структур. Несколько стихотворений на религиозно-мифологические темы отчасти «сработаны по образцу виртуозных библейских стихов Бунина». Набоков также перенял два конкретных бунинских приема. Первый — повтор слова или словосочетания с целью рифмовки или эмфазы, второй — цветовидение. Сам Набоков называл Бунина «цветовидцем», особенно отмечая его умение использовать лиловый цвет; оттенки которого постоянно возникают в стихах Набокова: «вся улица блестит и кажется лиловой» (1916); «туча белая из-за лиловой тучи» (1921); «на пляже в полдень лиловатый» (1927).

Апогеем бунинского периода в творчестве Набокова М. Шраер считает роман «Машенька» (1926). Начинающий писатель отправил Бунину экземпляр романа с трепетной надписью: «Мне радостно и страшно посылать вам мою первую книгу. Не судите меня слишком строго, прошу вас. Всей душой ваш В. Набоков»⁷. О почтении к мэтру свидетельствует надпись на книге «Возвращение Чорба» (1929): «Ивану Бунину / Великому мастеру / от прилежного ученика / В. Набоков»⁸.

В мае 1929 г. в газете «Руль» вышла рецензия Набокова на «Избранные стихотворения» Бунина. В ней утверждалось: «Стихи Бунина — лучшее, что было создано русской музой за несколько десятилетий. Когда-то, в громкие петербургские годы, их заглушало блестящее бряцание модных лир; но бесследно прошла эта поэтическая шумиха — развенчаны или забыты “слов

кошунственных творцы”, нам холодно от мертвых глыб брюсовских стихов, нестройным кажется нам тот бальмонтовский стих, что обманывал новой певучестью; и только дрожь одной лиры, особая дрожь, присущая бессмертной поэзии, волнует, как и прежде, волнует сильнее, чем прежде, – и странным кажется, что в те петербургские годы не всем был внятн, не всякую изумлял душу голос поэта, равных которому не было со времен Тютчева»⁹.

По мнению М. Шраера, мало что могло польстить Бунину больше, чем противопоставление символистам, особенно Блоку. Благодаря этой рецензии сближение писателей на первом этапе их заочного знакомства продолжилось, а кульминацией этого сближения стала встреча в 1933 г. в Берлине.

30 декабря 1933 г. на вечеру по случаю получения Буниним Нобелевской премии Набоков произнес лирическую речь о поэзии лауреата и прочитал свои любимые стихи Бунина. В дневнике В.Н. Буниной об этом сохранилась запись: «Сирин гораздо лучше понимает стихи Яна и звук их передачи правильный. Выбор хорош и смел»¹⁰.

Однако к концу 1933 г., когда слава Набокова распространилась по всей зарубежной России, «он уже не мог – не хотел – воспринимать Бунина как своего учителя и наставника». Так начался второй этап их отношений, длившийся до 1939 г.: «...это было литературное состязание, в котором Набоков опережал Бунина» (с. 52, с. 53).

Постепенно менялась реакция Бунина на прозу молодого писателя, от интереса и осторожного одобрения конца 20-х – начала 30-х годов до все возрастающей враждебности середины 30-х. Об этом свидетельствует, например, письмо от 17 июля 1935 г. Бунина к В. Рудневу по поводу первой трети романа «Приглашение на казнь»: «Сирин привел меня в большое раздражение – нестерпимо! Чего стоят одни эти жалкие штучки: § 1, § 2 и т.д. Почему §? И так все – ни единого словечка в простоте – и ни единого живого слова!»¹¹

Середина и конец 1930-х годов – тяжелый период в жизни Бунина: разрыв с Г. Кузнецовой, мысли о подступающей старости и бессмысленности жизни. Единственная книга, написанная им за это время, – «Освобождение Толстого» (1937). Между тем критики продолжают говорить о влиянии Бунина на язык Набокова, но при этом делают упор на том, насколько разнятся их «искусство композиции», насколько оригинальна структура повествования, да и само художественное мировидение Набокова.

Одну из встреч с Буниним Набоков подробно описал 30 января 1936 г. в письме жене: «...прибыл с моими постепенно каменевшими и мрачевшими чемоданами в полном изнеможении... Только я начал раскладываться – было около половины восьмого – явился в нос говорящий Бунин и, несмотря на ужасное мое сопротивление, “поташил обедать” к Корнилову... Сначала у нас совершенно не клеился разговор – кажется, главным образом из-за меня, – я был устал и зол, – меня раздражало все, – и его манера заказывать рябчика, и каждая интонация, и похабные шуточки, и нарочитое подобиострашие лакеев, – так что он потом Алданову жаловался, что я все время думал о другом. Я так сердился (что с ним поехал обедать) как не сердился давно, но к концу и потом, когда вышли на улицу, вдруг там и сям стали вспыхивать искры взаимности, и когда пришли в кафе Мюра... где нас ждал толстый Алданов, было совсем весело...» (цит. по: с. 58).

Пятнадцать лет спустя, сначала в англоязычных воспоминаниях («Conclusive Evidence») («Убедительное доказательство») (1951), затем в их русскоязычном варианте «Другие берега» (1954), Набоков несколько иначе описывает эту встречу. Десятилетием позже – после международного успеха «Лолиты» (1955) – он вновь изменяет и дополняет свои воспоминания о Бунине, сгущая краски и усиливая сардонический тон описания. В расширенном англоязычном варианте автобиографии («Speak, Memory: An Autobiography Revisited») («Говори, память:

Возвращаясь к автобиографии») (1966) он признавался: «Еще одним независимым писателем был Иван Бунин... Когда я с ним познакомился, его болезненно занимало собственное старение. С первых же сказанных нами друг другу слов он с удовольствием отметил, что держится прямее меня, хотя на 30 лет старше. Он наслаждался только что полученной Нобелевской премией и, помнится, пригласил меня в какой-то дорогой и модный парижский ресторан для задушевной беседы. К сожалению, я не терплю ресторанов и кафе, особенно парижских — толпы, спешащих лакеев, цыган, вермутных смесей, кофе, закусок, слоняющихся от стола к столу музыкантов и тому подобного... Задушевные разговоры, исповеди на достоевский манер тоже не по моей части. Бунин, подвижный пожилой господин с богатым и нецеломудренным словарем, был озадачен моим равнодушием к рябчику, которого я достаточно попробовал в детстве, и раздражен моим отказом разговаривать на эсхатологические темы. К концу обеда нам уже было невыносимо скучно друг с другом. “Вы умрете в страшных мучениях и в совершенном одиночестве”, — горько отметил Бунин, когда мы направились к вешалкам...»¹²

В 1938 г. была опубликована, а затем поставлена в Париже, Праге, Варшаве, Белграде, Нью-Йорке пьеса Набокова «Событие». В одном из ее персонажей — Известном писателе — современники усмотрели пародийный образ Бунина. «Бунин стал для Набокова предметом эпатажа (похоже, почти 70-летний Бунин с его манией величия и помпезностью действительно казался гротескным почти 40-летнему Набокову)», — отмечает М. Шраер (с. 71).

Последняя встреча Набокова и Бунина произошла 15 мая 1940 г. в квартире А.Ф. Керенского за несколько дней до отплытия семьи Набоковых из Сен-Назера в Нью-Йорк. Вероятнее всего, Набоков и писем от Бунина больше не получал.

Вместе с тем «наставник» продолжал следить за творчеством «ученика». В разговоре с И. Одоевцевой в октябре 1947 г. Бунин, жалуясь на низкое качество прозы молодых авторов, заметил: «Не все молодые так пишут. Есть молодые и замечательные. Ну хотя бы Сиринов. Тоже штукарит. Но не поспоришь — хорошо. Победителей не судят»¹³. Однако Бунин все больше понимал, что романы и рассказы Набокова строятся на слиянии классической традиции русской литературы с модернистскими течениями — русскими и зарубежными. Именно этим объясняется воинственная реакция Бунина на творчество Набокова. Он увидел в молодом писателе «своего собственного родного литературного племянника, который с годами стал больше похож на соседа по коридору чужой культуры» (с. 85).

По мнению М. Шраера, ревность Бунина, вызванная «дрязящими достижениями» Набокова, дала ему новый творческий импульс. Он задумал книгу. Цикл рассказов «Темные аллеи» (1943; 1946) стал его попыткой свести тройной счет — с модернизмом и модернистами, с Набоковым и с собственным прошлым.

Автор исследования сопоставляет бунинского «Генриха» с набоковской «Весной в Фиальте» (1936). Выявляя ряд параллелей между героями, структурами повествования в этих произведениях, он подчеркивает существенные отличия в мировоззрении писателей. Творческое расхождение в основном касалось *четырёх* главных вопросов: смерти в повествовании, возможности создания альтернативных моделей мироздания в произведении, судьбы и памяти.

В 1951 г. Набоков отверг просьбу газеты «Нью-Йорк таймс» написать рецензию на английский перевод «Воспоминаний» Бунина, объяснив это так: «Если бы я взялся за написание рецензии на эту книгу, я бы наверняка написал ее в уничижительном ключе. Однако автор, которого я некогда хорошо знал, человек очень старый, и

мне не хочется разносить его книгу. Поскольку похвалить ее я не могу, то лучше мне вообще ее не рецензировать»¹⁴. После смерти Бунина и до конца своей жизни Набоков продолжал отрицать влияние бунинской прозы на свое творчество.

Однако влияние это бесспорно. М. Шраер характеризует его словами из-

вестного литературоведа и публициста русского зарубежья М.Л. Каганской: «Бунинская стилистика послужила антибунинской поэтике».

К.А. Жулькова, кандидат филологических наук, ИНИОН РАН

Примечания

- ¹ Струве Г.В. Сирин. Машенька [Рец.] // Возрождение. – Париж, 1926. – 1 апреля.
- ² Зайцев К. «Бунинский» мир и «Сиринский» мир // Россия и славянство. – Париж, 1929. – 9 ноября.
- ³ Field A. Nabokov: His life in art. – Boston, 1967; Field A. VN: The life and art of Vladimir Nabokov. – N.Y., 1986.
- ⁴ Boyd B. Vladimir Nabokov: The Russian years. – Princeton, 1990; Boyd B. Vladimir Nabokov: The American years. – Princeton, 1991.
- ⁵ Набоков В.В. и Бунин И.А.: Переписка // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. – С. 191.
- ⁶ Там же. – С. 192–193.
- ⁷ Набоков В.В. и Бунин И.А.: Переписка... – С. 193.
- ⁸ Там же. – С. 196.
- ⁹ Сирин. (Рец. на:) Иван Бунин. «Избранные стихи» // Руль. – Берлин, 1929. – 22 мая. – С. 2–3.
- ¹⁰ Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. Грин М.Э.: В 3 т. – Франкфурт-на-Майне, 1977–1982. – Т. 2. – С. 299.
- ¹¹ Цит. по: «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. – В 3 т. / Под ред. Коростелева О. и Шрубы М. – М., 2011–2012. – Т. 2. – С. 908.
- ¹² Набоков В. Собр. соч. американского периода / Сост. Ильин С.Б., Кононов А.К.: В 5 т. – СПб., 1997–1999. – Т. 5. – С. 563–564.
- ¹³ Одоевцева И. На берегах Невы. На берегах Сены. – М., 1998. – С. 853.
- ¹⁴ To Francis Brown. 19 апреля 1951 г. // Nabokov. Selected Letters, 1940–1977 / Ed. by Nabokov D., Brucoli M.J. – L., 1989. – P. 119.

ПИСАТЕЛИ ДИ-ПИ И ВТОРОЙ ЭМИГРАЦИИ

РЕЦ. НА КНИГУ: АГЕНОСОВ В.В. ВОССТАВШИЕ ИЗ НЕБЫТИЯ: АНТОЛОГИЯ ПИСАТЕЛЕЙ ДИ-ПИ И ВТОРОЙ ЭМИГРАЦИИ. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетея, 2014. – 736 с.

В книге заслуженного деятеля науки РФ, академика РАЕН В.В. Агеносова впервые в России собраны избранные произведения писателей послевоенной эмиграции и тех русских литераторов послеоктябрьской эмиграции, кто оказался после 1945 г. «лицами без гражданства» (Ди-Пи – Displaced Persons). Подготовка этой уникальной Антологии осуществлялась в течение пяти лет работы автора-составителя в ИМПЭ им. А.С. Грибоедова (Москва); заключительная стадия проводилась в течение трех лет в Renmin University of China (КНР). В издание включены произведения 44 авторов, сопровождающиеся краткими характеристиками жизненного и творческого пути каждого художника. Кроме уже известных и публиковавшихся в России Ивана Елагина, Николая Моршенина, Николая Нарокова, Бориса Нарциссова, Леонида Ржевского, Валентины Синкевич, Бориса Ширяева, в Антологию вошли прозаики: Василий Алексеев, Геннадий Андреев, Сергей Максимов, Виктор Свен, Михаил Соловьёв, Николай Ульянов, Борис Филиппов, Владимир Юрасов; поэты: Лидия Алексеева, Ольга Анстей, Владимир Ант, Виктория Бабенко, Родион Березов, Николай Бернер, Элла Боброва, Сергей Бонгард, Иван Буркин, Ирина Бушман, Вячеслав Завалишин, Олег Ильинский, Андрей Касим, Владимир Марков, Александр Неймирок, Александр Перфильев, Ричард Тер-Погосиан, Юрий Трубецкой, Татьяна Фесенко и др.

В предисловии «Россия без гражданства: Литература второй волны» один из первооткрывателей поэзии послевоенной эмиграции Е.В. Витковский¹ отмечает, что обычно сливаются «два понятия: непосредственно “Ди-Пи”, перемещенные лица – такие как Валентина Синкевич или Ирина Бушман – и выходцы из “лимитрофов”, т.е. тех государств, которые лишь очень недолго входили в состав

СССР – прежде всего из Латвии и Эстонии; таковы... имена Ирины Сабуровой, Александра Перфильева, Бориса Нарцисова» (с. 8), да и некоторых других, например Юрия Иваска или жившего до войны в Сербии Александра Неймирока. Эти «люди без гражданства», разделяли с «Ди-Пи» общую жизнь в лагерях для перемещенных лиц. По словам «прозаика Леонида Ржевского, это была прежде всего самая трагическая из волн русской эмиграции: и первая, и третья боролись в основном за визы и за право более или менее легального выезда, вторая волна вся без исключения боролась... за жизнь». Вторая эмиграция появилась сама по себе, «вместе с наступлением советской армии на запад. Те, кто жил во время войны “под немцами”, пусть и не сотрудничал с ними, пусть даже и боролся с ними, отнюдь не могли быть уверены в спокойном завтрашнем дне “под Советами”» (с. 7).

В обобщающей статье «Несколько слов об архипелаге Ди-Пи и его писателях» В.В. Агеносов, прослеживая зарождение литературной жизни в лагерях для перемещенных лиц, становление литературы второй волны эмиграции², отмечает, что к 1947 г. в Германии находилось по минимальным подсчетам 300 тыс. советских граждан (по другим сведениям – свыше 600 тыс.³). Основная их часть была распределена в 380 лагерях, рассредоточенных в различных регионах западной Германии.

«1945–1952 гг. ознаменовались для лиц, проживавших в лагерях в американской и английской зонах, вопросом о принудительной репатриации на родину» (с. 23). Некоторые из отправляемых вскрывали себе вены, кончали жизнь самоубийством. Из 1,5 млн военнопленных, вернувшихся в СССР из зон оккупации союзников, после проверки в Предварительных фильтрационных лагерях были осуждены 994 тыс. человек и расстреляны 157 тыс.⁴.

И все же, оставаясь в лагерях беженцев, «русская интеллигенция жила не хлебом единым», как отмечала позднее Валентина

Синкевич. Здесь она впервые услышала имя Марины Цветаевой, «встретилась с семьей Марченко: отец – будущий известный прозаик Николай Нароков, и его сын – будущий известный прозаик Николай Моршен», – цитирует В.В. Агеносов (с. 14). Во многих лагерях было организовано чтение лекций о культуре и литературе; лекторами становились и ди-пийцы первой волны (Ю. Иваск, И. Сабурова), и филологи, оказавшиеся в лагерях в 1941–1944 гг. (Б. Филиппов, Н. Марченко-старший, Л. Ржевский и др.).

В некоторых лагерях издавались на ротаторе газеты; выходили книги русских классиков, учебники; проводилась культурно-образовательная деятельность. Хотя большинство периодических изданий носило сугубо политический характер, существовали «и такие, где проблемы искусства и литературного творчества беженцев занимали значительное место» (с. 16). Среди них – информационно-политический журнал «На переломе», издававшийся на ротаторе Ди-Пи-центром Фрайман (Мюнхен). Здесь впервые увидели свет стихотворения И. Елагина, О. Анстей. В этом же лагере издавался с июня по октябрь 1946 г. литературно-общественный журнал «Огни» (вышло 10 номеров). С 1946 г. в Менхегофе начал выходить «журнал литературы, искусства и общественной мысли» «Грани», позднее переехавший во Франкфурт, где издавался до 1991 г.; с 1992 г. журнал печатался в Москве до конца существования в 1996 г.

С 1946 г. в лагерях беженцев стали выходить брошюры со стихами ди-пийцев. Одним из первых изданий стал найденный В.В. Агеносовым в личном архиве В.В. Колосовича сборник «Недопетое: Песни юных русских изгнанников» (издан в Русском лагере города Фюссен в 1946 г. тиражом 250 экз.). Поэтическим событием стала публикация в Мюнхене в 1947 г. сборника «Стихи», куда вошли произведения О. Анстей, С. Бонгарта, Влад. Гальского, И. Елагина, С. Зубарева, Н. Касима, Н. Кудашева, А. Савиновой, А. Шишковой.

В Мюнхене находились многочисленные организации русских эмигрантов: Национально-трудовой союз (НТС), Центральное объединение политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), радиостанции, вещавшие на Россию. Здесь активно функционировал Институт по изучению истории и культуры СССР, печатавший работы многих русских эмигрантов. В 1951–1954 гг. выходил журнал литературной критики (альманах) «Литературный современник». В 1958 г. в издательстве ЦОПЭ появилось сборник-антология «Литературное зарубежье» с произведениями И. Елагина, С. Максимова, Д. Кленовского, Л. Ржевского, О. Ильинского, Н. Нарокова, Б. Ширяева, О. Анстей, Б. Филиппова, С. Юрасова, Н. Моршена, В. Свена (т.е. практически всех, кто потом определял развитие литературы второй волны).

То же издательство выпустило 15 номеров альманаха «Мосты». В 1959 г. на страницах «Граней» (№ 44) была опубликована антология поэтов обеих волн, составленная Ю. Терапиано и вышедшая позднее отдельной книгой «Муза диаспоры» (Франкфурт-на-Майне, 1960).

В 1946 г. для защиты русских эмигрантов была создана Программа Толстовского фонда в Европе. К концу 1954 г. открылось 17 отделений фонда в различных странах мира. При содействии фонда, который возглавляла А.Л. Толстая, в США уехало из разных стран около 40 тыс. человек. Выехавший в Америке с 1940 г. «Новый журнал» начал публиковать произведения и писателей второй волны. В издательстве им. Чехова в 1953 г. вышла антология «На Западе» (сост. Ю. Иваск) со стихами О. Анстей, И. Елагина, О. Ильинского, Д. Кленовского, В. Маркова, Н. Моршена, Б. Нарциссова, Б. Филиппова, И. Чиннова. В 1966 г. поэтесса Т. Фесенко составила и выпустила в американском издательстве В. Камкина антологию «Содружество: Из современной поэзии русского зарубежья» (Вашингтон, 1966). Позднее поэтов и художников второй волны объе-

динил альманах «Встречи» под редакцией В. Сенкевич, продолжавшей свою деятельность до 2007 г. (с 1977 по 1982 г. альманах выходил под названием «Перекрестки»). Событием литературной жизни стала собранная В. Сенкевич антология стихов поэтов второй эмиграции «Берега» (Филадельфия, 1992).

Так формировалась литература ди-пи и второй эмиграции со своей проблематикой и особенностями. Открываемый ею художественный мир дополнял и существенно корректировал картину, воссозданную советскими писателями. По мнению В.В. Агеносова, новых изгнанников с первой волной «объединяло политическое неприятие советской реальности, горечь изгнания и горечь ностальгии, а также связь с дореволюционной культурой» (с. 30). По воспоминаниям З. Шаховской, первыми послереволюционными эмигрантами «вторая волна была признана за свою»⁵. Постоянный интерес к литературной молодежи проявляли Б. Зайцев, Тэффи, Г. Газданов, Г. Адамович, Г. Иванов. Встречи с И. Бунными и его письма оказали влияние на прозу Л. Ржевского. Внимательно и доброжелательно наблюдал в печати за литераторами второй волны Роман Гуль. Творчество Н. Моршена, Б. Нарциссова и В. Сенкевич получило поддержку И. Одоевцевой.

Процесс возвращения на родину произведений писателей-ди-пийцев возник в конце 80-х – начале 90-х годов. Однако литературоведы опередили издателей: в «Филологических науках», реферативном журнале «Литературоведение» появились ряд статей о литературе второй волны; защищены диссертации (о творчестве И. Елагина, Л. Ржевского, Н. Нарокова, Н. Моршена). Начало этому процессу положили очерки В.Г. Бондаренко⁶, первым посетившего США по приглашению бывших ди-пийцев, и глава из книги В.В. Агеносова⁷. О прозе и драматургии послевоенной эмиграции написала М.Е. Бабичева⁸, впервые введя в науч-

ный оборот имени В. Алексеева, Г. Андреева, Г. Климова, В. Свена, М. Соловьёва, Н. Ульянова.

Тематика произведений послевоенной эмиграции многообразна. Второе русское рассеяние возникло в результате войны и она отразилась в творчестве почти всех писателей этой волны. «За плечами одних был опыт плена, других – работа в Германии в качестве оstarбайтеров, третьи восприняли войну как освобождение от сталинского произвола» (с. 33). Война, кровь, смерть, разрушения присутствуют в поэзии Ивана Елагина, в том числе в его знаменитом стихотворении «Когда последний пехотинец пал». С огромным уважением говорит о русском солдате в своей прозе М. Соловьёв («Когда Боги молчат»). «Записки военного корреспондента»), что не мешает ему и прозаiku В. Алексееву («Россия солдатская») дать критическое описание первых дней войны, перекликающееся с первой редакцией романа А. Фадеева «Молодая гвардия» и появившимся позднее романом К. Симонова «Живые и мертвые» (имеется в виду паника населения, неподготовленность войск, непродуманность поведения властей) (с. 34).

Трагедия оставшихся на оккупированных территориях, в том числе Бабьего Яра, задолго до Е. Евтушенко нашла воплощение в поэме О. Анстей «Кирилловские яры». Проблема «война и нравственность» пронизывает рассказ С. Максимова «Темный лес», написанный задолго до первых повестей В. Быкова. Обострение на войне жестокого начала в человеке и тема ответственности за свои поступки составляет содержание рассказа Б. Филиппова «Духовая капелла Курта Перцеля» и других его новелл. Анализ практически всех более или менее талантливых произведений литературы второй эмиграции, «позволяет сделать вывод, что никто из русских писателей, включая наиболее непримиримого к советской власти Б. Ширяева, не одобрял немецкой оккупации»; даже те персонажи военных произведений писателей-эмигрантов, которые служат у немцев или во вла-совской РОА, говорят о Красной армии

«наши». Произведения поэтов и прозаиков военной эмиграции «неизменно несут в себе идею русского национального патриотизма» (с. 34), – обобщает В.В. Агеносов.

Заслугой одного из лучших прозаиков послевоенной диаспоры Л. Ржевского (повесть «Девушка из бункера», 1949) стала «предельная объективность изображения фашистских лагерей для военнопленных – той стороны войны, которая вошла в советскую литературу много позднее» – рассказом М. Шолохова «Судьба человека», повестями К. Воробьёва («Это мы, Господи») и В. Семёна («Нагрудный знак “Ост”»). «Герои многих книг ищут и – увы! – не находят выхода из ситуации, когда служить оккупантам позорно, но и принять сталинскую действительность с ее лагерями, голодомором, унижением человека невозможно. Обозначив эту проблему, Л. Ржевский уводит своих персонажей от ее решения в личную жизнь», где они «обретают высший смысл существования в любви» (с. 35).

Судьба советских граждан, оказавшихся на освобожденных союзниками территориях, их волнения, надежды, отчаяние отразились в содержании романов Л. Ржевского «Между двух звезд» и В. Юрасова «Параллакс»; эта тема пронизывает трагическую «Беженскую поэму» И. Елагина, трагикомические рассказы Л. Алексеевой «Натка» и Р. Берёзова «На скрининге». Сталинским репрессиям посвящены рассказы С. Максимова, Б. Филиппова, Б. Ширяева, стихи Р. Берёзова и Г. Глинки, на себе испытывавших содержание в ГУЛАГе; поэзия И. Елагина и Н. Моршена, чьи отцы были репрессированы. Проблематика и художественная манера названных писателей перекликается с произведениями А. Солженицына и В. Шаламова.

Особый интерес вызывает редкий для послевоенной эмиграции жанр исторического повествования, представленный романом «Атосса» историка Н. Ульянова: «За увлекательным рассказом о нашествии царя Дария на славян кроется мысль, что, даже дойдя до Урала, тиран оказался не

победителем, а жалким ничтожеством, с позором бегущим к своим кораблям» (с. 36). О причинах падения царской России Н. Ульянов размышляет в романе «Сириус».

Драматические подробности эмигрантского быта, экзистенциальные проблемы бытия почти никогда не делают произведения писателей послевоенной эмиграции беспроблемными, как у многих художников Запада, утверждает В.В. Агеносов. Романтическими красками высветлены грустные сказки И. Сабуровой. Рассказы о детях Л. Алексеевой и В. Свена продолжают юмористические традиции А. Аверченко и Тэффи. В литературе второй эмиграции развивалось и сатирическое направление, хотя и в значительно меньшей степени. Подобно Тэффи, ди-пишцы «смехом заглушали свои стечения». Значительное сатирическое произведение второй эмиграции – полная горечи и юмора «Дипилогическая азбука» И. Сабуровой⁹.

Однако наибольший вклад в развитие русской литературы второй волны русской эмиграции принадлежит поэтам. Типологический анализ первых авторских сборников показывает, что почти все поэты второй волны начинали с политических, часто сатирических стихов. Постепенно происходило освобождение от давящей атмосферы прежней жизни. «С годами социальные мотивы почти у всех поэтов второй волны переходили в философские, а мировосприятие стремилось к обретению пушкинской гармонии». Об этом свидетельствует, продолжает В.В. Агеносов, само сопоставление названий сборников: у Елагина «социально-биографическое» «По дороге оттуда» (1947, 1953) сменяется «философским» «В зале Вселенной» (1982); у Моршена «социологизированный» «Тюлень» (1959) со временем вытесняется «космологическим» «Эхом и зеркалом» (1979), а затем «лирико философским» «Умолкшим жаворонком» (1996) (с. 39).

Гордостью литературы русского зарубежья со временем стали поэты Иван Елагин, Ольга Анстей, Иван Буркин, Глеб Глинка, Олег Ильинский, Дмитрий Кленовский, Николай Моршен, Владимир Марков, Валентина Синкевич и др. Близи им по своему мироощущению ставшие «лицами без гражданства» некоторые эмигранты 20-х годов (Юрий Иваск, Борис Нарциссов, Ирина Сабурова, Александр Перфильев, Александр Неймирок и др.). Сквозные темы их творчества, при всем многообразии художественных поисков поэзии послевоенных лет, – Россия и малая родина. Как подчеркивает составитель, классический акмеистический стих Д. Кленовского соседствует с авангардистскими стихами Н. Моршена и «заумью» И. Буркина; короткие афористические строки Г. Глинки совершенно отличны от стихов в жанре японской танки у В. Анта. Экзистенциальные оттенки почти всех стихов И. Елагина соседствуют с лирическими раздумьями В. Синкевич. Публицистика А. Неймирока существенно отличается от гневных стихов Н. Кудашева. Оптимистические народно-поэтические строфы Р. Берёзова резко контрастируют с трагическими литературно-образными признаниями А. Перфильева.

«Антология построена по алфавитному принципу. Каждый раздел, посвященный тому или иному автору, включает в себя краткую вступительную статью, завершающуюся списком книг писателя и его основных прижизненных публикаций. Перечень книг построен по хронологическому принципу, чтобы читатель или будущий исследователь мог увидеть динамику заглавий и, возможно, даже изменение тематики и жанров произведений. Публикации даны строго по алфавиту... В подборе публикаций использован указатель Т.Л. Гладковой и Т.А. Осоргиной¹⁰ и библиография из упомянутой книги М.Е. Ба-

бичевой, сведения из каталога Отдела русского зарубежья РГБ и фондов Интернета... Далее следуют тексты...» Составитель «старался выбрать наиболее характерные произведения разных лет, чтобы

можно было увидеть и своеобразие творческого метода писателя и, по возможности, его творческую эволюцию...» (с. 41).

Т.Г. Петрова, старший научный сотрудник ИНИОН РАН

Примечания

- ¹ Мы жили тогда на планете другой: Антология поэзии русского зарубежья, 1920–1990 (Первая и вторая волна): В 4 т. / Сост. Витковский Е. – М., 1994–1997; Елагин И. Собр. соч.: В 2 т. / Сост. Витковский Е. – М., 1998; Несмелов А. Собр. соч.: В 2 т. / Сост. Витковский Е. – М., 1997.
- ² В.В. Агеносов имеет в виду оказавшихся за пределами СССР невозвращенцев, ставших позже эмигрантами. Эмигранты первой волны, находившиеся в лагерях Ди-Пи и получившие гражданство после 1945 г., не охватываются понятием «вторая волна»; к ним применимо определение «послевоенная эмиграция» (с. 12).
- ³ См.: Земсков В.Н. Рождение «второй эмиграции» (1944–1952) // Социологические исследования. – М., 1991. – № 4. – С. 3–24.
- ⁴ См.: Шевяков А.А. Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационной зоне государств антигитлеровской коалиции // Население России в 1920–1950-е годы: Численность, потери, миграция: Сб. науч. тр. – М., 1994.
- ⁵ Одна или две русских литературы? // L'Age d'Homme, 1981. – С. 58.
- ⁶ Бондаренко В.Г. Архипелаг Ди-Пи // Слово. – М., 1991. – № 8.
- ⁷ Агеносов В.В. Литература русского зарубежья. – М.: ТЕРРА-СПОРТ, 1998. – 542 с.
- ⁸ Бабичева М.Е. Писатели второй волны русской эмиграции: Библиографические очерки. – М.: Пашков дом, 2005. – 448 с.
- ⁹ Сабурова И. Дипилогическая азбука. – Мюнхен, 1946. (Вошла в кн.: Сабурова И. О нас. – Мюнхен, 1972).
- ¹⁰ Русская эмиграция: Журналы и сборники на русском языке, 1920–1980: Сводный указатель статей = L'emigration russe: revues et recueils, 1920–1980: Index general des articles / Под ред. Гладковой Т.Л. и Осоргиной Т.А.; Пред. Паева М. – Р.: Institut d' Etudes Slaves, 1988. – 661 с.

**РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**Сборник статей
Выпуск четвертый**

Верстка и техническое редактирование Н.В. Афанасьева
Корректор И.Б. Пугачева

Гигиеническое заключение
№77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 28/XII – 2015 г.
Формат 60х84/8 Бум.офсетная № 1
Печать офсетная Цена свободная
Усл.печ.л. 20,0 Уч.-изд.л. 20,0
Тираж 500 экз. Заказ № 116

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:
Тел.: +7 (925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9